Цена 80 коп.

Индекс 70544

ISSN 0131—2251

Суздаль

● Спасо-Евфимиев монастырь
● Воскресенская церковь с колокольней
● Суздальский дворик

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 8 · 1988

1988

8

ПО КОСНОСТИ ЛЕНИ и СТАРИ
ЧЕМ ЖИВ ДОПОТОПНЫЙ УКЛАД
УДАРИМ
УДАРИМ
УДАРИМ

ПРИМЕРОМ
УДАРНЫХ БРИГАД

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

8 · 1988

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: Композиция В. Завьялова. Фото В. Коломийца.
Вторая страница обложки журнала: Художник В. Фекляев. Фото К. Кириллова.
Четвертая страница обложки журнала: Фото К. Кириллова.

«Молодая гвардия», 1988, № 8, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 265-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16

Подписка на журнал ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» производится без ограничений с любого месяца года

СТИХИ МОЛОДЫХ

Виктор РУБЦОВ

ЖИЗНИ БЕСКОНЕЧНАЯ СПИРАЛЬ

В ЛИТЕЙНОМ

Привет, работяга-литейный,
Стоцветный, стожилистый друг!
Радушный и прямолинейный,
На легкое слово он туг.
Я знаю — здесь в дружбе, как
в сплаве,
Навек воедино слились
Рабочая верность державе
И слово, и дело, и мысль.

* * *

Трут сапоги, свинцом налиты ноги.
И кажется, что будто на спине —
Не вещмешок, а шар земной...
Дороги!
За что вы так безжалостны ко мне?..

Я вас ругал — зеленый новобранец.
Не понимал, как вы добры ко мне.
А понял лишь, когда блестящий
глянец

Померк, обтерся на моем ремне,
И гимнастерка взмокла на спине,
Когда наш взвод форсировал болото,
Когда на снег уставшая пехота
Валилась, забываясь в тяжком сне...
Я понял вас. Спасибо вам за это!
Я буду вашим даром дорожить...
Вот вспыхнула сигнальная ракета.
Я вновь в строю и вновь готов служить.

* * *

Бакланы ловят рыбу на мели,
Ныряя с лёта в ледяную воду.
А от причалов в море корабли
Уходят на обычную работу.
Соленый ветер трется по бокам,
Покорны волны — пленницы восхода.
Желает солнце счастья рыбакам.
Хорошей обещает быть погода.
А что еще? Работай, не ленись!
И будет лов удачным и богатым...
Серебряными блестками зажглись
Осыпанные чешуей бушлаты.
Вот кто-то песню весело запел.
И грянул хор о торжестве рассвета.
Мне показалось, Каспий подобрел,
С лихвой наполнил рыбой сети лета.

В ЛИСТОПАД

Живое золото течет под ноги.
И по нему иду, едва дыша,
Как будто я боюсь сойти с дороги,
В конце которой — близкая душа.

* * *

Смотрю на мир в окошко тамбура.
Остыло небо надо мной.
Луна — расплющенная камбала —

Во тьме блеснула чешуей,
Хвостом махнула и за облако...
И с нею скрылась от меня,
В ночи растаяла без отзвука
Тревога прожитого дня.

БУДЕТ

Будет над землею день клубиться
Белыми клубками облаков.
Будет ветер солнечный резвиться,
Жить в глазах детей и стариков.
Будут чьи-то встречи и разлуки,
Жаркие объятья и слова,
Наслажденья, радости и муки,
Будет все, чем эта жизнь жива.
Будет мир. И будет плыть планета
В голубую солнечную даль...
Самое большое чудо света —
Жизни бесконечная спираль.

ПОЭЗИЯ

Алексей МАРКОВ

ЗАКОЛОЧЕННЫЙ ДОМ

Поэма

ОТ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ

Благополучным притворяясь,
Я собственному сердцу лгу,
И гибнет откровений завязь,
Как лист зеленый на снегу.
В кругу знакомых, мысли пряча,
Я неумеренно шучу,
А сам — того гляди заплачу,
Приткнувшись к доброму плечу.
В глазах — припрятанное жало
Для встречных, говорят, острю.
И сколько раз, друзья, бывало,
Меня корили, что хитрю!
Какая хитрость... Просто страшно
Открыть пред всеми душу вдруг.
«Он с настроением не нашим!» —
Подумают. Сомкнется круг.
Воздвигнут ледяные стены,
Вниманьем хмурым окружат.
Для них твой шаг страшней измены,
Ты правду рек. Ты виноват!

I

...Я засмеялся неприлично в классе,
Когда вела учителка рассказ
О том, что детства не найти ужасней,
Чем детство Горького. А, мол, у нас...
— А что у нас? — И голос мой впервые
Я услыхал надтреснутым, как жесть.
Подумаешь, лишения какие:
Работать в булочной — и булки есть.
Учительница Клавдия Петровна
Вела беседу не спеша о том,
Что я стране не благодарен, словно
Одел-обул меня не детский дом!
— А вы спросили, Клавдия Петровна,
Где мать, отец и сестры где мои?
— Ну, умерли, — проговорила ровно, —
А впрочем, все поведай, не таи.
Ведь мы для вас как матери вторые... —
Молчу. Глаза в глаза, не вижу глаз.
Все, что копил и прятал до поры я,
Рыданьем громким прорвалось сейчас.
Не в силах говорить. И лишь картины,
Как в фильме, потянулись предо мной...
...Год тридцать третий. Если бы отринуть
Его из памяти полубольной!
Уже в дома не ходят «активисты»
С железным щупом, что копью под стать:
Не только в ямах, и в карманах чисто,
И зернышка сухого не сыскать!
И отвечать соседу за соседа
Уж не к чему и нечем. Красота!
Еще одна одержана победа,
И совесть, как хрусталинка, чиста!
Год тридцать третий величайшей вехой
Назвать спешила книжная глава.
Кружилась голова... Не от успехов —
От голода кружилась голова.
Тогда не понимал я годы эти,
Я только видел посреди села
Незахороненных и неотпетых.
Они лежали, а трава росла.
На тропках прямо, и к плетню приткнувшись,
Усевшись на завалинке сырой,

Как будто легче умирать снаружи,
Не в хате с дверью, глухо запертой,
Как будто голос их услышит кто-то,
Нет, не поможет, а услышит лишь...
В глазах застывших — облаков дремота,
И над землей немыслимая тишь...

II

Крыльцо, продутое предзимним ветром,
Негнущиеся пальцы у отца.
Он разгибает гвозди. Трудно это!
И молоток роняет без конца.
Татарник облетающий по пояс...
Из-под крыльца огромная змея
Ползет куда-то, к холодам готовясь,
На ней сияет зябко чешуя.
Гадюку молотком достать хотел он...
Подумал: «Надо силы поберечь!
Еще немало предстоит мне дела.
Ведь надо натопить пожарче печь...»
...Случайно я задел с гвоздями крынку,
Она разбилась, грохнувшись с крыльца.
Подобные проступки не в новинку,
Но я таким не видывал отца!
Он расстегнул ремень неторопливо,
Он сек меня, покуда не устал!
А отдышавшись, заново на диво
Меня «учить» неумолимо стал!
Я благодарен тятьке и за это:
Иначе, может, выдержать не смог
То горе, что пришло ко мне с рассветом,
Когда один остался, как щенок!
Он сек меня, как будто сердцем чуя,
Что нежность в сердце — нежеланный гость,
И если завтра плакать захочу я,
То будет мне спасительною злость!
...Отец приблизился ко мне:
— К Настасье
Ты отправляйся ныне ночевать!..
(Уж где тут говорить о несогласье:
Не расстегнулся бы ремень опять!)
...Сам видишь, недохват у нас дровишек:
Сожгли телегу, кончился плетень!

А у нее, гляди: дымок над крышей,
Ну, что нахмурился, стоишь, как пень?
Возьми зипун. Он, может, пригодится.
Одной-то ей невесело небось?!
Переночуешь, — а в глазах — зарница:
«Пускай ведет тебя, сыночек, злость!» —
Не маленький, тебе уже десятый! —
Он руку опустил мне на плечо.
Я скинул руку с тяжкою досадой,
Подумав: «Пожалеть решил еще!»
Проговорил он как бы на дорожку:
— Вот, если бы пробраться на Кавказ...
Тепло там, кукурузные лепешки —
За той горою жизнь не как у нас!..

III

Не вышла крестная Настасья встретить.
Закутавшись в попону с головой,
Она лежала в зыбком полусвете.
Горела печь, и дух стоял лесной.
О кочергу споткнулся я у двери.
Привстала крестная:
— А, это ты?
А я вот мерзну, старая тетеря:
Дрова сырые, нет в них теплоты!
Зажги-ка лампу. Будет потеплее...
На подоконнике стоит она. —
Поприглядела́сь. — Что с щекой твоею?
Как будто бы кнутом рассечена? —
И я щеку свою потер невольно.
— Совсем не больно, — бойко я сказал.
— Отец отделал? Говоришь, не больно?
Эх, Митька, Митька, красный партизан!
Ишь, как дите родное изукрасил...
Сознательность передовая где ж? —
И, причитая, молвила Настасья: —
Возьми там сковородку и поешь... —
...На сковородке — белые оладьи,
Которые остались только в снах!
Не мог я думать о такой награде,
Идя сюда. Коснуться просто страх!
Пускай ремень сто раз по мне пройдется,
Но лишь бы эти радости в конце!

Уже и сердце без обиды бьется,
И с лаской вспоминаю об отце...
Но зря слюну я распускал, глупышка!
В сравненье с ними объеденье жмых!
Ах вы, оладьи, пышная пустышка,
Жевать — жуешь, да не проглотишь их!
Вздохнула крестная:
— Они не больно...
Из кукурузных будылей они.
Стеблей пузатых насбираешь в поле,
В них сердцевина мякишу сродни,
Потом просушишь, потолчешь их в ступе,
Спечешь... На вид румяны, хороши...
Нет-нет, да пожуешь, потешишь зубы...
С водичкой их! Все легче для души...
Картошки накопать пошли вчера мы:
Осталась в поле, а зима катит!
Так боже мой! Как после боя раны...
Стрельбу затеял сторож-паразит.
Конечно же, не дробью, крупной солью,
Но все-таки ни сесть, ни лечь теперь... —
Настасья повернулась и от боли
Заохала. — Не человек, а зверь...
И все-то утро друг у дружки бабы
Солинки выковыривали... Смех!
Палил бы, черт, да не туда хотя бы! —
Рукой не дотянуться... Ну не грех? —
...Мне не спалось. Подушку комкал-комкал,
Казалась жестче каменной она.
Сундук скрипел так подо мною громко,
Что отводил и крестную от сна.
Казалось, слышу голосочек Таньки,
Моей подружки, младшей из сестер...
...Мы рвем фиалки с ней в подлеске. «Глянь-ка,
Таких мне не встречалось до сих пор!
Сидят, как будто петушки живые,
Всю облепили веточку... Сейчас
Откроют рты и крикнут, голубые:
«Ку-ку-ре-ку!» — как на рассвете, враз!
Давай нарвем красивые букеты
И маме на могилку отнесем,
А то — посадим, а потом все лето
Наш садик будет поливать дождем.
...А может, матушка оладий хочет?

Поест и встанет вдруг из-за креста?
Все отдавала нам: «Поешь, сыночек!
Возьми-ка, доченька, а я — сыта...»
В глазах от неба или от фиалок
Сияет синь, лучисто-глубока,
И щеки светятся от бантов алых.
А Танька-то — не выше сапога...

IV

...Я — на крыльцо. И сразу стало жутко.
Никто не выходил на двор еще?
Иначе б шли следы по первопутку.
Неужто спят?
...Толкаю дверь плечом.
Не поддается. Наглухо забита.
Щеколда щелкнула бы от рывка...
Со страшной силой, видно, от обиды
Ногами бил, не выдохся пока!
Рванулся к окнам, а на окнах — ставни...
Лишь отразилось в зеркале стекла
Лицо, которое другим не станет,
Какой бы жизнь дорогой ни пошла!
Всегда останутся и боль, и ужас
Печатью, не стираемой ничем,
Скупей улыбка, а глаза — чуть уже,
Нацеленные вглубь всему и всем!
...Взметая снег и грязь, неслась тачанка,
Остановилась около ворот.
Наверно, я покинутым подранком
Кричал что мочи есть, зовя народ!
А может, был в таком окаменение,
Так опустело я глядел на них?
Иначе почему в одно мгновенье
Остановили скачущих гнедых?
Один приблизился к забитой двери,
И лишь нажала на нее рука,
Дверь (собственным глазам я не поверил!)
Открылась, скрипнув ржавчиной слегка!
Я сразу понял: гнутыми гвоздями
Негнущимися пальцами отец
Дверь пришивал: мою, вернее, память
К тяжелому порогу, как свинец!
...Вошли в шинелях эти двое. Следом

И я ступил пугливо в темный дом.
— Все ясно. Апробированный метод:
Удушье от угара... —
А потом
Полез на печку и трубу проверил.
— Угар, угар... Я понимаю, брат! —
Ушли, открытыми остались двери,
А я в испуге пятился назад...

V

...Учительница мыслям не мешала,
Но и на месте не сиделось ей.
Ходила нервно и чуть-чуть устало
С тревогой, нараставшей все сильней.
То подойдет к окну, проверит створку:
Нельзя ли поплотней закрыть ее?
То сдвинет ниже, приопустит шторку,
Коснувшись невзначай ее краев...
То — поправляет трубку телефона:
Как прилегает трубка к рычагу?
— Так-так, — вздохнула чуть ли не
со стоном, —
Твою беду вполне понять могу.
Но вот мы строим город на Амуре,
А также воздвигаем Днепрогэс...
Гигантский шаг мы сделали в культуре... —
И стала дальше углубляться в лес.
— Согласен с вами, Клавдия Петровна. —
Но это было? Было или нет?
— Голубчик, милый, было, безусловно.
Но материнский мой тебе совет:
Представь, что в жизни не было такого,
Послушай старшего и все забудь!
Воспоминаний тягостны оковы —
Простерся перед нами светлый путь.
...Хотел забыть, но, Клавдия Петровна,
Событья забываться не хотят,
На сердце давят глыбою огромной
И оглянуться требуют назад.
Хотел забыть. Пусть оскудеет память,
Но с памятью — скудеет и язык!
Простите мне. Виновен перед вами:
Наверно, я неважный ученик!..

Микола ОЛЕЙНИК

Роман

1

Звонок прозвучал назойливо-резко. Столь ранний, он мог означать чей-то неожиданный приезд или что-то очень срочное по службе. Ни того, ни другого вроде бы не предвиделось. Крищук заторопился, на ходу набрасывая на плечи халат, быстро открыл дверь и увидел в проеме слабо освещенную коридорной лампочкой знакомую фигуру почтальона.

— Вам телеграмма, — сказал он приглушенным голосом.

Хозяин быстро расписался в получении телеграммы и, не закрывая двери, начал подслеповато всматриваться в текст. Телеграмма сообщала... Чего бы только ни отдал Максим, окажись эта депеша адресованной не ему, случись недоразумение, почтовая ошибка, бывает же такое...

Войдя в комнату, он еще раз, теперь уже медленно, перечитал наклеенные на бланке строчки.

— Ты уже не спишь? — спросила Марта. — Кто-то звонил или мне показалось?

— К сожалению, звонил, — вздохнул Крищук.

— Почему — к сожалению? Что случилось, Максим?

Он молча протянул телеграмму. И пока жена вчитывалась в нее, нервно листал перекидной календарь, искал какие-то свои записи.

— Я знал, что это когда-нибудь случится...

— Но ведь... еще ничего неизвестно, ты, может, напрасно волнуешься.

— По-твоему, когда его в тюрьму посадят, тогда волноваться? Нужно ехать сейчас же, не медля... Позвони на службу, как-то объясни. — Он начал торопливо одеваться. — Впрочем, говори как есть...

— Мало ли что могло случиться с парнем, — рассудительно продолжала Марта, но он не слышал ее слов, его охватило острое чувство тревоги, как будто там, куда собирался, давно и с нетерпением ждали его, и если не сообщили раньше, то только потому, что надеялись на лучший исход. Возможно, так оно и было в действительности, Крищук не знал, и это еще больше тревожило, толкало к немедленному действию.

— Машиной поедешь или автобусом? — спросила жена уже на пороге.

— Машиной быстрее. Заодно в министерство загляну.

— Дорога скользкая. Если задержишься — переночуй там.

За ночь подморозило. Крищук с минуту постоял, прислушиваясь к хрупкой тишине, затем быстро направился к гаражу...

Он ехал, цепко вглядываясь в дорогу и неотступно думая о сыне, о телеграмме, растеребившей, казалось бы, уже начавшие затягиваться душевные раны.

Часа через два показался город. Легкий туман рассеялся, его будто разредили солнечные лучи, пробившиеся с противоположного берега Днепра, из-за печерских круч. Крищук выключил подфарники.

Город проступал постепенно, сначала он угадывался по легкому свечению купола главного лаврского колокола, затем совсем неожиданно из голубоватой дымки выплывали белые каравеллы высотных домов, и лишь потом, за перекрестком дорог перед сельхозвыставкой, раскрывались широкие объятия проспектов, бульваров, улиц. Нередко, возвращаясь из далеких командировок, Максим видел столицу с высоты, и тогда эти пульсирующие артерии казались ему могучими крыльями, несущими город из его седой древности.

Первый милиционер, который встретился Крищуку на окраине города, как бы напомнил ему о причине поездки. Дохнуло неприятным холодком какого-то гнетущего предчувствия.

«Позвонить, что ли?» Он, кажется, только теперь вспомнил о такой возможности положить конец неизвестности и остановился возле таксофона: в ответ — короткие гудки. «Все ушли на фронт, — иронически подумал Крищук. — Сам, наверное, читает лекцию, учит молодое поколение, а... — он редко, даже в мыслях, называл имя той, которую когда-то искренне любил, с кем связал было свою судьбу. — Впрочем, какое я имею право наговаривать на нее? И он, и она, и Василь — взрослые люди, могут сами за себя постоять...» Сел в машину с твердым намерением ехать именно к ней, на службу, требовать на этот раз решительного, окончательного разговора о сыне. «Окончательного! — подтрунивал Крищук над собственным намерением. — Все давно решено, тебе остается лишь вечная тревога да вот такие телеграммы...»

Бибколлектор, где работала Виктория, бывшая жена, находился неподалеку, на Тополиной улице, действительно обрамленной роскошными стройными тополями. Кри-

щук хорошо знал эту улицу. В конце ее, в тупичке, в небольшом коттедже под плакучими ивами когда-то жил его близкий знакомый, поэт, у которого он не раз бывал. Слыл тот человек гостеприимным, любил людей, как выражался, «от земли». Лет десять назад друга не стало. Крищук проводил его в последний путь и с тех пор ни разу не заглядывал сюда — не было уже ни зовущего огонька, ни задушевных вечерних разговоров, ни ласкового взгляда хозяина.

Поставив машину, Максим Никонович прошелся по тротуару, разминая застывшие ноги, затем решительно, будто впереди его ожидали бог весть какие испытания, направился к продолговатому одноэтажному зданию коллектора.

Никто не отозвался ни на стук, ни на его шаги. Так длилось минуту-другую. Из-за стеллажей появилась девушка, почти подросток, в просторном рабочем халате, с косичками, и ломающимся голосом спросила:

— Извините, вы к кому?

— Я к Виктории Борисовне. Она здесь?

Девушка отрицательно покачала головой, отчего косички ее описали в воздухе легонькие дуги, и только тогда довольно официально ответила:

— Нет. — Очевидно, ответ ей показался неполным, и она повторила: — Нет, но скоро придет.

Крищук бросил взгляд на настенные часы — было уже около десяти. Он поблагодарил девушку, сказал, что наведается позже, и вышел. На улице потеплело, под ногами проступала вода. В палисаднике тоненько звенела синица.

* * *

Виктория приехала через час. Тем временем Крищук успел побриться в парикмахерской, а в ближайшем кафе немного подкрепился сосисками и стаканом чая.

Подавив минутное смятение, Виктория спокойно, будто они вели этот разговор давно и никогда не было между ними недоразумений, сказала:

— Я знаю, во всем случившемся ты станешь винить меня. Но не будь таким хотя бы сейчас.

— Что с Василием? Где он?

— В милиции, на Печерске. Я только оттуда... Выпили дружки по случаю получки и не поладили между собой.

Крищук прошелся вдоль невысокого барьерчика, отделявшего книгохранилище от места, предназначенного для посетителей.

— Ты его видела?

— Не разрешили.

Виктория, ничего больше не сказав, резко отвернулась... Крищук смотрел на ее вздрагивающие плечи, на седину, обильно пробивающуюся в некогда роскошных каштановых волосах, и чувствовал, как злость его постепенно улетучивается. Стало вдруг жаль Викторию. Так бывало не раз: растроганный ее слезами, он отступал, брался уладить дело, используя свои знакомства, а потом расплачивался за все это горьким раскаянием.

Чтобы снова не оказаться в подобном положении, Крищук быстро направился к двери.

— Ты куда?

В ее голосе послышалось отчаяние. Крищук остановился и, не оборачиваясь, бросил:

— Куда же еще?

«Вот тебе и решительный разговор», — подумал с горечью, уже выйдя на улицу. С силой хлопнул дверцей машины, словно хотел сорвать на ней злость, не включая мотор, покатил под уклон.

* * *

Мужчина в погонах с малиновой окантовкой и двумя малыми серебристыми звездочками не успел ответить на его приветствие — зазвонил телефон, и он взял трубку. Затем, переговорив, бросил взгляд на посетителя, как будто припоминая, да так и не припомнив, кто он и по какому делу, поинтересовался:

— Вы по вызову?

Очевидно, на лице Крищука отразилось такое непонимание и удивление, что лейтенант, улыбнувшись его явной несообразительности, объяснил:

— Вас вызывали?

— Нет. Я, собственно... по поводу сына.

— А что с вашим сыном?

— Да у вас он... задержан.

Казалось, ему не хватало слов, куда-то исчезло красноречие, которым так восхищались коллеги и слушатели

его публичных лекций, — Крищук стоял полурастерянный, обезоруженный, словно не кто-то, а он сам в чем-то очень провинился и вот теперь должен давать объяснения.

— Крищук?

— Да, — ответил Максим Никонович, — откуда вы знаете мою фамилию?

— Интуиция, — улыбнулся лейтенант. — Сынок ваш стращал вашим именем.

Опять зазвонил один из телефонов — их было несколько на боковом столике. Дежурный снял трубку, начал принимать какую-то сводку. Максим собрался с мыслями и теперь, казалось, был готов... Впрочем, к чему он мог быть готовым? В его положении оставалось одно: просить. Просить о смягчении наказания, о разрешении свидания с сыном. С этого, очевидно, и надо начинать.

— Скажите, я могу с ним увидеться? — спросил, когда лейтенант закончил телефонный разговор.

— Если вам так хочется... Сержант! — крикнул он в глубь коридора. — Приведите Крищука. — И добавил, возвращаясь к прежней мысли: — Если это доставит вам удовольствие.

Максим Никонович взволнованно ожидал появления сына. Что же сказать ему? Заверить, что он сделает все-все, но чтобы это было в последний раз, да-да, в последний! Крищук так и не решил, с чего именно начнет разговор, и поэтому, когда Василь уже стоял перед ним, некоторое время молча, даже растерянно смотрел на него.

— Здравствуй, сынок!..

Сын не ответил, долго смотрел на отца и лишь потом сказал:

— Я уже взрослый, и воспитывать меня поздно...

— Человек, если только он человек, воспитывает себя всю жизнь.

— Тогда считай, что я не человек...

Разговор обретал нежелательный тон.

— А дураки, кроме всего прочего, отличаются еще и тем, что никогда не признают собственной глупости, — ответил на это отец. — Но довольно. Что случилось, почему ты здесь?

— Долго рассказывать, — Василий рукой искал пуговицу, чтобы застегнуться, но пуговицы не оказалось. — Протокол попроси, там все ясно написано.

— А ты расскажи, расскажи сам, — вмешался в разговор капитан, который в это время зашел к дежурному.

Василий молчал.

— А что я плохого сделал? — вдруг спросил он. — Ну, выпили...

— А потом?

— Я же не виноват, что они затеяли драку.

— Но ведь ты был с ними! Значит, и виновен в одинаковой степени.

— Ну виновен... И буду отвечать.

В словах сына вновь слышался вызов, но отец не принял его.

В комнату вошли еще несколько человек, и Крищуков невольно оттеснили в угол.

— Ты приехал специально? — вдруг совсем иным тоном спросил Василий. — Откуда узнал?

— Мать сообщила. Телеграммой.

— Всегда она опережает события. Уладилось бы...

— Тебя будут судить?

— За такое не судят, — попытался улыбнуться сын. — Мы же никого не убивали, никакого вреда никому не сделали. А что между собой поцапались, так сами и помиримся. Попросим прощения друг у друга — и делу конец.

— Эх, сын, сын, — вздохнул Крищук.

— Не называй меня так, — сказал Василий.

— А как? — оторопел Максим.

— Не называй... — Голос Василия задрожал. — Все вы любите упрекать, учить... И ты, и они. А того не знаете... — Он отвернулся, и Крищук заметил, как лицо его сделалось пунцовым.

— Чего именно... не знаем? — доверчиво коснулся плеча сына, но тот отдернул его, обеими руками закрыл лицо.

Василий плакал. Крищуку вдруг захотелось обнять его. Это неожиданное изменение настроения сына еще больше сбило его с толку. Всего ожидал — укоров, просьб, даже грубости, только не слез...

— Наговорились? — обратился к ним лейтенант. В комнате никого уже не было, молчали телефоны, поэтому он подошел. — Э-э! Да здесь нюни...

— Ничего подобного, товарищ лейтенант, — возразил Крищук. — Обыкновенный мужской разговор.

— Простите, — сориентировался тот. — Однако пора заканчивать.

А Василий, отвернувшись, плакал уже не стыдясь.

— Ну хорошо, успокойся, — опять заволновался отец.

— Забери меня отсюда. Слышишь, забери...

— Конечно, конечно, — поспешил заверить сына. — Сейчас пойду к начальнику и... — почувствовал, что от слов Василя будто задохнулся.

— Сейчас ничего не выйдет — потом, когда все кончится.

— Хорошо... — От внезапно нахлынувшей радости Максим даже растерялся. — Поедем к нам, в Перетоки... Я сегодня же поговорю с матерью. Так дальше нельзя...

Время шло, дежурный уже не напоминал, что пора заканчивать свидание, но они распрощались. Максим взглядом проводил сына и совсем разбитый, обессиленный и подавленный опустился на скамью в тени скверика.

«Нет, так дальше нельзя. Это преступление. И повинны в нем не только Василий, но и Хожай, и я, и она...» Воспоминание о Виктории и обо всем, связанном с ней, отвлекло Крищука от тяжелых раздумий. Так бывало всегда, когда судьба возвращала Максима к прошлому,— он вскипал, ничто иное в этот момент его не интересовало, и он либо, все бросив, спешил на очередной разговор, либо часами бесцельно бродил по полям, пока ветры да певучие жаворонки не развеивали смуты. Но ни душистого ветерка, ни тем более звонких тех птиц сейчас не было — была только неудовлетворенность самим собой, острое желание в конце концов покончить с этой неопределенностью.

2

После нескольких дней отсидки с подметанием улиц и уборкой дворов Василия вызвал майор — заместитель начальника отделения милиции.

— Ну как? — спросил с ходу. — На этот раз беда миновала? Отец твой здесь хлопотал, да и товарищи поручились. Что дальше?

«Психолог! — подумал Василий. — Наверное, из учителей... Потому и выправка так себе...»

— А я никого не просил хлопотать. — Василий взглянул в глаза майора, но тут же перевел взор на свои ботинки с облупившимися носками.

— Не просил, — иронически произнес майор. — Куда тебе просить. Просьба — это признание вины, а ведь ты... безгрешный! То, что родителям стыдно за тебя, что на производстве «чепе» — для тебя пустое.

— Да никакой я не безгрешный, — вяло ответил Василий.

— Так вот, запомни: твоя судьба в твоих руках. Как ты с нею — так и она с тобой. Сейчас тебя выручили друзья, хорошие друзья, но может случиться, что и они уже ничем не помогут... Не желал бы я очутиться в таком положении.

«А он ничего мужик, этот психолог», — думал Василий.

— Ну, так как же дальше? — спрашивал майор. — Вот сейчас выйдешь отсюда, очутишься на свободе. И что?

Василий смущенно потупился.

— По правде?

— А как же еще?

— Меня ждет девушка, товарищ майор.

Замполит на минуту словно замер от неожиданности и сказал:

— Что ж, это хорошо... Но смотри, мой тебе совет: к нам больше не попадай.

3

Только что закончились занятия. Хожай сидел в опустевшей, непривычно тихой аудитории, просматривал какие-то записи. У него вошло в привычку: во время лекций, лабораторных или практических занятий фиксировать в блокноте наиболее интересные мысли и наблюдения, а в конце дня перечитывать записи, отбирать из них самое существенное, что может пригодиться в работе.

Кто-то постучался в дверь, и Хожай не успел ответить, как посетитель переступил порог.

— Ты, Максим?! — удивился Хожай, но тут же быстро нашелся. — Носишься, словно злой дух по Европе...

— Беда заставляет, — устало опустился на скамью Крищук. — Удивляюсь твоему спокойствию.

— А чем, собственно, я должен быть обеспокоен? — изменив тон, спросил Хожай. — Что ты от меня хочешь?

— Не я, Игнат. Мне от тебя не нужно ровным счетом ничего. Знаешь ведь, перед кем виноват.

Хожай некоторое время молчал, смотрел куда-то в сторону, в одну точку, затем резко повернулся к Максиму:

— Вот оно что... А знаешь ли ты, что этот «невинный» уже имеет аттестат зрелости? Зре-ло-сти! И отвечать за его проделки я не намерен.

— Но ведь ты отчим. Добровольно взял на себя отцовские обязанности.

— Брал, да. И все же я ему не отец.

— Не сумел стать...

— Упрекаешь.

— А ты как думал? Жаль парня...

— Другие в его годы...

— Речь не о других, а о Василе, моем и твоем сыне. И отвечать за него нам.

Крищук с трудом сдерживался. Собственно, почему он должен спорить? Когда пожар, о его причине не рассуждают. Необходимо решать главное: будет Василий и дальше предоставлен самому себе или он, Крищук, заберет его и таким образом положит конец этим пустопорожним разговорам.

— С меня хватит, — продолжал Хожай. — Плохому я его не учил. Нынче все они немного того...

— А не кажется ли тебе, — взволнованно заговорил Крищук, что желаемое ты выдаешь за действительное? К такому методу иногда прибегают, чтобы собственную вину переложить на других.

— Нет, не кажется. Думай обо мне что хочешь, но оскорблять не имеешь права. Прежде чем говорить о чьей-то вине, не мешает вспомнить о собственной. — Тоненький лучик заходящего солнца пробился сквозь окно, упал на лицо Хожая, и тот отвернулся, свет ложился теперь ему на голову, тускло поблескивал на широкой бугристой лысине.

— Да... — вздохнул Крищук, измеряя взглядом и прочерченную лучом аудиторию, и сумрачное предвечерье.— А оскорблять я тебя не собираюсь. Так уж у нас получается.

Хожай молчал. «Да и что говорить, — думал Крищук, — когда все сказано. Он палец о палец не ударит, это ясно, как божий день».

— Спасибо за напоминание, — устало произнес Максим. — Считай, что с этой минуты...

— Это ты с ней, с Викторией, договаривайся, — не дал ему закончить Хожай и, не простившись, пошел к выходу. У двери, однако, остановился: — Да имей в виду: ребенок, о котором ты так печешься, уже не один. У Василя — невеста...

4

Жизнь шла своим чередом. Неподалеку могуче дышал завод, напротив, через дорогу, в глубине дворов, сонно передвигались над красноватой коробкой высотного здания стрелы башенных кранов; совсем рядом, на трамвайной остановке, толпился народ... Будто ничего и не случилось, будто он, Василий Крищук, и не отбывал пятнадцать суток ареста... Василь скептически посмотрел на свои старые ботинки, на брюки с множеством пятен, вздувшиеся на коленях: «Ничего себе гардеробчик!»

— Гражданочка, — обратился к проходившей мимо женщине, — одолжите, будьте добры, двушку.

Женщина опасливо обошла незнакомца.

«Но позвонить-то я должен...»

— Эй, слушай, дай пару копеек, звякнуть надо.

Парень, которого он остановил, покопался в карманах и достал металлический рубль. Василий пренебрежительно посмотрел на него:

— За кою ты меня принимаешь?

Тот испуганно отдернул руку и тоже поспешил удалиться.

Дурацкое положение! Не идти же в таком виде домой.

— Ты почему к людям пристаешь? — послышался спокойный голос милиционера.

— Я?

— А кто же еще? К одному, к другому...

— Извините, товарищ старшина, — смутился Василий. — Ведь я... оттуда... Только что.

— Откуда?

— Ну от вас... из отделения.

— А-а, — посуровел старшина. — Почему домой не идешь?

— Позвонить нужно, товарищ старшина.

Милиционер достал из кармана кошелек, дал Василию двухкопеечную монету.

— На, звони. Да уходи отсюда.

— Есть, товарищ старшина.

Василий забежал в ближайшую будку, набрал номер. В ответ услышал несколько протяжных гудков...

* * *

— Как же тебе не стыдно? Ты ведь обещал.

Полные слез глаза девушки осуждающе смотрели на Василя.

Удивительно! Все так любят поучать.

— Вот что, малышка, о своих обещаниях я помню...

— Не малышка я!.. Просто глупая, верю тебе.

— Ну, повело... Если бы не верила, то и говорить было бы не о чем. — Сильной, грубоватой рукой Василий привлек ее к себе.

— Хочешь, скажу?

Девушка выжидающе посмотрела на него.

— Все эти дни, честно, я думал о тебе. Почему ты ни разу меня не проведала?

— Стыдилась. Мне было стыдно. Я только плакала.

— Глаза у тебя на мокром месте...

— На мокром, — безропотно согласилась она. — А в самом деле думал? Что же ты обо мне думал?

— Тебе уж если мед, так и ложкой. Достаточно того, что думал. А под конец майор спрашивает: что будешь делать, когда выйдешь? А я ему: товарищ майор, меня ждет девушка...

— Так и сказал?

Они стояли под ветвистой, едва распустившейся ивой. Девушка словно забыла недавнюю обиду, прильнула к нему.

— Жаль мне тебя, Василек.

— Меня? Жаль? — удивился он. — Ну, ты даешь, Нин! Человека уважать надо, а не жалеть.

— Знаю, знаю, — улыбнулась она. — Да только не совсем хорошо у тебя получается. Что с учебой-то?

— Нет уж! Получить диплом и зарабатывать восемьдесят рэ в месяц?! Уволь...

— Разве дело только в рублях? Человек в наше время...

— Да что ты смыслишь в нем, в человеке нашего времени? — вдруг вспылил Василий, но сразу же изменил тон. — Девушка встречается с парнем и вместо вздохов читает лекцию о поведении!

— А ты не смейся.

— Неужели я похож на человека, которого ничто не интересует?

— А я и не думаю так, Василь.

Она привстала на цыпочки и поцеловала его в щеку. Василий подхватил ее — легкую, почти невесомую, закружил.

* * *

На работе, как и следовало ожидать, ничего не изменилось. Тот же захламленный старыми поломанными автомашинами и прицепами двор, лужи с постоянной синеватой пленкой масел, тот же едкий запах бензина и солярки, жженой резины.

Года два назад, после окончания ПТУ, Василий поступил сюда, на это автопредприятие; мать, побывав на месте его работы, плакала, просила поискать что-либо другое. Но он остался здесь, хотел доказать, что сам сумеет распорядиться своей судьбой. Конечно, можно было бы с помощью отца устроиться поудобнее. Но в нем появилось какое-то до отчаянности независимое чувство. Да и чем он лучше других? Должен же кто-то работать и в этом автохозяйстве. «Только тогда сможешь твердо стоять на земле, когда выработаешь в себе способность к сопротивлению» — вспомнились ему чьи-то слова.

...Поднимаясь по узким, выщербленным ступеням к начальнику, чтобы заявить о своем возвращении, Василий обдумывал, как поскорее закончить неприятный разговор.

— А-а, Крищук! — вдруг услышал он сверху. — Давай, давай. Мы тут за тебя, знаешь, как воевали!

Федор Стецюра, секретарь комсомольской организации, стоял, будто поджидая его, на лестничной площадке.

— А чего воевать? — бросил Василий.

— Как чего? — Стецюра начал рассказывать, сколько им пришлось приложить усилий, чтобы взять его на поруки. — Понимаешь, мы им одно, а они свое: виновен, влез в драку, не впервые. Формалисты.

— Никакие они не формалисты, Федор. Люди на своем месте.

— О-о! Прекрасно. Выходит, осознал. Не зря за тебя боролись. Молодец!

— Молодец за телегой бегает. «Сам» у себя?

— У себя. Ты напрасно так, Вась.

— Ладно, потом разберемся. Хочешь — пойдем вместе к начальнику.

Секретарь поначалу замялся, мол, некогда, дела, но все же пошел.

Рабочий день давно начался, поэтому в приемной — узенькой, с одним окошком, продолговатой комнате, где всегда ожидало несколько посетителей, было пусто.

— Салют, Зинуля! — войдя, воскликнул Крищук.

Приветствие касалось немолодой располневшей девицы, которая сидела за пишущей машинкой. — Начальство принимает? Как у него сегодня с настроеньицем?

— Иди уж, иди, — не обращая внимания на приветствие, сказала секретарша. — Горе ты луковое...

Крищук приоткрыл дверь в кабинет начальника автохозяйства, спросил:

— Можно?

— Да заходи, — подтолкнул Василия Стецюра.

Они протиснулись в дверь. Крищук — уже без прежнего бодрячества — поздоровался. Начальник, не поднимая головы, слегка кивнул и машинально указал на стулья.

Прошла минута, вторая, ничего не изменилось. Начальник не обращал на них внимания, и Василий начал было думать, что, очевидно, в том и заключается характер начальника, чтобы сразу, еще до начала разговора, нагнать страху на посетителя. А что разговор у них будет крутой — нисколько не сомневался. Понесло же его! Хотя бы расспросил, как да что... Наверное, нужно раскаиваться, все брать на себя. Начальство любит, когда проштрафившийся полностью отдается в его руки, осознает свою вину и так далее...

— Слушаю вас, — большие, с немного припухшими веками глаза скучно посмотрели на вошедших.

— Крищук вот, Павел Григорьевич, — кивнул на Василия Стецюра.

— Что — Крищук? — непонимающе спросил начальник.

— Прибыл, — ободренный кажущимся вниманием, доложил Василий.

— Откуда?

«На самом деле не знает или разыгрывает?»

— Оттуда, — упавшим голосом ответил Крищук, — из отделения.

— Точнее. Отделения бывают разные.

— Ну из милицейского...

— Ясно. А почему болтаетесь? — словно спохватившись, спросил начальник. — Почему не на рабочем месте?

«Лучше бы отругал, чем так вот въедается».

— Мы думали... — попытался объяснить Стецюра.

— Что думали? — В голосе начальника зазвучали стальные нотки. — Думали с оркестром его встречать? Думали — мне делать нечего, только на него, красавчика, любоваться? На звонки отвечать да на материнские слезы глядеть? Думали! А что пятно на коллектив ложится, об этом вы думали? — Начальник нажал кнопку, в приемной зазвенел звонок, и в ту же минуту на пороге выросла секретарша. — Зинаида Дмитриевна, — обратился к ней руководитель, — оформите приказом возвращение Крищука и — вторым пунктом — выговор за опоздание на работу.

Секретарша неслышно вышла.

— Вот так для первого раза, — словно подытожил начальник. — Вопросов нет? Тогда по местам.

Вот это врезал! Василий даже опомниться не успел, как очутился за дверью.

— Может, тебя проводить в цех? — стараясь как-то сгладить неприятный разговор, спросил Стецюра.

— Иди ты... Тоже мне, провожатый, — махнул рукой Василий.

5

В конце марта подули теплые южные ветры, снег быстро растаял, оставив, будто на память, сизые заплаты в оврагах, над землею кучерявился легкий, едва приметный туманец.

Максима Крищука разбирало нетерпение. С утра, уладив срочные дела, он переодевался, натягивал охотничьи с высокими голенищами сапоги и раскисшими, разбитыми за зиму проселками спешил к делянкам. Там, на небольших пронумерованных квадратах, решалась судьба заложенного им нового сорта пшеницы, там, среди пропахшего вешними водами раздолья, было сейчас его рабочее место.

Этим он жил, это составляло содержание не только его работы, но и существования вообще. Слишком уж глубоко сидело в нем, не умалилось с годами и с приобретен-

ными знаниями еще в детстве привитое чувство близости к земле, ответственности перед ней и за нее — оно и удерживало его, и определяло взаимоотношения с людьми, успехи и просчеты.

Вездеход заносило, бросало из стороны в сторону на выбоинах. «Захотелось тебе этого поля — терпи», — подумал Крищук. Да, он взял для своего нового сорта отдаленный, зато близкий к обычным природным условиям участок, выделенный соседним колхозом, и теперь каждый раз ему приходится преодолевать немалое расстояние, эти неудобства.

Озимые широким клином подступали к дороге, и он не удержался, остановил машину. Повеяло легким, головокружительным привольем, какое бывает ранней весной, в ушах зазвенела тишина. Земля лежала в легкой предвесенней дымке, покрытая зеленым ковром озими и небольшими озерцами талой воды; вдали, пунктирно, выступала линия электропередачи и, насколько видел глаз, темнели лесополосы. Освещенное скуповатыми весенними лучами, будто удерживаемое на голубых парусах, все вокруг жило, дышало и переполняло его существо.

Кто знает, что сделало его ученым, чьей здесь больше заслуги — учителей или тех звездных ночей, синих рассветов, василькового раздолья, которые были его жизненной колыбелью. Он благодарен всем, кто щедро наделил его знаниями, но никогда не забудет этого, природой данного, вечно будет чувствовать себя в долгу перед ней...

Едва сделал несколько шагов, как вдруг почти из-под ног выпорхнул жаворонок. Крищук остановился, следя за полетом птицы. Жаворонок пролетел над самой землей, затем стремительно пошел ввысь. И в то же мгновение, будто рождаясь из воздуха, из пронизанного солнцем весеннего дня, за ним потянулась серебристая песня. Эта певучая нить звенела и удлинялась, пока там, в вышине, не исчез, не растворился в голубизне маленький трепетный комочек. Крищук запрокинул голову, улыбался, глаза его светились радостью. «И вновь весна, вновь жаворонки в поле», — припомнилось ему. Когда это было? Да-да, лет пятнадцать назад. Его друг поэт приехал в Перетоки, и они вдвоем бродили по полям. Жаворонки тогда будто сговорились... «Это поет земля, Максим, — сказал он. — Богатым будет урожай». А вскоре он прислал письмо с этим стихотворением, посвященным перетокским полям.

Память, память... Давно нет поэта, но есть поле, жаворонки, сказанное им в минуту вдохновения слово... Так было и так будет. Поколения будут приходить и уходить, земля же — вечная. Вечны на ней ранние весны и вечерние зори... И песня.

Максим еще раз посмотрел ввысь, откуда все еще струился малиновый звон, и, с трудом вытягивая ноги из грязи, вернулся к машине.

Опытные участки лежали за лощиной. Чернозем здесь обычный, истощенный, что характерно сейчас для большинства почв, получить на нем ожидаемый урожай — значит победить. Победить скептицизм, откровенную неприязнь и собственные сомнения, которые иногда хуже чужой вражды, наконец, — тревоги и зависимость от прихоти природы. Он назвал пшеницу — «Победная». Так она и вошла в сводки, информации и статьи, которые щедро плодят о ней быстрые на руку газетчики...

Испокон веков, с тех самых пор, как начало зарождаться земледелие, — от первого, отвоеванного у природы клочка земли и до современных обширных полей, — человек жаждал и жаждет хлеба насущного. На этом длинном, неимоверно трудном пути его подстерегали засуха, вымерзание и градобой, всегда угрожавшие голодом. И, умудренный горьким опытом, человек силился создать запас хлеба, получить его больше, в помощь себе он изобретал машины, находил удобрения... и опять претерпевал неудачи. И вновь терпит... И Крищук, осуществляя мечту далеких и близких своих предшественников, решился достичь, кажется, невероятного: получить урожай в сотню центнеров с гектара. В предыдущие годы лучшие его сорта давали урожай, близкий к этому, кое-кто советовал остановиться, а там, мол, видно будет, но он не из тех, кто застревал на полпути.

Перед Крищуком простирались три широкие полосы. На первый взгляд они казались одинаковыми, но его опытный глаз видел различие. Посеянная в разное время — ранней, срединной и поздней осенью — пшеница закустилась, но густота покрова, длина и ширина листьев у нее неодинаковы. Выгоднее отличался второй, среднеоктябрьский засев. И густотой растений, и цветом он радовал глаз, обнадеживал. «Что же так благодатно повлияло на него? — припоминал Крищук. — Вторая декада октября, кажется, была с теплым дождиком... Хорошо это или плохо? Для других сортов, которые вошли

в серию, очень даже хорошо. А для этого? «Победная», как она задумана, должна меньше всего зависеть от погоды, от засухи».

Последний, третий участок, на который он больше всего возлагал надежд, поразил хилостью растений. Их слабость засвидетельствовали и взятые зимой монолиты, пробы, но Крищук не желал в это верить, ему хотелось, чтобы именно здесь все было в наилучшем виде. Именно отсюда новый сорт должен стартовать в будущее. Не с тех, предыдущих участков, а именно отсюда. Он отобрал для него самые лучшие зерна и, хотя сеял в неблагоприятное время, когда было холодновато и сухо, на успех все же надеется. И так ли уж все это бесперспективно? Разве раньше давалось легче? Разве не десятки лет неустанной работы стоили и Весёлка, и Перетокская, и Гагаринская?

Ерошил слабенькие кустики, будто хотел расшевелить их, разбудить. Неужели не поднимутся, захиреют и все придется начинать сначала? Мял ломкий прошлогодний бурьян на меже, обходил участок, и сердце охватывала щемящая боль. Но ведь бывало, что неказистые, хилые всходы неожиданно возвращались к жизни и радовали, приносили результаты, да еще какие! Хотя такие случаи, конечно, редки. Да и полагаться на это можно было где-то в начале работы. Теперь — другое дело. Имея опыт, новейшие достижения селекционной науки, надеяться на счастливое совпадение обстоятельств, по крайней мере,— легкомыслие. Сейчас нужны уверенность, обоснованность, твердость. И «Победной» суждено сыграть здесь немаловажную роль.

Конечно, растения можно подкормить, улучшить условия их развития, но важно, чтобы они своими силами одолели собственную немощь, выработали в себе нужный иммунитет. В этом сущность и нового сорта, и его, Крищука, метода. Значит — выжидание?

Мимоходом сорвал несколько чахлых листиков и, стиснув в кулаке, устало побрел к машине. «Время все-таки самый лучший лекарь. Растения ведь не погибли, а в том, что хуже вошли в зиму, есть причина — поздний сев...»

Уже собрался было садиться в машину, как из лощины вынырнул «газик». Крищук узнал Багрия, председателя перетокского колхоза.

— Ну, пусть мне не сидится, — хриплым басом про-

говорил председатель, — а тебе-то чего болото месить? — Как и Крищук, был он в высоких резиновых сапогах, плащ-накидке, из-под которой виднелся полушубок, в добротной шапке. Подошел, пожал руку — в его рукопожатии Крищук почувствовал силу, уверенность, которых ему сейчас, в эту минуту, так недоставало.

— Жаворонка давно не слышал...

Максим достал из кармана, развернул на ладони увядшие листики.

— Не выдержали? — Твердыми, короткими пальцами Багрий взял один из них.

— А ты говоришь, — сокрушенно покачал головой Крищук.

— Черт знает что! — только и сказал Багрий.

Некоторое время оба молчали.

— И все же, — отозвался Багрий, — я верю. Слышишь, Максим? Верю! Помнишь, как было с Перетокской?

— Спасибо, Александр. Если бы не помнил, не стояли бы мы здесь, не месили грязь.

— Знаю, что не усидишь. Хотя мог бы кому-либо и поручить, помощники у тебя башковитые.

— Мог бы, — согласился Крищук. — Но не могу. Тянет в поле, день не побуду и уже места себе не нахожу.

— Привычка, говорят, пуще неволи, — улыбнулся Багрий.

— Вот когда умру, обязательно пронесите меня этими полями.

— Черт знает что несешь, Никонович. Какая тебя муха укусила?

— «Пустите меня в поле поплакать...» — вместо ответа задумчиво произнес Крищук. — Знаешь, кто это сказал?

— Да кто же? Наверное, твой поэт.

— Нет, не он. Но, спасибо ему, он прочитал мне эти слова. А написал их испанец Гарсиа Лорка, тоже поэт. Фашисты расстреляли его.

— Удивительные люди эти поэты. Простые слова, а так их закрутят, что за душу берет.

Они стояли друг против друга — повыше ростом и немного сутулый Крищук и коренастый, казалось, на четверть в земле — Багрий. Рядом с ними, в глубокой, заполненной вешней водой колее, стояли машины. Ветерок шелестел сухими кленовыми сережками.

Крищук взглянул на часы.

— Начали мы с тобой прозой, а кончили лирикой. Что же это такое, а? Уходим от реальности? Воспоминаниями прикрываем собственные огрехи?

— Как сказать, — не соглашался Багрий, — огрехи наши никуда не денутся, о них нам толковать и толковать. А вот об этом редко говорим, Максим, — словно вспомнив что-то, сказал Багрий, — слыхал я, будто...

Он умолк, и Крищук, догадываясь, о чем тот хочет спросить, недовольно бросил:

— Да ты не петляй, как заяц, говори уж, что сорока на хвосте принесла.

— Будто Василий твой где-то попался... на чем-то.

— Не где-то, а дома, в Киеве, — отчеканил Крищук.— И не на чем-то, а с дурной головы, по пьянке.

Разговор явно был ему не по душе.

— Извини, Максим, — смущенно сказал Багрий и, махнув на прощанье рукой, пошел к машине.

— Подожди, — остановил его Крищук. — Никаких извинений. Может, мне с тобой еще советоваться придется. Нужно ведь парня на ноги ставить. Солифлюкция у него получилась, понимаешь, скольжение. Как почва, бывает, соскальзывает, так и он — потерял под собой основу. И никакими пестицидами или гербицидами здесь не поможешь, необходимо живое слово...

— Кнут необходим, обыкновенный кнут, — ответил Багрий. — Ты знаешь, я не деспот какой-нибудь, но бывает... черт знает что получается! Хочется иногда взять хворостину и так кое-кого отхлестать, чтобы до новых веников помнил.

Глаза Крищука заблестели легким смешком.

— И это не мера, Васильевич, хотя человечество издавна к ней прибегает. Мы создаем нашу, советскую науку воспитания, имеем в этом немалые успехи. Дедовский кнут, который нам с тобой не раз пришлось отведать, давно сдан в музей, и вытаскивать его оттуда нет никакой надобности. Я так считаю.

— И напрасно! — возбужденный разговором, пылко возразил Багрий. — Поэтому и получается... эта твоя солифлюкция. Я, конечно, против рукоприкладства, но скажи, чем все это кончится?

— Почему кончится? В молодости всякое бывает. Я

не о Василе говорю, хотя свой палец уколешь — больнее чувствуешь. Но выход — не в плетке. Из кого же современные герои получаются?

— Исключения! — возразил Багрий.

— Исключения? Нет, брат, здесь ты меня голыми руками не возьмешь. Мы вырастили поколение, способное взять и повести дело не хуже нас. Это главное. Если и случаются исключения, то лишь такие, о которых мы с тобой сожалеем.

— Мы научились мобилизовывать молодежь на почетные дела. А мне, председателю, нужно, чтобы она не уезжала из села, от земли, любила ее, как вот мы с тобой, как наши деды и прадеды любили. Такой любви не хватает нашей молодежи, вот что.

Крищук задумался. В который раз приходится выслушивать ему подобные рассуждения по поводу воспитания. И хотя причины бывают разные, вывод напрашивается один.

— Правда твоя, Александр, — сказал наконец, — хотя и не совсем.

— Почему не совсем?

— Да потому, что нельзя быть рабом земли. Любить землю — вовсе не значит сидеть на ней, как тот Калитка из пьесы Карпенко-Карого.

— Сравнил, — хмыкнул Багрий. — При чем здесь Калитка?

— А при том, что и земля, и мы на ней уже не те... Не те времена. Не количество занятых в хозяйстве рук определяет сейчас экономику, а продуктивность. Зачем, спрашивается, сидеть всей оравой на одной ферме, одном гектаре или комплексе, если там может справиться половина? Думал ты над этим? Конечно, думал, — сам же и ответил Крищук. — Потому как не быть бы тебе в нынешнее время уважаемым председателем. А поскольку так, должен уразуметь: растут новые города, новые районы осваиваем — где взять рабочую силу?

— Будто я против городов или тех же новых районов, — развел руками Багрий. — Тунеядство и широкие карманы некоторых граждан и гражданок сидят у меня в печенках. Но довольно об этом, — увидев, что Крищук собирается возражать, решительно заявил Багрий. — Оставим для другого раза. — Он сдул с ладони измятый во время спора листик, спросил: — Так, говоришь, не

слушается Победная? Ну-ка, давай посмотрим. Одна голова хорошо, а две все-таки лучше. — Тяжело ступая, они побрели к участкам.

6

Тугой узел проблем, который пытался развязать Максим Крищук, создавался из маленьких, иногда почти незаметных ниточек, сплетался годами, десятилетиями. Яркими, нервущимися паутинами вошли в него и зеленые придеснянские тропы, и узкие, запыленные летом сельские улочки со стойким бузиново-сиреневым запахом, и следы падающих звезд в теплые августовские ночи.

Были в том клубке и печальные нити. Черной лентой трепещет на острие далеких Максимовых воспоминаний событие, которое, казалось, навечно зарубцевалось в памяти.

В двух километрах от их села пролегала железная дорога. Жизнь небольшого полустанка с одним-единственным тупичком под старыми осокорями интересовала сельскую ребятню, видевшую в «железке» выход в неизведанный, таинственный мир. Летом, бывало, услышав гудок, пастушки приникали к рельсам и с замиранием сердца слушали глуховатый гул стали, перераставший в грозное, страшное громыхание. Замедляя ход, паровоз пыхтел, фыркал чуть ли не за несколько метров от мальчишек, и черномазый машинист, выглянув из окошечка, бранил озорников, грозил им кулаком.

А им было интересно. Особенно когда шли военные эшелоны с пушками, до отказа набитые народом или лошадьми, снаряжением...

В мире свирепствовала война, однако она была где-то далеко, а здесь, в придеснянском крае, хмельно пахло чебрецовым привольем, дымками ночных пастушьих костров, натретым за день жнивьем, а то ужасное, страшное если и напоминало о себе, так только заунывным, скорбным поскрипыванием стареньких вагонов, хриплыми голосами трехрядок и хромок, да еще печалью перебинтованных солдат, которые почему-то всегда толпились на полустанке за кипятком.

Но однажды...

Это произошло осенью, едва отсверкало теплое бабье лето. Под вечер Максимка с ребятами «провел» эшелон, в котором среди других было несколько вагонов с ранеными, и спокойно стал играть «в ножа», как вдруг вспыхнула перестрелка.

Стреляли там, где должен был остановиться только что проследовавший мимо эшелон. Воронье, постоянно копошившееся на верхушках осокорей, вдруг взметнулось, закричало над домами, людским гулом, частыми винтовочными выстрелами.

Мальчишки насторожились: такого еще не бывало. Что бы это могло значить?

Стояли, с удивлением и страхом глядя на пожелтевшую громаду деревьев, за которыми прятался полустанок, вслушивались во что-то непонятное, непостижимое, во что вдруг превратилась привычная для них тишина.

— Айда посмотрим! — крикнул Максим.

Но не успели ребята и шагу ступить, как из-под осокорей в поле высыпали люди.

— Раненые...

Перебинтованные, кое-как одетые, красноармейцы растекались по равнине, прятались за кусты и копны, в лощины, а меж ними гарцевали с десяток конников. Всадники настигали пеших, хищно сверкали сабли, и пешие мягко оседали на землю, на потравленную стадом отаву...

— Ох ты-ы!..

Низенький, в длиннополой шинели солдат отделился от толпы и, прихрамывая, пригибаясь, прячась между коров, бежал прямо на ребят. Левая рука его была перевязана, а за спиной болтался полупустой ранец.

— Дядя, сюда! — крикнул кто-то из пастухов.

Запыхавшийся, с перекошенным от страха лицом человек чуть не упал перед ними.

— Бандиты...

— Уходите под мостик. Мы скажем — не видели...

Лощиной, спотыкаясь, раненый побежал к мосту, а ребята суетливо начали сгонять туда коров.

Нападение длилось недолго. Бандиты исчезли так же быстро, как и появились. На равнине осталось десятка полтора неподвижных тел. Издали, в наступившей тишине, они казались уснувшими жнецами или косарями, только белое, кое-где окровавленное сплетение бинтов свидетельствовало об их истинной участи.

— Сынки, — дрожащим голосом обратился к ребятам красноармеец, — мне бы где-нибудь переждать...

— Пойдемте к нам, — не раздумывая, сказал Максим. — Переночуете. Вы с фронта, дядя?

— С фронта, сынок, с фронта. А кто у вас дома?
— Отец, мать...
Мальчишки-пастухи погнали стадо к селу, раненый ковылял сзади, время от времени оглядываясь на полустанок.
Вечером, прихлебывая горячий кулеш, красноармеец рассказывал о неизвестных Максиму Щорсе и Боженко, о боях под Житомиром, где его ранило осколком в ногу. Разговор затянулся до поздней ночи. Максимка сидел, не сомкнув глаз, мир для него вдруг будто изменился, стал каким-то иным, навалился на хлопца всей своей тяжестью. Напоследок раненый достал из ранца и положил на стол небольшую полотняную котомку.
— Здесь, Никон, — обратился он к отцу, — пшеница. Говорят, более ста пудов на гектаре дает. Под Винницей, в панском поместье, добыл. Кто знает, доберусь ли до своей Орловщины, так ты возьми вот. Закончится эта кутерьма — посеешь. Живой буду — приеду, и мне одолжишь.
Отец отказывался, говорил: время такое ненадежное, банды шныряют, кто его знает, как будет с хлебом, однако семена взял.
Максимка уснул, едва приткнувшись к подушке, а утром не увидел ни красноармейца, ни отца. «Ушли к побитым, — сказала мать и, заметив, что мальчишка тоже туда собирается, добавила: — А ты не ходи, еще, не дай бог, что случится».
Однако Максимка побежал. Возле полустанка, в поле, уже засыпали могилу.
Красноармейца там не было, очевидно, он сел в первый утренний поезд и уехал на свою далекую Орловщину. Максимка больше никогда его не видел, о нем забыли, и только весной, когда сеяли яровые, отец отвел небольшой клочок земли и сказал: «Это для Солдатки».
Все лето Максимка тайно бегал смотреть пшеницу: Солдатка росла буйная да пригожая, колоски у нее были чуть ли не вдвое больше, чем у обыкновенной. «Чудеса! — удивлялся хлопец. — На одном поле растет, а смотри: там — такая, здесь — вот какая!» Срывал колосок «той» и «этой», положив на ладонь, любовался: «Вот если бы все поле такой засеять».
Потом Солдатку скосили, увязали в маленькие снопы. Отец обмолотил ее, взвесил и крякнул удовлетворенно: «Хороший гостинец солдат оставил. Бог даст, на следующий год больше посеем, а там, смотри, и все поле». Но зимой банды опять свирепствовали, хлеб забрали, а весной начался голод...
Максим не раз потом вспоминал этот случай. И чем больше отдалялся от того памятного дня, чем взрослее становился, тем яснее проступала сущность происшедшего. Хлеб для человека, раздумывал он, не только каждодневный кусок на столе, а что-то более важное, значительное. И те, что полегли тогда от бандитских сабель, и солдат, который нес пшеничку, чтобы вырастить у себя дома, и многие другие отдали за хлеб самое дорогое.

* * *

Ему, Максиму, не пришлось тогда платить за хлеб столь дорогой ценой. Его плата — жуткие, в кулацких бунтах и выстрелах ночи, соленый, совсем не детский пот на чужом поле, а затем и на собственном, отцовском, клочке земли...
Однажды его вызвали в райком комсомола. «Стране нужны специалисты, умеющие растить хлеб», — говорил средних лет сутуловатый мужчина простуженным хриплым голосом. Не к курсантским будням склонял, не на Днепрострой или Комсомольск-на-Амуре предлагал ехать — агитировал учиться выращивать хлеб. Не тогда ли Максим впервые вспомнил случай с Солдаткой?
Сельскохозяйственный техникум, куда вскоре поступил учиться, создавался на базе бывшей панской экономии. Единственное, чего здесь было предостаточно, так это металлолома, который, однако, числился как инвентарь. И вот они, «скубенты», как их называли крестьяне, упорно ремонтировали то, что поддавалось ремонту, пахали, сеяли, косили. Брали все, что давала истосковавшаяся за войну землица.
Четыре зимы — летом их распускали на каникулы, вернее, на домашнюю практику — овладевал Максим наукой. Потом его, как лучшего выпускника, послали в высшую школу, в Киев. Там и встретил Крищук Викторию. Случилось это на последнем курсе. Ему, молодому специалисту, который все время пропадал в лабораториях и на опытных участках, вдруг приглянулась тихая, с виду скромная студентка того же вуза. Виктория училась на предпоследнем курсе, наукой особенно не интересовалась, впрочем, вечно поглощенный делами Максим

не мог этого заметить. Ему поначалу льстило внимание девушки. И теперь, спустя время, была по душе ее спокойная, ненавязчивая дружба. Знал, что она нравится другим ребятам, но какое это имело значение, если Виктория отдает предпочтение ему. И когда они встречались, оставались вдвоем, казалось, все забывалось: и наука, и друзья — все отходило на второй план.

— Никому я тебя не отдам, — сказал он однажды со всей решительностью.

— Ого! — лукаво улыбнулась девушка, высвобождаясь из неумелых его объятий. — Вы, товарищ Крищук, живете устаревшими понятиями. «Никому не отдам». Будто я вещь!

— Нет, ты неправильно меня поняла. Ты моя и больше ничья, я люблю тебя.

Улыбка исчезла с ее лица.

— Вот так сразу?

— Почему — сразу? Мы ведь знакомы давно.

— Одними коридорами бегаем?

Виктория чувствовала, что слова его искренни, им нельзя не верить. Но ей хотелось слушать и слушать его, ощущать его волнение.

— Почему же ты умолк? Говори.

— А что говорить? Не умею я красиво говорить.

— Ну, как умеешь...

Они стояли в дальнем, глухом закутке старого ботанического сада, в зеленом царстве деревьев и птиц.

— Ну так слушай: вот сдам последний экзамен, получу назначение — и айда вместе!

— Куда? — удивилась она.

— На край света, в столицу, в глухомань — какое это имеет значение? — Он крепко обхватил ее.

— Мне же... мне еще год учиться, — легко отстранилась она.

— А что такое год? Мгновение в сравнении с вечностью, которая перед нами.

Никогда ни до этого, ни после Максим не помнил себя таким безрассудно восторженным. Удивительно, Викторию он знает давно, не раз встречались, но чтобы вот так... Нет, такого еще не было. Неужели и он, ради учебы и науки оберегавший себя от всяческих посторонних влияний, поддался этому чувству, как все? «Вот так сразу?» — хотелось повторить ее вопрос. И вообще — что

оно значит, это чувство? Вспыхнуло, взорвалось, ломая и переиначивая все в тебе — и планы, и намерения.

Теперь Максим понял, что, сколько бы ни пытался разрешить этот вопрос, ни к какому определенному выводу не придет. Лучшие умы веками стремятся проникнуть в таинство любви, понять ее сущность, и все безрезультатно. Умы умирают, проблема остается, любовь торжествует. Кто-то назвал ее вечным огнем бытия. Воистину. Скольких она подняла, окрылила, возвеличила, а скольким стоила благополучия и даже жизни...

Впрочем, как бы там ни было, Крищук знал теперь только одно: он любит и любим. После того разговора в саду время его измерялось от встречи до встречи, от экзамена до экзамена. И когда однажды Максим понял, что сдавать больше нечего, что вчера ему поставили в экзаменационной книжке последний зачет, он разочарованно оглянулся вокруг и как бы увидел перед собой темноватые, немного влажные глаза Виктории. Девушка лукаво улыбалась, а в ее густых каштановых волосах точно далекие, в туманной мгле звездочки блестели тополиные пушинки. «Я пойду за тобой, веди меня на край земли...» — говорил весь ее вид.

Краем земли оказался небольшой, затерянный среди степного приволья хуторок с благозвучным названием Перетоки, хотя на самом деле ничего переточного в нем не было, ибо раскинулся он на пригорке, среди разлива пшеницы и ржи, и славился тем, что здесь давным-давно, еще с дореволюционных времен, работала семеноводческая научно-исследовательская станция. Крищук мог только мечтать о таком назначении. Лучшего места для осуществления его давних замыслов нечего и искать. Максим съездил в Перетоки и возвратился воодушевленный.

— Ты даже не представляешь, как там чудесно! — рассказывал он Виктории. — Степь, буераки, и тишина, тишина...

— А что я там буду делать? — серьезно, как бы не обращая внимания на его восхищение, спросила Виктория. — Ты целыми днями будешь на своих опытных участках, а я?

— Ты о чем, Вика? — удивлялся Максим. — Ты агроном, ученый агроном. Да об этом можно только мечтать! Дел там невпроворот. Или боишься?

— Ничего я не боюсь. Только...

— Что — только?

— Для тебя же лучше было бы здесь. Друзья, коллеги, библиотеки, в любое время консультации... А туда заберешься — не так просто вырваться.

— А куда мне рваться? — недоумевал Максим. — Земля, опыты... Это ведь для меня сейчас главное.

Несколько дней они не виделись, и Крищук еще не раз убедился, как дорога ему Вика и как ему трудно без нее. Очевидно, он погорячился тогда, не поговорил с ней как следует, что-то ему показалось непонятным в ее поведении. Встретившись снова перед отъездом в Перетоки, он был особенно ласков, сказал, что непременно будет ждать ее, свою любимую... Виктория, как бы сожалея, заметила, что, мол, в прошлый раз наговорила глупостей, погорячилась. За это время она многое передумала.

Они распрощались. Максим уехал с раздвоенным чувством, обуреваемый сомнениями в неизбежности их встречи и с некоторой тревогой за свое счастье. Без Вики оно ему представлялось теперь временным и неполным.

А вскоре, в разгар лета, Виктория, даже не предупредив письмом, нагрянула в Перетоки. Как гром среди ясного неба! О, что это были за дни! Пора стояла прекрасная, какая только может быть в середине лета в степной полосе. Несколько дней они жили, словно во сне, которому не было ни начала, ни конца...

Маленькая, с единственным оконцем в тенистый парк комнатка в самом глухом закутке дома, которую отвели молодому специалисту, была для них желаннее и краше всех хором. День и ночь здесь медово благоухал чебрец, душица и еще бог знает какие травы и злаки, в изобилии растущие на полях, пригорках, лугах. С утра до позднего вечера, когда, усталый, весь пропитанный этим ароматом, хмельной от счастья, возвращался Максим, здесь не умолкали кукушки, дятлы, казалось, они поклялись веселить Вику, щедро одаривать здоровьем.

— Эх, и заживем мы здесь! — мечтательно говорил Максим.

За несколько месяцев, в продолжение которых они не виделись, он похудел, лопатки заметно выпирали из-под рубашки, зато загорел на полевых ветрах, в глазах как будто прибавилось голубизны. Виктория ощущала в себе прилив неизвестных доселе желаний и робела перед ним. А волнуют ли его эти чувства?.. Неужели то, ради чего

он очутился здесь, для него превыше всего? Выше ее страсти, желаний?

— Максим, — сказала однажды и испугалась собственного голоса.

— Что, Вика?

— Извини...

— Что ты хотела сказать?

Она покраснела.

— Ну? — вопрошающе смотрел он на нее.

Его настроение, доверчивая улыбка будто растопили смущение, и Виктория, переборов в себе робость, сказала:

— Ты бы хотел иметь... ребенка?

Максим посмотрел на нее удивленно, полусознательно застегнул на груди рубашку:

— Да, — ответил он. Ответ прозвучал как-то буднично, спохватившись, Максим спросил: — А почему ты об этом?

Виктория засмеялась:

— Извини. Глупое подумалось.

— Почему глупое? Абсолютно естественное.

— Но ведь всему свое время... — Она задумчиво повторила его привычные слова.

Осенью они поженились. Был октябрь, Максим приехал в город сияющий и целый день обзванивал своих недавних однокашников. А вечером в уютном зале столовой они распили шампанское, захмелевшие друзья во все горло кричали «горько!», поздравляли, по-доброму завидовали Крищуку, который, видите ли, и науку оседлал, и красавицу, можно сказать, из-под носа увел.

Застолье закончилось поздно. Гости разъехались, а молодые, поскольку собственного жилья не имели, воспользовались отданной в их распоряжение комнатой в общежитии...

Уезжал Крищук под вечер следующего дня, оставляя жену в той самой комнатке с четырьмя аккуратно застланными кроватями, где еще совсем свежо полыхал большой, на пол-окна, букет из сальвий, георгинов, гладиолусов и поздних роз. Виктория провожала его до автобуса, обнимала и целовала, шепча: «Вот возьму и не пущу...» Но ехать надо было, и Максим, успокаивая жену, говорил о скорой встрече, заглядывая в ее полные

слез глаза, видел, как печально провожала она маленький скрипучий автобус, когда тот тронулся в путь.

Зима у обоих прошла в ожидании. Ожидании следующих встреч, весточек, писем... Виктория готовилась к экзаменам, а вечерами, чтобы не скучать, бывала с девушками в кино, иногда ходили в театр. Ночами же, лежа на старой, прогнувшейся кровати, не могла примириться со своим одиночеством, тайком плакала. Но наступал день, когда приезжал Максим, неудержимый, жадный к ее ласке, и все вставало на свои места, жизнь не казалась такой унылой и грустной, как прежде. Он привозил с собой ощущение простора, рассказывал, что работа над диссертацией продвигается, что ему и его коллегам удалось найти злак, который, кажется, будет отвечать его давнему замыслу. Вспоминал какого-то красноармейца, который подарил отцу семена особо урожайной пшеницы, и очень сожалел, что не удалось тогда сохранить хоть горсточку тех семян. Виктория втайне гордилась им, благодарила судьбу за своего избранника. «Пусть не красавец, с лица, говорят, воды не пить, зато умница». Она чувствовала, что Максим тоскует без нее и при встрече улавливает ее малейшие желания, готов сделать для нее все.

— Не скучай, Вика, — успокаивал он. — Осталось ползимы, а там...

Весь день, когда Максиму не нужно было идти в библиотеку, они бродили по городу, заходили в книжные магазины, иногда обедали в ресторане, а под вечер возвращались смертельно уставшие, клялись больше так не делать. Но в следующий приезд все было так же: библиотеки, магазины, кино. И вечером они смеялись, шутили, совсем не думая о завтрашнем дне, о каком-то будущем. Оно было с ними...

— Говорил о тебе со своим начальством, — сказал однажды Максим. — Берут с дорогой душой. Скорее бы лето, завезу тебя в свои Перетоки, сделаю полевой царевной.

— Ой, Максим, — вздыхала Виктория, — когда это будет! Иногда хочется все бросить и лететь к тебе.

— Уже недолго осталось, я ждал тебя вон сколько.

— Сколько? А ну, признайся честно, когда заметил меня впервые?

— Кажется, с тех пор прошла вечность. Будто мы были всегда и везде вместе.

— А я тебя... Помнишь, был у нас кросс, лыжный поход в честь Дня Красной Армии? Припоминаешь? В дороге нас застала буря, мы отсиживались в какой-то лесной избушке, жарко натопили «буржуйку» и пели. Только ты не пел, был какой-то грустный, озабоченный...

— Отец у меня в ту зиму умер. Прошло всего несколько дней...

— Извини, я не знала. И подумала...

— И что же ты подумала, если не секрет?

— Что ты... бирюк... нелюдимый, — доверчиво прильнула к нему.

— Все правильно. Ведь я для тебя был тогда чужой, далекий.

Они помолчали, затем Максим продолжил:

— Несправедливо лишь то, что человек — дорогой, родной для тебя человек — умирает, уходит навсегда, — и он надолго умолк. В его воображении возникли те печальные дни, когда прощался с отцом, провожал его в последний путь. — С этим тяжело примириться, кажется, что в тебе самом обрывается что-то, возникает пустота, пропасть.

А однажды они чуть не поссорились из-за просмотренного фильма. Вике он понравился. Такая чудесная комедия! Максим же критиковал — мол, искусственно, надуманно...

— Это же кино, Максим. В кино все должно быть...

— Красиво, да? Поэтому и говорят: как в кино! А искусство — это правда жизни. Красота должна быть реальной.

Виктория уступила, поняв, что ей не переубедить Максима, да и зачем? Все у них хорошо, просто заговорила студенческая привычка спорить. Они прекрасно понимают друг друга. И это главное. Какое счастье — чувствовать рядом сильного, умного человека. Знать, что он твой, а ты — его, в любую минуту можешь заговорить с ним, попросить о чем-нибудь и он охотно исполнит твое желание. Какая чудесная, удивительно прекрасная жизнь!

Существуют где-то двое, ничего друг о друге не ведая; но в один прекрасный день встречаются и навеки становятся самыми близкими, самыми родными. Случайность? Нет, закономерность! Все в природе продуманно, взаимосвязано... Все ли? А то, что делают Максим и его коллеги? К чему зовет наука и чему решила она, Виктория, посвятить свою жизнь?

— Что же это, поход против природы? Заговор против ее постоянства?

— Совсем нет, Вика, — терпеливо объяснял Максим. — Как ты этого не понимаешь? Ресурсы, которые природа ставит на службу человеку, огромны. Но человечество увеличивается быстрыми темпами. Чтобы удовлетворить его элементарные потребности, ну, например, в еде, необходимо разумно использовать запасы природы, искать, где она их затаила. Проще говоря, найти основу, на которой создавалось бы изобилие.

— Это нам с тобой найти?

— Да, представь себе.

— Страшно подумать.

— Страшно, когда миллионы людей умирают от недоедания, с голоду, вот что страшно. Как несправедливо: человек рождается, чтобы жить, делает что-то полезное и вдруг должен умереть, ибо ему нечего есть.

— Ты веришь, что тебе... всем вам удастся исправить эту несправедливость?

— Верю! — ответил Максим. — Верю, что наука найдет ключи к тайнам природы.

— Завидую тебе, — облегченно вздохнула Вика.

— В чем?

— Ты такой убежденный, так твердо стоишь на своем, а я...

— А ты? Разве все эти годы не убедили тебя в правильности избранного пути?

— Убедили. Но, понимаешь, Максим... Как тебе объяснить? Да, я уверена, что это нужно, но я не чувствую в себе того, чем живешь ты. Призвания, что ли, нет у меня.

— Не наговариваешь ли ты на себя? Ведь ты совсем не такая.

— Жизнь покажет, Максим. Спасибо, что веришь в меня.

...А в первых числах июня Максима неожиданно вызвали в военкомат. Весь день он был в поле, повестку поздно вечером вручил ему секретарь. Через неделю, в течение которой он еле успел сдать дела и попрощаться с Викой, его обмундировали, отправили в лагерь, где уже формировались воинские подразделения. Там и прозвучала для него первая боевая тревога.

7

Ну и житуха настала! В рейс не пускают, только знай — убирай, подметай, имей дело с мусором. Сколько можно испытывать человека? И не пожалуешься: кому, на кого? Все будто правильно: провинился — искупай вину, взяли на поруки — слушайся. А того никто не хочет понять, что ты — личность, можно сказать, индивидуум, и отношение к тебе должно быть ин-ди-ви-ду-альное. Гм, равняйтесь на Шугая! Подумаешь — ударник... Что ему? Лишь бы машина была исправная, гарантированный груз, соответственно — зарплата, премиальные... Ну и благодарность в приказе по случаю праздников. Словом, работа, семья, раз в месяц профсобрание. Еще может посидеть в семейном кругу — даже звучит-то странно: в кругу! — выпить ради праздника или дня рождения позапрошлогодней наливки... Скука! Ни размаха, ни глубины, ни высоты. То ли дело: вернулся из рейса, сдал машину, документацию — и айда, ребята! Один — то, другой — се, разговоры, шутки-прибаутки... Гуляй, братва... А они — Шугай! Да если на таких равняться — мир сузится до невозможности, не люди будут, а стереотипы...

Василий, так раздумывая, закончил убирать цех, поставил метлу и вдруг услышал:

— Привет! Тебя что, заякорили?

В дверном проеме стояли, посмеиваясь, три парня. Василий знал их. Несколько раз, еще поначалу, встречался с ними, забивал «козла», после чего были обязательные «примочки». Пили здесь же, на территории, пока однажды их не накрыли и не влепили по выговору. Правда, ему, как новичку, обошлось предупреждением.

— Чего нахмурился? — наседал один из дружков.

— У меня, между прочим, есть имя, — огрызнулся Василий.

— Смотри! У него — имя... Как же изволите вас величать?

— Если у тебя короткая память, — обратился Василий к худощавому парню, который всегда был у них заводилой, — могу напомнить.

— Ну-ну, — подошел тот.

Вымыв руки, Василий сказал:

— Не хочу вот марать.

— Ты... с кем разговариваешь? Или забыл?

— Нет, — спокойно ответил Василий, в уголке его губ заиграла презрительная улыбка. — Не забыл. А тебе и всем вам советую меня забыть.

— Не кипятись, старик, — примирительно сказал напарник худощавого. — Мы тебе еще пригодимся.

— Катитесь вы... — со злостью процедил Василий.

— Зачем шуметь, ша! В нашей жизни всякое бывает. Не зарывайся. Мы ушли, но мы здесь. Привет, поливай газончики.

Парни ушли. Василий смотрел им вслед и недоумевал: почему он с ними так обошелся? Они имели право зайти, пригласить его... Когда-то ведь был с ними заодно. Что же случилось? Не слишком ли круто он с ними поступил? Ну, отделался бы шуткой, нашел какую-нибудь причину... Мало ли что в жизни случается... «И что, если случается? — спросил сам себя. — И если случится — побежишь к ним?» — «Черта с два», — возразил иной голос. Но Василий сразу же поймал себя на том, что клянется не впервые. Не однажды обещал уже и себе, и ей, Нинке, не пить, не ввязываться в потасовки... Обещал, но разве виноват, что встречаются такие вот... Полагают, если человек ошибся... Но нет! Василий Крищук сумеет постоять за себя! Он не ангел, и пятнадцать суток не сделали из него затворника, но теперь так запросто на дешевинку не клюнет.

Дома Василия ждал сюрприз. За ужином отчим, Игнат Петрович, и мать торжественно сообщили, что с кем-то там договорились, чтобы его, Василия, приняли на месяц в студенческий лагерь. Лагерь на берегу моря, все, мол, условия для отдыха. Они все решили без него и теперь преподносят на блюдечке, на десерт, как содеянное благо. Чудаки! Век доживают, а не понимают, что прежде чем что-либо человеку предлагать — избрать профессию, купить туфли, костюм, путевку, — нужно учитывать и его желание, его вкусы. Что ж, море — это хорошо, подходит, но у студентов свой распорядок, режим, руководители, а при чем здесь он?

— Почему ты молчишь, Василий?

— Я не молчу, я думаю...

— Посмотри на него: он не молчит. Да ты что, насмехаться вздумал? — вспылила мать.

— Вовсе нет. Но со студентами не поеду.

— Тогда, будь добр, скажи, как ты собираешься провести отпуск? — вежливо спросил расстроенный отчим. — Нам небезразлично, что ты в это время будешь делать.

— Не знаю, — искренне ответил Василий.

— Он не знает! Опять понацепляет котомок и пойдет валандаться по лесам да по озерам.

— Хотя бы и так. Что в этом плохого?

— После всего, что случилось, тебе лучше изолироваться от прежней компании, — резонно начал отчим. — Старые друзья будут тянуть к старому. — Хожай говорил спокойно, прихлебывая горячий ароматный чай.

Василий слушал, отковыривал ложечкой кусочки торта, запивал большими жадными глотками. Его в самом деле одолевала жажда. Иногда, как вот теперь, он понимал отчима, понимал как человека, и тогда хотелось сказать отчиму что-то доброе, ласковое, но стоило хотя бы пошевельнуться, чтобы осуществить это желание, как вдруг все исчезало, оставляя после себя холодок отчужденности. Понимал — несправедливо это, однако совладать с собой не мог. Каждый раз чувствовал, как в душе поднимается протест против тех, кто ради собственной прихоти пренебрегает им, его настоящим и будущим. Сначала чувство это проявлялось в капризах, ослушании и касалось главным образом матери, но позже...

Впрочем, почему он мучается? Он взрослый, самостоятельный человек. Общество его отрицает? Нет. Работа у него есть? Есть. Друзья есть?.. Что еще нужно представителю бурного, как его называют поэты, двадцатого века? Непокоя? Так и этого предостаточно...

— Хорошо, я подумаю. — Василий поставил чашку. — Только не к студентам. Чтобы на меня не указывали пальцами, не глядели, как на белую ворону.

— Воля твоя, — заметил отчим и поднялся. — Плохого мы тебе не желаем, — добавил он, еще минуту постоял, ожидая, что скажет Василий. Но тот молчал, и Хожай, небрежно бросив на стол салфетку, удалился в другую комнату.

— Василек, сын, — умоляюще обратилась к нему мать, — послушайся его... Он добрый человек.

Ах, мать, мать, ничего-то ты не смыслишь в современном воспитании. Привыкла к старому, как мир, «слушайся» и ничего больше не знаешь. А мы ведь на вершине двадцатого! В наших жилах бесовская сила, взгляды устремлены в космос, в неведомое. Одного только «слушайся» здесь мало, мизерно мало, здесь нужно «левой,

левой, левой!». Чтобы воздух и земля дрожали, чтобы...

Но он поднялся, слегка коснувшись ее плеча, и, не сказав ни слова, пошел в свою комнату.

Хорошо, что двадцатый век, кроме свободы и независимости, гарантирует еще и персональное, в виде отдельной комнаты, убежище, где в годину душевного ненастья можно спрятаться, запереться, уединиться.

Домашняя крепость Василия, конечно, ничем не напоминала средневековья, не было здесь ни тени аскетизма или чего-то подобного — наоборот, все в ней дышало современностью, неплохим вкусом. Лакированный паркет, яркий шотландский плед на тахте, книжные — под орех — полки, письменный столик, торшер, приемник... А поскольку домик стоял в зелени, в открытое окно струился ароматный, настоянный на молодой листве воздух, слышался ласковый шепот ветвей.

Не раздеваясь и не снимая тапочек, Василий разлегся на тахте, размышляя о только что состоявшемся разговоре. Понятно, его хотят изолировать от плохой компании, от ее влияния. Ну, а если и там, куда он поедет, найдутся новые дружки, появятся новые увлечения? Значит, все зависит от него. То ли здесь, то ли еще где-то — все будет зависеть от него самого. А коль так, если в каждом человеке больше заложено добра, нежели зла, то неужели в нужную минуту он не сможет совладать с собой?

Странная вещь! Человек — властелин, а бывает, не может справиться с самим собой. А что, если в самом деле поехать к старику в Перетоки? Вот было бы дело!

Василий поднялся, подошел к окну. Ранние весенние сумерки уже застилали низкое, подпертое стройными тополями небо. В такое время ему всегда хотелось нырнуть в медленно угасающий людской поток, вдохнуть терпкого весеннего ветерка.

Он надел галстук и уже направился было к двери, как вдруг что-то будто одернуло его: «Опять! Только что раскаивался и снова за свое?» Он остановился, с минуту помедлил и тихонько, на цыпочках, чтобы не встретиться с матерью, не видеть ее укоризненных глаз, выскользнул за дверь.

8

Дождь прошел мелкий, реденький, будто весна только-только пробовала свои силы, но и он радовал. За несколько дней луга покрылись густой щетинистой травкой, зазеленели деревья, а на пригорке, среди ломкого прошлогоднего травостоя, густо зацвели одуванчики, гусиные лапки, мать-и-мачеха, кое-где, еле приметные, заголубели фиалки.

Крищук обходил знакомое до мелочей хозяйство своей станции. С первых лет работы он взял себе за правило: раз в две недели осматривать «владения» и вот сегодня вместе со своим заместителем, а попросту — завхозом, заглядывал во все уголки. Заведующий хозяйством Тулик, бывший ротный старшина, пытался всюду насаждать армейский дух, вести дело по-уставному — точно и безоговорочно. Кое-что ему удавалось, и Максим, втайне подтрунивая над своим заместителем, не протестовал против его «нововведений». Ему не могли не нравиться дисциплина, которой по-доброму, а иногда и принудительно, добился Тулик на подведомственных, как он выражался, объектах, порядок на рабочих местах, четкое распределение обязанностей. Зная, что существует постоянный день обхода — четверг, Тулик готовился к нему заранее, точно к смотру. Все вокруг подметалось, чистилось, посыпалось песочком, а личный состав, от завхоза до подсобного рабочего, являлся в белых халатах и комбинезонах. Сам Тулик всегда был наглажен, чисто выбрит.

Осмотрели ферму — на семеноводческой станции держали немного скота, — машинный парк, состоящий из нескольких грузовых автомобилей, тракторов, плугов и сеялок. У Крищука даже мелькнула мысль о формальности своих обходов, о напрасно потраченном времени. «А в другие дни, когда нет обхода? Не занимаются ли они очковтирательством, показухой?» Он хотел было высказать свои сомнения, но, вспомнив, как однажды Тулик обиделся на него за это, промолчал.

— Как ваши поиски, Прокофий Савельевич? — спросил вдруг Крищук. — Ничего не слышно?

— Ничего, — сокрушенно ответил Тулик и добавил: — Будто в воду канул человек.

Речь шла о фронтовом друге старшины, его непонятном исчезновении уже в самом конце войны, в Курляндии, где их часть вела последние бои с окруженной вражеской группировкой. Генка, его товарищ, полковой радист, исчез во время небольшого вечернего боя. Нигде не нашли ни его самого, ни его рации. После войны в га-

зетах начали печатать письма родных и близких, обращенные к ветеранам войны и к тем, кто что-то знал или слышал о погибших. Тулик тоже обратился в редакцию с просьбой помочь ему разыскать товарища. С тех пор прошло много времени, и то, что Крищук, директор, вечно занятый человек, не забыл об этом, тронуло завхоза.

— Видели бы вы его, Максим Никонович, — только и вымолвил он, ибо за эти годы столько нарассказывал о друге, что тот стал близок односельчанам Тулика.

— Хорошего человека всегда жаль, — сказал Крищук, — друга — тем более.

И тут вдруг вспомнились свои фронтовые товарищи, как гибли они уже в последние дни и часы войны. За воспоминаниями забыв порадовать завхоза известием о том, что им дают новый трактор «Беларусь», Максим распрощался до вечера, до встречи на совещании. Дорожкой через плотину, насыпанную в позапрошлом году в Сухой Балке, он направился к административному корпусу.

На небольшой асфальтированной площадке под старым развесистым кленом стояла незнакомая «Волга». Ее номерной знак ни о чем не говорил, мало ли кто сюда наведывался: один просит семян, другой совета, кто-то над диссертацией работает.

В кабинете сидели секретарь райкома Сторчак и мужчина, представившийся инспектором Госконтроля, — фамилию он назвал невнятно, и Максим не запомнил ее.

— Чем обязан столь высоким гостям? — спросил Крищук.

— Все тем же, Максим Никонович, — сказал секретарь, — пшеницей. Правительство интересуется.

— Очевидно, когда придет время говорить об окончательном варианте Победной, мы с вами, Василий Семенович, не будем ждать, пока к нам начнут ездить, сами отрапортуем, — ответил Крищук...

— Конечно, конечно, — согласился Сторчак. — Но все же... Возможно, нужна какая-то поддержка, помощь.

— Благодарю. В помощи нам никогда не отказывали. Сорт пока на той стадии, когда никакой коллективизм не поможет. Необходимо время.

— Да, время, конечно, решающий фактор, — подал наконец голос инспектор. — Однако нам стало известно, товарищ Крищук, кое-что другое!

— Что же именно?

— У нас имеются данные, что вы вместе с председателем колхоза Багрием без ведома правления и высших инстанций засеяли новым сортом немалый участок самой лучшей земли. Это правда?

«Вот где собака зарыта», — подумал Крищук. Что ж, ни он, ни Багрий никого не собираются обманывать, ничего утаивать. Опыты над Победной продолжаются, а то, что посеяли ее на поле, за пределами селекционной станции, — так это тоже один из экспериментов. Возможно, первый в их практике, но не антинаучный, не антиобщественный, как это, очевидно, кое-кому хочется представить.

Он так и объяснил, отказавшись, однако, от каких-либо письменных свидетельств.

— Что ж, — сокрушенно вздохнул инспектор, — дело хозяйское. Но отвечать вам придется.

— Свою вину, если вы ее докажете, не собираюсь ни на кого перекладывать.

— Тем лучше, — неизвестно чем удовлетворился инспектор: тем, что Крищук отказался дать письменное объяснение, или же его готовностью отвечать за все самому. — Тем лучше, — повторил он. — Советую, однако, не забывать, что у государства каждый гектар на учете, на него рассчитывают, от него ждут отдачи, а ваше злоупотребление...

— Зачем же так? — вмешался секретарь райкома. — Несколько гектаров, которые колхоз временно выделил под новый сорт, не повлияют на наш хлебный баланс.

— Во-первых, — возразил инспектор, — выделил не колхоз, а Багрий, самовольно, а во-вторых, баланс — понятие растяжимое, смотря кто и как его понимает.

— У нас понимание одно, — пытался объяснить Сторчак: — С каждого гектара должны получить определенное количество хлеба, молока, мяса. Это записано в обязательствах, и я, уверен, колхоз их выполнит. С учетом и этой площади.

— Допустим, — согласился гость, но сразу же добавил: — А если бы и с этой площади собрали? Ведь она дала бы минимум сотню центнеров зерна. Вы понимаете? Сто центнеров!

Формально он, конечно, был прав. Но лишь формально.

— Однако мы помним и то, — сказал секретарь, — что живая связь с наукой обещает нам кое-что большее.

Думаете, Багрий наивный человек, раздает землю кому попало? Не понимает, на что идет? Не согласись он сегодня с Крищуком, не пойди ему навстречу, — первенства во внедрении нового сорта ему не видать. А они ведь соседи, стыдно было бы. И осуждать Багрия, считаю, не за что.

— Это ваше официальное заявление? — ухватился за его слова инспектор.

— Если хотите, да.

В разговоре наступила пауза. Крищук, чувствуя себя главным виновником, сказал:

— Собственно говоря, товарищи, зачем спорить? Ссылайтесь на меня. Мол, захватил, вынудил председателя...

Сказано это было настолько искренне, что рассмеялся даже инспектор. Улыбка словно отодвинула завесу, из-за которой выглянуло естественное лицо человека. Перед Крищуком и секретарем он предстал как бы иным. В его теперь уже спокойных словах было столько душевности, что обида Крищука быстро растаяла.

— Извините, я, видимо, погорячился, — сказал Максим. — Понимаете, если что-то не ладится, каждое вмешательство неприятно.

— Знаю, знаю, Максим Никонович, склоняюсь перед вашими заслугами, но... поймите, нарушать никому не позволено.

— Все правильно, — охотно согласился Максим. — Грызет меня, однако, сомнение относительно порядочности автора письма, на которое вы ссылаетесь. Оно, кстати, подписано?

— Какое это имеет значение? — возразил инспектор.

— Имеет, — твердо сказал Крищук. — Для меня — имеет. Ибо если писала доброжелательная рука — это одно, а если, извините, любитель ставить подножку, совсем другое. К первому автору я, может, прислушаюсь, а второй — просто подлец.

— Какой-то вы сегодня ершистый, Максим Никонович, — заметил секретарь райкома. — Давно вас таким не видел.

— Так получается, Василий Семенович. Возмущает меня этот факт. Понимаю, безнаказанности, как и своеволия, никто не допустит, но могу же я проявить свое к этому отношение?

— Конечно, — улыбнулся Сторчак. — Как и то, чтобы пригласить гостей на обед. Время.

— Ну, это уже другой разговор, — в тон ему ответил Максим.

Они вышли на улицу. Слепое за облаком солнце сероватым кругом висело в зените. Ветер доносил с полей рокот моторов, гул автомашин. Весна наступала властно и неотвратимо.

9

С первыми разрывами зенитных снарядов и сброшенных на окраины вражеских бомб жизнь в городе пошла по-иному. Ревели сирены, стреляли зенитки, улицы запрудили военные машины, тягачи, танки, пушки на конной тяге, солдаты... Все двигалось, плыло на запад, на восток...

Виктория сдавала экзамены и с ужасом перед ожидавшей ее неизвестностью готовилась стать матерью. От ночных дежурств на улицах и крышах домов ее освободили, и часто, оставаясь одна, она рыдала над несчастной своей судьбой. Был бы Максим, с ним легче, он умел находить выход даже из самой сложной ситуации. Но от него ни слуху, ни духу. Где он, что с ним? И как ей быть дальше?.. Родители советуют бросить все и ехать домой, а в деканате — продолжать готовиться к экзаменам, никто, мол, не собирается оставлять город. Виктория несколько успокоилась, целыми днями сидела за учебниками, во время воздушных тревог бегала в подвал, где оборудовали убежище, а в перерывах между ними торопилась в магазин за продуктами.

Однажды вечером, когда, казалось, и надежду потеряла, пришло письмо. Небольшой помятый треугольничек со штампом полевой почты. Она целовала его, прижимала к сердцу, нюхала, будто по запаху старалась что-либо угадать из этой далекой неизвестности. Он живой! Ее Максим, ее любимый — живой, живой!.. Пройдет немного времени, и это недоразумение, которое называют войной, кончится — не может ведь оно длиться долго, и они встретятся, опять будут вместе, она никуда уже его не отпустит и сама никуда не будет отлучаться; у них родится сын — непременно сын; у них будет квартира — пусть небольшая, даже та перетокская комнатушка, она уберет ее рушниками, под окнами посадит цветы и непременно мальвы, чтобы заглядывали в комнату сквозь стекла. Максим выведет новый сорт пшеницы, станет из-

вестным ученым, а она... Она будет при нем — помощником, другом, советчиком, кем угодно, лишь бы вместе.

Окрыленная радостью, Виктория и не заметила, что письмо без обратного адреса. «Пишу с дороги... Все пока хорошо... не волнуйся — тебе вредно волноваться. Обнимаю, целую крепко-крепко!» С какой дороги? Куда она ведет?

Утешала себя мыслью, что за первым письмом придут другие, более ясные вести. Но минула неделя, вторая, месяц, а в конце августа, когда над городом все чаще и чаще стали появляться тучи вражеских бомбардировщиков, приказали немедленно собираться в дорогу. Эвакуироваться.

— Куда же мне в таком состоянии? — обратилась в деканат Вика.

— Ничего, ничего. Не пешком идти. Домой ведь все равно нельзя?

Да, нельзя. Ее родной полесский городок уже занят немцами, дорога к родным отрезана...

Наспех упаковывали институтские архивы, библиотеку, возили на станцию и там грузили в вагоны. А однажды ночью, прихватив пожитки, выехали сами. Поезд без огней прогремел по мосту через Днепр, миновал Дарницу и ушел в ночь, дышащую тревожными сполохами. Сгрудившись по углам, девушки еле дождались утра. На какой-то станции, где меняли паровоз, набрали кипятку, размочили в нем твердые, очевидно, с военных складов, галеты. Не успели поесть, как над городом завыли сирены, им спешно подали паровоз и отправили. Но только отъехали несколько километров, как над поездом появились вражеские истребители.

Налет, однако, был недолгий, все радовались, что удалось благополучно вырваться из пекла. Слегка отодвинув тяжелые, окованные двери, девушки смотрели в степь, подступившую разливами спелой пшеницы к самой железнодорожной насыпи, на бесконечные вереницы подвод на дорогах, серые от пыли гурты скота, медленно тянувшиеся на восток, на дымы, заволакивавшие горизонт.

— Горит наша Украина, девчата.

Слушала разговоры, а мыслями была там, рядом с Максимом, на его неизведанных путях-дорогах. Как это ужасно — война! Они ведь еще не нажились, не налюбились, не налюбовались друг другом. Они ведь мечтали о хлебе, зерне, чтобы было больше его на этой земле.

Эшелон подходил к какой-то небольшой станции, как вдруг в небе загудело, засвистало и вдоль линии — вблизи и вдали — зловещими соцветьями начали вспыхивать разрывы. Они поднимались один за другим, сотрясая воздух. Видно было, что фашистские стервятники охотятся именно за ними, эшелонцами, и что теперь не угомонятся, пока не осуществят свое черное дело. Девушки со страха задвинули дверь, оставив лишь узенькую щель, но и ее было достаточно, чтобы понять происходящее за тоненькими трясущимися вагонными стенками.

Вдруг вагон встряхнуло: сверху, с нар, полетели тюки и котомки, поезд словно обо что-то ударился и, визжа тормозами, всем своим металлическим шитьем, еще немного продвинулся и замер.

— Открывай! — кричал кто-то снаружи. — Всем в поле!

— Ой, девушки!

— Быстрей от вагонов!..

Девушки начали беспорядочно спрыгивать на землю. Помогли сойти и Виктории. То, что предстало перед глазами, леденило душу: паровоз и несколько передних вагонов лежали на боку. Над ними взвивалось пламя, и прямо из огня выскакивали люди, на ходу срывали тлеющую одежду, бежали и падали, сбивая огонь. Над степью стоял истошный крик, время от времени его заглушал рев пикирующих самолетов.

Люди рассыпались кто куда. Вика, прихватив котомку, бежала за ними, задыхаясь, ноги ее путались в густо переплетенной повиликой пшенице, но страх гнал ее дальше и дальше. Обессилев, она упала. К ней подскочили, подняли, но, пробежав еще немного, она снова легла.

— Поднимайся! — тормошили ее за плечи.

— Оставьте меня, оставьте...

Казалось, ей ничего не надо, только бы немного покоя, тишины — хотя бы на миг, на один только миг.

— Максим! — закричала Виктория, увидев, как с высоты прямо на нее устремился серебристый ястреб. Виктория вскочила, заметалась из стороны в сторону, от визга зазвенела голова, и она упала, распласталась, в ужасе закрыла глаза. И тогда... Начались судороги, вся она — до последней клеточки — превратилась в сплошную боль.

— Мама!..

Не было уже ни рева самолетов, ни разбитого эшелона, ни самой войны — боль пронзила ее тело, рвала, обжигала страшным огнем.

— Спасайте!.. Люди!..

Гребла под себя землю, сухие изломанные стебли.

— Мама-а-а!..

Кто-то подхватил ее под мышки — словно окунул в теплые, нежные волны.

10

Рейс был недалекий, каких-нибудь сто километров, Василий провел его успешно и, радуясь, как только может радоваться истосковавшийся по настоящему делу человек, возвращался домой. Но на окраине города его опять подстерегала беда. На обочине дороги стоял человек, умоляюще размахивал руками — помоги, мол, выручи. Василий не любил подобных происшествий, но здесь, уже отъехав несколько десятков метров, нажал на тормоза.

— Друг, — подбежал запыхавшийся, интеллигентный на вид мужчина. — Спасай!.. Хоть несколько литров... не дотяну.

Василий бросил взгляд на «Волгу» устаревшего образца, стоявшую в стороне, в которой сидело юное, совсем не под стать этому плешивому создание, поморщился.

— Любишь кататься, люби и саночки возить, — шутливо сказал просящему.

— Войди в положение, — умолял тот, — не ночевать же мне на дороге.

— А почему бы и нет? — иронически спросил Василий. — По-моему, вы для этого и приехали.

— Христом-богом молю, выручи, — водитель вскочил на подножку, просунул голову в кабину. — В музей бесплатно устрою, на выставку фараонов.

— Катись ты со своим фараонами...

— Ну, хочешь, на пол-литра дам, а?

Упоминание о поллитре рассмешило, Василий заглушил мотор.

— Ведро у тебя есть? — спросил примирительно. — Или в карманы будешь набирать?

— Нету, браток, ведра, — почти слезливо канючил хранитель музея.

Василий неохотно вылез из кабины, поднял сиденье, достал резиновое ведро, шланг и бросил:

— На, набирай...

— Так ведь... Как же?

— Как обычно, тяни ртом, вот так...

Мужчина брезгливо вытер конец резиновой трубки, взял ее в рот, потянул раз, другой. Василий молча наблюдал.

Наконец бензин плеснул, побежал тоненькой струйкой.

— Что, невкусный коктейль?

Дело шло к концу, как вдруг откуда ни возьмись подкатил мотоцикл. Высокий, в кожанке, старшина милиции не торопясь подошел к ним.

— Что тут у вас за происшествие? Чей самосвал? — и взглянул на Крищука.

— Мой, — ответил Василий.

— Документы.

Крищук с недоумением посмотрел на владельца «Волги», вдруг замолчавшего, достал водительское удостоверение и путевку.

— Ну, так как же? — переспросил старшина.

— Датчик подвел, товарищ старшина, — залепетал работник музея. — Я остановил машину, попросил вот...

— Помолчите, гражданин, и до вас очередь дойдет.

— А что спрашивать? — повысил голос Василий. — И так все видно.

— Он ведь выручил меня, как водитель водителя, — снова вмешался владелец «Волги».

— Придется вписать в путевой лист, — сказал старшина Василию, — пусть начальство твое разбирается. — Он достал шариковую ручку, удобно пристроил планшет.

— Пишите! — бросил Василий. — Ваше право.

— Не кипятись, парень, служба у меня такая, — спокойно объяснил инспектор. — А за грубость еще в придачу получишь.

— Какая грубость? — не мог успокоиться Василий. — У человека беда, нужно ведь помочь. Не ночевать же ему на дороге.

— То другое дело, — сказал старшина.

— Эх! — махнул Василий. — Записал? Давай! — Он взял документы, смотал шланг, забрал у водителя резиновое ведро и плюхнулся на сиденье. Самосвал взревел, рванул с места, аж песок брызнул из-под задних колес.

Так дураку и надо! Учат его дисциплине, порядку, а он... сердечность, видите ли, проявлять вздумал, «фараона» какого-то выручать...

На контроле, при въезде в парк, Крищука остановили, записали опоздание. Василий, вконец раздосадованный, загнал машину на стоянку, затем — на попутной — поехал в кафе...

— Ну, что я говорила? — узнав о случившемся, выговаривала ему на следующее утро мать. — Первый рейс, и опять происшествие?

Василий молча умывался, в голове шумело от выпитого вчера.

— Посуди сама, — оправдывался он, — все было как следует, ехал, и вдруг один тип... — и подробно рассказал о случившемся в дороге.

— А выпивал с кем? Или насильно тебя затянули в ту проклятую забегаловку?

— Ну, это уже после, — сказал Василий. — Досада взяла.

— Все у тебя так: то досада, то радость. Только выпутался из одной беды, на тебе — новая приключилась. Одумайся, Вася, пока не поздно...

— Да что ты запричитала! Сам знаю, не маленький. — Василий накинул на плечи куртку и вышел.

Наряд-пятиминутку просидел молча, в рейс его не назначили.

После пятиминутки вызвали к начальнику.

— Так как? — спросил тот.

— Никак, — переминаясь с ноги на ногу, сказал Василий.

— Что значит — никак? А путевой лист кому разрисовали? Из рейса кто опоздал?

Василию в который раз пришлось повторить свой рассказ о случившемся — век бы того плешивого не видеть! — о бездушном старшине.

— Послушать тебя — всюду ты прав, — немного успокаиваясь, сказал начальник. — Вот что, — хлопнул он ладонью по столу, — надоело с тобой возиться. Давай договоримся: или — или. Или работать будешь, или... Вечно с тобой разные истории приключаются.

— Так ведь я же вам объясняю...

— Все, довольно. Иди в нарядную, скажи, чтобы дали работу. Не рейсовую.

А через несколько дней в очередной стенгазете Крищук увидел себя размалеванным до неузнаваемости. Созданное художником его подобие сидело на пеньке, с поллитрой и закуской в руках, а из бака самосвала фонтаном лился бензин. «Берите, дяди и тети, — не мое, государственное», — гласила подпись.

Разъяренный Василий влетел к Стецюре.

— Канцелярская крыса! Кто видел, что я продавал бензин?

— Прошу без оскорблений, — испуганно сказал Стецюра. — Есть редколлегия, не согласен — апеллируй. В путевом листе записано четко.

— Эх ты! Понасажали вас тут, праведников. За бумагой живого человека не видите.

— Видим, будь уверен.

11

Игнат Хожай принадлежал к поколению, которое появилось на свет после Октября. Родители его учительствовали в одном из небольших городков, которые издавна, с незапамятных времен, ютятся вокруг Киева, на многолюдных его путях-перепутьях. Хлопец рос и воспитывался в послушании, учился прилежно, ходил в «круглых отличниках», часто ставился в пример другим, за что и получил от сверстников прозвище «мамин сынок», и пристало оно к нему надолго, почти до института, пока не затерялось среди бурлящей студенческой массы.

Впрочем, была в том прозвище доля правды, потому что пошел Игнат в большую жизнь по следам матери, школьного биолога. Во всяком случае, выбор вуза был не случаен, предусматривал прямую наследственность. Правда, родители сразу же предупредили сына, что готовиться ему следует отнюдь не к учительской карьере — достаточно они ее вкусили, а к научной. Стране, — говорили они — и это была сущая правда, — нужны специалисты-земледельцы, а кто же знает ее, землю, лучше, чем он, Игнат, который и родился, можно сказать, среди природы, и вырос, и любовь к ней вобрал с молоком матери.

Игнат не стал перечить родительской воле, ему было безразлично, куда идти, по всем предметам у него было «отлично», поэтому, поступив в институт, он со школьной прилежностью и упорством накинулся на учебники, не вылезал из читалки, лаборатории, и вскоре, в конце первого же полугодия, за ним закрепилась слава способного студента, имеющего к тому же склонность к научной ра-

боте. «Вам, юноша, пора выбирать тему и понемногу готовить диссертацию, — посоветовал Игнату на четвертом курсе один из профессоров. — У вас талант». Хожай и это принял как должное и еще усерднее взялся за учебу. По рекомендации того же преподавателя его взяли ассистентом кафедры. Приезжая теперь на каникулы, Игнат хвалился, что по совместительству уже работает помощником у самого профессора, на что товарищи — из тех, кто когда-то приклеил ему прозвище, — скептически говорили: «Пошли наши в гору...»

Во время государственных экзаменов Игнат уже знал, что с наступлением осени он — аспирант, а там... Все-таки не зря старался! Он своего добьется!

Защита диссертации планировалась на август, был разослан реферат, подобраны оппоненты... Война застала его в институтской лаборатории. Фронт неумолимо приближался, и понемногу начали упаковывать самую ценную документацию, готовясь к возможной отправке в более безопасное место... Через несколько месяцев после начала войны молодой аспирант очутился сперва в небольшом приуральском городке, затем — в Казахстане, в одном из совхозов неподалеку от Актюбинска. Верный гражданскому долгу, Игнат несколько раз обращался в местный военкомат с просьбой отправить его в действующую армию, на фронт, но ему отвечали одно и то же: «Вы нужны здесь». Когда же стал настаивать на своем, его строго предупредили, что, если он будет вести себя так и дальше, — за дезорганизацию трудовой дисциплины в военное время предстанет перед судом.

Дел было невпроворот, надо было вникнуть в новое хозяйство, а там и вовсе поглотила его текучка.

Весной в совхоз прибыла партия эвакуированных, и Хожай поспешил встретиться и познакомиться с ними — может, найдутся специалисты ему в помощь. В душе надеялся даже встретить кого-нибудь из земляков. Большинство прибывших были женщины и дети. Обрадованные радушием, которое оказали им местные жители, они располагались, как могли, пригретые весенним солнцем. Вид у них был усталый, изможденный. Какая-то отрешенность, казалось, навсегда поселилась в их глазах.

Внимание Игната привлекла женщина с распущенными волосами, — видимо, она недавно помыла голову и сейчас сушила волосы на солнце. Подошел к ней. Женщина подняла глаза — Хожай неожиданно замер.

— Извините, — полусознательно сказал он, — вы случайно...

То ли внимание к ней, то ли что-то иное встревожило эвакуированную, — руки ее дрожали, она отвела взгляд.

— Вы, случайно, не из Киева, не учились там?

Не ответив, женщина уткнулась в платок, лежавший на коленях, и заплакала.

Хожай, присев на корточки, пытался утешить ее, но напрасно. Так ничего не добившись, ушел. Но мысль, что он видел ее раньше, что они встречались где-то, не оставляла Игната.

На следующий день было воскресенье, и Хожай вместе с Джумалиевым, директором совхоза, — старым, грузным, с тяжелой одышкой казахом — на потрепанной «Эмке» покатили в областной центр. Необходимо было кое с кем встретиться, о чем-то договориться, главное же, как понимал Игнат, — хоть немного отдохнуть от назойливого однообразия повседневных забот.

Они ездили по магазинам, сидели в чайхане, пили приготовленный по-местному чай, Хожай что-то покупал, а когда возвратился назад, — среди покупок обнаружил цветастую шелковую косынку и туалетное мыло. «Странно, — подумал он. — Ну, мыло, конечно, пригодится, а вот косынка... Вроде ж и не пьяный был...» Полюбовался покупкой: пожалуй, к лицу той, приезжей... Удивился нелепости своей затеи. Еще обидится...

Через несколько дней они встретились в столовой. Женщина сидела в уголке, ужинала. Игнат взял поесть, сел за ее стол.

— Простите за тот несуразный разговор, — начал он, — но меня преследует мысль, что мы с вами где-то встречались. Пусть случайно... Вам не кажется?

Женщина посмотрела на него, и трудно было понять: то ли осуждает его, то ли вспоминает.

— Кажется, и я вас видела, — проронила она наконец. — В ассистентской. Могло быть?

— Да, да, вполне... Но вы...

— Что, изменилась, узнать трудно? — В голосе ее опять послышался холодок неприязни. — Под Курском немцы разбомбили наш эшелон. — Она опять замолчала и так долго сидела оцепеневшая, вспомнив все ужасы дороги.

Закончился ужин, и Хожай попросил разрешения про-

водить ее: уже сгустились сумерки. Не сказала ни «да», ни «нет», молча встала, пошла к выходу.

Было по-южному тепло, над селением висело высокое звездное небо, со степей налетал порывистый ветер, жаром дышал в лицо. Игнат рассказывал, сколько пришлось натерпеться, пока добрались сюда... Так, идя рядом, нечаянно коснулся плеча, ощутил, как вся она вздрогнула, будто на морозе. Заговорил о прошлом этих мест, о том, что слышал и знал, какие были здесь высокие цивилизации и как люди, пришельцы-завоеватели, да и коренные, постепенно уничтожали их, бездумно вырубая леса, губя озера и реки, и как важно, крайне важно теперь возродить эти просторы, вернуть им былое плодородие.

— Вы на самом деле считаете это возможным? — увлеченная его словами, спросила Виктория.

— Пусть не сразу, потребуются десятилетия, но, уверен, так будет, — взволнованно говорил Игнат. — Главное — начать, а там все поймут... Если бы не война.

— Люди здесь живут веками, а вы только приехали и хотите переделать эту землю, — продолжала Виктория. — Реально ли это?

— Есть чудесный пример. Голодная степь. Помните? Только там в гигантских масштабах, государственных, а у меня будет в местных, совхозных. Представляете: закончится война, мы с вами возвратимся в родные края, а освоенная нами земля останется. Как память. И люди будут благодарны нам...

— Когда это будет? — Его искренность, увлеченность подкупали. И Виктория, сама того не замечая, все больше проникалась расположением к этому человеку.

— А знаете, мой муж... да, мой муж — селекционер, в последнее время работал над новым сортом пшеницы.

— Вот как! — воскликнул Хожай.

— Я даже прихватила... чудом уберегла немного элитных зерен.

Он остановился:

— Так это же чудесно! Мы ее и посеем здесь, па освоенных землях.

Они вспомнили родные места, где теперь хозяйничала война. А потом, ночью, Виктория долго не могла уснуть — перед глазами, будто наяву, вставали родное Полесье, село над Припятью, скрипучая калитка во двор...

12

Малый президиум, как называл Крищук ученый совет опытной станции, заседал в конце рабочего дня, когда никто не заходил сюда, не отвлекал. Заведующие отделами информировали о результатах опытов, Тулик докладывал о готовности к уборке урожая.

Максим слушал, делал пометки в дневнике, что-то чертил, а мыслями был весь в поле, у своего злосчастного клина. Кому поперек горла стали эти несколько гектаров? Не Хожаю ли? Ведь выступил же он со статьей, в которой, пусть не прямо, но ставил под сомнение его, Крищука, метод... Речь идет о принципиально новом сорте, это Хожай прекрасно понимает. Так почему бы ему в самом деле не попытаться затормозить? По крайней мере — чужими руками...

Совет был обычный, особых проблем решать на нем не предстояло, все шло своим чередом, и если бы не приезд инспектора, можно было бы считать, что оснований для тревоги нет. Очередные сорта и гибриды в проработке, их около тысячи, закладываются новые линии, за ними необходимо наблюдение и наблюдение...

— Так что будем делать с Победной? — спросил Крищук.

Все молчали, ожидая, что же он скажет дальше. Но Крищуку, как никогда, хотелось услышать мнение коллег.

— Может, ее лучше пересеять или подсеять? — несмело заговорил Тулик. — Чтобы то есть общей картины не портила.

Крищук промолчал.

— Удобрения ей нужны. Ведь мы мучаем ее, голодом морим, — сказала Марта.

— Так уж и мучаем? — спокойно возразил Крищук жене. — А что удобрениями не балуем, так это верно, в этом вся суть.

— Ей давно место на полях, — продолжала Марта, — а мы будто специально держим ее, не даем хода.

— А и в самом деле, Максим Никонович, — вмешался в разговор Немерченко, почвовед и секретарь партбюро. — Ни один сорт не забирал у нас столько времени.

— Не забирал, — согласился Крищук. — А почему? Почему такое особое отношение к Победной? Все вы прекрасно знаете, — обвел взглядом сотрудников.

— Но ведь от этого не легче, Максим Никонович, —

добавил Немерченко. — Всем известны исключительность сорта, наши, так сказать, надежды, расчеты, но...

Секретарь умолк, и Крищук переспросил его:

— Что «но», Федор Саввич? Говорите яснее.

— Извините, создается впечатление, что мы чересчур увлеклись экспериментом и на самом деле задерживаем ценный сорт.

Крищук понимал нетерпение коллектива поскорее увидеть результаты своего труда не на опытных участках, а на полях.

— Все такого мнения? — спросил, глядя почему-то на Марту, будто она была сейчас олицетворением «всех», точно в сказанном ею могло уместиться мнение всех сотрудников.

— Видимо, так ставить вопрос не следует, — заметил Немерченко. — Все не могут мыслить одинаково, да и не нужно в науке такое единодушие. Возможно, будет лучше, если мы выясним: насколько реальны наши требования к Победной. Не целесообразнее ли вывести ее в серийную и продолжать опыты?

— Вы же знаете, Федор Саввич, — прервал его Крищук, — подобных сортов у нас в производстве несколько, выводить еще один — это, извините, топтание на месте.

— Когда-то, помнится, мы не пренебрегали даже центнером-двумя, а побыстрее давали гибриду дорогу. Если уж правду говорить, то действительно засиделись мы с Победной.

— Да поймите же, — в сердцах возразил Крищук, — сейчас не то время, от нас требуется не число, а новые капитальные сорта. И я настаиваю на продолжении опытов...

Они всегда с доверием относились к его предложениям, подумал Крищук, однако имеет ли он право подчинять всех своей воле, авторитету и ставить в зависимость от собственного мнения? Между ним и коллективом никогда не возникало глубоких разногласий, всегда они находили компромиссное решение. Но теперь, если придерживаться точки зрения Марты и Немерченко, надо поступиться высокими принципами, сдаться перед искушением быстрого успеха, о котором, конечно, будут писать, говорить...

Неожиданно зазвонил телефон. Максим Никонович взял трубку, и в наступившей тишине все услышали звонкий детский голосок:

— Папа, а мама у тебя?

— У меня, у меня, мы скоро придем, — смущенно ответил Максим.

— А я читаю о Робинзоне Крузо, — доносилось из трубки, которую Крищук по привычке держал на расстоянии. — Он тоже из ничего вырастил урожай...

Все вдруг засмеялись.

— Вот вам и решение проблемы, — сказал Немерченко, когда Крищук положил трубку. — Из ничего! А мы тут копья ломаем. Давайте вот что, Максим Никонович, завтра вместе с Мартой Николаевной посмотрим, как чувствует себя сорт.

— Если бы остановка только за этим! — Крищук поднялся, давая понять, что заседание окончено. — Если бы только это... — Уже собравшись идти, он добавил решительно: — И все-таки не будем мы Победной давать подкормку. Она просто не пробудилась, не среагировала на первое тепло. И это хорошо! Слышите! Стабилизируется погода, и она пойдет в рост, сил у нее достаточно. Вот увидите завтра. Пшеница хорошо закустилась.

13

Они долго и тяжело отступали. Измученные, удрученные пониманием нависшей над страной смертельной опасности, только поздней осенью остановились на Дону, недалеко от Ростова. Здесь была переправа. Сотни машин, гурты скота, масса людей, военных и гражданских, раненые, которым надлежало идти дальше, в тыл, днями ожидали очереди. Берег реки превратился в огромный лагерь, который ежедневно, по нескольку раз бомбила вражеская авиация. Им надлежало все это защитить, перед ними и за ними во всей необъятности лежала родная земля.

Крищук остро переживал отступление. Ему, на первых порах политруку роты, а ныне батальонному комиссару, как никому другому, известны были и настроение бойцов, и молчаливый укор, которыми провожали их женщины, старики и дети на скорбных путях от Буга, Днепра и до этого вот тихого, воспетого в песнях Дона. Сколько осталось позади городов и поселков, сел и хуторов!

К общему горю прибавлялось свое, личное: где Виктория? Где мать? Искал их на всех дорогах, присматривался к толпам эвакуированных, — авось встретятся, пусть

не они, кто-нибудь знакомый, кто знал о них или что-либо слышал. Но тщетно.

Прикидывал: Вика теперь не одна, их уже двое, затерянных в нескончаемости дорог, на путях-перепутьях.

КП батальона стоял над самым Доном, на поросшем кустарником бугре, с которого хорошо просматривалась река, затуманенные далью казачьи станицы и хутора; на полях собирали подсолнечник и кукурузу, пахали под зябь, и Крищук душой рвался туда, где меж кукурузных стеблей цвели женские платки, бегала детвора, помогая взрослым обламывать желтые початки, где из-под плугов курилась легкая земная испарина.

На переправе вышло затишье, Максим долго стоял, смотрел, как, то появляясь, то вдруг исчезая за поворотом, сверкал батюшка-Дон. Где-то здесь, под Ростовом, такая же, как у них в Перетоках, опытная станция. Он слышал о ней, даже собирался в свое время приехать за опытом.

Как странно устроена жизнь! Один строит, сеет, растит, а другой зарится на все это, старается завладеть чужим добром. Одна земля, одни, казалось бы, люди. Но в том и беда, что не одни. Мир издавна стоит на добре и зле, и зло, бывает, берет верх. Но побеждает все-таки справедливость. И не может такого быть, чтобы вот эта несправедливость — фашизм — восторжествовала. Не к концу ведь идет человечество, оно лишь начало светлый день своей истории, остановить его — значит остановить жизнь, что безрассудно и невозможно. Птицы улетают, чтобы вернуться и свить новые гнезда, человек рождается, чтобы творить, создавать...

— Товарищ батальонный комиссар! — вывел его из раздумья ординарец. — Вас к комбату.

У штаба заметное оживление. Крищук вошел, когда комбат ставил задачу.

— Получено сообщение, — услышал Максим, — что в прилегающем районе, вот здесь, — комбат ткнул карандашом в развернутую на столе полевую карту, — прорвались немцы и движутся в нашем направлении. Приказываю: первой, второй и третьей ротам оседлать подступы к переправе. Действовать немедля.

Все было просто и ясно: не пропустить врага, не дать ему занять господствующее положение.

— Вам тоже придется пойти на тот берег, — сказал

командир Крищуку, когда они остались вдвоем. — Прошу вас, поберегитесь.

— Попробую, — вполне серьезно ответил Крищук.

Ждать пришлось недолго. Едва они заняли позиции, как над переправой появилось одно, затем второе звено вражеских самолетов — на реке взметнулись столбы воды, полетели обломки машин, телег. Крищук видел, как с левого берега ударили зенитки, очереди трассирующих пуль стремительно понеслись наперерез самолетам, вот один из них загорелся, потянул за собой черный дымчатый хвост и упал где-то в пойме, в камышах, вспыхнув ослепительным всполохом. Гибель одного, впрочем, не испугала остальных, они кружили, утюжили переправу вдоль и поперек.

— Где же наши «ястребки», мать-перемать? — ругнулся кто-то.

В полдень закурилось на горизонте, тучи пыли повисли над степью. Крищука позвали к телефону.

— Видишь танки? — кричал в трубку комбат.

— Вижу столбы пыли!

— Это танки! Приготовиться!

Крищук направлялся в третью роту, которая залегла в песках. «Жарко будет», — подумал он, имея в виду и характер предстоящего боя, и солнце, которое зависло в зените.

— Вода в запасе есть? — спросил молодого ротного. — Для пулеметов.

— Есть, товарищ комиссар, — бодро ответил тот.

Гул нарастал, над переправой снова пикировали штурмовики, в воздухе потянуло гарью.

В это время Крищук увидел, как прямо на них шло семь или восемь танков.

— Приготовиться!

Приказ потонул в реве начавшегося боя. Совсем близко, справа и слева, били бронебойные ружья, пули с визгом вспарывали воздух. Прямой наводкой ударили сорокапятки, в ответ им тяжелые снаряды ухнули спереди и сзади, земля вдруг вздыбилась. Несколько машин запылали.

Танки уже были близко, за сотню метров, почти в расположении наших подразделений, и Крищук приказал ротному прекратить артогонь.

— На вашу ответственность, товарищ комиссар, — неудовлетворенно заметил тот.

— И не горячитесь, — добавил Крищук. — Ротный был молод, из недавних курсантов, Максим считал своим долгом подсказать ему: — Не прозевайте момента, чтобы отсечь пехоту от танков.

— Если бы ее было видно, — досадовал ротный. Он высунулся за бруствер, чтобы лучше рассмотреть обстановку, и в ту же минуту повалился на дно траншеи.

Крищук бросился к лейтенанту. Ротный не шевелился, осколок вспорол ему грудь.

— Вызовите комбата! — приказал Крищук.

Телефонист испуганно завертел ручкой полевого телефона, закричал в трубку, но никто ему не отвечал, и он недоуменно взглянул на комиссара.

— Что, нет связи? — спросил Крищук. — Немедленно на линию!

А бой кипел уже рядом. Максим понял, что настало время вводить в действие автоматчиков, ударить по десанту, и немедля отдал приказание.

Бойцы рванулись из окопов и словно растворились в дыму и пыли — он едва угадывал их по голосам и трескотне автоматов.

— Передайте на КП, когда наладится связь: комроты убит, командование взял на себя.

Он выскочил, перепрыгивая от воронки к воронке, бросился вперед.

— Ура-а!..

Еще несколько танков горело в ложбине перед самыми траншеями, один из них, разворочав окоп, накренился да так и остался дымить. Возле него и на раскаленной броне лежали распластанные солдаты в мышиного цвета мундирах, а неподалеку, в стороне, Крищук увидел размятую сорокапятку, вдавленные в песок тела артиллеристов...

Сколько продолжался бой — полчаса, час? Крищук посмотрел на солнце — оно, казалось, было на том же месте, но пекло еще сильнее.

Атака немцев захлебнулась, их уцелевшие танки отошли. Черные от копоти и пыли, некоторые в подтеках присохшей крови и бурых бинтах, бойцы возвращались на прежние позиции. Они напоминали какие-то истерзанные существа, которые после страшных истязаний наконец вырвались из огненного ада.

— Ну, получили, гады!

— Теперь не сунутся...

— Гляди — испугались.

«У них еще хватает сил говорить, шутить», — думал Крищук, в душе удивляясь стойкости и выносливости этих людей.

...На исходе дня, когда отбили еще одну атаку, Максим был ранен. Он только что собрал политруков, как вдруг над переправой разыгрался воздушный бой. Против семи немецких истребителей бились два наших ястребка. Все увлеклись зрелищем, и вдруг послышался свист падающей невдалеке бомбы. Мощная взрывная волна сбила Крищука с ног, чем-то горячим пронзила плечо. Когда он попытался заговорить, собственного голоса не услышал.

14

После той памятной встречи они виделись часто. Виктория тяжело переносила одиночество и нередко, осуждая себя за подобное, искала повод для встречи. Хожай правился ей деловитостью, скромностью. В отношениях с нею всегда корректен, выдержан. Убеждал, что все обойдется, что ее муж Максим, наверное, работает где-нибудь при штабе.

— Не в его характере отсиживаться, — возражала Виктория.

— Там не спрашивают. Приказывают — и все.

Месяца через два Викторию назначили агрономом по семеноводству. И она старалась: ездила по полям, выбирала наилучшие образцы, чтобы потом оставить их на семена, определяла спелость, а перед глазами стояла перетокская пшеница.

Воспоминания о потерянном сыне бередили душу, что скажет Максим, когда вернется? Не уберегла... Так, видимо, суждено.

Однажды в воскресенье, в какой-то праздник, они вместе возвращались домой, и Хожай пригласил ее к себе.

— Вы ни разу не были у меня, — сказал он. — Так не годится, мы ведь земляки.

Виктория колебалась: идти к одинокому мужчине! Он это понял, сделал вид, что обиделся, и она согласилась. В конце концов, что в этом предосудительного? Они земляки, волею судьбы очутившиеся вдали от родных мест, — грех чураться друг друга. Игнат столько для

нее сделал... Да и не поздно еще, только начало вечереть. Зайдет, может, помочь в чем-то нужно...

Сдерживая волнение, переступила порог, и сразу вроде бы отлегло от сердца, будто зашла к ребятам-однокурсникам. Виктория даже обрадовалась, увидев точно такую же, как были у них в общежитии, прогнувшуюся до самого пола железную кровать.

Он взял ее за руку, провел в глубину комнатки, посадил на стул. На столе, в миске, разрезанная на аккуратные дольки, лежала ароматная дыня. Здесь же стояла бутылка вина.

— Зачем все это? — удивленно спросила Виктория.

— Вика, — он назвал ее подчеркнуто вежливо, — угощать гостя — обычай нашего народа. Сегодня вы моя гостья, и я не хочу нарушать традиции... Вы осчастливите меня, если...

— Но мы так не договаривались, Игнат Петрович... Уже поздно. Что подумают люди?

— Что — люди? Какое им в конце концов дело? — Присутствие женщины, видимо, пьянило его. — Вика...

— Нет, нет! — Она вскочила, встала у окна.

Игнат оперся руками о стол, свесив голову, волосы его торчали прямыми негнущимися прядями.

— Хорошо. Простите меня, Вика. Может, я в самом деле... Простите.

Виктория со страхом наблюдала за ним. Игнат выдвинул из-под кровати истертый чемодан, достал цветастую, будто весенняя степь, шелковую косынку.

— Знаете, когда я ее купил? Когда впервые увидел вас здесь.

— Не нужно, Игнат Петрович. Мне ничего не нужно... Не время.

— Не время, — глухо повторил он. — Когда же будет время?

— Успокойтесь, Игнат Петрович, — боясь, как бы их не услышали, приглушенно сказала Виктория.

Игнат с силой тряхнул головой, будто освобождаясь от чего-то ненужного, лишнего, посмотрел на нее пристально.

— Не осуждайте меня, Вика. Я давно хотел встретиться с вами. И этот подарок...

Косынка горела в его руке, Виктория не знала, как поступить, и Хожай, видя ее растерянность, набросил ей на плечи отрезок яркого шелка. Виктория ощутила горячее прикосновение его руки, его дыхание и отстранилась.

— Не бойтесь, — сказал он, — плохого я вам не сделаю. — И вдруг спросил: — Что вы теперь обо мне подумаете?

— Наверное, то же, что и вы обо мне. Не будем об этом, мы взрослые люди.

Он молчал, даже не поднялся проводить ее. Виктория, уходя, удивилась такому безразличию, и ей вдруг стало жаль Хожая.

15

Лето стремительно набирало разбег. Наступило время, когда оставалось ждать, пока колос нальется, отяжелеет, и Максим Никонович вплотную занялся строительством. Вместе с постановлением Совмина о реорганизации станции в научно-исследовательский институт пришло наконец разрешение на строительство фитотрона. Делу надо было немедленно давать ход. О том, что Тулику одному не справиться, Крищук знал, поэтому не нажимал на заместителя, а к его усердию присоединял и свое. Когда-то тихий, в шелесте осокорей и вязов, уголок наполнился урчаньем бульдозера, тяжелых самосвалов, вывозивших на поля верхний слой почвы. Плотники возводили временные навесы, сараи, склады, без которых не обойтись на стройке.

Багрий ходил, поглядывал, хотя смотреть, в сущности, было нечего, покрякивал:

— Ну, теперь тебе все нипочем. Теперь тебе любая непогода до лампочки.

— От погоды куда денешься? — возразил Крищук. — Да и зачем нам от нее отгораживаться? Разгадать ее секреты — вот суть вопроса.

— Секреты еще деды наши знали, — сказал Багрий. — Сей овес в грязь — будешь князь. Сей, когда холодно — не будет голодно.

— Деды — дедами, а самим тоже надо думать. Почему-то ты не к дедам бегаешь, а к агрономам.

— Мода! — засмеялся Багрий.

— Скажи лучше, чем закончилась для тебя история с теми гектарами.

— Чем она могла кончиться? Хозяева мы на этой земле или нет? А если хозяева, то кто же для себя желает худшего.

— И я так полагаю.
— Иначе и быть не может.
Фитотрон должен был стать центром новейших научных исследований не только в республике. Максим понимал необходимость фитотрона, и именно ему принадлежит инициатива строительства. Правда, добиться разрешения стоило немалых усилий, но теперь все позади, лед тронулся...
Из райкома позвонил «первый».
— Максим Никонович, — послышался голос Сторчака, — поздравляю!
— С чем?
— Он еще спрашивает! С институтом, ведь проект утвердили... Машин тебе подбрасываем, кирпич вывози, пока уборочная не разыгралась.
— Сколько? — обрадовался Крищук.
— Тебе уж сразу — сколько. Сколько сможем. Прислали из города, так мы тебе выделили... с сюрпризом.
— С каким еще сюрпризом?
— А вот увидишь... Да устройте людей как следует, чтобы не обижались. Сам проконтролируй.
Машины пришли в полдень, а под вечер, когда Крищук вместе с Туликом обсуждал текущие дела, в кабинет кто-то постучал и вошел.
— Подождите, товарищ, — ответил Тулик. — Я же сказал: скоро буду.
Гость, однако, не уходил, и Крищук недовольно поднял голову.
— Василий?!
Гость улыбнулся.
— Проходи, проходи. Прокофий Савельевич, это мой сын.
— То есть, — удивленно пробормотал Тулик.
— ...Василий.
— Ох ты! А ведь я не знал... Проходите, пожалуйста...
— Каким ветром? — спросил сына Крищук. — Хотя бы позвонил...
— А я так, взял да и приехал.
— Подожди, подожди. Ты с машиной? Прикомандированный?
— Ну да... Сначала думал — неудобно, а потом...
— Ну молодчина! Вот это сюрприз! — и обнял сына. — Ты вот что: пока мы тут разберемся, посмотри журналы. Потом пойдем ужинать. Лады?

...И вот идет он к родному и уже словно чужому человеку, к отцу, у которого новая семья, жена, дочурка. Что их роднит? Он самостоятельный, взрослый, сам мог бы иметь семью, ничего ему не нужно, все у него есть — работа, деньги... Что же тогда? Интерес? Желание заглянуть в чью-то душу, посмотреть — как там и что?.. Будто бы нет. Показаться: вот, мол, я вырос без тебя, встал на ноги? Тоже вроде не то. Да и несправедливо так думать, — отец никогда не оставлял его, беспокоился... Что же тогда?.. Что?

16

Из областного центра сообщили, что с запада, из прикаспийских степей, надвигается буран, несет песок, засыпает поля, степные криницы, овечьи кошары.
Джумалиев забил тревогу. Он весь день мотался на своей легкой двуколке по пастбищам, тракторным станам, велел загонять скот, закрывать машины — все, что могло пострадать.
— Шайтан мычит, — со страхом поглядывал он на запад.
— Не мычит, дорогой ата, — смеясь, поправила Виктория, — а мчит. Летит быстро, быстро.
— Вай, вай! Бальшой разница — мчит, мычит... Давай, дочка, на ферму, вода запасай, корма запасай...
— Элитную надо спасать!
— Надо, надо.
— Щиты нужны, люди...
— Беги контора, женщин бери. Джумалиев один.
Виктория собрала конторских женщин. Прежде всего необходимо было изготовить щиты, много щитов, чтобы оградить ими опытный участок с подветренной стороны. Так иногда делали в Перетоках. Но где взять доски?
— Возле парников лежат старые камышовые маты, — вспомнила одна из женщин. — Правда, растрепанные.
— Но их можно подправить. Пошли.
Парники были на отшибе, за животноводческой фермой. Женщины быстро пересекли двор и очутились возле поросших кураем траншей. С весны, когда выбрали рассаду, сюда никто не наведывался, о матах просто забыли.
Маты были старые, изрядно потрепанные ветрами, но в них было единственное спасение. Виктория послала за

шпагатом и топорами, а с остальными работницами начала разбирать кучу.

— А подпорки, Виктория Борисовна, подпорки... К чему крепить маты?

— И лопаты нужны.

Вместе с женщинами Виктория хлопотала, думала о делянке. Это ли не главное, что связывает ее с Максимом, родными, со всем, чему название — прошлое... Но только ли прошлое? Разве в спасенных ею зернах пшеницы, в этих вот колосьях — не будущее? Ее личное и всех их.

Участок лежал километра за три и заметно выделялся среди остальных.

— И таким вот хлебом пользуется фашист, — залюбовались женщины.

— Много вы его там оставили? — интересовались они.

— Давайте быстрее ставить щиты, — напомнил единственный среди них мужчина, счетовод по имени Алдунгар. — Интересоваться будете потом.

Слова его вывели Викторию из оцепенения, вдруг охватившего ее при мысли, что все это может очутиться во власти стихии и безвозвратно погибнуть.

— Отсюда начнем! — сказала она и, подхватив щит, поспешила к западному краю участка, который первым должен был принять напор стихии.

Ее вдруг ударило, повалило наземь, обдало горячим ветром. Попробовала встать — не получается, ветер валил с ног, слепил глаза. Наконец она приподнялась на корточки и с ужасом посмотрела на делянку: пшеница, еще минуту назад тихая, ровная, вдруг заходила волнами из стороны в сторону. Прикрывшись щитом, Виктория ползком двинулась дальше. Быстрее, быстрее... Вот и конец участка. Кто-то из женщин подскочил, вдвоем они приставили щит к столбу и надежно привязали.

— Давай, агроном! — кричал Алдунгар. Припадая на ногу, он метался вдоль поля, с каждым его возвращением камышовая стена удлинялась.

— Песок пойдет — пшенице амба. Давай!

Виктория поняла, что это только начало, главное впереди. Казалось, против них восстали все недобрые силы природы.

— Сворачивай маты, так легче нести!.. — подсказала старая казашка.

Они хватали сухие трескучие связки, крепко прижимали к себе, маты гудели на все голоса, точно хотели испугать женщин, но те одержимо делали свое дело, шаг за шагом удлиняя защитный барьер. Наткнувшись на него, буран будто смирялся, но тут же начинал яриться с новой силой. Виктория с ужасом смотрела на пшеницу: выстоит ли?

— Держите маты! — раздался вдруг женский вопль.

Виктория обернулась: шальной порыв ветра повалил несколько щитов, швырнул их на пшеницу.

Женщины хватались за камыш и под порывами ветра падали на него. Они были похожи на застигнутых бурей всполошенных птиц, спасавших свои гнезда; они и перекликались как-то по-птичьи, отрывистые фразы звучали тревожно, призывно — так кричат журавли и лебеди, извещая о своей беде.

Буран утих внезапно. Все вдруг кончилось, и если бы не горечь во рту, не чернота лиц — можно было бы принять все это за кошмарный сон.

— Все, Алдунгар? — спросила Виктория.

— Шайтан его знает, — пожал тот плечами.

Высоко в небе стояла серповидная луна, рядом с ней, будто выкованная из чистейшего серебра, слабым светом сверкала вечерняя заря.

— Красиво-то как, — заметил кто-то. — Точно так же, как и в нашей стороне: молодой месяц, вечерняя заря...

Виктория шла домой, не чувствуя ног. Стучало в висках, время от времени она словно бы куда-то проваливалась...

17

Нина давно просила свозить ее в Перетоки. Случай подвернулся — у нее был выходной, и Василий, загрузив машину в городе, подкатил к знакомому дому.

— Карета подана! Садись, малышка.

— Ох и получишь ты у меня за эту «малышку».

И вот они за городом, мчатся по широкому шоссе. Навстречу бегут легковые и грузовые автомашины, мотоциклы, прямо в глаза бьет лучистое солнце.

«Завезу тебя на север, где тайга и реки быстры...» — напевал Василий.

— Лучше за дорогой смотри, романтик.

— А вот и увезу! Будем ездить на упряжке собак, есть мороженую оленину... Не веришь?

— Уехать не проблема. Взял билет, и все. А назад?
— Зачем назад — жить там будем!.. Нарожаем детей.
— Не мели, смотри вон, зацепишь кого — будет тебе север. Василь, — вдруг изменила Нина тему разговора, — а как воспримут в Перетоках мое появление? Ты об этом подумал?
— А что? Скажу, как есть: невеста, и все... Или как прикажешь отрекомендовать? О твоем существовании им известно.
— Неудобно как-то. А где я буду ночевать?
— Ну... найдем где. В гостинице хотя бы.
Мимо проплывали села с ажурным штакетником, колодезными «грибками», палисадниками, белыми — под шифером — домиками, фермами.
— Хоть бы настоящую хату увидеть, — сказала Нина.
Василий взглянул на нее.
— Не понимаю.
— Хату, говорю, настоящую увидеть бы. А то все каменные, как в городе.
— Вот чего захотелось! Экзотики. Привыкли смотреть на село взглядом прошлого века. А нынче...
— Знаю, знаю. А все-таки.
— Нынешняя экзотика, малышка, вот она. Видишь?
— Вижу. Бьется в тебе все-таки отцовская жилка.
— Насчет жилки не знаю, а побыл вот на этих просторах, и будто что-то изменилось. Люди те же, воздух вроде тот же, а светлей как-то, легче на душе.
— Это видно.
— Что видно?
— Немного иным стал.
— Правда? И как, лучше или хуже?
— Да вроде лучше — тьфу! тьфу! — засмеялась Нина. — Чтобы не сглазить. Поспокойней вроде бы стал.
Проехали овраг, поднялись на бугор, за которым раскинулся поселок.
— Вот они, Перетоки, — сказал Василий. — Там — центр, — кивнул на выстроившиеся дома, а за ними — институт.
— Институт, — повторила Нина, глядя туда, где среди зелени едва виднелись белые строения. — Поселок и — институт...

* * *

Поздно вечером Крищуку домой позвонил Багрий.
— Слушай, Никонович, завтра воскресенье. Давай попробуем отдохнуть по-человечески, а?
— Что ты имеешь в виду? — протирая одной рукой очки, спросил Крищук.
— Мои нарвали вишен, обещают вареники смастерить. Ну а остальное — наша забота. Махнем куда-нибудь. Скоро жатва, не до отдыха будет.
— Ну что ж, давай завтра и созвонимся. Понимаешь, хлопот всяких поднабралось... А как проба? — поинтересовался он. — На днях колхоз брал пробу пшеницы на урожайность.
— Все в ажуре! — послышалось в трубке. — Если не поляжет...
— Вы что, комбайны уже проверяли, леший бы их взял, — будто не слышал последних слов Максим. — Мыслимо ли, такая допустимость потерь! Может, конструкторов пригласите, пусть посмотрят.
— Да знают они! — глухо басила трубка. — Не мы одни им на мозоли наступаем.
— Тебя за каждое зернышко песочат, а им хоть бы что... Слушай, не выступить ли нам с тобой в газете?
— Это идея.
— А что? Приезжай.
— Сейчас или попозже? — загоготал Багрий.
— Чего смеешься?
— Ну как же! Я тебе о пикнике, об отдыхе, а ты — проба, комбайны... Они у меня в печенках сидят.
— Ну ладно, до завтра. Доброй ночи. — Крищук положил трубку и подошел к окну, распахнул створки.
Надвигалась ночь, благоухали соцветия жасмина и маттиолы. Где-то пели запоздалые петухи, на улице брехали растревоженные собаки. И над всем этим, словно сотканный умельцами, висел необозримый шатер звездного неба. Крищук видел в окне лишь какую-то его частицу, но он хорошо знал весь небосвод, мог с завязанными глазами указать на Млечный Путь, Большую и Малую Медведицу, Полярную звезду и Вечернюю. Они вошли в его жизнь, как входят люди, тропинки, дороги, вошли давно, еще с тех пастушеских лет, и он никогда с ними не расставался, потому что нельзя человеку без всего этого — без лесов и лугов, без песен и звезд...

Если бы ему не пришлось выращивать хлеб, если бы судьба распорядилась иначе — он, вероятно, стал бы художником. Не ради славы, нет, — дабы увековечить эту красоту, эту землю...

Все на свете меняется — устои, привычки, не меняется только извечная человеческая любовь к земле — чувство индивидуальное, большее или меньшее, но непременно глубоко личное. Иначе умерла бы жизнь, а этого не может случиться...

— Спать ложись, — неслышно подошла жена.

— Посиди со мной, Марта...

— Поздно, Максим, — сказала она, поеживаясь.

— Завтра воскресенье... Кстати, звонил Багрий, на вареники приглашает.

— Почему бы и не поехать? Василя пригласи. У него, кажется, гости.

Максим посмотрел на нее недоуменно.

— Девушка к нему приехала, — объяснила жена.

— Дела, дела, — вздохнул Крищук.

Утро выдалось сухое, без росы, солнце не успело высоко подняться, но уже чувствительно пригревало.

Машины вырвались за поселок, в царство полей. Седогривые волны колосьев льнули к дороге, тугие стебли упруго боролись с ветром, вдали туманно виднелись лесные полосы.

— Красотища-то какая... Нравится? — обратился к рядом сидящему сыну Максим.

— Люкс!

— И где только вы понабрались этих словечек? — тут же возмутился отец.

— Я ему то же самое говорю, — добавила Нина, — но разве он прислушается?

— А вам нравится здесь? — поинтересовался Крищук.

— Очень! Столько простора...

— Простора у нас — не объять, — задумчиво сказал Крищук. И вдруг напрямик спросил сына: — Василь, ты любишь Нину?

— Об этом, отец, не говорят, — резонно ответил сын. — Тем более при всех...

— Здесь все свои. Так что извини, нескромности в своем вопросе не вижу.

— Почему это интересует тебя именно сейчас?

— Почему — ты знаешь, а что сейчас — какая разница, когда?

— Не заставляй молодых краснеть, — вступилась Марта.

— Ну, вот заступница, — недовольно сказал Максим.

Из глубокой, поросшей ивняком балки машины выскочили на бугор, и сразу же глазам открылись подернутые голубоватой дымкой днепровские дали, песчаные бугры и озерца, за которыми — до горизонта — темнели леса. Днепр был где-то внизу, только время от времени то справа, то слева появлялась его широкая извилистая лента, исчезающая в призрачной дали.

Машина Багрия вдруг свернула на боковую, обсаженную тополями дорогу и остановилась. Крищук направил за ним и своего «козлика».

Багрий ждал у обелиска. Когда они приблизились, председатель подошел к Василию, крепко пожал ему руку.

— Смотри, Василь. Это наша с отцом твоим молодость. Здесь во время форсирования Днепра полегли сотни наших ровесников, здесь могли остаться и мы.

Обелиск со всех сторон был густо испещрен именами погибших.

— Сколько же их!

— Если бы все, — грустно сказал Багрий. — Там дальше еще один, и еще... Вся земля обросла памятниками да обелисками. Вот почему мы должны беречь ее как зеницу ока. Здесь и слава наша, и гордость, и боль...

— И будущее, — задумчиво добавил Максим.

Нина взяла Василя под руку, а он молчал, прислушивался к разговору взрослых. «Уж не меня ли задумали они разжалобить?» — мелькнула мысль, но в следующую же минуту Василий устыдился ее, покраснел. — Нет, эти двое на жалость не рассчитывают. Слишком многое они видели и испытали в жизни... Да, была война, люди умирали, гибли... Был Кошевой, Космодемьянская, Матросов... Может, он, Василий, тоже смог бы... Просто его тогда не было на свете.

...Не было! А может, был! Во все времена были и есть Василии, Олеги, Зои... Только не все вот так, как эти: на таран, на дот... А они вот — смогли!

— Василь, слышишь? — тормошила Нина. — Все ушли...

— Погоди. Знаешь, о чем я сейчас думал?

— О чем же?

— Трудно объяснить, лучше потом, позже...

Спустились к реке — дохнуло луговой свежестью, большой водой.

— А ну-ка, хозяюшки, — распоряжался Багрий, снимая пиджак. — Пора бы уж и подкрепиться. Хлопцы — костер! Шашлыки будем жарить... Эх, мама родная!

18

После Сталинграда и Орловско-Курской битвы гитлеровская армия продолжала откатываться на запад. Освобождались все новые города. Истерзанная, но непокоренная Украина возвращалась к мирному труду.

Хожай сразу, как только стало известно об освобождении Харькова, попросил, чтобы ему разрешили вернуться в родные края, у него, мол, опыт, знания, которые он готов целиком и полностью отдать делу восстановления пострадавших районов.

Он не терял времени попусту, корпел над своей диссертацией. Нет, вернется он не с пустыми руками! Место в науке ему обеспечено. Вот-вот придет ответ, вызов и тогда...

— Прошу тебя, Вика, давай уедем вместе, — сказал он однажды при встрече с Викторией. — Не думай, это не блажь, не голос ущемленной гордости. Я не могу без тебя, поверь.

Недавно он сказал, что любит, что живет мечтою о ней... Виктория в самом деле прочно вошла в его душу, да и в жизнь. Встретив ее однажды, Игнат понял, что влюбился, что прежняя его, студенческая клятва целиком отдаться науке и только науке, — юношеский максимализм, над которым сейчас можно разве только посмеяться. Присмотрись он к ней раньше, в студенческие годы, — не было бы никаких зароков и обещаний. И не стоял бы на их пути какой-то Крищук. Виктория виделась ему — он это прочувствовал, ощутил душою и сердцем, — источником вдохновения, будущих его успехов, жизненного благополучия. Ради нее он готов теперь на все. Конечно, в границах разумного.

Вызов наконец пришел, Хожаю надлежало незамедлительно явиться в Харьков, в распоряжение соответствующих инстанций, была просьба к местным властям не препятствовать отъезду столь нужного специалиста.

— Убегаешь, да? — прочитав бумагу, корил Джумалиев. — Некарашо, Кожай, некарашо.

— Не убегаю, ата, еду, — счастливый, улыбался Игнат. — Домой еду.

— Зачем ехать? — не унимался директор. — Земля много, люди мало. Давай работай.

Вечером в столовой устроили проводы. Джумалиев все же распорядился ради такого случая зарезать барана, был чудесный плов, и они засиделись допоздна.

— Пиши, Кожай, — попыхивая папиросным дымком, тяжело дыша, говорил Джумалиев. — Украина трудно — казах памагай.

Игнат уезжал на рассвете.

— Счастливо тебе, Игнат, — говорила на прощание Виктория. — И спасибо. За все спасибо. Я не сержусь на тебя, но пойми: не свободна ведь я... — Слезы поблескивали в ее глазах. Игнат чувствовал дрожание голоса, и от этого становилось еще тяжелее на сердце, будто отрывал от него какую-то частицу.

— Хорошо, — вздохнул он. — Но не спеши с окончательным отказом. Я напишу тебе, я вызову, и тогда будет видно. — Взял ее холодные, безвольные руки, прижал к лицу. — Будь счастлива, Вика. Я люблю тебя.

Первое, что она ощутила, — пустота. Он уехал! Виктория бросилась к окну. Позвать его? Вернуть?..

Второй раз на коротком веку оставляет ее близкий человек. «Кто же из них дороже, — думала она. — Тот, о котором даже неизвестно — живой ли он, или этот?..» Испугалась навязчивой мысли, поспешила закрыть окно, словно отгораживалась от нее, прислонилась к остывшему за ночь наличнику. Затем быстро достала бумагу, карандаш. Да, она тоже напишет! Даст о себе знать. Может, и ей судьба окажет милость.

19

Осень 43-го принесла долгожданную весть: освобожден Киев! В тот же день в надежде получить хоть какую-нибудь весточку Крищук написал матери, родителям Вики и в Перетоки. Письма будто в воду канули. Больше месяца никто на них не отзывался, потом пришел небольшой самодельный конвертик с сельсоветским штемпелем. Секретарь сообщал, что Петренко, то есть отец и мать Вики, выехали в Киев на постоянное жительство, адрес их неизвестен. Максим и обрадовался письму, и вместе с тем задумался: «Выехали... адрес неизвестен».

Откуда было ему знать, что через неделю-две после этого Петренки известят сельсовет о своем местонахождении и что секретарь вновь пошлет ему письмо, которое уже не застанет Максима в прежней части.

Впрочем, надежда не покидала Крищука.

В самом начале боев за освобождение Прибалтики (после госпиталя он попал туда) их соединение очутилось на главном — Рижском — направлении. До Риги было еще далеко, на пути стояло множество селений, которые предстояло освобождать, и солдаты, увязая в песках и болотах, радуясь нечастым привалам, пробивались вперед.

Полку надлежало взять небольшую железнодорожную станцию, которую враг удерживал изо всех сил, потому что потеря станции грозила многим его частям окружением. Наши подразделения пошли в наступление с ходу, с марша, Крищук вновь очутился в самом пекле боя. И здесь его опять ранило.

Больше месяца Максим находился в госпитале. Чтобы как-то скоротать время и заглушить скуку, читал. Читал жадно, без разбора, все, что попадалось под руки.

Однажды его вызвали в отдел кадров и велели готовиться к отъезду. Куда именно, не сказали, мол, узнаешь потом.

И вот прибыл он в штаб армии.

— Хотим сделать из вас десантника, товарищ майор, — сказали Крищуку. — Формируется часть, нужен опытный политработник. Как вы на это смотрите?

— Благодарю за доверие, готов выполнить задание, — спокойно ответил Крищук.

— Вот и хорошо. Имейте в виду: часть особого назначения.

«Особую десантную» готовили для возможного блокирования стратегически важных объектов во вражеском тылу — на случай, если разведка донесет, что противник, отступая, имеет намерение уничтожить эти объекты. Боевые операции вот-вот должны были перейти за линию границы, и небесная пехота обязана была всячески способствовать продвижению наших войск.

В оставшиеся до вылета дни Крищук знакомился с личным составом, подбирал агитаторов. Несколько раз отряд принимал участие в разведке боем, доформировывался и снова, вместе с разведчиками, Максим ходил на передовую.

...Как-то дежурный по расположению встретил его радостным восклицанием:

— Товарищ майор! Танцуйте...

— В чем дело, сержант? — строго спросил Крищук.

— Вам письмо! — Дежурный подал небольшой, измятый по краям треугольник-конверт. Максим дрожащими пальцами взял его: из Переток!..

— По такому случаю действительно можно станцевать, — сказал он. — Спасибо тебе, сержант.

— Извините, товарищ майор!

— Ничего, ничего, — и тут же развернул листок.

«Здравствуйте! Пишет Вам незнакомая девушка. Меня зовут Марта. Марта Николаевна, по фамилии Надводнюк. Когда Вы были в Перетоках, я часто приходила на опытную станцию вместе с юннатами, хорошо помню Вашу жену, но ее сейчас нет в Перетоках и никто ничего не знает о ней... Опытная станция стоит, не очень разбита...»

Максим читал, все еще не веря собственным глазам: вот она, ласточка из родного края! Немного припоздалая, но живая, живая!.. Он тут же написал неизвестной своей адресатке и с нетерпением стал ждать ответа. Но через день их отряд, поднятый по тревоге, доставили на прифронтовой аэродром, и зеленые «дугласы» вместо Пруссии взяли курс на юг. Радио Братиславы извещало о народном восстании, словаки звали на помощь.

20

В машине Василия вдруг застучал мотор. Внешний осмотр ничего не показал, необходим был ремонт. Тулик позвонил председателю колхоза Багрию, договорился, и вот его, Василия, вместе с машиной притащили на буксире в колхозную мастерскую. «Мать родная, — удивился Василий, — вот это гаражище! Здесь даже нам, городским, есть чему позавидовать».

— Чего вытаращился? Ремонтироваться приехал или на экскурсию?

Василий повернул голову — розовощекий парень в тельняшке обращался к нему.

— А ты, собственно, кто такой?

— Допустим, слесарь.

Василий, осмотревшись, спокойно спросил:

— Давно?

— Что? — не понял парень.
— Давно, говорю, у вас такая вот мастерская?
— Со времен царя Гороха, — улыбнулся тот.
— Тоже мне историк нашелся! Спрашивают — отвечай, — не уступал Василий. — Что, на флоте служил?
— Служил.
— Давай знакомиться. — Василий первым протянул руку, отрекомендовался. — А тебя как звать? — спросил парня.
— Кузьма.
— Ты будешь ремонтировать?
— Наши водители сами ремонтируют, а если вы такие неженки... — ответил Кузьма. — Открывай капот.
Они быстро отвинтили гайки, отсоединили патрубки, шланги, сняли мотор.
— Машинистом служил? — дивясь, как быстро напарник орудует инструментом, спросил Василий.
— С веером ходил, мух отгонял.
— Да хватит тебе, я серьезно.
— Если серьезно, то служил. От звонка до звонка.
— Здешний?
— Угу.
Контакт постепенно налаживался. Глядя на парня, Василий думал, что вот ведь и среди этих степей живут, работают его сверстники, которые заканчивали десятилетки, служили в армии или на флоте, носят тельняшки и джинсы. Раньше ему почему-то казалось, что сюда мода приходит с опозданием, да и вообще — село! Хоть и сам жил в селе, даже окончил СПТУ, но это было давно. Конечно, читал, слышал: село обновилось, выросло, там теперь НТР... И вдруг — эти Перетоки, институт, фитотрон, который строит и он, Василь Крищук, прикомандированный водитель городской автоколонны. И этот парень с добрым старинным именем Кузьма...
Чувствовал: Перетоки что-то в нем взламывают, наполняют ощущением необычности. Хотя бы сегодняшняя история, вроде бы ничего в ней особенного, а берет за душу.
— Ну как здесь у вас, артисты? — послышался знакомый голос. — Докопались до причины?
Василий обернулся — возле них, вытирая платком лоб, стоял Багрий.
— На голодном пайке работал агрегат, почти без масла.

— Как же это ты, Василий? — укоризненно покачал головой Багрий.
— Вроде бы заливал, — неуверенно сказал Крищук.
— Смотрите, чтоб все было в ажуре, — бросил Багрий и поспешил к силосному комбайну, возле которого возилось несколько человек.
...Ремонт закончили под вечер. Василь проехал по двору — двигатель работал четко, без посторонних шумов.
— С меня магарыч! Может, повечеряем вместе? «Чайхана» рядом. Понравился ты мне, морячок, с тобой можно в разведку.
— Поехали домой. Там увидим.
Жил Кузьма в отдаленном конце села, почти у околицы. Перетоки здесь заканчивались неглубоким, размытым вешними и дождевыми водами оврагом, густо поросшим кустами буркуна, цикория да собачьей лебеды, за которым начинались поля. Сейчас, в предвечерье, над полями стояла тишь, в которой, казалось, слышно было, как твердеет, набирается силы зерно.
— Зайдем, — пригласил Кузьма, когда они остановились возле его двора. — Птичьего молока не обещаю, но яичница с салом будет.
Вдоль забора — дорожка из красного кирпича, возле хлева загон — оттуда несет терпким запахом навоза. Под окнами дома тянутся к солнцу высокие мальвы и, словно им вдогонку, — вьюнки.
— Вот моя постоянная пристань, — сказал Кузьма. — Не городские удобства, но не жалуемся. Нравится?
— Погоди, дай присмотреться, — ответил Василий, а сам подумал: «Ничего, можно швартоваться».
Старая женщина стояла на крыльце.
— Моя мама, Кристина Павловна, — представил ее сын. — Пенсионерка местного значения. Местного потому, что всю жизнь не вылезала с этих полей и огородов.
Василий пожал протянутую ему руку. Рука была маленькая, с навечно затвердевшими, сухими мозольками, — даже не верилось, что она, эта рука, эта женщина, могла всю жизнь копаться в земле, сделать на ней столько добра.
— Заходите, заходите, — тихим голосом пригласила хозяйка.
Хата у Кузьмы — в несколько комнат. Василия пригласили в самую большую, гостиную, и, пока хозяева готовили стол, он мог все здесь рассмотреть.

Ну, конечно же, телевизор! Большой экран, переносная антенна... Этим нынче хвалятся и хозяева, и руководство. В селе, мол, столько-то телевизоров, мотоциклов, автомашин! Об этом пишут и говорят даже на высоких собраниях. «Крестьяне самых отдаленных сел тоже смотрят передачи из самой столицы...» Подумаешь!

«А ты возьми да и подумай, — возразил Василию какой-то иной голос. — Пошевели мозгами. Поставь себя на место Кристины Павловны, Багрия, всех этих знакомых и незнакомых тебе людей. Может, и удивишься, может, и поволнуешься, вместо луж да колдобин увидев ухоженные улицы, вместо соломенной крыши — железо да шифер, вместо керосинки — электричество, вместо бабки-знахарки... Посмотри на все иными глазами, и тогда, может, немыми свидетелями станут перед тобою отцовское батрачество, и ночные разгулы банд, выстрелы из-за угла, коллективизация, война и материнские скитания, узелок зерна, вывезенный в бескрайние казахские степи, послевоенная разруха... А ведь на этом вся наша жизнь держится, история наша ею писана и пишется. Не считай, что тебя это не касается. Касается! Еще как. И запомни: вот эти сухонькие материнские руки творят летопись нашей жизни. Ты можешь высказывать недовольство, пренебрежение, но жизнь все равно не остановится. Она будет тереть и мять тебя до тех пор, пока не сделает из тебя человека. И тогда будут понятны тебе и телевизор в далекой сельской хате, и увеличенные до неузнаваемости фотографии родителей в «золоченых» рамах, — все это действительность, к которой народ шел сквозь огненные вихри, за что платил дорогой ценой.

— Не соскучился? — спросил вошедший Кузьма. — Извини, жена на службе, на вот, расставляй тарелки...

21

Виктория вернулась в Киев почти через год после его освобождения. Столица лежала в развалинах, возле магазинов длиннющие очереди, на вокзалах непрестанные толпы народа — ехали, провожали, встречали...

Не чувствовалось более той веселой, звонкоголосой радости, что когда-то, в пору их молодости, струилась из окон и дверей, — война наложила на все свою печать.

Виктория перво-наперво зашла в институт, но документов о ее учебе не сохранилось. В отделе кадров посоветовали обратиться к преподавателям, которые знали ее и могут подтвердить, что она допускалась к государственным экзаменам. Пробовала хоть что-нибудь выведать о Максиме, но никто ничего не знал, словно не было человека, не было тех студенческих веселых вечеров...

— Что поделаешь, доченька, война много горя принесла, — вздыхала мать. — Может, он еще и объявится.

И тогда, будто в награду за все ее муки и терпение, из Переток переслали давнее письмо от Максима. Виктория читала-перечитывала его, в тот же день написала ответ, но прошла неделя, другая, прошел месяц, а ответа все не было.

— Хватит плакать, — ворчал отец, — он не единственный.

— Как ты можешь?

— Могу. Давно говорил: институт твой не прокормит, другую работу надо искать.

— Ни на какую другую работу я не пойду, у меня свой хлеб.

— Ну и ешь его! — махнул рукой отец.

Ссоры возникали все чаще, Виктория чувствовала, что нередко причиной тому является она. Пересилив себя, как-то зашла в управление, где теперь работал Хожай. Знала: он заведует отделом. Обрадовался несказанно! Давно, мол, ждет, готов принять хоть сейчас.

— Диплом нужно получить, — неуверенно ответила Виктория.

— Пустое! Диплом никуда не денется, главное — работа.

Потом они встречались еще, просто так, Вика понимала, что с каждым разом все больше становится в зависимость от Хожая. Зарекалась больше не делать этого, но все повторялось помимо ее воли. В конце концов должна же она думать о своем будущем. Не сидеть же на родительской шее. И она согласилась на новую работу.

Хожай настойчиво добивался своего. Однажды появился у них дома. Видя расположение отца, много и подобострастно говорил с ним, не преминув сказать, что скоро защитит диссертацию.

— Вот это мужик! — хвалил Хожая отец. — И поговорить с ним, и чарку выпить. — И как бы невзначай намекал: такие, мол, на дороге не валяются. Походит,

послушает твои охи да вздохи — и до свиданьица. Вон сколько вашего брата теперь.

— Вам бы лишь избавиться от меня, — возмущалась Виктория.

Однажды ей принесли почтовое извещение: «На ваше имя получена посылка стоимостью...»

Терялась в догадках: кто бы мог одарить ее посылкой? Взглянула на штемпель, обрадовалась: конечно, он, Джумалиев!.. Дядя Джумалиев. Говорил ведь, что пришлет семена. Тревожное, радостное чувство охватило ее, возвратило туда, к небольшому опытному полю, которое она спасала от бурана, к земле, что дала ей приют.

* * *

Группе специалистов отдела, где теперь работала Виктория, поручили подготовить на коллегию вопрос о деятельности опытных станций, и она попросилась в Перетоки. Как-никак знает их с довоенной поры, легче будет разобраться на месте. Да и пшеницу, которую прислал Джумалиев, надо определить. Думала отдать ее Максиму как наилучший свой подарок, да, видать, не суждено.

Автобуса не было, попутными ехала почти весь день, в Перетоки добралась вечером. В канцелярии никого не застала и растерялась: скоро ночь, а проситься к кому-либо на постой неудобно...

Виктория в нерешительности стояла возле домика, как вдруг услышала:

— Вижу, нездешняя. — К ней обращалась девушка в коротком, из шинельного сукна пиджаке, самодельных валенках и теплом шерстяном платке. — Не на работу ли к нам? Ждем нового работника.

Виктория обрадовалась, сказала, кто она и по какому делу.

— Так вам и ночевать негде? — спохватилась девушка. — Пойдемте к нам!

По дороге рассказала, что зовут ее Марта, работает на станции, учреждение это давнее, еще до войны известное добрыми сортами пшеницы.

— А знаете, Марта, — Виктория решила обрадовать свою новую знакомую, — я к вам не с пустыми руками. — И поведала историю зерен, вывезенных ею в начале войны и выращенных в далекой эвакуации. — Муж мой до войны здесь работал.

— Как? — воскликнула девушка. — Как его фамилия? Я перед войной часто здесь бывала, может, знаю.

— Крищук.

— А вы его жена?

Сердце Виктории обрадовалось.

— Жена, — сказала полусознательно. — Виктория...

— Господи! — всплеснула руками Марта. — Так я же вас знаю. Вы еще жили вон там, — показала на домик. — А где же... муж? Разве он... разве вы ничего о нем не знаете?

— Нет, — глухо ответила Виктория, чувствуя, как спазм все туже сжимает ей горло.

— Но ведь он писал, спрашивал о вас, я ему ответила...

— Когда это было? — не помня себя, схватила Марту за рукав.

— Несколько месяцев назад. И письма где-то...

— Где они? У вас?

— Да-да. Пошли, сейчас поищем.

Виктория обняла девушку и заплакала.

22

Письма Максима, хотя и не ей адресованные, окрылили Викторию.

— Ты вся аж светишься, — сказал ей, вернувшись из командировки Хожай. — Что случилось?

— Ой, Игнат! Максим написал, в Перетоки.

...На субботнике они расчищали остатки разрушенного дома. Виктория с подругами грузила на машину битый кирпич. Руки ныли, в горле першило от пыли. Работали до тех пор, пока не начало садиться солнце. В наступающих вечерних сумерках развалины казались зловещими. Радовали глаз чудом уцелевшие купола Софийского и Владимирского соборов, да еще несколько зданий, между которыми серовато-зелеными островками значились Ботанический сад и университетский парк.

— Последняя машина, — сказал водитель. — Грузите, и шабаш...

Все вместе они наполнили кузов, и Хожай крикнул, чтобы услышали все:

— Кончай! Айда умываться.

— Вот это правильная команда, — засмеялся водитель.

лос спросил: «Кто там?» Крищук назвался, и за дверью заохали.

— Максим, сынок... — Мать Вики, сильно поседевшая, прижалась к его груди. — Где же ты был? Мы тебя... Господи, проходи же, проходи. Вика по тебе глаза все выплакала...

— Где она?

— На работе.

Максим ждал, что вот-вот оттуда, из глубины комнат, выбежит к нему сынок, остановится в нерешительности — они ведь не знают друг друга, никогда не виделись! — и он подойдет, подхватит на руки, прижмет родной комочек и будет стоять так долго-долго... Но никто не выбежал, не отозвался, в квартире, кроме них, никого не было, и Крищук вяло, будто у него вдруг окоченели руки, начал раздеваться.

— Куда только она не писала! — всхлипывала мать.

— Я тоже. Чего только не передумал!

— А недавно, как вернулась из Переток и привезла твой адрес, словно ожила. А потом опять нет и нет весточки...

— Бросали нас с места на место.

— Ну, снимай же с себя все, умывайся. Слава богу, вернулся, целехонек. Знала бы Вика, вмиг бы прилетела.

— А я пойду навстречу.

— Не надо, сынок. Подожди лучше, а то разминетесь. Она скоро будет. Да и отец вот-вот появится.

Максим выкладывал на стол хлеб, консервы, сахар.

— Спасибо, — благодарила мать. — Как же ты? Далеко ли гоняла война?

— Всяко бывало.

— А мать как? Ничего о ней не слышно? Мы пробовали разузнать, да так и не удалось.

— И я не знаю. Эвакуировалась, и все, как в воду...

Напоминание о матери разбудило глубоко дремавшую боль.

Пока умывался, пришел отец.

— О, да у нас гости! — кинулся обниматься. — С приездом! Вот и дождались, слава богу! Да ты никак офицер! Молодчина!

Крищук нетерпеливо посматривал на часы: еще полчаса, четверть часа. Если не задержится, вот-вот будет... Может, все-таки выйти, встретить?

Вика вошла — родители, как и договорились, о нем ни слова, — поставила зонтик, сняла пальто, привычным движением хотела повесить его на вешалку и вдруг вскрикнула, уронив одежду.

— Максим! — бросилась к мужу. — Максимка...

Он молча целовал ее заплаканное лицо, обнимал бережно, нежно, как, наверное, никогда еще не обнимал.

Вот какое оно, его счастье! Нет ни сына, ни дочери — еще не рожденных убила война. Нет и дома — того маленького перетокского рая, который они возводили...

На второй день, к удивлению родителей, они с Викой умчались на опытную станцию. Здесь когда-то были его участки, его мечта, будущее; этой тропкой он ежедневно уходил на работу и возвращался домой, за этим забитым ныне окном была их комната, их первая семейная обитель.

— Помните пшеницу, которую вы тогда привезли? — щебетала, обращаясь к Виктории, встретившая их Марта. — Я посеяла ее. Хотите посмотреть?

Максим не верил собственным глазам, не верил услышанному: Вика, недоедая, скитаясь по чужим краям, нашла в себе мужество сохранить элитные зерна! Да и не только сохранить, а и размножить в далеком Казахстане. Так где же она, безысходность? Жизнь творит свое, и ничто ее не остановит.

...В город вернулись к вечеру, а в полночь поезд снова увозил Крищука. На прощание Максим, крепко обняв жену, сказал:

— Теперь я ненадолго, жди.

После учебы на курсах высшего политсостава Максим Крищук, инструктор политотдела дивизии, три с лишним года воспитывал молодых воинов — читал лекции о международном положении, хотя мыслями и душой постоянно возвращался к Перетокам.

Марта писала, что станция понемногу оживает, что его помнят и ждут, пусть он не задерживается, приезжает поскорее. Читая ее письма, Максим представлял милое, смуглое от загара лицо девушки, а в ответах просил больше и подробнее рассказать о работе.

...Ранней весной служба забросила Крищука в небольшой немецкий городок, где стояло их подразделение. После обеда он освободился и пошел побродить. Городок

маленький, во время войны почти не пострадал. Здесь люди уже давно жили мирными хлопотами — как и где-то там, на Родине, по утрам из труб вился дымок, горлапили петухи, лаяли собаки, спешили пешеходы. Единственное, что нарушало мирную идиллию, — это солдаты, и грохот танков, звонкие солдатские песни, рокот моторов слышны были далеко.

Мощенная булыжником улица вывела Крищука за город. Здесь начинались поля. Они еще дремали под снегом. Неудержимо захотелось посмотреть на них. Прошел немного и остановился: вдруг вспомнилось, что во время войны фашисты вывозили его землю, его чернозем в Германию. Может, и сюда, на эти поля... Максим даже наклонился, чтобы рассмотреть получше почву.

Из раздумья его вывел шум остановившейся машины.

— Товарищ майор! — обратился водитель. — Где здесь можно заправиться?

Крищук взглянул на номерные знаки — машина была своя, армейская, совсем юные лица водителя в защитного цвета фуфайке и сидевшего рядом с ним попутчика, сказал, что бензин, наверное, можно раздобыть у танкистов. Поинтересовался:

— Что везете, ребята?

— Посевной материал, — безразлично ответил водитель.

— Подожди, — сказал Крищук, вставая на подножку и заглядывая в кузов, где лежала накрытая брезентом отборная пшеница. Максим зачерпнул горсть чистых зерен, кивнул парню, чтоб ехал, а сам так и остался стоять посреди дороги, держа на ладони зерна. Они слегка холодили кожу, поблескивая червонным золотом. Максим сунул руку в карман, да так и шагал, хоть это совсем не соответствовало армейским уставным правилам.

В конце декабря, перед самым Новым годом, Максим Крищук возвращался домой. Собственно, дома как такового у него не было — мать, сообщили, умерла в эвакуации, были только Перетоки, его первая жизненная пристань. В кармане лежало демобилизационное свидетельство, на груди под шинельным сукном, теплели ордена и медали, руку оттягивал чемодан. За плечами — годы боев, ранений, смертей, отступлений и наступлений, сухие южные степи и топкие болота Прибалтики, мосты,

каналы, речки, которые приходилось форсировать... Все это было его жизнью, существом, и зря пытались некоторые убедить, что все, мол, прошло, осталось где-то в неизвестности, что войну пора забывать. Не забывалась она Крищуку, да он и не пытался выбросить ее из памяти.

В райкоме партии, куда надлежало обратиться, чтобы встать на учет, Максима принял один из секретарей — Сторчак, человек с виду молодой, наверное, моложе Максима, в полувоенном кителе и широких галифе. Усадив посетителя за стол напротив, он долго расспрашивал его о боевом пути, планах и намерениях и вдруг, совсем неожиданно, предложил идти работать к ним в райисполком, заместителем председателя.

— Вы человек бывалый, с большим опытом, — уговаривал он. — Соглашайтесь, не пожалеете.

Слушая секретаря, Крищук и сочувствовал ему: наверное, поручили любой ценой подыскать заместителя, и возмущался: ведь знает, зачем я приехал именно сюда, в Перетоки, а гнет свое. Однако выказывать раздражения не стал, вместо этого спокойно объяснил, что осесть в каком-либо учреждении мог и в Киеве, где у него жена, но хочет посвятить жизнь заветному делу.

— Специалисты всюду нужны, — настаивал секретарь. — Партийными или советскими работниками не рождаются, их ищут среди таких, как мы с вами. Я, например, педагог...

— Извините, — видя, что секретарь все-таки старается убедить его, сказал Максим, — все равно этот разговор ни к чему.

Секретарь долго смотрел в окно, где качалась от ветра вишневая ветка, затем перевел взгляд на Максима.

— Хорошо. Это хорошо, что вы такой.

— Какой? — удивился Крищук.

— Настойчивый, — улыбнулся Сторчак. Очевидно, он понял, что наилучший способ выйти из тупика — это согласиться. — Скажу откровенно: там будет нелегко.

— Знаю, — соглашался Максим.

— Вот и прекрасно, — теперь уже искренне обрадовался секретарь. — По правде говоря, с руководством на станции не все благополучно.

— Вы могли мне этого не говорить, — заметил Крищук. — Никаких постов мне не нужно. Мне нужно время. И только.

— Желаю успеха. Звоните, меня зовут Василий Семе-

нович, фамилию знаете, по совместительству занимаюсь вопросами кадров, так что извините за длинный разговор. — Видя, что посетитель уходит, добавил: — Погодите, я позвоню, пусть вышлют какой-нибудь транспорт.

— Вот этого я бы просил не делать, — возразил Крищук. — Доберусь.

— Дело хозяйское, — развел руками секретарь.

Опытная станция — километрах в четырех. Ездят туда, тем более зимой, не часто, и Максиму пришлось прождать добрый час, пока подобрала его попутная машина.

Сторчак, видимо, все же позвонил, потому что, когда Максим зашел в канцелярию станции, навстречу ему выскочил немолодой, с солидной лысиной мужчина и, чуть ли не хватая за полы шинели, чему-то неимоверно радуясь, потянул в директорскую.

— Вот хорошо, что вы приехали! — приговаривал директор, пока Максим раздевался.

— Чему вы радуетесь? — спросил Максим, оттирая замерзшие руки.

— Как же! Как же! Здесь о вас легенды ходят.

— Выдумка. Какие могут быть легенды?

— Марту нашу знаете?

Крищук улыбнулся.

— Она где-то на полях, скоро прибежит. Откуда только узнала о вашем приезде? Еще вчера говорила.

В комнате было тепло, жаром дышала печка, пахло спелыми колосьями — снопики их стояли по углам, лежали на книжном шкафу, на старом, когда-то, видимо, очень добротном, с резными краями письменном столе.

— Так чем, собственно, живем? — спросил Крищук. — Какие проблемы?

Директор вмиг сосредоточился, согнал с лица печать веселости, появившуюся было с приходом Крищука, и сказал полутрагически:

— Проблем много, не знаем, за какую хвататься. Хозяйство сильно пострадало, все нужно начинать сызнова, фондов нет, семена достаем где придется, а план... Додумались даже хлебопоставкой осчастливить. — Он кисло улыбнулся, но, почувствовав, что его не поддерживают, начал объяснять: — Мы ведь научная организация...

— У кого земля, тот и должен давать хлеб, — заметил Крищук. — Надеюсь, станцию все же не приравняли к колхозу, разница в поставках есть?

Директор поспешил заверить, что, конечно, есть, он немного преувеличил трудности...

— В конце концов сами увидите, — добавил он. — И чем быстрее, тем лучше. Потому что я здесь временно, мое призвание — школа, дети...

Из дальнейшего разговора с директором Крищук узнал, что тот раньше, до войны, имел дело с модной тогда избой-лабораторией, читал лекции на колхозных агрокурсах; в сорок третьем, после освобождения, его вызвали в райком и предложили возглавить опытную станцию, вот и вся недолга.

Крищук внимательно слушал, а сам думал, сколько потерь приносят делу вот такие временные, случайные люди, сколько утрат.

Заскрипела дверь, послышались быстрые легкие шаги, и на пороге, разрумянившаяся и сияющая, появилась Марта.

— Максим Никонович, с приездом! — выпалила одним духом.

Казалось, она сейчас бросится обнимать его, как самого дорогого человека. Крищук даже подался вперед, но девушка остановилась, опустила глаза, неумело подала руку, и он взял ее, долго не отпускал. Рука была холодная, трепетная. Максим вдруг ощутил, как словно бы вливается в него какая-то щемящая тревога.

— Спасибо вам, Марта, — сказал тихо.

— А... а где же Виктория Борисовна? — спросила девушка и взглянула на чемодан.

— Виктория Борисовна в Киеве, — ответил Крищук. — Она приедет позже.

— А мы уже и комнату вам приготовили, — как-то подавленно сказала девушка. — Ту самую.

Крищук взглянул на директора.

— Да, да, — подтвердил он.

— Побелили, вымыли, — не обращая на них внимания, с каким-то вдруг охватившим ее безразличием продолжала Марта. — Вот и ключ, — протянула, не зная, кому его отдать, и в конце концов положила на стол.

— Спасибо за все, — тронутый ее чуткостью, Крищук взял девушку за локоть.

— Да что там!.. — махнула она рукой и отвернулась. — Почему сразу не приехала? — В тоне чувствовалось разочарование.

— Да приедет она, приедет, — смеясь, заверил Максим. — Не может сейчас, служба.

— А здесь не служба?

— Марта, — укоризненно сказал директор, — что за претензии?

— Извините, — покраснела девушка.

Она молча привела Крищука к домику, где он должен был остановиться.

— Что с вами, Марта? — спросил Крищук. — Вы будто огорчены чем-то?

— Потому что так не поступают! — вдруг выпалила она.

— Что вы имеете в виду?

— Когда вас не было, Виктория Борисовна приезжала, искала, расспрашивала, а теперь...

— Что ж, война кончилась, — успокаивал Крищук, вместе с тем чувствуя, что не это волнует девушку, а что-то другое.

— Разве беспокоятся, только когда война?

— Я ведь не маленький, что обо мне беспокоиться?

Марта ушла, что-то не досказав, оставив и его в какой-то неопределенности.

24

Василия срочно отзывали в город, на прежнее место работы. Накануне отъезда он зашел в канцелярию оформить документы. Кого-то там не оказалось, велели подождать, и он присел на скамейку под старым кленом.

Минуло всего полтора месяца. Что же они ему дали, чем обогатили? Ведь так, кажется, стоит вопрос: что ты приобрел в жизни, чем умножил свой опыт, как изменилось твое представление об окружающем мире? Взять хотя бы... ну вот эту полянку, этот клочок земли с подстриженной травкой и яркой клумбой посередине. До сих пор он, Василий Крищук, смотрел на нее, как на место, где можно просто посидеть, поиграть в карты. Теперь же и полянка, и все окружающее воспринимается как благо, дарованное человеку природой, которое необходимо беречь, охранять — и для себя и для будущих поколений. Пониманием этого он прежде всего обязан Перетокам и, конечно, людям, с которыми подружился. Прежде всего — отцу.

Подошла Марта Николаевна.

— Так вот кто здесь прохлаждается, — сказала с легкой укоризной. — Почему не заходишь к нам?

Василий покраснел.

— Да так, — ответил неопределенно, — все некогда. Отца видел, разговаривал.

— Ну вот, — с упреком сказала Марта. — Кроме Максима Никоновича, есть я. Да и Галинка по тебе скучает, — напомнила она о дочери.

Василий смущенно взглянул на женщину, которая была ему как бы матерью и не матерью, мачехой и не мачехой и к которой у него все больше пробуждалось чувство доверия.

— Документы вот надо оформить, — сказал неопределенно.

— Какие документы?

— Командировочные. Уезжаю от вас.

В ее глазах на миг появилось удивление.

— Не понравилось или другая причина?

— Отзывают. Наше дело такое. Говорят, на уборку, на целину...

— А не хотелось бы пожить здесь еще?

— Что особенного? Что Перетоки, что Недригайловка. Крути баранку, выжимай километры.

Она поправила снопик пшеницы в руках, видимо, несла с поля.

— А я думала, — огорченно сказала Марта, — что тебе здесь все нравится.

Только теперь до него дошло, что не надо было так говорить о Перетоках, — ведь и на самом деле ему они не безразличны.

— Да, конечно, — поспешил заверить он, — мне здесь нравится... Люди хорошие...

— Не надо оправдываться. Ты сказал, что думал. Мне просто хотелось, чтобы пожил у нас подольше, присмотрелся к отцу. Ты многого не знаешь о нем, а он — святой человек, на таких земля держится.

— Он то же самое говорил о вас...

— Добрый, потому и готов раздать людям и талант свой, и славу.

— Марта Николаевна, — вдруг оживленно спросил Василий, — что все-таки заставило вас взяться за это нелегкое дело?

— Вот видишь, — сказала Марта, — ты свой, а вопросы задаешь, будто иностранец. Что значит — заста-

вило? Каждый выбирает путь по доброй воле, по призванию. Родители мои хлеборобы с деда-прадеда, так почему мне изменять родовому делу? Только потому, что родилась женщиной? Но женщина, учти, издавна стоит ближе к земле. Еще со времен матриархата, — она по-доброму улыбнулась.

Василий смотрел на собеседницу, ему было приятно, что именно она, Марта, оказалась верным единомышленником отца, не спасовала перед неудачами, которые вставали на пути.

— Это у вас в руках «Победная»? — спросил он.

— Да. Столько возимся с ней! Другой давно оставил бы ее в покое, сорт оправдал себя полностью, но Максим Никонович усовершенствует. Обрати внимание на колос — до пятидесяти зерен в каждом.

— Даже зерна считаете?

— А как же? Все начинается с зернышка. Таков закон природы.

Она смотрела на него и думала: такой же жесткий, непокорный чуб (только у старшего седой), глаза готовы вобрать весь мир, руки — хоть подковы гни.

— Ты, наверное, как следует и не посмотрел наши лаборатории? — спросила она. — Хочешь, покажу? Пошли.

Василий согласился. С некоторых пор его стали интересовать и необычность этого учреждения, о деятельности которого он имел лишь приблизительное представление, и сам процесс отбора и выведения сортов, и тот, кто все это объединяет, координирует, направляет, то есть отец, еще не так давно далекий, непонятный, в чем-то перед ним, Василием, виноватый, а ныне... Впрочем, что же случилось за это сравнительно короткое время? Ответить на этот вопрос он не мог, но чувствовал — что-то случилось, что-то в нем сдвинулось в отцовскую сторону. Во всяком случае, этот на первый взгляд суровый, возможно, даже суховатый человек, о котором ему наговорили всякой всячины, на самом деле совсем не такой.

Открытие все больше занимало его, и сейчас Василий поневоле думал, что в конце концов ошибиться может каждый, на то есть свои причины, — важен окончательный результат. А результат в пользу отца.

Скромно обставленный зал привлекал не просто уютом, а каким-то вроде бы степенным покоем. Может, ощущение это шло от стоящих по углам снопов пшеницы и

кукурузы, или от больших цветных фотографий, на которых — поля, опытные участки, ветвистые яблони с красными плодами, пасека, просто пейзажи... А вот и он, отец: среди пшеничного поля, в соломенной шляпе, колосья — по грудь. Рядом Багрий, Сторчак... Хозяева земли. И еще: зеленые квадраты делянок, восходящее над ними солнце, и опять отец — босой, чем-то радостно взволнованный.

— Он здесь — словно бог при сотворении мира, — заметил Василий.

Огромная карта-схема висела на видном месте: Перетоки, а от них, словно лучи, указатели — союзные республики, Западная Европа.

— Это государства, куда идут наши сорта, — объяснила Марта Николаевна. — Обрати внимание на цифры.

— Теперь я понимаю, почему вас называют хлебной столицей, — сказал Василий.

— Да, ошибки в том почти никакой, — подтвердила Марта Николаевна. Еще ей хотелось поведать, с чего все начиналось, о зернах, сбереженных его матерью в тяжелое военное время, но не решилась: наверное, он и сам знает, рассказывали дома.

Зашла секретарша.

— Я вас ищу, Марта Николаевна. Совещание у директора.

— Ну вот, — с сожалением сказала Марта. — Так что, до свидания. К нам не заскочишь?

— Не знаю, как получится, — ответил Василий и крепко, от души пожал протянутую руку.

...Уезжал он ранним утром. На душе было неспокойно, будто он чего-то не завершил, где-то поступил не так, как следовало.

Пришла Марта Николаевна с дочкой.

— Ты вернешься к нам, Василь? — заговорила Галинка. — А что ты мне привезешь?

— Что же тебе привезти? Зайку хочешь?

— Хочу, только маленького, большой от меня убежит, — засмеялась девочка.

— Придумаем что-нибудь, не убежит.

— Отец обещал прийти, — сказала Марта. — Он знает. Наверное, где-то на участках.

Водители уже запускали моторы, когда вдруг из-за деревьев вынырнула фигура отца. Сердце Василия заби-

лось, словно в эту минуту должно было произойти что-то важное, что сделает иной всю его жизнь.

— Доброе утро, — сказал отец и как-то безразлично, как показалось, подал сыну руку. — Итак, едешь?

— Еду, отец.

Не спеша подошли к машине, и, когда Василий собирался садиться в кабину, Крищук придержал его.

— Счастливо тебе. Да смотри в оба, дорога полна неожиданностей.

Василий согласился, кивнул, погладил Галинку по легким завитушкам.

— Спасибо, отец.

Машина взбила облачко пыли, легко подкатила к воротам. При выезде со двора Василий притормозил, крикнул, приоткрыв дверцу:

— Я еще вернусь!

25

Защита диссертации, которой предшествовал столь длинный и необычный путь, намечалась на первую декаду сентября, об этом сообщалось в печати, и Максим еще и еще раз обдумывал положения и выводы, к которым сводились его рекомендации в поисках путей и средств повышения урожайности зерновых.

Проблема не новая, но сколько в ней неожиданностей и противоречий! Копья скрестили лысенковцы, сторонники примитивных методов в агробиологии, рассчитанных на временную, сиюминутную выгоду, и вавиловцы, новаторы, приверженцы генной теории в селекции растений. Он помнит, как это начиналось еще до войны. Но кто мог подумать, что амбициозные притязания внешне тихого, даже скромного ученого, каким пытался казаться Лысенко, возымеют такое действие, что Вавилов, которого знал весь научный мир, вскоре будет объявлен врагом народа, отстранен, изолирован.

На состоявшейся несколько лет назад сессии ВАСХНИЛ вавиловцы потерпели поражение. Но только официальное. Все честное, истинно научное продолжает жить, пробивает дорогу. И победит! Создать новые сорта культурных растений можно не с помощью каких-то чудодейственных рецептов, а лишь на основе всестороннего изучения и учета их биологических, генетических особенностей...

На защиту пришло много людей, небольшой актовый зал института еле вмещал всех желающих. Крищук, поначалу вроде оробевший от такого внимания, вскоре успокоился, стал даже как бы безразличен к происходящему. Пока выступали оппоненты, он по привычке разрисовывал лежащий перед ним чистый листок бумаги, изредка записывал. Несколько раз встретился взглядом с Викторией — она сидела в четвертом ряду, празднично одетая, торжественная; улыбнулся, припомнив, как накануне жена учила его правилам хорошего тона — дабы, мол, не настроить против себя научный мир. «Рада, — подумал он. — Теперь еще больше будет агитировать за переезд в город...»

Закончены выступления, прочитаны отзывы — не было ничего, что противоречило бы его утверждениям. Но вот из задних рядов поднялась рука, и тихий говор, который всегда сопровождает какое-либо доброе дело, прекратился, взгляды обратились в ту сторону.

Председательствующий пригласил желающего высказаться на кафедру — профессор не мог привыкнуть к тому, что в таком случае место, с которого выступают, надлежало бы назвать трибуной, но оппонент поблагодарил, заявив, что ему «отсюда» удобнее.

— Прошу, — сухо согласился профессор.

— Вопрос к соискателю, — начал оппонент. Крищук с трудом рассмотрел его лицо — мешало расстояние и падающая в зал тень от двух старых кленов под окном, — то был Хожай. — В своих утверждениях об изменчивости наследственности, — продолжал выступающий, — вы апеллировали к Дарвину. А известны ли вам слова великого ученого о том, что природа не любит скачков? Вот что Дарвин пишет по этому поводу, цитирую: «Согласиться со всем этим, мне кажется, означало бы перейти в сферу чудес, оставив сферу науки». Сказано, по-моему, четко.

— Да, — поднялся председательствующий, — у вас все, уважаемый? Садитесь. Диссертант, вы готовы отвечать?

Крищук спокойно, под напряженное ожидание зала взошел на трибуну, какую-то минуту стоял молча.

— Мы слушаем, — напомнил ему председательствующий, которому молчание, наверное, показалось неоправданным.

— Начну с последнего, с чудес, — сказал Крищук. —

и терялся в них. Рудым его назвали потому, что богат глиной, берут ее здесь все — когда-то брали на отсыпку земляных полов, на саман и кирпич-сырец, а нынче кто на что.

Крищук проехал низом и остановился. Орлик сразу же припал к молодой травке, а Максим направился к большому ореховому кусту, возле которого и в прошлом году рвал цветы. Простор полей, голубое весеннее небо, словно висящее на легких прозрачных крыльях, предстоящая встреча с Викторией, друзьями заглушали ощущение постоянных забот. Казалось, все идет своим чередом, вот он уже кандидат, дипломированный ученый, жизнь прекрасна, если не считать мелочей, без которых она не была бы настоящей, реальной, сладкой или горькой. Получается так, что однообразия быть не может. В противоречивости, богатстве мыслей, взглядов, явлений — подлинная истина. Человек, кроме настоящего, исповедует будущее, живет им, жаждет его, отдает за него все, даже самое дорогое...

Максим срывал нежные, трепетные соцветия, собирал в букетик, а они благоухали недавними снегами, талыми водами, первой зеленью. Цветочки были маленькие, для кого-то, может, и неприметные, но он любил их, любил с детства, именно за эту вот простоту.

Много, однако, рвать не стал, побродил еще долиной, полюбовался зеленеющим кустарником и возвратился к повозке. Орлик, увидев в его руках зелень, потянулся было губами, но Максим спрятал цветы за спину.

— Мало тебе? — сказал ласково. — Погоди немного, вот потеплеет, отпущу тебя, будешь гулять, может, и в самом деле орлом станешь.

Конь безразлично слушал, дал поправить на себе сбрую, сесть хозяину и только тогда пошел не спеша, не ожидая понукания. Они понимали друг друга: один, усевшись, не спешил погонять, второй без принуждения выбрался на знакомую дорожку и, напрягаясь на подъеме, повернул к селу.

На хозяйственном дворе уже не было никого, кроме сторожа. Крищук сам распряг Орлика, завел в конюшню, подбросил ему сена и знакомой тропой пошел к домику. Подмерзало, под ногами похрустывал ледок...

На рассвете вдруг кто-то требовательно забарабанил в окно. Подошел, но ничего не мог увидеть — стекло густо покрылось инеем. Набросив на плечи шинель, вышел на

порог и только теперь понял, что случилось: деревья, забор, сухой прошлогодний бурьян покрылись изморозью.

Возле домика, под окном, стояла и плакала Марта.

— Заходи, Марта!

Девушка отрицательно покачала головой.

— Вся вымерзла, — сказала она сквозь слезы.

— Я сейчас. — Максим забежал в комнатенку, через минуту выскочил одетый. — Не может быть! Ты хорошо посмотрела?

— Хорошо, Максим Никонович, — всхлипнула Марта. — Лежит, будто по ней каток проехал.

Крищук не выносил слез, попросил:

— Перестань!

— Да я и не плачу, — вытирала кончиком платка глаза Марта, — а только как подумаю... Ведь все надо начинать сначала.

— Нужно, значит, начнем, — ответил Крищук.

Пока дошли до участков, посветлело, и Крищук еще издали заметил: пшеница, которой любовался вчера, лежала, прибитая морозом.

Присел, пошевелил поникшие стебли...

— Как ты считаешь, — обратился он к Марте, — узел кущения поврежден?

Это было важно, очень важно: живо сердце растения или его тоже убил мороз? Поднимется оно или засохнет, превратится в пыль, которую разнесут-развеют весенние ветры?

Попробовал ковырнуть землю ножом, ничего не получилось. А увидеть необходимо!

— Беги за лопатой! — велел он Марте и, пока та отсутствовала, ходил по полю, перебирал росточки, будто хотел вдохнуть в них собственное тепло.

В нескольких метрах заметно зазеленел кустик. Максим бросился к нему, опустился на колени. Нет, не все потеряно, не все!.. Он всматривался в поникшую, побуревшую озимь и, к великой радости, выхватывал все новые гнезда живых растений... Не все! Они еще повоюют, покажут свое — не может быть, чтоб «Веселка» так просто сдалась, вымерзла.

— Поспешила ты с выводами, — сказал Крищук Марте, когда та вернулась с лопатой. — Замерзли только боковые листья, а сердцевина выдержала. Слышишь, Марта, выдержала!

Он выкопал в разных местах несколько монолитов, положил на шинель и взвалил себе на плечи.

— Возьми лопату, — сказал девушке и, сгибаясь под ношей, тяжело переступая, пошел к поселку.

— Куда вы понесете их?

Максим остановился, расставив худые, в стоптанных армейских сапогах ноги:

— Домой.

Марта шла рядом с Максимом, готовая каждую минуту помочь; он ступал тяжело, твердо, казалось, никакой силе не остановить его.

И только потом, когда снимал ношу — уже перед домом, приметила: пошатнулся, схватился за косяк и, прежде чем открывать дверь, постоял немного. Марта, вцепившись обеими руками в полы шинели, помогла ему...

И вот она в его обители. С тех пор, как убирала здесь, не была ни разу. Приглашал и он, и Виктория, но не решилась, не осмелилась переступить этот порог, за которым — он, его радости и горечи. Знала: не сможет там сдержаться, чем-либо выдаст себя. Сколько раз мысленно давала себе обет: не обращать внимания, вести себя с ним, как со всеми! И чем чаще клялась, тем сильнее тревожилось сердце. Радостно было видеть его, слышать хрипловатый, простуженный на полевых ветрах голос, скупой смешок или встречать ранним утром где-нибудь на участках — летом мокрого от росы, зимой одетого в неизменную шинель, армейскую шапку-ушанку, большие яловые сапоги... И с чего бы это? Откуда взяться непонятному чувству?

— Сейчас немного натопим, согреемся, — хлопотал Максим.

Марту будто пробудил его голос, она подумала, что в самом деле здесь стоило бы протопить, потому что прохладно... или, может, это ей показалось, может, зябкость придавали подснежники — букетик стоял на столе, привлекая внимание.

Пока Максим расставлял мерзлые монолиты, она разожгла плиту, поставила чайник.

— Не может быть, Марта, чтобы пшеница замерзла, — говорил Крищук. — Сколько ходили возле нее, лелеяли — не имеет права.

Его волновало одно соображение, Максим не мог от него избавиться.

— Это после оттепели она повела себя так. Заморозки после оттепели губительны. Растение во время повторного, после оттепели, замерзания теряет приобретенную морозоустойчивость. Над этим нужно работать... Стой, да ты до сих пор не разделась! Ну-ка быстро! — подошел, взял за отвороты пальто. — Снимай, сейчас будем пить чай.

— Пойду я, Максим Никонович, — сказала, опустив глаза, Марта.

— Почему? Ты ведь замерзла.

— Еще увидит кто-нибудь, до Виктории Борисовны дойдет...

Крищук на миг задумался, затем посмотрел Марте прямо в глаза:

— Скажи: почему ты не любишь Викторию Борисовну? За что? Она сделала тебе что-то плохое?

— Не мне — вам, — тихо ответила девушка. — Простите, это, может, не мое дело, но...

Максим снял с нее пальто, усадил возле плиты.

— Это несерьезно, Марта.

— А это, — она обвела взглядом комнату, — это серьезно? Ни прибрать, ни помыть некому... Я что, не вижу? — Она закрыла лицо руками, заплакала.

— Вот те на! — растерянно смотрел на гостью Крищук. — Да ты что? Чего это вдруг? — Не зная, как в таком случае поступить, Максим взял ее за плечи и ощутил, как она вздрогнула. — Не надо, Марта.

— Простите, Максим Никонович, — сказала виновато.

Крищук смотрел на нее и будто видел впервые: заплаканные и поэтому, кажется, еще более прелестные, затененные длинными ресницами глаза, лицо, словно и не знает оно летней жары или зимних холодов. Максима вдруг осенило, он словно прозрел, увидел ее, добрую свою помощницу, и себя в каком-то ином свете. «Неужели это именно то, что я так упрямо не замечал», — подумал он. А Марта, словно угадывая его мысли, стояла, ждала, казалось, дарила ему возможность взвесить все на незримых весах.

— Сегодня, Марта, мой день рождения, — сказал тихо. — Я должен ехать в город... Подожди, на вот тебе, — потянулся к подснежникам, отделил несколько цветков, но девушка остановила его:

— Не нужно, Максим Никонович. Цветы на счастье делить не нужно.

Попутные машины почти не встречались, и Крищук добрался до города только вечером. На его звонок долго не отвечали, наконец открыли, и он, переступив порог, очутился с глазу на глаз с тестем.

— Вот! — воскликнул тот. — Что я говорил.

— А что вы говорили? — спросил, раздеваясь, Максим.

— Что ты непременно опоздаешь, — неизвестно чему радовался тесть.

— Вы угадали, — сдержанно ответил Максим и открыл дверь в комнату.

— Наконец-то!

— Имениннику...

— Новому светилу науки — урра-а!

Компания — человек десять молодых мужчин и женщин — видимо, изрядно уже подвыпила, была в том состоянии, когда веселость преобладает над рассудком и все жизненные проблемы кажутся до смешного простыми, несущественными, а мир, который до сих пор удивлял безбрежностью, суживается до размеров маленькой комнаты, где можно свободно рассесться, потанцевать, попеть, поиграть в карты.

— Максим! — бросилась к нему Виктория. — Разве так можно? Я ведь предупреждала.

— Извини, — поцеловал ее, — потом объясню. Вот тебе, — развернул букетик. — От весны, от земли и от меня.

Кто-то зааплодировал, кто-то засмеялся.

Подошла мать, поцеловала Максима, прильнула к подснежникам.

— Какие красивые!

Виктория нерешительно взяла цветы, налила в стакан воды и поставила. Подснежники затерялись среди тарелок, бутылок, фужеров. Максиму стало даже жаль их.

Лишь усевшись за стол, почувствовал, как проголодался за день. Заметил: на него смотрят изучающе. Новые лица, наверное, сотрудники Виты, никого из старых знакомых.

— За здоровье Крищука!

«О, да здесь сам Хожай!» — удивился Максим.

— Подойди к Хожаю, — шепнула Виктория. — Я специально его пригласила, чтобы вы помирились. Сделай вид, что ты забыл о том его выступлении, я ему так сказала.

Но Хожай сам поспешил к Максиму, подал руку.

— Приветствую, приветствую...

— Не с чем, — сдержанно ответил Максим.

— Как же! — В тоне Хожая слышалось снисхождение. — Ваши опыты...

— Ничего необычного. Мы ведь всего лишь призваны помогать природе.

— Да, да, конечно, — поспешил заверить гость, хотя было заметно: эмоции его неестественны. — Экспериментировать — наша задача.

— Искать, добиваться успеха! — поправил Крищук. — Можно без конца экспериментировать и ничего не получать, а наше, как вы говорите, задание — добиться конкретных результатов.

— Согласен, согласен, — говорил Хожай, а на устах его играл плохо скрытый смешок, и Крищук подумал, что это у человека нервное. — Вы не гневаетесь на меня за то выступление? На защите? — вдруг спросил гость.

Максим тяжело посмотрел на Хожая.

— Виктория Борисовна просила не касаться этой темы, но если откровенно: сержусь.

— Зря.

— Смотря на чье понимание. И имейте в виду: я не привык отмалчиваться, так что...

— Ждать отмщения?

— Не отмщения. Но и не думайте, что ваше положение охраняет вас от критики.

Подскочила Виктория.

— Максим! — притопнула ногой. — Всегда ты со своими принципами.

— Без принципов, Вика, нельзя. Беспринципный человек — что тростинка на ветру: куда ветер, туда и клонится.

— Не слушайте его, Игнат Петрович, он закостенел там, в своих Перетоках. — Она была неузнаваема, словно кого-то играла, копировала, под кого-то подлаживалась.

Хожай смутился, ему был неприятен такой поворот дела, а Максим от удивления вытаращил глаза. Это она, Вика, о нем?! Нет, здесь какое-то недоразумение. Либо она выпила лишнего, либо...

Легкий хмель вмиг развеялся, и Крищук словно вновь ощутил и праздничное убранство комнаты, и гостей, и ее, Викторию.

Он засиделся, скис, отстал от жизни? И это сказала

жена, та, которая столько выплакала, выстрадала, ожидая его?

Вечер разладился. Гости начали расходиться, Максим безучастно провожал их, жал руки, просил заходить. Все как-то потускнело в его глазах, хотелось вырваться отсюда — на простор, на поля, в комнатушку, где монолиты, где...

— Ну, Максим, сегодня ты показал класс. Переплюнул самого себя, — сказала Виктория, когда все разошлись.

— Благодарю за высокую оценку. Ты, наверное, забыла, что я не из тех, кто склоняется перед дутыми авторитетами чиновников.

— Это Хожай — дутый авторитет?

— А что он сделал для науки? Диссертацию защитил? Так это еще не показатель. И вообще: по какому праву он здесь? Кто он тебе?

Виктория подошла, внимательно посмотрела ему в глаза.

— Ревнуешь?

— И не думаю!

Она поняла, что в пылу наговорила лишнего, сменила тон.

— Что-то ты сегодня очень уж колючий! — сказала примирительно. — Устал или нелады на работе?

— Понимаешь, Вика, живут на свете двое, он и она, какая-то неизвестная сила влечет их, сводит, говорит им: вы созданы друг для друга, живите, радуйтесь, пользуйтесь благами жизни. Силу эту называют любовью.

Он помедлил, и Виктория, слушавшая его с затаенным вниманием, бросила:

— Да. Что же дальше?

— Дальше можно не продолжать. Дальнейшее целиком зависит от тех двоих, от их умения сберечь эту силу, не растерять ее на мелочи.

Виктория подошла вплотную.

— По-твоему, я растранжириваю наши чувства на мелочи, да?

— Почти так, к сожалению.

Зашел, бормоча, отец.

— Ну, зятек, теперь и посидеть можно по-настоящему. Вика, зови мать...

— Хватит тебе, — резко оборвала его Виктория. — Шел бы спать. На ногах еле стоишь.

— Я?! На ногах?.. Да я еще спляшу, вот! — пристукнул каблуком. — Музыка! Где музыка? — Он потянулся к патефону, но Виктория отдернула его руку, насильно усадила на диван.

— Не уважаешь ты меня, дочка, не уважаешь.

— Хватит людей смешить, — заглянула в комнату мать. — Пошли, ложись спать. — Она увела мужа. К большому удивлению Максима, тот почти не сопротивлялся, видимо, случалось это нередко.

— Хорошо, — сказала после всего Виктория, — поговорим позже. Помоги убрать.

— Как знаешь, — пожал плечами Максим.

Пока Виктория выносила посуду, Крищук расставил стулья, открыл форточку. Струя свежего воздуха дохнула на него терпким запахом набухающих почек — домик стоял на окраине, в саду, деревья тянулись ветками до самых окон.

— Так что? — закончив с посудой, подступила Виктория. — Продолжим нашу дискуссию? — Не ожидая ответа, добавила: — Ты верно говорил, Максим, по поводу двух неизвестных, которых соединяет судьба. И относительно их дальнейших поступков тоже верно. Так вот... — Она призумолкла, наверное, подыскивая подходящие слова, — надоело мне быть соломенной вдовой. По-хорошему ты не понимаешь, не хочешь понимать, может, поймешь так. Надоело! Жизнь у меня одна, половины ее уже нет. Какая перспектива? Ждать, пока тебе осточертеют опыты?

Крищук упрямо повертел головой, что означало: не осточертеют. Иного и не ожидая, Виктория четко произнесла:

— Выбирай: либо Перетоки, неопределенность, либо я, город, уют...

— Успокойся, Вика... Я тебя не понимаю. С каких пор все, чем я живу, стало тебе чужим? Меня удивляет...

— А меня удивляет, что ты, имея такие возможности, заслуги, фронтовик, сидишь в какой-то дыре, где даже кино бывает раз в неделю, и то по заказу. Это тебя не удивляет?

— До сих пор у нас было иное мнение, — возразил Максим.

— Ну и держись своих мнений!

Крищук развел руками:

— Все же непонятно, что могло случиться?

Виктория молчала.

— В жизни всякое бывает, — продолжал он. — Лучше по-честному.

— Поздно уже, — сказала она наконец. — Я, наверное, сойду с ума, Максим, от всего этого. От постоянных раздумий о тебе, о нас. Встаю — думаю, ложусь — думаю: как ты там, что ты там? Людей собрала, хотела тебя немного развеселить, а ты... Почему ты опоздал?

— Морозом прибило пшеницу...

— Ну вот! Какой-то росток тебе дороже семьи.

— Речь не о ростке — о хлебе. Сейчас его очень не хватает людям.

— Знаю, знаю: людям надо то, людям нужно это. А нам с тобой, выходит, ничего не нужно. Все у нас есть, всем мы довольны. — Она распустила волосы, перевязала их сзади и добавила устало: — А вообще давай лучше спать.

В кровати, прижимаясь к нему, зашептала на ухо:

— Максимка... Что я тебе скажу. Только не сердись, ладно? У нас будет... ребенок. Сын или дочь. Понимаешь?

— Не маленький, наверное, понимаю, — тихо засмеялся Максим. Он поцеловал жену и закрыл глаза, только теперь по-настоящему ощутив, как смертельно устал.

27

Если бы раньше кто-то сказал, что через неделю ему придется собираться в далекую дорогу, Василий не поверил бы. Больше того, следуя собственному принципу решительно отметать все, что не укладывалось в прокрустово ложе его понимания, он, дабы не слыть простаком, которым помыкают везде и всюду, наверное, ответил бы сообщившему об этом крепким словечком, послал ко всем чертям или дальше, чтобы не путал карты, не разрушал всего реально ощутимого, выношенного чарующими летними вечерами в Перетоках.

Но непосредственного виновника неожиданной одиссеи вроде не было, он только угадывался в лице начальника автоколонны, который, конечно, одним взмахом руки мог вычеркнуть его фамилию из списка водителей (однако не вычеркнул!), поэтому Василий, приглашенный вместе с другими в небольшой, со скрипучими откидными стульями зал, где обычно проводились совещания и собрания, терпеливо слушал, что там говорилось.

А речь была проста: на целине созрел хороший урожай, урожай нужно убрать в кратчайший срок, это всенародное богатство, и их, водителей, роль в этом немалая; давно заведено, говорил начальник автоколонны, что на целинную жатву едут комбайнеры; предприятия и организации выделяют для этого лучшую технику, лучших людей...

Василий Крищук, который в свои двадцать с немногим лет жаждал романтики и всегда почему-то попадал в ситуации, совсем противоположные, конечно же, слышал о тех дальних землях, однако в мыслях не допускал, что судьба может забросить туда и его. Все вмещалось в безбрежье пылкого воображения парня — космос, тундра, Сибирь, какие-то Маршалловы острова, о которых где-то когда-то что-то слышал, даже всегда окутанная льдом Антарктида, а вот целина... Нет, кажется, этот край никогда не прельщал его, не волновал, даже не вызывал интереса. Когда в этом богом и людьми забытом крае началось то, что потом назовут подвигом, он, Василий, был ребенком.

Но вот ему надлежит ехать, бороться за большой хлеб. Даже его скромный жизненный опыт подсказывал, что в наше время возможно все. Человеку, если он не лодырь, открыты все пути — от космических и бамовских с их тысячекилометровым разгоном до спортивных стометровок, где от тебя требуется минутное напряжение, краткая, как в камере сгорания, вспышка усилий.

Что же, доверяют и ему, тертому, не однажды наказанному за всяческие сознательные и несознательные проступки?.. Надеются на смену обстановки или климата?..

Василий твердо решил после совещания подойти к начальнику — хоть напомнить о себе, кто он и что он. Может, кто-то недосмотрел, а потом — в случае чего — будут упрекать. Лучше сразу выяснить, поставить все на свои места.

Совещание длилось недолго: им, водителям, дается три дня на подготовку техники к отправке; начальник, как обычно, был занят, но Василий все же выбрал момент, подошел.

— Крищук? — будто подтверждая какие-то собственные соображения, спросил начальник. — Значит, едем? Рад за тебя. Говорят, хорошо показал себя в Перетоках? Не теряй фасона!

Не успел Василий и слова молвить, как остался с тем

же, с чем подходил... «Хорошо себя показал, — повторил мысленно. — Значит, ему все известно, каждый мой шаг у него на контроле...»

Он так и не решил — хорошо это или плохо, потому что его позвал Шугай, старший группы, велел гнать машину на линейку готовности — для техосмотра.

Осмотр оказался самым придирчивым. Механики расспрашивали о «поведении» машины (о случившемся в Перетоках Василий умолчал), заглядывали и сверху и снизу, пробовали сцепление, соединения, тяги.

— Да что вы ее, как девку, щупаете? — заметил Василий. — Не вокруг света ехать.

— Не горячись, парень, — сказал Шугай, — путешествовать вокруг света можно и на такой, путешественника временем не ограничивают, а нам с тобой придется помотаться.

— Всего не предвидите.

— Всего, может, и нет, но попытаться можно. Ты вот что... Разговор разговором, а бери ключ и все какие есть гаечки-болтики посмотри.

Мудрец он, этот Шугай! Вымотал жилы! Да все со смешком, шутя. Гаечки попробуй! Будто здесь не заржавелые, приваренные холодом, жарой, бешеной скоростью шестигранники, а перламутровые клавиши аккордеона — повернуть такую гаечку иногда нужна сила натренированного спортсмена.

— Ты не сердись, — говорил Шугай. — Люблю, чтобы все аккурат. Потом легче будет. Понимаешь? Трудно в учебе — легко в бою.

— А случайно не знаете, кто со мной такое учудил?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну это... эту поездочку?

Шугай подошел к нему вплотную, кашлянул — скорее по привычке.

— Ты что же, — спросил сурово, — считаешь это чудачеством?

— Будто я...

— Нет, говори прямо, шалопаев мне не надо, — заметил Шугай. — Если хочешь знать — я тебя взял в свою группу.

— Сердечно благодарен, — деланно поклонился Василий. — А жалеть не будете?

— Нет, — ответил Шугай. — Не буду.

— Ведь я... Меня считают...

— Не хитри, — сказал водитель. — Я таких хитрецов знаю. И кем тебя считают — тоже не забыл. — Негнущимися, почерневшими от мазута пальцами Шугай взял Василия за пуговицу комбинезона. — Вот что я тебе скажу по-дружески: начнешь бузить — не обрадуешься. Ясно?

Категоричность Шугая возымела свое действие. Именно такие — крутые, несговорчивые вроде бы — характеры ему нравятся, ставит он их выше, значительно выше мягких, поддающихся разным температурным режимам, которые и сами мало приносят пользы и плодят в своем кругу всяческую мягкотелость. Василия даже заинтриговал такой поворот. До сих пор с ним обращались стандартно: ругали, журили, давили на психику, надеялись таким образом перевоспитать, а этот, ударник, или как его называют, наставник, рубит сплеча, со всего размаха...

Василий готовил машину, гонял ее из цеха в цех, а мысли все вертелись вокруг предстоящей поездки. Да, жизнь — пусть даже в лице Шугая — предъявила ему новые требования, поставила, как говорится, вопрос ребром: или — или. Вернее: да или нет. Поставила вопрос настолько категорически, что ответ должен быть один и только положительный. Иначе не мыслится. Иначе он очутится в стороне, на распутье, а этого он не терпит. Иногда в силу собственной неуживчивости он может попасть в какую-либо историю, но душа его, сердце открыты искренности. Он не безразличен, и ему бывает больно. Все это необходимо понять, как, наверное, понял отец и вот этот Шугай. Он не претендует на исключительность, он просто человек с собственным пониманием и поведением...

С такими мыслями подошел Василь к дому. Уже в подъезде вспомнил, что мать просила купить стиральный порошок — самой что-то нездоровится, а отчим в командировке. Постоял минуту и повернул к гастроному. С некоторых пор, кажется после Переток, материнские просьбы перестали его раздражать.

Он даже занял очередь в магазине, чего никогда раньше не делал, постоял, помог старушенции подержать авоську. Вчера, всего лишь сутки назад, он наверняка полез бы через голову этой — пусть не этой — другой! — женщины и без очереди взял бы все необходимое, нынче же будто кто-то подменил его. Неужели подействовали

разговоры Шугая? Или, может, будущая ответственная командировка?

Может, может... Ответа Василий пока не находил.

— Вот тебе порошок, — сказал он дома с какой-то значительностью. — Стирай, собирай сына в дорогу.

— Еще чего надумал, — с тревогой посмотрела на него мать.

— Не надумал. И не «чего», а вместе с товарищами еду убирать хлеб. Вот.

Виктория даже присела, поправила полотенце, которым обвязывала голову.

— Куда, куда?

— На целину. Понимаешь? Предприятие посылает... командирует.

— И не думай! Завтра пойду к начальнику автоколонны, и никуда ты не поедешь.

— Если вопрос ставится принципиально, так я еду, — сказал он решительно. — И хватит меня срамить. Пойду к начальнику! Начальник сам меня поздравил.

— Ради чего ему тебя поздравлять?

— Так ему захотелось. Понравился, видишь ли. И вообще: перестань меня пеленать. Хватит. Давай лучше подумаем, что взять в дорогу.

Виктория подошла к шкафчику, взяла валидол.

— Тебе плохо, мама? — спросил тревожно. — Ляг, полежи. Может, «скорую» вызвать?

— Ничего, пройдет... Жаль мне тебя, Василь. Вырос без ласки, не так, как другие, и сейчас мыкаешься, словно неприкаянный. То туда тебя занесет, то сюда... Прости меня, наверное, я в этом виновата.

— Что ты, мама? Какая твоя вина, в чем? Время такое, что никто не усидит на месте.

Василий достал чемодан, вытер пыль, открыл крышку и начал бросать в него носки, трусы, майки...

— Да обожди ты, — остановила мать. — Когда ехать-то — сегодня или завтра?

В самом деле, куда он заторопился? Время еще есть.

— Послезавтра, — сказал разочарованно, будто задержка могла повлиять на ход событий, остановить или изменить их. — Но чемодан пусть будет наготове, — сказал он. — Завтра не успею, машину еще нужно подготовить...

— Нина знает? — спросила мать.

— Знает, — улыбнулся Василий.

Наверное, впервые за все эти годы между ними лег тоненький мостик взаимопонимания, и они, идя друг другу навстречу, осторожно ступали по нему, стараясь не нарушить равновесия.

28

В Перетоках стояла страда. Медовый запах молодого хлеба, соломы, казалось, вытеснил все остальные, им было пропитано все, даже кузова самосвалов и грузовиков, непрестанно снующих полевыми дорогами и бездорожьем.

В полдень, когда солнце повисало в зените, жнивье нагревалось, запах становился сильнее, гуще, — только к вечеру вытеснял его легкий днепровский свежак. Он приносил аромат лугов, сильной воды, лесов и буераков, под его дыханием степь освежалась, оживала перепелиными голосами, тихим посвистыванием байбаков на пригорках, далеким мерцанием вечерних зарниц. Багрий весь ушел в хлопоты, давно не появлялся, но однажды позвонил.

— Максим, выручай, — загудел в трубку. — С кормами запарка, травы стоят на угодьях. Не подбросишь ли несколько человек?

— Нашел время просить людей, — отвечал Крищук. — У самих дел невпроворот.

— Знаю, все же прошу. Понимаешь, никакой механизм там не пройдет, кроме косы. А травы... век себе не прощу, если оставлю.

— Ладно уж, — согласился Крищук. — Что с тобой поделаешь?

У них издавна так повелось, еще с первых лет, что в самую горячую пору научные работники не чурались колхозного поля, зато и Багрий, когда институту нужны были машины или какие-либо механизмы, всегда шел на выручку.

На этот раз человек десять сотрудников института вместе с колхозными косарями разошлись по взгорьям, молодым посадкам, где каждое лето бушевали травы.

Максим возвращался из соседнего села, куда позвали его депутатские обязанности. Пред глазами все еще стояла черная илистая чаща — все, что осталось на месте спущенного бригадиром пруда. Не раэ бывал в Лемешах, любовался чистым плесом да роскошными, склонившимися над водою вербами, зелеными наплывами

ряски, — и вот теперь ничего этого нет, есть только густо перевитый корнями бодяги, камыша да водяного перца ил, лужицы еще не успевшей высохнуть влаги, будто слезы на лике земли.

Ночью, когда село спало, бригадир самолично спустил воду, проснувшиеся утром люди не поверили собственным глазам: пруда словно и не бывало. И они позвонили ему, депутату... Крищук попросил председателя сельсовета составить акт и передать в прокуратуру. Обещал проследить за ходом дела. Нерадивого нужно наказать самым суровым образом! Хоть он и прикрывается общественными интересами — мол, ил пойдет на поля, на удобрение, но допускать подобное самоуправство — преступление. Тем более что колхозники не поддерживали затеи.

«Случаются же такие! — гневался Максим. — Не жаль ему ни водоема, ни поля, ни труда людского... О навозе не беспокоится, а на готовое, видишь, позарился!»

Гнев и возмущение кипели в душе Крищука. Откуда берутся эти безразличные ко всему люди, готовые ради исправной цифры и прикрытия собственного безделья вынуть даже ядро земное, эти спекулянты на актуальных проблемах? Черт знает что получается, дорогие товарищи! Государство издает законы, государство беспокоится, охраняет землю и воду, воздух, даже самых маленьких букашек берет под защиту, а какой-то, извините, дурень, деляга на все плюет, вырубает вековой парк, реликтовые рощи, спускает пруды или отравляет источники, поившие поколения...

В чем же мы недорабатываем? На каком этапе кое-кто начинает терять чувство самоконтроля, совести? И почему, почему?!

Чем больше раздумывал, тем труднее найти ответ. Может, потому, размышлял он, что еще в детстве, в пору формирования личности не всегда говорим ей, той будущей личности, о необходимости беречь дерево, кустик или цветок? Наоборот, бывает, по первому требованию ломаем ветку, ловим то, что летает, и радуемся: видите, какие мы умные да внимательные к нуждам подрастающего поколения!

А может, потому, что позже, в школе, твердим о неисчерпаемости природных богатств и совсем ничего или очень мало — о катастрофическом уменьшении этих богатств, обеднении растительного и животного мира, об

исчезновении десятков видов птиц, рыб, цветов, трав? Знают ли школьники, например, о том, что за годы активной деятельности человека навсегда исчезли с лица земли более трехсот видов птиц? Что одна газета большого формата забирает своим тиражом ежегодно четыреста гектаров леса?.. Наверное, нет, не знают.

А может, еще потому, что воспитанный таким вот образом индивидуум, занимающий определенное место в обществе и творящий по своему усмотрению самоуправство, которое вроде бы и не приносит видимого зла, — чего греха таить? — нередко так и остается безнаказанным?

За размышлением Крищук не заметил, как свернул с дороги и очутился в овражке. Здесь он вышел из машины. Да, природа. Сколько исходил на своем веку, изъездил, видел всякого, но всегда очаровывает его земля, обыкновенная земля — с этими вот долинками, ручейками, которые вытекают из неприметного родничка и вскоре, соединяясь с другими, текут уже ручьями между осокой да камышом; цветут над ними калина, рябина, бузина, вьется дикий хмель, гнездятся птицы... Если есть на свете рай, так здесь — частичка его, уголок самой природой дарованный человеку для его блага.

Десять лет назад склоны оврага засадили сосенками — деревца уже поднялись, зазеленели молодой хвоей.

Максим прошел низом и только теперь увидел косарей. Они были за поворотом, двигались в его направлении. «Багрий ни одной травинке не даст пропасть, — подумал Максим. — Да так оно и должно быть у настоящего хозяина».

Косари приближались. Крищук узнал среди них и своих сотрудников.

— Как наука, не подводит? — спросил, обращаясь к колхозникам. — Не отвыкли держать косу?

— Немного есть, но ничего, — ответили ему. — Неудивительно. Мы, можно сказать, постоянно этим занимаемся, и то, бывает, рук не чувствуешь, а они ведь...

Мужчины положили косы, присели в тени, закурили. Крищук, глядя на них, подумал: что те, колхозные, что институтские — никакой разницы. От земли, хлеборобской закваски!

— Рассказали бы, Максим Никонович, что в мире делается. Ездите ведь, смотрите.

— Мало новостей по телевизору или радио?

— То одно, а здесь — другое. По радио, бывает, и дождиком балуют, а им даже и не пахнет, — заулыбались колхозники. — Скоро ли перейдем на химический хлеб и не будем косить, как вот ныне, на солнцепеке?

— Скоро, — без раздумья ответил Крищук, удивив тем самым не так колхозников, как коллег. — Да, да, — подтвердил, — скорее, чем вам кажется. Наука нашла пути и может хоть сегодня предложить химически чистое, со всеми слагаемыми молоко, хлеб, мясо.

— Даже икру придумали...

— Даже икру, — подтвердил Крищук.

Косари смотрели на него с удивлением. Шутит или правду говорит? Верить ему или не обращать внимания — пусть повеселит немного?

— Но наука, — продолжал Крищук, — никогда не станет подменять жизнь, пока она существует. Так что на бога, то есть на химию, надейся, а сам не плошай.

— Словом: без мужика у науки кишка тонка.

— Не тонка, — поправил Максим, — а только человек всему голова. Самое сложное и самое совершеннейшее изобретение — продукт его деятельности. Так-то. — Максим подошел к косам. — Которая здесь самая острая? — попробовал пальцем острие.

— Любой надо уметь махать, Максим Никонович, сама не косит.

— Помахаем, глядишь, и польза будет. И вам и мне. Кто ведет?

— А вы и поведете.

— Обгоните, заставите краснеть.

— А это уж как придется.

Косить между посадками было неудобно, не размахнешься как следует, но косцы ступали с каждым взмахом все увереннее, и Крищук, очутившись в последних, поднатужился, чтобы не отстать. Нажимал, но расстояние все увеличивалось, в конце концов он понял, что не сравняться с этими трудягами и что никто не осудит его за такое отставание.

На исходе дня Максима ждал сюрприз.

Неожиданно позвонила Виктория: она в Перетоках, может подъехать к институту, но лучше будет, если они встретятся где-нибудь в ином месте, например, в скверике напротив кинотеатра. Максим согласился и, сказав сек-

ретарше, что вернется только к вечеру, пусть его не ждут, укатил в районный центр.

Виктория, как всегда, была аккуратна и, как обычно при встрече, с покрасневшими от слез глазами.

— Максим! — бросилась к нему. — Как ты допустил!

— Ты о чем?

— Он еще спрашивает! Василь ведь в командировку собирается, вот-вот уедет.

— И что же?

— Как что?! За ним необходим присмотр, он должен быть здесь, на глазах...

— Своих дружков? Нет, лучше ему подальше от них. И не сбивай парня, не тяни под свое крылышко, век ему там не сидеть. Да и греет оно без пользы. Хочешь, пойдем пообедаем? — вдруг предложил он.

Виктория от неожиданности растерялась.

— А если кто увидит?

Крищук рассмеялся.

— Умный не удивится, а дураку или наговорщику законы не писаны. Исключение составляет разве что Хожай.

— Никак вы не поладите. Сколько лет прошло, а мира между вами нет, — с сожалением сказала Виктория.

— Не я в том виноват. Ему, чудаку, все кажется, что я мщу за тебя.

— Не трогай ты его, ради бога.

— Не о том речь. Что касается дела, я беспощаден даже к самому себе. В ином, кажется, к нему не имею претензий. Единственное, чего не прощаю вам, это Василия. Портите вы хлопца.

— Я мать. Василий — единственная моя надежда и утешение.

— Быть матерью вовсе не значит попустительствовать.

— Не могу же я отказывать ему в том, чем живут, что имеют другие. Такое время, нам, наверное, трудно это понять, потому как мы воспитывались в иных условиях.

— Вот-вот! Раньше списывали на войну, теперь, видишь ли, условия.

Они сидели в самом дальнем углу за столиком, под разлапистым фикусом, рады и не рады встрече, случаю еще раз поговорить о не однажды говоренном.

— Что же делать, Максим? — внимательно слушая его, спросила Виктория.

— Не мешать. Хлопец, кажется, нащупал свою дорогу, и не надо ему мешать.
— Что же он... вот так и будет?
— Как?
— Ну без квартиры, без дома. Сирота он, что ли?
— Был бы человеком, остальное приложится.
— Послушаешь тебя — все правильно, — сказала Виктория и вздохнула. — Живешь будто меж двух огней. — Она выпила остатки ситро, достала зеркальце, посмотрелась. — Давно тебя хотела спросить: ты счастлив?
— Что именно тебя интересует?
Виктория испытующе посмотрела на него и, не ощутив взаимности, намереваясь встать, холодно бросила:
— Ничего.
Крищук рассчитался с официантом и поспешил за ней.
— Ты чем-то обижена?
— Нет. Спасибо за угощение. А Василия я все-таки постараюсь от поездки отговорить.
— Не делай глупостей, — сказал Крищук, но она его уже не слышала.

Встреча с Викторией всколыхнула почти забытые давние события.
Кто знает, на чьей стороне была правда тогда, в тот далекий, но памятный для Максима день возвращения в Перетоки, — на стороне Марты, которая упрекала Викторию, или на стороне его, Крищука, защищавшего жену и верившего в добропорядочность ее поведения. Потому что вскоре, через несколько недель одиночества (хоть оно и прерывалось его нечастыми наездами в столицу), Крищук ощутил, что и в самом деле, наверное, было бы куда лучше, если бы они жили вместе. Максим винил себя в том, что не сумел настоять на переезде Вики, не смог убедить жену в твердости и окончательности своего выбора и тем самым положить конец иным надеждам и разговорам. Ежедневные хлопоты понемногу захлестывали чувство неопределенности, неуверенности, — отзывалось оно разве лишь короткими всполохами печали. И еще — постоянной ревностью Вики. Ведь была у нее любовь, сомневаться в которой Максиму даже в голову не приходило, и было желание всегда иметь его, мужа, при себе. Потом все чаще появлялись разговоры о неустроенности их жизни, все чаще она жаловалась на судьбу, олицетворением которой выступал он, Максим. Почему-то расценивалось так, что если бы не он, не его неопределенное присутствие, то Виктория давно бы и куда лучше устроила свою жизнь. Максим хотел понять ее, чувствовал какую-то вину, но ничего не мог поделать. Он стремился, как мог, погашать возникавшие споры.
— Все это придет, будет у нас и квартира, дай только срок. Не до этого мне сейчас, ты же знаешь.
— А годы, Максим, идут.
— Вот и надо их тратить на самое важное в жизни.
— Зачем тратить? Да и что тратить? — намекала она на не очень-то щедрые заработки. — Здесь все готовое, не нужно только быть таким упрямым.
— Что ты имеешь в виду?
— Твою непослушность, извини, твою фанатичную приверженность Перетокам.
— Как ты можешь?
— Жизнь — не шутка, не эксперименты, на которые ты ее тратишь, ее не повторишь!
— И надо прожить ее за розовыми занавесками, под колпаком?
— Вовсе нет, в том и дело. Я хочу жить! Среди людей, с людьми бывать в театрах, в кино, ходить в гости и принимать гостей...
— Я не узнаю тебя, Вика.
— Ну что дадут тебе Перетоки? Там есть люди, там у них дело. А ты научный работник, твое место здесь, в столице. Все пути перед тобой открыты. Хочешь, я все устрою? Ты даже не будешь знать, что и как, все сделается без тебя, только согласись.
Слушал и удивлялся: когда и почему, как такое могло случиться?! Может, временное, преходящее? Бывает, человек пошатнется, на какое-то время потеряет равновесие...
А дни летели стремительно — хлопотные, горячие и трудные. Стране нужен был хлеб. Много хлеба. Рабочим, крестьянам, интеллигентам и солдатам, старикам и детям, вдовам и сиротам. И он, Крищук, должен дать этот хлеб. Он и десятки, сотни таких, как он: колхозники, агрономы и ученые. Обидно, что этого не поняла и не понимает она. До боли обидно. Ведь главное, к чему призван человек, — чувство долга перед другими.

29

Через несколько дней отогнали машины в Дарницу, на товарную станцию, погрузили на платформы. Шугай, которому поручено было сопровождать технику, хотел было взять с собой Василия, но тот под каким-то предлогом отказался. Накануне отъезда, вечером, он встретился с Ниной.

— Вот мы и расстаемся, — сказал, не зная, что в таких случаях нужно говорить. — Обещал повезти тебя на Север, а получается — мой путь на юг.

— На юг так на юг, Василько. Дорога наша только начинается, еще, может, и на север повернет. Скажи честно: хочется ехать?

— Хочу, — ответил не задумываясь. — Надоели эти домашние «производственные совещания».

— Надеешься, там их не будет?

— Во всяком случае, думаю, меньше. Буду знать одного Шугая, и все. А он мужик справедливый.

— Все зависит от тебя.

— Вот и ты о том же. Хоть бы на прощание помиловала. И откуда у тебя эта привычка — наставлять. Где же твой юмор? Нельзя человеку все время долбить одно и то же. — Василий сорвал сиреневый листик, измял его и бросил.

— Извини. Я не хотела тебя огорчать.

Они стояли у склона молодого, привольно раскинувшегося Ботанического сада. По ту сторону Днепра половодьем голубых огней мерцала Дарница, ближе — Березняки и Русановка, за которыми, также в разливах электрических огней, раскинулись новые жилые массивы.

— Вот так и будет он стоять передо мной, город голубых огней, — тихо сказал Василий. Ему было радостно от близости любимой, от предчувствия неизвестности, все это создавало особое настроение, которое охватывает человека накануне чего-то нового. — Спасибо тебе, Нина, — он нежно обнял ее. — За все спасибо. А главное, что понимаешь меня, веришь в меня.

— Говори, говори...

— Вы, женщины, даже не догадываетесь, как это много значит — верить в человека. Вот не было бы тебя...

— Василько, милый...

Гибкие, горячие руки обвили его шею, губы жадно целовали его лицо, глаза.

Им было уютно, радостно вдвоем на этой привычной аллее, они никогда не видели ее такой красивой. Свежестью дышал прогорклый на лозняках низовой ветер, в таинственной дымке далеких столетий дремали остроконечные соборы монастыря, и тополя стремительно рвались ввысь, будто подпирали, держали на себе это звездное, в сполохах зарниц небо.

Улетал Василий на следующий день. Автобусом их доставили в Бориспольский аэропорт, пожелали счастливого пути, и вот они, привычные к земным расстояниям, разбитым и вовсе не проторенным дорогам, сидят в удобных мягких креслах, где обвевает живительная струйка воздуха.

Проткнув редкие летние облака, воздушный лайнер плыл в сплошном сиянии солнца. Василий сидел возле окошка, иногда улавливая в разводах туч слабые абрисы земли, каких-то речек, озер или омутов. Сказали, что путь их лежит через Волгоград, там будет остановка, и он с нетерпением ждал этого.

Говорят, первую половину дороги человек думает о том, что оставил, а вторую — о том, что ждет впереди. У Василя получалось наоборот: с момента вылета его, словно магнит, тянула неизвестность, он думал только о ней.

Часа через два мелодичный женский голос известил, что самолет совершает посадку в аэропорту Волгоград, стоянка полтора часа, просьба к пассажирам далеко не отходить, не опаздывать.

Василий припал к иллюминатору, стараясь хоть что-нибудь увидеть на легендарной этой земле, однако ничего, кроме общих очертаний города, приметить не смог. Но вот за стеклом туманно засверкало, неприятно зашумело в ушах, — они очутились под облаками, и сразу картина изменилась. За бортом, на всю даль, простиралась ровная, исполосованная полями земля — с квадратиками строений, нитками дорог, редкими зеркалами водохранилищ. Сердце забилось чаще. «Сколько же здесь, на этой земле, — подумал Василий, — оборвалось человеческих жизней!»

Им овладело чувство общности собственной судьбы с

теми, кто пал здесь в смертельной схватке. Вечное входило в него через братские могилы, обелиски, вставшие в его днепровском крае, через Багрия, отца и многих неизвестных ему, которым довелось грудью закрыть эту землю.

Самолет снизился — взгляду Василия открылся гигантский, словно подпоясанный лентами дорожек курган с лестницами, ведущими к его вершине.

— Мамаев курган! — сказал кто-то.

Он слышал о мемориале, о нем много писали и говорили, но не представлял его величия. Впрочем, не видя, это вряд ли можно представить...

Когда вышли из самолета, Василий поспешил на стоянку такси, сказал, что хочет посмотреть Мамаев курган. Слышать такое в аэропорту для таксистов не редкость. И машина помчалась в город.

...В аэропорт вернулся подавленный. Свободного такси возле мемориала сразу не нашлось, и уже там Василий понял, что на самолет опоздал, что опять его занесло.

Наступил вечер, просторное здание вокзала наливалось сумерками, вспыхивало неоновыми огнями, люди сновали в нем, словно пчелы в улье.

В справочном бюро ответили, что следующий самолет до Кустаная отправится утром: дежурный начальник аэропорта, выслушав его, назидательно сказал, что спецрейса по такому поводу не будет, нужно ждать, а вообще, молодой человек, дисциплина — основа порядка.

— Эй, мужик, айда с нами! — позвали Василия расположившиеся здесь же парни с чемоданами и рюкзаками. — Давай на БАМ, не прогадаешь!

Окончание на стр. 161

НАСЛЕДНИКИ ОКТЯБРЯ

XXII СЪЕЗД КПСС высоко оценил деятельность ленинского комсомола, уделял большое внимание молодому поколению, раскрыл перед ним широчайшие перспективы, поставил большие, вдохновляющие на труд, поиски и дерзание цели. Как и десятилетия назад, партия видела в молодежи созидательную, творческую силу!

Комсомол, многомиллионная армия юношей и девушек страны с честью оправдывала доверие партии. В самом начале 60-х годов на Всесоюзных ударных комсомольских стройках было сооружено 300 крупных промышленных объектов, в том числе 48 доменных и сталеплавильных печей, 34 прокатных и трубопрокатных стана и цеха, 95 химических предприятий и производств, проложено 5 тысяч километров газо- и нефтепроводов, построено и электрифицировано 13 тысяч километров железнодорожных путей. При активном участии молодых строителей, монтажников, наладчиков вошли в строй и начали давать продукцию металлургические печи и станы Магнитки, Карагандинского, Челябинского и Липецкого заводов, пошел ток от первых агрегатов Братской ГЭС и Прибалтийской ГРЭС, завершилась электрификация крупнейшей в мире железнодорожной магистрали Москва — Байкал...

Перед молодым поколением открывалась громада дел, но не пугали, а, наоборот, звали к решительным действиям начавшиеся в стране трудовые битвы. Повсюду, в каждом, в самом далеком даже и вроде бы тихом уголке страны ощущался могучий ритм созидательных работ, труд миллионов обретал элементы подлинного творчества... Комсомол направлял свои усилия на формирование у молодого поколения честного, коммунистического отношения к труду, глубокой идейной убежденности и преданности делу партии, любви к социалистической Родине, готовности к ее защите, чувства братской

дружбы с трудящимися всех стран социализма, интернациональной солидарности с трудовыми массами всего мира.

Претворялись в жизнь задания семилетнего плана. Они были нелегкими, емкими, напряженными. По-хозяйски расчетливо, с умением и выгодой используя возможности нашего строя, народ решал главную, первейшую задачу той поры: максимально ускорить научно-технический прогресс — в равной мере и в индустрии, и на строительных площадках, и на транспорте, и на селе, во всех сферах нашего обширного хозяйства. Мы и прежде считали науку и технику своими могучими помощниками, вполне обоснованно отдавая дань всякому научному или техническому новшеству, полезному для общества. А сейчас стали придавать им еще большее значение, ибо неизмеримо выше стали их созидательные возможности. Каждому рабочему, инженеру, ученому было ясно, что в повышении производительности труда, этого важнейшего условия, по словам Ленина, «создания высшего, чем капитализм, общественного уклада», кроме умения хорошо работать, интенсивности труда, огромное, решающее значение имеют передовая наука, совершенная техника и технология.

Именно в годы семилетки особенно успешными стали работы ученых по использованию атомной энергии в мирных целях, совершенствованию самой атомной техники. На хозяйственные нужды пошла энергия новых атомных станций: Белоярской, Нововоронежской и других... Наука искала и находила пути к тесному сотрудничеству с производством, и на вооружение промышленности, строительства, транспорта поступали универсальные вычислительные машины, квантовые генераторы, сварные конструкции, новые синтетические материалы. Появились у нас искусственные алмазы — не в лабораториях, в порядке удачного эксперимента полученные, а промышленные, выпуск которых был поставлен на поток. Сверхтвердые крупицы эти, сотворенные человеком, совершили настоящую революцию в инструментальном деле, а значит, во всей металлообработке, они же дали такую силу буровым установкам, о которой могли только мечтать разведчики недр и добытчики подземных кладов...

В богатую летопись трудовых свершений новую страницу вписал Ленинский комсомол. Борьба за ускорение темпов технического прогресса, повышение производительности труда, развитие рационализации и изобретательства, внедрение передового опыта — все это стало важнейшим делом нашей молодежи. Она принимала самое непосредственное участие в развитии Сибири, Севера, Дальнего Востока, Казахстана, обладающих дешевыми топливно-энергетическими и сырьевыми ресурсами, в создании народнохозяйственных комплексов, городов и рабочих поселков.

На заводах, фабриках, стройках, в забоях и карьерах, на полях и фермах юноши и девушки показывали образцы коммунистического отношения к труду.

Комсомольцы Ленинграда выступили с инициативой — достигнуть в 1963 году уровня производительности труда, запланированного на конец 1965 года. Лозунгами нового движения стали: «Норма доступна каждому! Всем шагать в ногу!», «Маякам не только светить, но и подтягивать отстающих до уровня передовиков!» Уже к концу 1963 года 176 тысяч молодых рабочих, 352 коллектива предприятий успешно завершили выполнение семилетнего плана по росту производительности труда... Комсомолка Юлия Вечерова с фабрики «Солидарность» Ивановской области умело использовала ткацкие станки на высокоскоростном режиме и за несколько месяцев достигла уровня производительности, предусмотренного на конец семилетки. Ей было

СТРАНИЦЫ КОМСОМОЛЬСКОЙ ХРОНИКИ

ЛЕТОМ 1962 года на целинные земли отправились первые студенческие строительные отряды. 120 тысяч вузовцев Москвы, Ленинграда, Киева работали в 130 совхозах Целинного края — строили жилые дома, животноводческие фермы, производственные помещения. За время третьего трудового семестра студенты выполнили строительные работы на сумму 12 миллионов рублей.

СЕЛЬСКИЕ комсомольские организации направляли усилия молодежи на повышение культуры земледелия, механизацию производственных процессов, снижение себестоимости продукции. Создавались комсомольско-молодежные звенья, контрольные комсомольские посты и рейдовые бригады, велась борьба за получение высоких урожаев, хозяйственное использование земли. В Армении началось соревнование за получение высоких урожаев с каждого участка земли — «За богатый гектар», на Украине под лозунгом «За гектары комсомольского опыта» молодежь проводила смелые эксперименты по освоению агротехнических приемов... Воспитанники комсомола Турсуной Ахунова, Валентин Топко, Меликузы Умурзаков выступили инициаторами машинной уборки хлопка. Турсуной Ахунова первой среди женщин-узбечек села за штурвал хлопкоуборочной машины. В первый же год она собрала машиной столько «белого золота», сколько 100 сборщиц вручную. Ее почин поддержали девушки Азербайджана, Туркмении, других республик.

В 1965 ГОДУ сельские комсомольцы помогли механизировать 30 тысяч животноводческих ферм. По почину кировоградцев в стране развернулось Всесоюзное соревнование «За высокопроизводительное использование техники».

В ТОМ ЖЕ году приняла старт новая форма воспитания молодого поколения — Всесоюзный поход молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. С каждым годом поход приобретал все больший размах. В 1966 году его маршрутами прошли 10 миллионов человек, через два года их число удвоилось.

При активном участии комсомольцев и молодежи была создана 71 тысяча музеев и комнат славы, воздвигнуто 58 тысяч памятников и обелисков, построены музеи А. Матросова, Л. Чайкиной, «Молодой гвардии», Людиновского подполья.

СМОТР «Пятилетке — мастерство и поиск молодых» начался в 1966 году. В республиках и областях проводились выставки технического творчества. За четыре года число участников смотра выросло с двух до восьми миллионов человек. Только в 1969—1970 годах они внедрили 1,2 миллиона технических проектов, изобретений, рационализаторских предложений, экономический эффект от которых составил два миллиарда рублей. Около семи тысяч молодых новаторов были награждены медалями ВДНХ, 15 тысяч — дипломами и значками лауреатов Центральной выставки научно-технического творчества молодежи.

ВПЕРВЫЕ появившись в 1959 году, студенческие строительные отряды превратились в мощное патриотическое движение, в котором участвовали миллионы советских студентов. Многие отряды трудились в районах Сибири, Дальнего Востока и Севера, на всесоюзных комсомольских стройках. Только за годы восьмой пятилетки студенты выполнили строительных работ на 1,6 миллиарда рублей. В 1971 году 500 студентов — бойцов строитель-

присвоено звание Героя Социалистического Труда... Молодые волгоградские тракторостроители завели лицевые счета экономии, а комсомольско-молодежная бригада соседнего города Волжска сберегла государству 10 тысяч рублей. Эта бригада вела «журнал качества», в котором были такие записи: 107 объектов сданы на «отлично», 36 — на «хорошо»... По проектам студентов Каунасского политехнического института было электрифицировано более 100 колхозов, построены семь больниц, дома отдыха и турбазы. А дипломный проект «Планировка и застройка курорта в Анагуне» получил первую премию на Всесоюзном смотре архитекторов и был представлен на Всемирный конгресс архитекторов в Париже.

Киловатт-часы электроэнергии, тонны чугуна и стали, угля и нефти, кубометры газа... Они добывались упорным трудом, но, значит, достаточно хорошо и надежно вооружены были наши металлурги, горняки, нефтяники, энергетики, если в последний год семилетки страна получила 507 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, 243 миллиона тонн нефти, 129 миллиардов кубометров газа, 578 миллионов тонн угля, более 66 миллионов тонн чугуна, 91 миллион тонн стали!.. Многое четче и объемней представляется в сравнении, и стоит напомнить, что в предвоенном сороковом году у нас в стране было добыто лишь 166 миллионов тонн угля, выплавлено чуть более 18 миллионов тонн стали и около 15 миллионов тонн чугуна, а выработка электроэнергии составила 48,3 миллиарда киловатт-часов.

Важнейшей исторической вехой в жизни партии, всего советского народа явился XXIII съезд КПСС. Целиком и полностью одобрив политическую линию и практическую деятельность Центрального Комитета, всесоюзный форум коммунистов отметил: более прочной стала политическая основа советского общества, опирающегося на крепчайший, испытанный десятилетиями союз рабочего класса и колхозного крестьянства, на братскую, также прошедшую суровую закалку, дружбу народов Советского Союза, укрепилась экономическая и оборонная мощь Страны Советов, возросли ее авторитет и влияние на международной арене. Съезд партии выработал политическую линию КПСС на ближайшие годы, определил основные направления внутренней политики и хозяйственной деятельности, внешнеполитический курс партии и государства, утвердил Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы. Съезд определил основные направления деятельности ВЛКСМ, потребовал от комсомольских организаций повышать уровень, совершенствовать формы и методы коммунистического воспитания юношей и девушек.

Пятидесятилетие Октябрьской социалистической революции страна встречала большими успехами на всех участках громадной коммунистической стройки. В канун славного юбилея особенно ярким стал накал всенародного соревнования, отовсюду поступали сводки о новых трудовых свершениях. Юноши и девушки страны соревновались под девизом: «Юбилею революции — подарки молодых».

В октябрьские дни 1968 года прозвучал салют в честь полувекового юбилея Ленинского комсомола. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1968 года за выдающиеся заслуги и большой вклад комсомольцев, советской молодежи в становление и укрепление Советской власти, мужество и героизм, проявленные в боях с врагами нашей Родины, активное участие в социалистическом и коммунистическом строительстве, за плодотворную работу по воспитанию подрастающих поколений в духе преданности заветам В. И. Ленина и в связи с 50-летием ВЛКСМ Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи был награжден орденом Октябрьской Революции.

К своему 50-летию Ленинский комсомол пришел боевым авангардом молодежи, объединяющим в своих рядах более 23 миллионов молодых людей всех национальностей и народностей Советского Союза.

На знамени комсомола засверкала шестая правительственная награда — орден Октябрьской Революции.

Это была награда тем, кто стоял у истоков союза молодежи, кто слышал речь В. И. Ленина на III съезде комсомола и на VI съезде принимал историческое решение о присвоении комсомолу имени Ильича...

Это была награда тем, кто строил Днепрогэс и Магнитку, Турксиб и тракторные гиганты, ковал индустриальную мощь страны, влившись в армию первостроителей социализма...

Это была награда героям Великой Отечественной войны, бессмертным защитникам Родины, труженикам тыла, ковавшим оружие победы...

И участникам грандиозных восстановительных работ послевоенной поры, и покорителям целины, и творцам индустриальной мощи нашей великой державы...

Награда молодым поколениям — наследникам Великого Октября!

ных отрядов — были награждены орденами и медалями.

В ГОДЫ восьмой пятилетки комсомол стал шефом целых экономических районов — нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири, якутских месторождений алмазов, Братского промышленного комплекса, Березниковско-Соликамского промышленного района, Курской магнитной аномалии. В 1969 году на освоении нефтяных и газовых месторождений впервые были образованы комсомольско-молодежные тресты. Продолжая традиции ударничества, комсомольские организации направляли на пусковые объекты ударные строительные отряды.

В 1968 ГОДУ 30 тысяч комсомольско-молодежных бригад участвовало во Всесоюзном смотре культуры производства и условий труда на фермах. В ходе смотра 140 тысяч человек по комсомольским путевкам пришли на фермы, было механизировано 3 тысячи животноводческих помещений, построены и оборудованы тысячи красных уголков, профилакториев, спортплощадок.

К КОНЦУ восьмой пятилетки на селе трудилось десять миллионов юношей и девушек, в том числе три миллиона комсомольцев. Каждый год в сельское хозяйство вливалось 70 тысяч выпускников вузов и техникумов, 400 тысяч — из профтехучилищ. Действовало почти 40 тысяч комсомольско-молодежных коллективов.

ПО ИТОГАМ восьмой пятилетки 61 850 молодых тружеников промышленности и сельского хозяйства были награждены орденами и медалями Советского Союза, лучшие из лучших стали Героями Социалистического Труда.

ШЛИ СОЛДАТЫ...

ПО СТАРЫМ таллинским улицам не спеша шли два солдата — дед и внук. Прохожие останавливались и смотрели им вслед. А вот почему: два ордена Красной Звезды на мундире подполковника в отставке Николая Николаевича Курапова говорили о днях Великой Отечественной. Такая же алая звезда, только новенькая, сверкала на пиджаке бывшего мотострелка 20-летнего Олега Курапова, который вернулся домой из-под жаркого неба Афганистана...

У Николая Николаевича густые, обильно подернутые сединой брови. Они делают его взгляд жестковатым, но это впечатление обманчивое. Старый воин с любовью глядел на внука.

— Молодец, Олег! Приятно, что молодежь с честью продолжает традиции нашей армии. А знаешь, слово «интернационалист» близко и понятно многим из нас. В войну мы гордились, что в нашем полку служил командиром батареи старший лейтенант Филинов. В интернациональной бригаде он дрался с фашистами еще в Испании. И здорово дрался. Был награжден орденом Красного Знамени.— Фронтовик погрустнел, как бы ушел в себя.— Большой отваги был человек.

ШЕЛ ТРЕТИЙ день боев на Курской дуге. Воины 974-го зенитно-артиллерийского полка резерва главного командования под палящим июльским солнцем отбивали яростные атаки гитлеровцев. И это было только начало. Поэтому парторг полка старший лейтенант Курапов отправился в первую батарею, которой командовал молодой офицер. Пошел, чтобы помочь, поддержать людей в трудную минуту боя, как и положено политработнику. Он всегда был там, где труднее, когда еще в пехоте впервые столкнулся с фашистами на поле боя.

— Товарищ старший лейтенант,— протянул ему телефонную трубку связист.— Вас — командир полка.

Новости были плохие. Погиб Филинов. Его батарея оказалась под угрозой окружения. Связи с ней не было...

— Николай, надо спасать людей и технику,— не приказал, а попросил охрипшим голосом командир полка.— Помогай, Коля.

И парторг пошел. Трижды на него коршуном кидался «мессер». Жесткие пулеметные очереди вонзались в землю рядом с офицером, но настигнуть опытного воина гитлеровскому летчику не удалось. И вот уже под грохот орудий — стреляли с ходу — батарея с боем пробивалась к своим.

Курапов доложил командиру полка:

— Среди личного состава потерь нет. Все орудия выведены.

После этого дня и засиял на его гимнастерке первый орден Красной Звезды.

Вторую звезду Николай Курапов получил в том же, 43-м. Уже за днепровскую операцию. Старший лейтенант вышел на занятый врагом берег реки со вторым орудием полка и вступил в бой с «юнкерсами», прикрывая товарищей.

Прошли годы. Выросли три сына. У среднего, Владимира, родился Олег.

И так уж вышло, что Владимир дома бывает редко. Уже не один год ходит он в море на судах рыбопромыслового объединения «Эстрыбпром». Владимир Николаевич стал политработником, как отец. Поэтому много времени Олег проводил в доме деда. Помнит Николай Николаевич, как внук вместе с друзьями пришел в студеный день 23 февраля с цветами, чтобы поздравить ветерана с праздником...

И вот стал солдатом Олег. И не просто солдатом.

— Как воспринял старый фронтовик известие о том, что внук служит в Афганистане? — переспросил меня Николай Николаевич.— Боязно стало за него. Нам тогда... было легче. У нас был передний край, и мы представляли, где фашисты. Враги Афганистана ведут необъявленную войну. Пулю можно ждать отовсюду. Но, вижу, мои волнения были напрасными. Олег с честью выполнил свой интернациональный долг, как и мой боевой товарищ старший лейтенант Филинов в те далекие тридцатые годы. Горжусь, что мой внук помогал афганскому народу бороться за новую, мирную жизнь.

ЕСЛИ ПОЕЗДОМ, то от Ташкента до Таллина пять суток. Пять суток глядел Олег на меняющийся за вагонным окном пейзаж и думал, думал. Мысленно он переносился в доармейскую жизнь, в Таллин, в родную 52-ю школу, в класс к учительнице Марии Михайловне Гаршениной. Что скрывать, с алгеброй и геометрией, которые преподавала Мария Михайловна, Олег был, как говорится, на «вы», но своего классного руководителя он вспоминал с любовью, как и весь свой 10-й «Б».

Пустынная земля за окном напомнила ему афганскую провинцию, в которой довелось служить. И как будто встал за вагонным окном длинный и узкий городок. Тоскливый пейзаж его скрашивали улыбки афганцев. И видели советские солдаты, что дехкане на деле поняли, что Апрельская революция ведет их к новой, светлой жизни.

Не все было в службе мотострелка так уж радужно и безоблачно. Через эту провинцию пролегла крупная транспортная магистраль. Шли по ней машины с продуктами, строительными и другими материалами, которые очень ждали в самых отдаленных и бедных кишлаках. Не нравилось это «духам». Вот почему из стоявших рядом с дорогой густых деревьев вырывались пулеметные очереди, вспарывавшие борта грузовиков, летели гранаты.

Не раз приходилось наводчику-оператору рядовому Курапову и его товарищам занимать места в боевых машинах пехоты. И слышали мотострелки стук осколков по броне, удары вражеских пуль. Но каждый раз мотострелки отгоняли бандитов от магистрали. И вновь шли по ней тяжело груженные грузовики.

В конце сентября ночами под яркими афганскими звездами холодно. Даже пуленепробиваемые жилеты солдаты на себя натягивали, чтобы теплее было. Одну из таких ночей Олег запомнил надолго.

Пост, на котором стоял рядовой Курапов, находился в средневековой башенке. Неподалеку размещался клуб афганцев, а рядом с ним—

пост «зеленых» — так по цвету погон называют здесь воинов афганской народной армии.

Тишину ночи взорвали автоматные очереди. Полетели огненные светляки в сторону советского поста. Гарнизон поднимался по «тревоге», а в это время уже вовсю грохотал автомат Курапова. Олег прикрывал своих товарищей.

И таких историй было немало. Разве все вспомнишь, даже под монотонный перестук вагонных колес?

Но больше вспоминались друзья по службе. «Как там мои сибиряки? — думал Олег.— Что делают сейчас Юра Бадин, Коля Кулькин? Коля собирается стать учителем в младших классах...»

Надежные ребята, как на той войне, о которой рассказывал дед. И не только в трудной, часто опасной службе, но и в быту. Ведь не было случая, чтобы кто-нибудь, притащив сочную дыню, ел ее в одиночку. Тому, кого в тот момент не было в расположении подразделения, оставляли сочные дольки.

А как радовались письмам, и не только своим. Дед писал строгие, полные патриотизма письма, как и положено старому политработнику, присылал вырезки из газет. А письма отца из очередного рейса... А от Юли! Весь взвод порадовался за Олега, когда Юля прислала ему свою фотографию.

Тогда Олег еще не знал, что она искала в каждой газете сообщения «из Афгана», как теперь, по-солдатски, говорит девушка. С волнением смотрела телевизионные репортажи Михаила Лещинского и ждала, ждала писем с номером полевой почты на обратном адресе.

А их вдруг не стало. Перестали они приходить и к деду на тихую улочку Келлери перед старинным парком Кадриорг, заложенным еще Петром Первым...

...Госпитальная палата. Над Олегом склонился майор медицинской службы Анатолий Иванович Гобаненко.

— Ничего, гвардеец, ты сильный, выкарабкаешься.

А когда оклемался, нестерпимо захотелось сока. Где взять? Нет его в госпитальном рационе. Как-то заикнулся об этом Анатолию Ивановичу. На следующий день, войдя в палату, врач поставил на тумбочку Олега банки с соком грейпфрута.

Помнил Олег, как буквально на минуту заехали проведать его боевые друзья, высыпав на кровать конфеты, печенье...

А за госпитальным окном виднелись заснеженные и холодные вершины Гиндукуша.

Потом был госпиталь в Ташкенте. Письма от деда, который волновался и, как мог, подбадривал Олега. В ответ Курапов-младший писал ему о тех, с кем служил на земле Афганистана. В частности, о политработнике капитане Абдурахманове. «Этот офицер умеет спокойно дойти до сути проблемы и объяснить многое без красивых лозунгов, а где надо — не словом, а личным примером. Вот какие люди продолжают твое дело, мой дорогой комиссар».

СОЛДАТ вернулся домой. Вновь он сидит в гостеприимной квартире деда. Здесь так же шумно, как всегда. Много друзей и по учебе. Олег снова стал курсантом Таллинского мореходного училища рыбной промышленности. Решил пойти дорогой отца. Потому что в море, как и в Афганистане, человек быстро проявляется. А легких путей этот парень не искал и не ищет.

А. ХАРЧЕНКО

МОДА есть мода. Она, словно бабочка-однодневка, рождается и исчезает довольно быстро. И совсем не просто угнаться за ней. Те предприятия легкой промышленности, которые отдают себе в этом отчет, стараются как можно скорее откликнуться на изменения моды и, следовательно, перестроиться. Те, кто долго «раскачивается», обречены на неудачу: продукция осядет на складах.

ДЕЛО ПО ПЛЕЧУ

Работа в условиях хозрасчета, на который легкая промышленность перешла совсем недавно, заставляет ее объединения, комбинаты и фабрики не только идти в ногу с модой, но и чуточку опережать ее.

В этом можно убедиться, побывав на Косинском производственном объединении.

ВЯЗАЛЬНЫЙ цех предприятия выглядит непривычно нарядно, напоминая праздничный деревенский хоровод. Красочность цеху придают яркие разноцветные бобины на самых современных станках. Станки непосредственно связаны с компьютерами, в которые закладываются магнитные диски с запрограммированным рисунком. Легкая подсветка в «чреве» станка подчеркивает рельефность рисунка. При необходимости в него можно внести любое изменение — с помощью того же компьютера.

— Знаете, как легко вздохнули наши художники, когда мы установили такое современное оборудование,— говорит секретарь комитета комсомола объединения Илья Чернышев.— Ведь раньше художники были ограничены в своих возможностях. А теперь любой взлет его фантазии, созданный им самый сложный рисунок можно воспроизвести на полотне без всяких усилий.

Сотни метров модной трикотажной ткани попадают из вязального цеха в закройный, где будущие изделия обретают свои первые очертания. По одному конвейеру «плывут» детали будущего платья, по другому — джемперов, далее — детали детских трикотажных изделий...

— В магазинах все еще остро ощущается нехватка модных трикотажных вещей,— продолжает Илья.— И, пожалуй, самый большой спрос — на детский трикотаж. В нашем объединении сегодня семьдесят процентов от общего объема производства — это изделия для детей.

Мы прошли в швейный цех.

На наших глазах происходили чудесные превращения. Из отдельных деталей получались платья, джемперы, молодежные комплекты, детские платьица и костюмчики.

— Здесь скоро тоже заменят устаревшее оборудование но-

вым. И тогда, мы надеемся, удастся осуществить заветную мечту: создать сквозные комсомольско-молодежные бригады. В каждую из них войдут художник, конструктор, технолог, оператор компьютера, вязальщицы, раскройщицы, швеи, то есть будет задействована вся технологическая цепочка. Ассортимент — молодежный. Кому, как не молодым, лучше знать «рифы» молодежной моды, тенденции ее развития.

Вязальный цех. Помощник мастера Николай Нотов (справа, вверху); вязальщицы Светлана Скрипова (слева) и Елена Соколова.

Комсорг вязального цеха Дмитрий Соколов.

— Но в этой технологической цепочке не хватает последнего звена — торговли. А ведь от торговли во многом зависит и реклама, и изучение покупательского спроса.

— Мы пока не можем включить в предполагаемую цепочку торговлю, поскольку до сих пор не имеем фирменного магазина. В свое время Перовский райисполком Москвы обещал выделить нам помещение под такой магазин. Мы тогда радовались, строили планы... Но прошло время, и райисполком... передумал. Конечно, продукция нашего предприятия попадает в крупные магазины столицы, ею торгуют ГУМ, универмаги «Московский», «Вишняки», она пользуется повышенным спросом. Все изделия объединения аттестованы высшей и первой категориями качества, индексом «Н» — новинка. Нам, естественно, хотелось бы, чтобы маркировка нашей продукции выделялась, но это возможно лишь при наличии фирменного магазина. В нем мы могли бы не только торговать, но и представлять на суд покупателей перспективные модели... Мало ли что можно сделать, имея свой магазин!

— У вас вроде бы много молодежи, в том числе среди бригадиров и помощников мастеров. Нет проблем с рабочей силой?

— Если бы так...— с горечью заметил Илья.— Предприятие далеко не молодежное. Большинство девчат и парней приезжает из других городов. Некоторые из них, прежде всего те, кто создал молодую семью, стараются не задерживаться у нас, несмотря на высокие заработки. Причина? Отсутствие жилья, получить квартиру у нас ой как нелегко. Мы не располагаем территорией, где можно было бы построить дома. А общежитие оставляет желать лучшего...

— Ну а местная молодежь?

— А вот в этом вопросе для меня полная загадка: почему они считают работу в нашей отрасли непрестижной? Согласитесь, выпускник школы, поступивший к нам, получает не менее 200 рублей. И в плане организации досуга у нас особых проблем нет. При клубе фабрики работает немало самодеятельных кружков. Нередки встречи нашего коллектива с популярными артистами, писателями, космонавтами. Комсомольская организация получила сейчас возможность тратить заработанные ею деньги на субботниках на приобретение видеомагнитофонов, на зарубежные туристические поездки, на экскурсии по стране...

— На чем сосредоточивает свои усилия комсомольская организация объединения?

— В двух словах об этом не расскажешь, но попытаюсь объяснить. Не секрет, что комсомол в последние годы многое утратил. Немало молодежи формально исполняли свои обязанности членов ВЛКСМ, снизилась их активность. Перед Двадцатым съездом комсомола были всплески некоторого оживления, шли дискуссии, выдвигались идеи, предложения. Многого ожидали комсомольцы от съезда, но прошел он гладко, словно по накатанной колее. Пожалуй, бóльшую надежду вселил недавний пленум ЦК ВЛКСМ. Ну не странно ли, что какой-то частью молодежи овладели апатия, пассивность — свойства, явно не характерные для молодых. Значит, надо было что-то искать, чтобы оживить комсомольскую работу. И формы этой работы должны быть разнообразны... Что касается нашей комсомольской организации, то ей предстоит нелегкая задача — утвердиться в собственном

Работницы закройного цеха Елена Образцова (справа) и Наталья Тугаринова.

объединении, показать свои потенциальные возможности. А это потребует высокой активности с нашей стороны, хотя, сами понимаете, разбудить спящих не очень-то легко. Но хорошо уже то, что у нас появились активные ребята, которые растормошат кого угодно. Правда, за один день этого не сделаешь, но... лиха беда начало.

Сегодня мы напрочь отказались от старых методов комсомольской работы, решили усилия сосредоточить на главном. Своей нынешней деятельностью мы хотим доказать администрации, в первую очередь начальникам цехов, мастерам, что в состоянии решать чисто производственные вопросы. О намерении создать сквозные комсомольско - молодежные бригады я уже говорил. Сейчас мы во многом пересматриваем систему соцсоревнования за звание «Лучший молодой рабочий».

Нас интересует, как работает молодежь на других предприятиях нашей отрасли. Мы установили недавно хорошие контакты с известной эстонской фирмой «Марат», подробио познакомились с различными аспектами ее деятельности, много интересного почерпнули для себя. В частности, нам понравилось, что при «Марате» существуют так называемые малые предприятия, которые сродни кооперативам. На этих предприятиях они с помощью штамповки наносят на изделия любой рисунок, любую надпись. Футболки «Марата» с надписью «Гласность», «Перестройка» расходятся моментально. Мы тоже задумали при иашем объединении создать подобный кооператив. Администрация одобрительно отнеслась к нашему предложению, тем более что продукция такого кооператива будет засчитываться в план объединения. Уже в этом году мы приступаем к реализации нашей идеи.

Нас волнует проблема рекламы. Все-таки наше предприятие — самое передовое в отрасли. Пока мы рекламируем свою продукцию кустарным способом. Наш молодой и талантливый художник Корина Строителева активно занимается агитационной рекламой, выступает на различных предприятиях, на вечерах в Домах культуры, в школах. Вместе с шестьюсемью девушками она демонстрирует наши модели — для школьников, для старшеклассников, не без тайной надежды привлечь на работу к нам выпускников школ. Модели демонстрируются с обсуждением, которое иередко сопровождается острой полемикой.

Сейчас мы собираемся создать еще одну группу по типу «Театра мод» и закрепить ее при Клубе молодежной инициативы, созданном Перовским райкомом ВЛКСМ. Мы мыслим это как яркое красочное зрелище...

У КОМСОМОЛЬЦЕВ объединения много интересных задумок, и комсомольский секретарь увлеченно рассказывал о них. Эта увлечениость понятна. Чернышев пришел в объединение, как сам он признается, по призванию. Работа занимает много времени, а времени, как всегда, не хватает. Да еще учеба в текстильном институте...

Радует общее настроение, которое царит в комитете комсомола, во всей комсомольской организации объединения. Веришь — здесь собрались люди неравнодушные, а это значит, любое дело им по плечу.

О. ЕГОРОВА
Фото А. ГЕОРГИЕВА

ВНИМАНИЕ: ОПАСНОСТЬ!

МИНЗДРАВ в очередной раз предупреждает — и этим все ограничивается. Никакой антиникотиновой пропаганды! Сплошная реклама сигарет — в кино, книгах, журналах, даже в театре, невзирая на повышенную пожароопасность. На каждом углу — табачные киоски с полным ассортиментом зелья и сопутствующих товаров. 70 миллионов людей в СССР с удовольствием затягиваются очередной сигаретой, пуская дым на оставшиеся миллионы и делая многих из них курильщиками поневоле. — ники «СОС — стоп курению» в городе Эдинборо, штат Пенсильвания, доктор Дж. Миллер. После нашей встречи в Чатокуа доктор Миллер любезно представил нам свои последние разработки, которые мы используем в публикации.

ПЛАНЕТА В ТАБАЧНОМ ДЫМУ

табачные киоски с полным ассортиментом зелья и сопутствующих товаров. 70 миллионов людей в СССР с удовольствием затягиваются очередной сигаретой, пуская дым на оставшиеся миллионы и делая многих из них курильщиками поневоле. Если отвлечься от медицинских последствий и взять экономику и статистику, то здесь цифры неопровержимо доказывают: объем реализации табачной продукции год от года растет! А в США процент курящих мужчин в два с лишним раза ниже, чем у нас. Почему?

На III встрече советской и американской общественности в Чатокуа, штат Нью-Йорк, обсуждались не только вопросы войны и мира. Там говорили о злободневных недугах человечества — наркомании и алкоголизме. И о курении. Вернее, о том, как бороться с этим социальным бедствием. В дискуссиях и беседах принял участие видный специалист в этой области, директор исследовательского центра по борьбе с курением и клиники «СОС — стоп курению» в городе Эдинборо, штат Пенсильвания, доктор Дж. Миллер. После нашей встречи в Чатокуа доктор Миллер любезно представил нам свои последние разработки, которые мы используем в публикации.

Ученый рассказал историю, происшедшую совсем недавно в городе Лексингтон, штат Миссисипи. Здесь проходил необычный судебный процесс — привлекалась к судебной ответственности табачная компания, виновная в смерти курильщика Натана Хортона. Каждый день он выкуривал по две пачки «Пелл Мелл» и после 30 лет курения скончался от эмфиземы и рака легких. Семья Хортона решила подать на «Америкен тобэко компани» в суд и потребовала компенсацию — 17 миллионов долларов. Вдове напомнили: разве не каждой пачке сигарет, выпускаемой в США, не написано: «Предупреждает генеральный хирург — курение влечет за собой...» Однако вскрылась другая причина беспокойства руководства компании. На ее плантациях применялись пестициды, причем в недопустимо больших дозах. Они ушли в табак, сделав и без того токсичное зелье суперъядовитым...

— Я считаю,— говорит Дж. Миллер,— что сейчас проблема

номер один в борьбе с курением — уберечь от печальных последствий так называемых пассивных курильщиков, тех людей, которые вдыхают дым, производимый самими курильщиками. Долгое время считалось, что кратковременное пассивное курение вызывает лишь раздражение слизистой оболочки глаз и аллергические реакции. Какое заблуждение! Пассивное курение детей в семьях, где курят родители, как показали наши исследования, в два раза повышает риск легочных заболеваний. А ведь и раньше тревожно звучали голоса ученых, предупреждавших: различные канцерогены содержатся и в основной, и в побочной струях дыма. Но, увы, к ним не прислушивались — не курит сам ребенок, и ладно.

И лишь сравнительно недавно были тщательно исследованы последствия длительного—в течение двух и более десятилетий — пассивного курения. Вкратце результаты исследований можно сформулировать так: смертность от рака среди некурящих и неработающих жен курящих мужей почти в два раза выше, чем среди некурящих неработающих жен некурящих мужей!

— И долго еще некурящие люди намерены выносить никотиновый туман? Неужели американцы оказываются такими же долготерпимыми, как и наши курильщики поневоле!

— Не знаю, как у вас (у меня нет данных, кроме тех, что в СССР в два раза больше курильщиков, чем в США), но у нас в стране последовательная борьба с этим видом наркомании началась 20 лет назад. В каждом штате разработаны собственные правила и ограничения. В штате Нью-Йорк, например, запрещено курить на службе, в магазинах, холлах, банках, на зрелищных мероприятиях, в общественном транспорте. Штраф достигает 250 долларов! В Чикаго одно предприятие даже решило запретить своим служащим курить и дома, однако юристы поставили под сомнение правомерность подобных действий, хотя само по себе это было бы неплохо...

— Нам довелось видеть таблички, призывающие бросить курение в вагонах метро, городских автобусах Нью-Йорка, Вашингтона...

— Их число растет, ибо недавно управление транспорта Нью-Йорка приняло решение сократить количество вагонов для любителей табачного дурмана. Сегодня более чем в 40 штатах и 300 городах ограничены места для курения. Скоро людей с сигаретами не будет видно в ресторанах, конференц-залах и служебных автомобилях. В такси уже не курят!

— Любопытная деталь для нас, иностранцев: в Нью-Йорке не отыщешь табачных киосков. Да их просто нет, а если захочешь купить сигареты в драгстор (аптеке), возьмешь блок — минимум за 12 долларов. Не каждый пойдет на такие траты!

— Это одна из составляющих нашей антиникотиновой программы. В Далласе в гостинице у посетителей берут подписку, что они обязаны заплатить 250 долларов штрафа и покинуть номер, если их заметят с сигаретой. В этом отеле никто из персонала не курит, и владелец гостиницы экономит 70 тысяч долларов ежегодно благодаря тому, что сокращаются потери рабочего времени и расходы на здравоохранение.

— Говорят, от привычки курить отучить нельзя, если сам не захочешь. Твен бросал 150 раз.

— Не знаю, как Марк Твен, но моя клиника «СОС — стоп курению» в Эдинборо добилась

самого высокого числа излеченных от пагубной привычки — 55 процентов бросивших окончательно! Наша программа состоит как минимум из 15 занятий, лекций о чудовищных последствиях курения для здоровья, фильмов, убеждающих, что без никотина жизнь куда прекраснее, выступлений бывших курильщиков, групповых и индивидуальных консультаций.

В первую неделю проходят пять занятий, во время которых их участники готовятся к отказу от курения и следующему за ним синдрому воздержания. Вторая неделя состоит из трех занятий, третья — из двух, четвертая — из одного. Эти занятия укрепляют желание курильщика превратиться в некурильщика, а также помогают тем, кто еще не переключился полностью на модель поведения некурильщика. Далее следуют циклы в полтора, два с половиной, три с половиной и четыре с половиной месяца, во время которых люди приобретают дополнительную уверенность в своих действиях.

Прежде чем приступить к выполнению программы, мы договорились с администрацией компании «Камингс энджин», разработали опросник по таким пунктам: 1) в каком возрасте участник программы начал курить; 2) тип — сигарета, трубка или сигара; 3) общее количество потребляемого за день табака; 4) тип и сорт выкуриваемых сигарет; 5) причины, по которым участник желает бросить курить; 6) продолжительность периода курения и некурения; 7) глубина затяжки; 8) длина выкуриваемой сигареты. Эти вопросы были разосланы всем штатным сотрудникам компании. Откликнулись 37 человек, указав, что они заинтересованы бросить.

Руководитель программы, прибыв в город Колумбус, штат Индиана, распределил всех желающих по двум отделениям, работающим вечером, после окончания рабочего дня, в филиале компании. Из записавшихся 37 клинику решили посещать две трети. Они внесли треть суммы за лечение. Остальное заплатила компания.

Руководство уже убедилось в том, что некурильщики меньше болеют и меньше прогуливают, чем курильщики. А это ведет к повышению прибылей компании, росту производительности труда. Что же касается той суммы, которую внесли сами пациенты, то это было сделано для того, чтобы повысить их персональную ответственность, чтобы они понесли финансовые жертвы ради отказа от курения.

Во время первых недель я посещал пациентов на рабочих местах и беседовал с ними. Со многими пришлось провести дополнительные занятия, чтобы закрепить результаты.

— И каковы же они?

— Модели поведения 33 участников классифицированы так: шестеро полностью возобновили курение, девять человек все еще пытаются бросить курить, восемнадцать сообщили, что бросили курить совсем. Пятеро участников программы заявили, что вернулись к курению в течение последних месяцев программы и укрепляющие занятия могли бы помочь им отказаться от курения совсем. Один заявил, что набрал большой вес и поэтому вернулся к курению.

Те, кто не добился успеха, имели курящих жен, подвергались ранее гипнотическому лечению или пользовались средствами, уменьшающими количество потребляемого никотина.

— Думается, доктор Миллер, что хотя 55-процентный успех и кажется великолепным по сравнению с 10—30-процентным уровнем других программ, все

ЧТО ПОВЕДАЛИ ЛУННЫЕ КАМНИ! «Трудно изучить весь лес по одному дереву,— говорит минералог Рихард Веш из Института космических исследований Академии наук ГДР.— Чтобы ответить на вопросы эволюции Солнечной системы, нам приходится заниматься Луной, Марсом, астероидами и космической пылью. Используем обычные телескопы, а также спектрометры и магнитометры, спутниковую информацию. Целостная картина создается постепенно».

Не последнюю роль играют тут и анализы лунных камней, доставленных на Землю советскими зондами-автоматами. Общее количество камней, предоставленных в распоряжение ученых ГДР, составило всего 2,8 грамма. Однако многолетние эксперименты с ними дали интереснейшие результаты. Рихард Веш и профессор отдела внеземной физики Дитрих Мольман сумели на этом материале построить новую и убедительную гипотезу. Исходное ее положение базируется на том, что наше Солнце когда-то напоминало Сатурн, то есть имело вокруг себя целую систему тонких колец из космической пыли и газов. Эти кольца были близки друг к другу, вращались, но не были стабильными по своей структуре. В процессе эволюции они стали раздвигаться, образовывать более плотные и редкие кольца, из которых затем сформировались сгустки. Так появились планеты Солнечной системы. Это подтверждается математическим моделированием процесса на ЭВМ. В частности, компьютер подсказывает, что промежутки между кольцами Солнца находились в прямой зависимости от массы первоначального материала. Нынешние расстояния между планетами тоже согласуются с этими цифрами.

Самые последние открытия ученых других стран показали, что Уран, Юпитер, Нептун имеют свои кольца, как и Сатурн. С помощью современных приборов их удалось рассмотреть и математически обсчитать. Так и должно быть согласно новой гипотезе ученых ГДР. Кольца — это остатки процесса сгущения, концентрации, то есть вполне закономерное явление для всей системы планет. Сатурн — не исключение, как считалось до сих пор. Однако расчеты говорят, что перстень должен был быть и у Венеры. Более того, из его материала должен был образоваться спутник этой планеты — нашей соседки. Но его, как известно, нет.

Что же, можно говорить об исключении из правил? Нет, стройность гипотезы не допускает подобных отклонений. Спутник Венеры — это Луна. Но, простите, может ли такое быть! Может. Наша Земля в стародавнюю эпоху, когда была еще довольно горячей, притянула к себе этот сгусток материи, отняла у Венеры и поставила на свою орбиту.

Остается проблема нашей собственной Земли. Где ее перстень? Во-первых, тонкое пылевидное кольцо вокруг нашей планеты есть, его открыли польские астрономы несколько лет назад, во-вторых, силы земного магнетизма за сотни миллионов лет исторической эволюции притянули к себе основной материал кольца. Следы этого процесса — мелкие частицы космического происхождения — найдены в Китае и Австралии.

КАПРИЗНИЧАЮТ, ЛОМАЮТСЯ, БУНТУЮТ. У многих людей сложилось несколько преувеличенное представление о безупречности роботов. По данным американской индустриальной статистики, роботов на месте их эксплуатации осматривают и ремонтируют чаще, чем станки, которые они обслуживают. Шведские инженеры выявили «нервную болезнь» манипуляторов, связанную с их крайней чувствительностью к электромагнитным волнам, испускаемым сварочными аппаратами. Французские инженеры убедились, что надежный труд автоматов, управляемых ЭВМ, невозможен близ радарных установок. Поэтому так трудно внедрить робототехнику на аэродромах. Японские специалисты убеждены, что обычные металлы непригодны для изготовления роботов. Детали быстро изнашиваются, движения механических рук теряют точность при сборке деталей. Нужно разрабатывать принципиально новые материалы.

Словом, этот вид современной техники не оправдал всех надежд, возлагаемых на него. Роботы пока дороги, сложны, капризны. Быть может, именно поэтому сейчас в США в три раза меньше автоматических манипуляторов, чем это определил прогноз пятилетней давности. Большие сомнения в «светлом будущем массовой роботизации» появились в ФРГ. Там известен случай, когда фабрика, приобретая автоматические руки, уволила 200 рабочих. Затем ей пришлось пригласить 20 настройщиков и программистов, которые сразу же «проглотили» весь сэкономленный фонд заработной платы. Наверное, не случайно на последней выставке-ярмарке в Ганновере многие фирмы показывали не столько новинки, сколько методы технической диагностики и ремонта роботов.

СТРОИТСЯ ПАРУСНИК... Нидерландская общественность с большим интересом следит за постройкой судна «Амстердам» — второго экземпляра парусника Ост-Индской компании XVIII века. Он строится на средства фонда «Амстердам воссоздает парусник Ост-Индской компании» и будет служить туристическим целям. Его строительство обойдется в 5,6 миллиона гульденов. Значительную часть этой суммы составляют пожертвования. В 1988 году парусник будет спущен на воду.

Экономическое и культурное значение Амстердама в XVII и XVIII веках базировалось на искусно построенных и надежных парусниках. С 1602 по 1799 год Ост-Индская компания овладела монополией на морские перевозки и торговлю между Голландией и Азией. 4700 судов бороздили океанские просторы, оказываясь в точно назначенное время в портах Индии, Японии и других стран. На обратном пути они привозили в Европу пользующиеся большим спросом пряности и

Окончание на стр. 158

же видно, что дополнительные укрепляющие занятия наверняка помогли бы большему числу участников.

— Да, как показывают данные организации «Анонимные алкоголики», чем дольше длятся встречи участников, тем выше шансы долговременного успеха.

— Пациенты жаловались на лишний вес, и это стало фактором, который заставил их возобновить курение...

— Тут нам предстоит разработать методику, позволяющую избегать повышения веса.

— У ряда участников были курящие жены. Работа с такими людьми была менее успешной...

— В некоторых случаях я давал консультации курящим женам участников, чтобы и они бросили курить вместе с мужьями. В этих случаях оба супруга добивались успеха. Следовательно, лучшим методом в программах прекращения курения является участие обоих супругов в программе, если они оба курят.

И еще вот что интересно: некоторые участники сообщили, что их коллеги также бросили курить, потому что бросили курить участники программы. Это эффект цепной реакции. Мы очень на него рассчитываем.

Беседу вел А. КИЯН

ИНТЕРЬЕР — дело серьезное. Всего в нем должно быть в меру. Вероятно, не совсем уютно почувствуешь себя, скажем, в кафе, обставленном мрачной мебелью да еще с тяжеловесными светильниками. Сразу создается ощущение угрозы — вот-вот свалится на голову могучая конструкция... Где уж тут до еды или просто отдыха!

МАСТЕРА

И невольно с улыбкой вспоминается интерьер одного кафе в эстонском городе Вильянди. На стене и потолке были выписаны изумительные окрестные и городской пейзажи. Тропинки, петляя среди полей, выходили к озеру, на берегу которого и находилось кафе. Ни один человек, увидев подобную роспись, не мог удержаться от улыбки, и ему, вполне естественно, хотелось остаться здесь подольше — полюбоваться природой, не выходя из помещения.

Интерьер должен передать атмосферу радости или торжественности либо настраивать человека на серьезный лад, а то и будить фантазию. И, уж во всяком случае, не должен быть безвкусным.

Именно таким художественным оформлением интерьеров профилакториев, детских садов, пионерских лагерей, кафе, ресторанов, магазинов занимается бригада под руководством Андрея Семигина, которая организовалась при республиканском комбинате монументального и декоративно-прикладного искусства.

Приход Андрея на комбинат, если уж идти от истоков, случайным не назовешь. Бережно хранится в его семье сундук красного дерева, сделанный руками деда, бывшего когда-то дворцовым краснодеревщиком. Отец Андрея, а также дядя, брат — все занимались резьбой. Увлекся еще с детства деревом и он сам.

Немного непонятным для семьи было поступление Андрея не в художественное училище, а в педагогический институт, да еще на отделение русского языка и литературы. Но именно это, по словам Андрея, гораздо больше обогатило его духовно. Руки умели делать кое-что, но чтобы познать истоки древнего деревянного зодчества, необходимо было постичь внутреннюю культуру русского народа, которая нашла свое отражение и в литературе.

Он чувствовал: если свое увлечение художественной обработкой дерева отделить от учебы, не получится ни того, ни другого. Необходимо сочетание, и Андрей решил учиться заочно.

Нельзя сказать, чтобы ранние работы Андрея были интересными. Это вполне естественно. Период становления всегда сложен. И неизвестно, куда он заведет. Андрей с удовольствием резал наличники для домиков, фигурки животных и сказочных персонажей в Лосиноостровском парке, для детских городков, оттачивая мастерство...

Бывшие дети, посещавшие «Детский мир», наверняка помнят витрину с героями мультфильма Диснея «Белоснежка и семь гномов». У нее они подолгу задерживались вместе с родителями. Но, любуясь куклами, никто не знал, чьими руками они вырезаны. Работы, выполненные для «Детского мира», пожалуй, можно считать началом профессионального становления Андрея. И сейчас отсчитывает время часы на первом этаже универмага, фигурки которых выполнены руками тогда еще начинающего резчика.

На его работы обратили внимание и пригласили работать в комбинат. Он не знал тогда, что станет со временем бригадиром и что на эту должность его изберут единогласно. И именно он свяжет просто исполнителей с художниками, с художественным советом, и что возникнет содружество, где все будут дополнять друг друга. Тогда все казалось простым и легко достижимым. Есть любимая работа — что же еще надо?

Андрей пришел работать. А то, что связано с работой, для него свято. Делать плохо он про-

Работа над очередным заказом.

сто не умеет, а делать что-то на скорую руку его не заставишь. Андрей просиживал в мастерской чуть ли не сутками, стремясь «оживить» простую сучковатую доску или древесностружечную плиту. И под его руками материал оживал, начинал «говорить». Говорить, выражая его сокровенные мысли, проникаясь его идеями.

Для некоторых это казалось непонятным: «Что ему надо? Куда он идет? Подумаешь, оформить заводскую сауну! Были бы струганые доски. Приколоти к стене, обожги паяльной лампой — и дело с концом. Сойдет!.. Предприятие все равно работу оплатит, никуда не денется...»

То ли своим упорством переломил Андрей эту психологию, то ли сумел доказать, что чем лучше делать, тем больше будет заказов,— важен факт: люди поняли, что делается все в итоге для людей, таких же тружеников, как и они.

Несколько человек так и не смогли сжиться с мыслью: как же так, чтобы в рабочее время еще и не заниматься «халтурой»? Подумаешь, творчество. Творить надо направо и налево. Платят — и ладно.

Но настоящий специалист, любящий свое дело,— личность всегда творческая. И, посмотрев, как увлеченно работает Андрей, убедившись воочию, что можно сделать из тех же материалов, коллектив безжалостно изгнал рвачей.

Вот так, можно сказать, совершенно неожиданно для самого Андрея, он был признан лидером.

Так сформировался дружный коллектив, состоящий из пятнадцати энтузиастов-умельцев, и сразу заставил обратить на себя внимание. Взять хотя бы тот факт, что в самый период становления им самим приходилось искать себе дело, уговаривать художника выполнить эскизы будущей работы. Теперь же сами художники считают, что лучше этих ребят работу по эскизам не выполнит никто. И от заказов отбоя нет. Но молодые мастера с честью держат марку бригады, работая по принципу — лучше меньше, да лучше. Неистощима их фантазия. Надо же было додуматься возвести в одном из пионерских лагерей козу шестиметровой высоты и разместить в ней игротеку. Им часто приходится работать в содружестве с другой бригадой, на которой лежит оформление части интерьера в металле. Таким образом был оформлен зал московского ресторана «Якорь». Без смеха не может говорить Андрей о случайно услышанном возгласе одного из посетителей: «Ох и здорово же здесь изменилось, не то что раньше. Сразу видно — финны оформляли».

— Самое прекрасное в нашем деле то, что ни одна работа не повторяет другую,— говорит Андрей.— А это источник нашего вдохновения.

Именно вдохновение помогает кропотливо выполнять самые сложные заказы, как, например, панно, предназначенное для одного из пионерских лагерей Калужской области, которое они создали по эскизам молодого талантливого художника Александра Устинова.

Увидев эскизы, навеянные идеями астрономической науки, позволяющей постигать тайны Вселенной, Андрей вместе с коллегами Александром Кирпичниковым, Валерием Юрасовым, Александром Горшковым, Евгением Муратовым и другими ребятами кропотливо подбирали мозаичный рисунок из очень тонких пластинок различных пород деревьев, отличающихся и по своей текстуре и по цвету, и бережно наклеивали их на панно.

Панно для родины К. Э. Циолковского (фрагмент).

Теперь, когда панно готово, видно, что мастера до мельчайших деталей выполнили замысел художника — будить в юных душах стремление к исследованиям. Пройдет совсем немного времени, и это панно бригада Андрея установит на родине Циолковского.

Рабочий день бригады ненормирован, что вполне закономерно: как можно определить время творческого процесса? Что-то получается сразу, а над чем-то надо покорпеть. Порой приходится поспорить и с художником, высказать свои соображения на художественном совете. К чести бригады будет сказано, альтернативное решение вопроса находилось всегда, но оно никогда не шло в ущерб качеству. Есть еще один немаловажный фактор, стимулирующий работу мастеров. Это оплата их труда по конечному результату. Деньги за выполненную работу перечисляются только после приемки ее заказчиком. Так что бригаде нет никакого интереса «тянуть резину» или препираться с работодателем. Можно поработать и по 10—12 часов и учесть все пожелания заказчика. И самое главное — выполнить работу настолько качественно, чтобы не потребовалось никаких доделок и переделок. Плохо сделал — прямой убыток тебе.

На Руси всегда было немало мастеров-самородков, чье творчество дошло и до наших дней. Их лучшие работы хранятся в музеях страны. Образцы их творчества изучают современные мастера, и не только изучают, но и обогащают находками, отражая в своих работах непреходящую красоту окружающего нас мира.

О. ОЛЬГИНА
Фото А. ГЕОРГИЕВА

КОГДА мы произносим имя Мигеля де Сервантеса Сааведра, то сразу же видим перед собой его бессмертный роман «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». На протяжении столетий это произведение испанского писателя остается одним

ГДЕ СТРАНСТВОВАЛ ХИТРОУМНЫЙ ИДАЛЬГО

из самых популярных, а по числу изданий и переводов занимает второе место после Библии.

...Жизнь Сервантеса была полна невзгод и приключений. 22-летним студентом после дуэли он вынужден был бежать в Италию. В 1571 году, став солдатом, участвовал в знаменитом морском сражении при Лепанто, когда объединенные силы испанцев и венецианцев разбили турок. В сражении Мигель получил несколько ранений в грудь, а рука была покалечена так, что молодой человек навсегда утратил способность владеть ею...

Оставив военную службу и получив лестный отзыв главнокомандующего испанскими войсками в Италии, Сервантес отправился на родину на корабле «Солнце». Но добраться до Испании ему не было суждено. Неподалеку от Марселя корабль атаковали алжирские пираты, Мигель вместе с братом Родригесом попали в плен. Вернуться на родину ему удалось лишь в 1580 году...

История не оставила нам подлинного портрета Сервантеса, неизвестно, где находится его могила.

Бессмертный роман начинается так:

«В некоем селе ламанчском, название которого у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идальго, чье имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке...»

Жители Аргамасиллы де Альба твердо убеждены, что писатель имел в виду именно их местечко. В прекрасной церкви, примыкающей к великолепному парку, вам покажут переданный сюда невесть кем портрет некоего Дона Родриго Почеко, который, как считает большинство жителей, послужил прототипом Рыцаря Печального Образа. Обязательно покажут также бывшую тюрьму, которая внешне ничем не отличается от десятка других. Именно здесь, в ее подземелье, был заключен Сервантес по ложному доносу, когда служил королевским сборщиком податей. Впрочем, документальных свидетельств на сей счет не существует... Севилья тоже претендует на такую честь. Но аргамасильцы имеют сейчас один довольно существенный аргумент: их старинная тюрьма стала в 1972 году памятником культуры, о чем свидетельствует табличка: «Подлинная тюрьма, где Дон Мигель де Сервантес...» и т. д.

Низенькое здание белого цвета (как и большинство зданий) расположено на углу улицы, и сразу не отличишь его от других строений. Тюрьму можно осмотреть, если обратиться к женщине, живущей неподалеку и хранящей ключи от застенка. На вопрос: «Сколько надо заплатить?» — она отвечает: «Сколько дадите...» Желающих осмотреть тюрьму немало, особенно в летние месяцы. Вы спускаетесь в подвал и оказываетесь в маленькой камере, куда едва проникает свет. На каменных нарах — тонкий соломенный тюфяк, на грубо сколоченном столе — светильник и гусиные перья. У стены — копье и щит, в углу — старинный меч.

Благодаря роману Сервантеса Ламанча сделалась известной всему миру. А сами испанцы знают ее мало. Большинство из них пересекают этот регион по пути из Мадрида в Андалузию. Групповое движение во время туристической поездки почти не позволяет бросить взгляд на степь, которая начинается сразу же за Аранхуесом. В стороне от больших магистралей господствует тишина, на протяжении многих километров не встретишь ни человека, ни деревца. В Ламанче проживает около полумиллиона человек. Самый крупный город здесь — Сиудад Реал с населением чуть более 50 тысяч. Большинство из них — мелкие крестьяне, ремесленники, поденщики.

Некоторые считают Ламанчу унылой. Но это не так. Земля редко где ровная, большей частью волнистая, окаймлена на горизонте голубыми горами. На многие сотни гектаров протянулись виноградники и оливковые рощи. Здесь можно встретить людей, похожих на Санчо Пансу, и даже сфотографировать их сидящими на мулах или ослах...

Руины крепости напоминают о рыцарской старине. На небольших холмах возвышаются ветряные мельницы, с которыми четыре столетия назад сражался доблестный ламанчский рыцарь. Ветряки давно уже не действуют, они стоят как «фотографические объекты». Если туристы попадают в эти места жарким летом, они предпочитают фотографировать местные достопримечательности, не выходя из оснащенных кондиционерами автобусов. Впрочем, иногда они ненадолго покидают салон — приобрести какой-нибудь сувенир...

Туризм не приносит Ламанче больших доходов. Основное занятие жителей — сельское хозяйство. Традиционные продукты — зерно и вино, в меньшей степени — оливы и сыр из овечьего молока. Выращивают здесь и шафран, его много: урожай составляет 70 процентов мирового производства.

Но, несмотря на все это, ламанчский аграрный регион по бедности занимает второе место после Эстремадуры. В деревнях все еще держится высокая детская смертность, неграмотных намного больше, чем в других районах страны. За последние полвека население поубавилось, остались в основном пожилые люди, молодежь переселяется поближе к Мадриду. По некоторым подсчетам, ежедневно примерно десять тысяч строителей отправляются на работу за 150—170 километров от родных мест. Заработок их невелик, контракты с ними заключаются лишь на время строительства какого-либо объекта. Затем снова приходится искать работу...

В последнее время делаются попытки с помощью государ-

БЕЛЫЕ ПЯТНА ИСТОРИИ

ПОТОМКИ ВОИНОВ АЛЕКСАНДРА

КОГДА ГОВОРЯТ о тайнах древней истории, почти всегда вспоминают «потомков Александра Македонского». Оговоримся сразу — не о потомках македонского царя идет речь. Даже самый любвеобильный правитель не способен был оставить после себя столько отпрысков, что через два с лишним тысячелетия пронесли они физические черты и обычаи своих предков. Разговор пойдет о последствиях похода Александра в Азию.

Проблема эта существует давно. Неверно было бы думать, что она занимала раньше и интересует сейчас лишь авантюристов от истории, ищущих сенсации там, где их чаще всего не бывает. На самом же деле вопрос представляется весьма серьезным.

Кто же они, эти «кандидаты» на почетное звание родственников прославленных эллинов? Их пока несколько. Наиболее известные — нуристанцы, или калаши, или кафиры, живущие в отрогах Гиндукуша на северо-западе Афганистана. На территории СССР — это изолированные группы бадахшанцев и ягнобцев в Таджикистане. Что имеется в подтверждение? К сожалению, немногое. Квинт Курций, биограф Александра, рассказывает эпизод покорения одним из подразделений войска царя среднеазиатской области под названием Бубацена. Исследователи пытаются сопоставить ее с современным Бадахшаном. По официальной версии, войско туда не заходило. В 329 году до нашей эры оно прошло по территории современного Афганистана и со стороны реки Гильменд стало подниматься на гребень Гиндукуша. Дойдя до Сырдарьи, армия вернулась тем же путем обратно. Не заходя в пределы Памира, отдельные отряды побывали и в Бадахшане. Его жители до сих пор хранят легенду об Искандере Зорканае — Александре Двурогом.

И еще одно, косвенное, доказательство того, что грекам были знакомы эт' места: в географических работах более позднего времени уже встречаютс я более-менее точные названия населенных пунктов данной местности. Значит, кто-то из греков здесь все же побывал?

Теперь о Ягнобе. Единственным достаточно точным описанием этого района являются записки исследователя Средней Азии М. Андреева, сделанные в 1927—1928 годах,— «Из материалов по этнографии Ягноба». Ягноб — маленькая замкнутая высокогорная местность в Западном Таджикистане. По преданию, Александр проходил по Зеравшану, посетил соседний с Ягнобом Фальгар и повернул в соседнее с Ягнобом селение Тагфон, чтобы «принять пищу». Сегодня точных доказательств того, что царь побывал здесь, нет. Однако известно другое. Ягнобцы — прямые потомки согдийцев, жителей Согдианы, покоренной армией Александра. «Можно предположить,— пишет М. Андреев,— что ягнобцы были в свое время оттеснены, загнаны в их теперешние места обитания, на которые не было претендентов, и где они могли сохраниться, постепенно тая в числе...» И добавил: «...сохранив свой загадочный язык, не похожий на язык ни одной из окружающих этнических групп». Два обстоятельства помогли им сохраниться в своеобразной изоляции от окружающего мира.

Теперь о нуристанцах. Этим с исследователями повезло чуть больше. Правда, почти все они оказывались дилетанты — миссионеры, авантюристы, случайные путешественники. «Происхождение почти 60 тысяч нуристанцев, жителей Нуристана, страны на северо-востоке Афганистана, остается неразгаданным» — так записано практически во всех крупных работах по истории Передней Азии.

У многих калашей светлые волосы, голубые глаза. Это типичные индоевропейцы. Самая распространенная версия об их происхождении основывается на собственных легендах. По одной — они действительно потомки воинов одного из отрядов войска Александра, укрывшихся в горах Гиндукуша и оставшихся тут навсегда. По другой — остатки разведывательного отряда, посланного в Бажур, но взбунтовавшегося и не пожелавшего возвращаться домой.

О калашах писали много. Известный английский исследователь Брюс указывает, например, на пережитки у них некоторых греческих религиозных церемоний. Другие ученые ссылаются на Бабура, первого правителя из династии Великих Моголов, который сообщал, что язычники-калаши употребляют в больших количествах крепкие виноградные вина, в то время как окружающие их племена и представления о них не имеют...

И вот мы подходим к главному вопросу, без решения которого было бы бессмысленно вообще говорить о «потомках Александра». Насколько велик был греко-македонский, так сказать, генетический вклад в этническую среду этих районов?

Огромная держава, возникшая в результате завоеваний Александра, простиралась от западного побережья Балканского полуострова до Индии. На севере она приближалась к Дунаю и граничила с Черным морем, на юге доходила до Индийского океана, Аравии и Северной Африки.

ственных инвестиций и кредитов поднять экономику Ламанчи, вырвать ее из вековой отсталости.

Отблеск истории находит свое отражение в Альмагро, живописном городке Ламанчи. Рыцарь Калатрава и семьв банкира из Аугсбурга Фуггера оставипи здесь свои спеды в виде небольших дворцов, укрaшенных гербами, церквей, монастырей да коллегий. С XII века до наших дней в Альмагро сохранилсв единственный в Испании театр комедии. Летом в нем ставят пьесы знаменитых испанских драматургов Кальдерона, Лопе де Вега, Тирсо де Молина.

Ламанча богата историями, рассказанными не только Сервантесом. И все же свмой популярной остается история о хитроумном идальго Дон Кихоте и его верном оруженосце Санчо Пансе. Они вобрали в себя многие черты характера ламанчских крестьвн.

ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

Население ее было разноплеменным и разноязыким и находилось на разных этапах социально-экономического развития. Хозяйственно-культурные связи между областями империи были слабыми. Вся монархия могла удерживаться в повиновении только силой оружия.

Но Александр пошел дальше в поисках путей укрепления своей власти...

В городах, основанных царем на покоренных землях, были поселены преимущественно эллины. В Бактрии, например, было так много греков, что когда они восстали после смерти царя, то смогли создать свою армию в 20 тысяч пехотинцев и 3 тысячи всадников. Аналогичная ситуация сложилась и в Согдиане.

Политика смешения, разработанная Александром, предусматривала, говоря языком научных трудов, срастание наемников и местного населения с македонскими и эллинскими поселенцами, объединение с ними общностью интересов, жительством в городе. При столь пестром этническом составе брачные связи представителей различных этнических групп могли облегчить своеобразную политику консолидации, осуществить которую так стремился македонский царь. Многие исследователи ссылаются на данные Диодора, упоминающего программу, намеченную в царских инструкциях. Александр предполагал «объединение многих народов в один, перемещение людей из Азии в Европу и обратно, чтобы соединены были два великих континента браками и союзами и чтобы жили они в согласии, дружбе и родстве».

Одним из важнейших — и последних — мероприятий царя в его восточной политике было заключение брачных союзов с представителями местных народов, «дабы смешением крови соединить победителей и побежденных».

Пример показал сам Александр. В 327 году до нашей эры, захватив опорные пункты в Бактрии и Согдиане, он женился на Роксане, дочери Оксиарта (бактрийца — по Арриану, перса — по Курцию). Различные авторы отнеслись к этому по-разному. «Царь Азии и Европы,— с негодованием пишет Курций,— взял себе в жены девушку, приведенную для увеселения на пиру, чтобы от нее родился тот, кто будет повелевать победителями. Стыдно было приближенным, что царский тесть был выбран во время пира из числа приближенных».

Но это было именно так. Последователей не находилось долго. Лишь несколько лет спустя восемьдесят его друзей женились на девушках из знатных персидских семей. Александр снова женился, на этот раз дважды — на двух ахеминидских принцессах. Таким образом, царь продемонстрировал свою приверженность восточному обычаю полигамии. В то же самое время многие рядовые воины стали жениться на азиатках. Когда были составлены поименные списки, их оказалось более 10 тысяч...

Чем это можно объяснить? Влюбленностью Александра в человечество? Желанием побратать Восток с Западом? Источники не дают оснований делать подобные выводы. Просто македонский царь не верил в прочность своих завоеваний, боялся бунтов и искал средства, чтобы укрепить непрочную монархию. Его восточная политика была лишь средством достижения мирового господства.

Но нас волнуют ее плоды.

Армия Александра, пришедшая в Азию, составляла несколько десятков тысяч человек и была этнически разнородной. Пехота эллинов в битвах практически не участвовала, а использовалась в качестве гарнизонов, разбросанных по территории Средней Азии. Очень важно и то, что Александр постоянно получал пополнения из Македонии, Греции, Фракии, которые также исчислялись тысячами.

Что же получилось? Вместо «переноса счастья из Азии в Грецию», к чему призывал Исократ, завоевания македонянами и греками Востока привели к усилению эмиграции греческого населения в завоеванные районы — это подтверждено документально. По мнению ряда ученых, часть эллинов растворилась среди жителей некоторых районов и дала жизнь качественно новым этническим группам. Возможно ли такое?

Многие этнографы отвечают утвердительно. Условия полной изоляции, когда лишь на три-четыре месяца в году приоткрывается завеса, скрывающая от мира эти удаленные селения, могли оказаться весьма благоприятными для сохранения физических черт, приобретенных тысячелетия назад. Но поиск только начинается. Возможно, появятся иные направления исследований, и другие народности или племена обретут право называться «потомками воинов Александра».

Н. НИКОЛАЕВ

Окончание. Начапо на стр. 149

экзотические продукты питания, а также хлопок, шелковые ткани и другие товары. Амстердам был в то время важнейшим поставщиком азиатских товаров, их хранителем, портом их перегрузки.

Компания сама строила суда, и половина ее верфей находилась в Амстердаме. К парусникам Ост-Индской компании предъявлялись высокие требования, поскольку плавания продолжались 8—9 месяцев и судам приходилось попадать в различные переделки. Так, во время долгих рейсов на них часто нападали пираты, которых немало было на всем далеком пути от Азии до Европы.

Во времена наибольшего расцвета компании на ее верфях было построено 1461 судно. Парусники делились на четыре категории в зависимости от водоизмещения. Флот компании состоял из судов различных типов, которые сооружались по очень точным размерам. «Амстердам» принадлежал к самому большому типу судов. Его нынешний двойник строится из дерева и полностью соответствует размерам оригинала. Образцом при создании проекта послужила модель парусника, хранящаяся в одном из музеев Амстердама. При строительстве второго экземпляра будут применены все те технологии и техника, что и при создании судов «в старые добрые времена». Цель — показать высокое мастерство старых судостроителей.

Первый парусник «Амстердам» затонул в 1749 году близ английского города Гастингса. Не так давно подводным археологам удалось поднять со дна несколько предметов с парусника — они займут свое место на борту нового «Амстердама».

Первая страница обложки «Товарища»: Андрей Семигин, бригадир коллектива оформителей (репортаж читайте на стр. 150).
Фото А. ГЕОРГИЕВА

Моды, моды, моды...

Репортаж — на стр. 139

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Микола ОЛЕЙНИК

ЗЁРНА

Роман

Окончание. Начало на стр. 13

Крицук сказал, что он бы с удовольствием, но... словом, грехи не пускают. Молодежь смеялась, шутила, наигрывала на гитаре. Глядя на сверстников, Василий жалел, что не может быть с ними, иначе бы — в самом деле! — махнул на БАМ, изведал бы настоящей романтики. Нравилась ему эта веселая и, казалось, беззаботная компания. В ней, наверное, много его ровесников, но как гордо они себя чувствуют! Не шутка ведь — БАМ... А он что? Водитель, по существу, на поруках... Не успел оторваться от дома, как уже нарушил дисциплину, отстал. Опять разбирательство, недовольные речи Шугая...

— Ну что? — спрашивали бамовцы.

«Ну что?» — спрашивал себя Василий.

— Нет, ребята, — сказал он. — У меня свое.

— Но ты ведь отстал.

— Ничего, догоню. Все на БАМе не поместятся, кому-то и хлеб нужно убирать...

— А что, друзья, он прав, — поддержал Василия один из ребят. — Абсолютно прав... Ты мне нравишься, дружище, — хлопнул Василия по плечу. — Верно, держи свой фасон. А вот это тебе на память, — снял с пиджака и дал Крицуку значок — миниатюрный кусочек зависшего на подъемнике рельса.

Вскоре объявили посадку, студенты схлынули шумной толпой.

Василий ходил по залу, изучал фотовитрины, неожиданно для самого себя опять очутился возле дежурного.

— Что мне с тобой делать? — сказал тот. — Нет рейса — понимаешь? Нет. Относительно вещей твоих сообщили, товарищи возьмут, а самолет...

Но он и не надеялся ни на что, просто подошел и стал, потому что надоело ходить, уже ночь. Он, конечно, понимает свою вину...

— Хотя стой! — почти крикнул дежурный. — Грузовым полетишь?

— Да мне хоть на черте, — сказал Василий.

— Тогда обожди, — засуетился дежурный. — Я сейчас.

...Начиненный посылками, мешками с письмами и газетами почтовый самолет через несколько часов лета приближался к Кустанаю. Промаявшийся ночь, Василий подремывал на жестком сиденье.

— Как ты там, путешественник? — послышалось сквозь раскрытую дверь пилотской кабины. — Скоро прилетим. Смотри на рассвет.

Василий приник к маленькому окошечку, и вдруг в глаза ему ударили мягкие, теплые лучи. Далеко-далеко за горизонтом вставало солнце. Ему никогда не приходилось с воздуха наблюдать, как рождается новый день. Что-то необыкновенное, торжественное было в том обычном деянии природы. Что-то такое, что, увидев раз, будешь помнить всю жизнь.

А солнце катилось навстречу, заливало все вокруг ярким сиянием.

Широкая аэропортовская магистраль входила прямо в центр города. По дороге Василий расспросил, где ему лучше сойти, чтобы попасть в гостиницу, и теперь, очутившись па тротуаре, высматривал, кто бы мог безошибочно направить его к тому дорожному пристанищу, где наверняка остановились его товарищи. Время было раннее, прохожих немного, поэтому он обратился к первому встречному — с портфелем, в шляпе с обвислыми полями и измятом костюме, облегавшем полноватую фигуру. В иных обстоятельствах Василий назвал бы человека «очкариком», но сейчас было не до шуток, тем более что и очков у того не было.

— А я как раз оттуда, — удивился прохожий. — Идите прямо, возле того киоска, — показал рукой, — свернете в проулок, а там сразу... Но мест нет, — предупредил он.

Василий поблагодарил, здание гостиницы разыскал быстро, но дежурная ни одной из названных фамилий в книге регистрации не нашла.

— Может, они на вокзале, — предположила дежурная, когда Василий рассказал, кого именно ищет. — Там есть комната для приезжих.

За полчаса, пересаживаясь из автобуса в автобус, Крищук добрался до железнодорожного вокзала, выпил в станционном буфете стакан горячего, до зубной боли сладкого кофе с молоком и хотел было идти на поиски, как вдруг увидел своих.

— О! Нашлась пропажа. Где тебя носило?

— Да он, ребята, на БАМе успел побывать, — сказал один из водителей, увидев значок, который Василий забыл снять, чтобы не вызывать насмешек.

— Во дает!

Василий сказал, что отстал чисто случайно, в дальнейшем постарается ничего подобного не допускать.

В полночь их подняли.

— Эшелон пришел, что ли? — спросил полусонно Василий.

— Кофе будем пить, — съязвил кто-то.

...Эшелон стоял в тупике, возле него хлопотали люди. Несколько человек — в ватниках и без фуражек — лазали под машинами, раскручивали проволоку.

— Быстрее, ребята, быстрее.

Василий узнал хрипловатый голос Шугая и обрадовался:

— Как ехалось, Сидорович?

— А-а, это вы, гуляки, — сказал Шугай. — Можно было и не ждать гонца, самим объявиться.

— Так мы спрашивали — сказали: неизвестно, когда прибудет, эшелон вне графика.

— Вне графика, верно. Давайте браться за дело, расспрашивать будете потом. Через час-полтора сюда прибудет эшелон с комбайнами.

Освещенные мощными прожекторами, запыленные в дороге, машины растянулись серой массой. Василий, желая быстрее загладить свою вину, набросился на работу.

Несколько человек возились с бревнами, ладили съезд для машин.

Василий подхватил конец бревна, но не рассчитал усилий, и оно вырвалось у него из рук.

— Так недолго и руки пообрывать, — недовольно ска-

зал напарник. Он потряс кистями, будто вытряхивал из них боль.

Допущенная неаккуратность смутила Василия. Он покраснел, попытался положить бревно один, но груз оказался ему не под силу.

— Подожди, не торопись — пуп надорвешь.

Сообща приладили бревно, принесли еще несколько таких же.

— Теперь съезжай!

Василий бросился в кабину, запустил мотор и тихонько съехал с платформы.

30

Максима Никоновича Крищука телеграммой вызывали в столицу, откуда — уже знал — он должен был вылететь в Казахстан.

Крищук, имея достаточно свободного времени, в раздумье бродил тенистым парком, который зеленым массивом тянулся вдоль реки. Было тихое предвечерье, золотые башни Софии пылали в лучах яркого солнца, величественный Владимир озирал дальние пределы, вечные бабушки гуляли с внучатами.

Город дышал теплом, хотя здесь, в тени лип, осокорей и тополей, жара не донимала. Снизу, от реки, из далекого ущелья, тянуло прохладой, доносилась громкая модная музыка, и он слегка повернул налево. Мог бы позвонить знакомым, посидеть в уютной компании, но неожиданный визит принес бы хозяевам лишние хлопоты, поэтому решил зайти в первое попавшееся кафе, «Петушок» или какую-нибудь «Чайку» — слава богу, наплодилось здесь этой птицы.

Дорога привела Максима к «Крещатому Яру». Увидев искусно выбитую на меди вывеску, он сначала не понял, что за «Крещатый Яр», постоял в раздумье.

Низкое, размалеванное темными красками помещение с массивными столиками, над которыми почти на головы посетителей свисали красные абажуры. Через десяток минут, получив порцию сосисок, несколько ломтиков хлеба и стакан кефира, Максим встал возле молодых людей, которые тянули черный, как деготь, кофе.

Парни, взглянув в недоумении на чудака, который устроился возле них с сосисками и кефиром, больше не обращали на него внимания, говорили что-то о звездах

фигурного катания, а Максим — в самом деле чудак! — краснея от собственной некомпетентности в вопросах спорта, жевал сосиски и рассматривал разноцветные потеки на стенах да имитацию картин. Он подумал, что, наверное, не раз бывал здесь и Василий и именно отсюда вынес свои дурные привычки.

Моложавая уборщица, быстрая в движениях, приблизилась к их столику, схватила пустые чашечки, вытряхнула в них окурки и одним махом смела туда же недоеденный хлеб. Максим оторопел. Пересиливая возмущение, он как можно спокойнее сказал:

— Послушайте, что вы делаете?

— А что? — сердито спросила женщина.

— Это же хлеб. Как вы с ним обращаетесь?

Женщина вытерла тряпкой столик, подозрительно посмотрела на Крищука.

— С хлебом как обращаюсь? Хлебосол нашелся. Его это дело!

Крищук оцепенел.

— Тише, маманя, старик прав, — отозвался один из парней. — Хлеб — народное добро, а вы...

— А я! Да я вот этими руками двух таких, как ты, лоботрясов выкормила. — И уборщица нырнула за ширму.

— Ты прав, батя, — то ли посочувствовали, то ли успокаивали Максима соседи по столу. — Что с нее возьмешь?

— Извините, я, наверное, погорячился, — бормотал Крищук.

— Ничего, бывает, — сказали хлопцы.

Так и не допив кефира, споткнувшись, Крищук побрел к выходу.

Вылетели под вечер. Воздушный лайнер, перерезав голубую ленту Днепра, взял курс на восток, и Крищук — это уже стало своеобразной привычкой — в полете отдался воспоминаниям. Да, в Италии, в музее Высшего сельскохозяйственного института, им демонстрировали куст озимой пшеницы, который имел более трехсот колосьев. Чудо! Но реальное, созданное человеческими руками. Плохо только, что ученые, достигнув таких вершин, таких возможностей, будто залюбовались собственным изобретением, испугались его и поспешили сдать в музей. Истинно важное, жизненное заброшено, вместо него неслыханное развитие получило противоположное.

Опыт с многоколосным злаком осуществлен в начале сороковых годов, почти одновременно с первым расщеплением ядра атома. А результаты? Одно, которое, казалось, должно было получить всяческую поддержку, захирело, другое росло, будто на дрожжах. Того, что вкладывается в короткое и очень емкое слово «хлеб», постоянно не хватает, с каждым годом все ощутимее в нем потребность, миллионы людей голодают; другого же накапливается великое множество, ядерное оружие способно в одно мгновение уничтожить все живое.

Человечество будто забыло, в какой среде оно обитает и как необходимо беречь оболочку, которая держит его в этом мире. Попросту говоря, оно рубит сук, на котором сидит.

31

Поселок Семеновка, куда надлежало добираться, в каких-нибудь ста километрах. Конечно, ему хотелось посмотреть экзотический Казахстан — с верблюдами, отарами овец, табунами сайгаков, юртами, но сказали, что это дальше, а здесь, на освоенных целинных землях, современные жилища, современные условия. Семеновка, правда, селение старое, еще дореволюционное, основали его выходцы из России и Украины, переселившиеся на свободные земли, казахи-кочевники пришли сюда позже, осели слободой на околице, занимались овцеводством, понемногу учились у приезжих хлебопашеству.

Во время коллективизации здесь организовали колхоз — один из первых в крае. Часть казахов в колхоз не вступила, снялась и подалась куда-то в степи, артель терпела неудачи из-за недостатка лошадей и снаряжения, ночных налетов бандитов, несколько раз ее жгли, однако год от года она все-таки ухитрялась расти, крепнуть, а перед самой войной стала одним из лучших хозяйств области. Поселок к тому времени разросся, вернулись в него и те, кто когда-то ушел, поддавшись уговорам и угрозам баев и их прислужников, старожилы приняли вернувшихся, не стали вспоминать прошлое.

Жизнь в Семеновке шла своим чередом, но однажды ее ошеломила весть о войне. С неделю, пока провожали новобранцев, поселок бурлил песнями и рыданиями, потом, словно придя в себя, успокоился. Тыл в самом деле стал фронтом, его бойцам, в основном женщинам и детям,

предстояло так же недосыпать, недоедать, чтобы силой духа, физической выдержкой противостоять врагу.

Ранней весной сорок второго года в Семеновку, словно потрепанный в далекой дороге журавлиный косяк, пробилась небольшая группа эвакуированных.

Тогда и произошло здесь событие, которого вроде бы и не приметили сначала, но потом оно стало известно всем. Одна из эвакуированных, говорили, из-под Киева, привезла с собой котомку элитной пшеницы. Председатель колхоза Джумалиев посмотрел зерно, попробовал на зуб, похвалил. Но когда, мол, оно даст урожай? Однако за год-другой пшеница разрослась, занимала уже немалую площадь.

— Жаксы, сулу! — радовался Джумалиев, называя женщину красавицей.

И размахнулась элитная — Перетокской ее назвали — на всю ширь степную! И когда после войны, с началом освоения целины, решали: какими сортами занимать новые земли, первой назвали Перетокскую.

На месте колхоза образовали зерносовхоз, назвав его именем умершего Джумалиева. Перетокскую частично вытеснили новые сорта, но все в селении помнят историю ее происхождения.

В Семеновку шоферы прибыли ранним утром.

— Значит так, — сказал Шугай, — ставим машины, умываемся, завтракаем и — по отделениям.

Василий присвистнул:

— Даже отдохнуть не дают.

— Не в те ворота въехал, — ответили ему, — курорты и прочие санатории по другому адресу.

— Ну вас! И пошутить нельзя, — махнул рукой Василий.

Ему раньше казалось, что отделение — это, во-первых, рядом, во-вторых, это небольшое хозяйство, имеющее примерно тысячу гектаров земли, значит, соответственно — техники и людей. Но то, что он увидел... Трое шоферов во главе с Шугаем (старик теперь не отпускал от себя Василия) с полчаса мчались по укатанной степной дороге между рядами тяжело клонящейся до земли пшеницы, пока на горизонте не показались строения. «Ну и расстояния, — удивился Василь. — Придется покататься!»

Поселок назывался Вишневое — небольшой, совсем новый. Два ряда щитовых домиков, обмазанных глиной от студеных степных ветров, смотрели на пыльную улочку, которая начиналась в степи и там же в шуме колосьев пропадала. Изредка виднелись деревца, Василий даже успел на ходу заприметить несколько молоденьких topольков и обрадовался им, словно это были пришельцы из родных тополиных мест.

На хозяйственном дворе возле комбайна возились несколько человек. Они скупо ответили на приветствие и продолжали свое дело. На вопрос Шугая, где управляющий отделением, один из них бросил: «В степи, где же ему еще быть?»

Встреча Василию не понравилась, и он откровенно об этом сказал.

— Ты попридержал бы язык, — заметил Шугай.

— Почему это? Столько ехали, а здесь...

— Оркестр на уборке, извини, браток, — послышалось от комбайна.

— Вот-вот, они еще и насмехаются, — покраснел парень.

— Перестань! — резко сказал Шугай. — И вообще... не бузи.

Василий обиделся, залез в кабину. Нет, мир все-таки устроен удивительно! Хочет, к примеру, человек сделать что-то хорошее, а ему никакого внимания. Не оркестры, конечно, нужны, не хлеб-соль на вышитом рушнике, но и так не годится.

Все вдруг словно переменилось. Не радовали больше ни безграничность степи, ни шум колосьев, ни запахи млевшего на солнце жнива, волновавшие его с детства, с тех самых пор, когда они, «пэтэушники», впервые приобщились к земле.

Василию вспомнилось, как, впервые попав в село, не мог привыкнуть рано вставать, к утренней росе, из-за чего хлопцы насмехались над ним, называли почему-то Дзюником, хотя ни он, ни они сами не понимали смысла этого слова: уже потом, переборов себя, на удивление другим начал привыкать, полюбил сельские туманы, ночную прохладу, метели, когда света не видно, с ног валит, а ты стоишь один против стихии, и ничто тебе не страшно.

Василий вдруг выскочил из кабины.

— Это что же, так и будем стоять? — крикнул, рассерженный неизвестно на кого, и осекся: неподалеку рядом с Шугаем стояла женщина — большие, чуть прищуренные глаза смотрели на него с интересом и удивлением, немного даже улыбчиво.

— Это наш третий, — представил его Шугай. — Иди сюда, управляющая отделением хочет с тобой познакомиться.

«Мать родная! Хоть бы предупредили, что женщина».

— Да ты что? Иди сюда! — Сильная рука взяла его за плечо. — Василий Крищук.

— Да, — подтвердил Василий. — Отца Максимом зовут.

Теперь засмеялась и женщина, и Василий увидел, как в уголках ее глаз задрожали лучики, которые бывают у людей с веселым характером, часто бывающих на солнце и ветре.

— Вот и хорошо, — сказала управляющая. — Сегодня отдохните, а завтра с утра...

— А как же вас будем величать?

— Юлия Ивановна, — ответила женщина.

...Каждый раз, подъезжая к комбайну, чтобы загрузиться, Василий становился на подножку машины и тянулся рукой к тугой, падавшей из рукава бункера струе.

— Приятно? — глядя на него, улыбался Шугай. — Это для тебя вроде крещения. Море хлебов, и ты в нем.

Василий очарованно тянулся взглядом к горизонту, где поле сливалось с небом и где так же, лишь уменьшенные далью, плыли один за другим красноватые степные корабли.

— А красиво!

Он никогда не видел столько хлеба. Бурты зерна напоминали ему скифские курганы где-то в приднепровских краях, особенно когда подъезжал к ним вечером или ночью; и люди, которые были возле них, среди густой сладковатой пыли, тоже казались издали какими-то таинственными.

Даже там, в Перетоках, у отца, не ощущал такой значимости и могущества хлебного потока, ответственности за него, как сейчас. Нечего скрывать, до последнего времени и он сторонился всего этого, даже окончив ПТУ, постарался осесть в городе, поближе ко всяческим удобствам.

Василий брал в руки зерна, пересыпал с ладони на ладонь, и почему-то представилось ему не такое уж дале-

кое время, когда по земле, по отчей его стороне, ползла смерть, поила ее кровью, начиняла железом, когда не благодатные росные туманы стояли над полями и лугами, а едкий пороховой дым, дым пожарищ... И какую же надо было иметь стойкость, выдержку, думал он, чтобы все это победить, и какая должна гореть в сердцах вера, чтобы не погасла любовь к земле.

Особенно манили его поля нескошенные! Пшеница стояла там густая — пуля не пробьет, говорили целинники. Василий, бывало, заходил в нее и стоял молча. Так стояли они когда-то вместе с Ниной в Перетоках, позвало их в поле желание побыть наедине с природой. Он не забыл той благословенной минуты, но здесь, среди этой необъятности, владели им чувства иные. Будто по чьей-то воле очутился он в самом центре мироздания, откуда видно было близкое и далекое, большое и малое, свое, личное, и общее. Во-о-н там, на самом краю горизонта, бродит его детство. Мираж? Конечно. Но хочется так видеть. И от этого радостно на душе.

На отделении стало известно, что он сын ученого-селекционера, автора перетокских сортов пшеницы, которые с Украины, из небольшого приднепровского села пришли и сюда, в Казахстан, и дальше — в Сибирь, на Алтай.

— У кого из вас, елки-палки, язык зачесался? — обратился Василий к землякам.

— К слову кому-то, наверное, пришлось, — сказал Шугай. — А что? Пусть знают родословную нашего хлеба.

— Вам родословная, — сердился Василий, — а мне...

— Гордиться нужно, имея такого отца, — наставлял Шугай. — Не каждому выпадает... Жаль, не могу, а то бы написал в газету.

— Этого еще не хватало!

— Пусть знают: нашему хлеборобскому роду нет переводу. Вот поработаешь, а там, глядишь, и в институт или в иную какую академию. Вижу ведь: любишь землю. Не подметили в тебе этого в свое время, где-то прозевали, и пошел ты вместо поля асфальтами да тротуарами. Недосмотрел где-то Никонович за хлопотами своими.

Василий в разговоры об отце не вступал, только однажды, когда Юлия Ивановна, наверное, желая поднять авторитет молодого водителя, назвала его сыном известного ученого, сказал:

— Я, между прочим, самостоятельный человек, и судите обо мне по моим поступкам. Отец здесь ни при чем.

Это было на митинге по случаю выполнения отделением планового задания по зерну, дирекция совхоза отмечала лучших комбайнеров и водителей. Реплика прозвучала не совсем кстати, и Юлия Ивановна не упустила случая заметить:

— Между прочим, Василий, нужно думать не только о собственных интересах. Представляя вас таким образом, я имела в виду нередкую практику, когда сын или дочь академика непременно должны следовать по отцовским стопам, не имея для этого надлежащих данных.

Василий краснел от ее слов. Если б она знала, как иногда до боли нужны ему отцовское слово, материнская ласка. Ему, взрослому, самостоятельному, всегда кажущемуся веселым.

— Надоели мне эти кивания на отца, — сказал он.

— Да к тому говорю, что людям не безразлично, кто ходит возле хлеба — случайный человек или стремящийся к этому душой, сердцем. Мало вам, вижу, читали мораль, — улыбалась она.

— Чего другого, — воскликнул Василий, — а поучать много охотников. — Понять же тебя, заглянуть в душу куда меньше.

— А вы туда всех и не пускайте, в душу.

Умышленно напросилась подвезти домой или случайно так получилось, подсела она на следующий день к нему и попросила не гнать машину, ехать спокойно, мол, голова разболелась, стучит в висках.

Дело было к вечеру, жаркий день догорал низинами, подкрадывались сумерки, наплывала прохлада.

— Днем печет, поджаривает, — сказал Василий, — а как вечер — холодок. Я думал, что здесь постоянно жарко.

— Так в природе устроено, — ответила Юлия Ивановна.

— А вы уже привыкли здесь, не тянет в свои края?

— А они здесь, мои края. Я здесь и выросла...

— И родилась?

Женщина помолчала, потом добавила:

— Нет, родилась не здесь. Я — дитя войны, из эвакуированных. Много таких в этих степях. Мать умерла, плохо даже помню ее, чужие люди выходили, а отец не вернулся с войны. Обыкновенная биография моего поко-

ления. — Она помолчала. — Думаете, я тогда случайно вспомнила вашего отца. Когда его нет, то так хочется порадоваться хоть за чужого. А вы меня не поняли...

На дальних полях убирали хлеб, вдоль дороги стояла добротная пшеница, которая ждала своего часа.

— Стойте! — вдруг сказала Юлия Ивановна. — Вон там... видите?

Огонь огромным шатром накрывал широкое поле, едкий запах горелого зерна перехватывал дыхание.

— Машинами давите! Машинами...

Василий поднял в кабине стекла и направил машину в волнующуюся под ветром стену пшеницы. Звонкой дробью ударили в обшивку колосья, зерно брызнуло на ветровое стекло, и все вокруг засверкало, заискрилось. Машина разъяренно бросилась в пламя, разрывая его, потом вынырнула оттуда, чтобы, развернувшись, снова ринуться в его пасть. «Только бы не столкнуться, — мелькнула мысль. — Не столкнуться с другим».

Перед глазами полыхал огонь, надо было погасить, вдавить его в землю, и Василий дробил его, перерезал ему дорогу. Все трудней становилось дышать. «Главное — не сдаться, не спасовать...»

...Черного от копоти, вытащили его из раскаленной кабины и положили на измятую пшеницу. Пахло гарью, сладковатым соломенным духом. Ныли обожженные пальцы, чужим казалось тело. Нестерпимо гудела голова. «Вот и состоялось твое крещение. Хорошо, хоть своих нет, а то бы...»

И вдруг в сознании мелькнуло, что в эти дни должен приехать сюда отец.

— Сидорович, — тихо позвал Шугая.

— Его здесь нет, — ответил женский голос.

— Мне уже лучше...

— Хорошо, хорошо. Это я, Юлия Ивановна. Узнаете меня?

Василий попытался встать, но чьи-то нежные руки, чей-то голос успокаивали его.

Потом он очутился в комнате, где пахло медикаментами и все почему-то тихо разговаривали. А когда возле кровати послышался хрипловатый голос Шугая, Василий очень обрадовался.

— Сидорович, об этом никому... — попросил. — Слышите? Должен приехать отец, так вы, пожалуйста... насчет самолета...

— Чего уж, — виновато прогудел Шугай. — Все будет как надо. Видишь, — продолжал он, поглаживая Василия по плечу. — А ты говорил... — Что именно Василий «говорил», Шугай так и не досказал, это было между ними, само собой разумеющееся.

Василий хотел взглянуть на него, выразить свою иронию по поводу сказанного, но глаза были забинтованы, и он потрескавшимися губами только и смог вымолвить:

— О чем вы?

— Лежи, лежи, — сжал его плечо Шугай. — А говорю я правду, сущую правду. — Он помолчал и добавил в раздумье: — Вот так и держится на земле наше хлеборобское дело. От деда, прадеда и до тебя... Цепная реакция, словом. И никому не нарушить ее, ибо нарушится тогда равновесие жизни. А это никак невозможно.

...Ранней осенью, когда с лугов потянет легкой прохладой, а на отавы, на молодую озимь упадет первый туманец, в степи и на опушках расцветает разрыв-трава. Большие, золотистые, с оранжевым оттенком цветы недолго колышутся на тугом, сочном стебле — за неделю-полторы увядают, вместо них появляются продолговатые коробочки. Вызрев, коробочки становятся очень чувствительными, при легком прикосновении лопаются, разбрызгивая по сторонам семена. За это разрыв-траву называют «не-тронь-меня».

Крищук осторожно срывает коробочку, перекатывает на ладони, она лопается, и лицо Максима озаряется озорной радостью. Он любит этот цветок. За что именно — не знает. Может, за непривередливость, цепкость, упорство, с каким он утверждает себя, а может, за непокорность, противодействие, как ему кажется, насилию и злу на земле.

Перевод с украинского Виктора ЯКОВЕНКО

ПОЭЗИЯ

Абдураим МУТАЛЛИПОВ

ВНИМАТЕЛЬНО СМОТРЮ Я НА ЛЮДЕЙ

ДУМЫ СТАРИКА

Задумался старик на берегу
Реки,
Текущей вдаль холодной лентой:
— Что в памяти я строго берегу,
Вам, молодые,
Кажется легендой.
Вам кажется легендой,
Но для нас
Все это было
Днями и часами,
Короче — жизнью,
Нашими слезами
И смехом наших
Восхищенных глаз.
Я помню
Юных городов огни,
Тот дух свершений,
Песнями воспетый.
А вашим внукам,
Милые мои,
Вся ваша жизнь
Покажется легендой?

РАЗНЫЕ ЛЮДИ

Внимательно смотрю я на людей.
Вниманию
Учусь я у народа.
С одними мне
Желанней и теплей,
Другим со мной
Теплее год от года.
Людей встречаю разных на пути,
Несхожесть эта
Душу удивляет:
Одни встречают гневом —
Не пройти,
Другие боль мою переживают.

Что проку удивляться, говорят,
Как будто летом
Зиму ты увидел.
Встречаем в жизни
Множество преград,
И сердце закипает
От обиды.
Жизнь не проста и не у всех равна,
То добротой,
То гневом оделяя.
Лишь перед теми
Светлая она,
Кто попусту добра не расточает.
Взгляни,
Порой друг друга не поняв,
Два человека
Ссорятся нещадно.
Один другому
(Зла не пожелав)
Боль причинил,
Как это ни досадно.
Как странно,
Что, не чувствуя вины,
Прощенья просит сдержанно мужчина.
Другой, нырнув
Из-за чужой спины,
Набросится с хулою беспричинной.

Уж он тебя
Сотрет с лица земли
И этим успокоит злую душу,
А ты вот стой спокойно
И внемли,
Пока тебя не отрясут, как грушу.
Бывает разве
Справедливым гнев?
Останови неправого,
Но только
Спокоен будь —
Пускай не дрогнет нерв,
Иначе
Разве много будет толка
От перебранки?
Но злодея звать
К рассудку, благородству —
Бесполезно.
И все-таки
Сними с его лица
Гримасу зла —
Она страшней болезни.
Сказать верней —
Она и есть болезнь.
Чем исцелить?
Я думаю с волненьем,
Что всем пора
Несдержанность лечить
Вниманием,
Любовью
И терпеньем.

КАНАЛЫ

Передо мною
Текут каналы
И вдаль уходят —
Не виден край.
А между ними
Всего сто метров,
И между ними
Лежит сто лет.
Один, что старше

И полноводней,
Течет неспешно
Сквозь летний жар.
Укрыт он кроной
Густых деревьев —
То предки наши
Сажали их.
Крутое время
Промчалось мимо,
Стоят деревья,
Не гнут спины.
Мы то встречаем,
Что стало прошлым —
Нельзя с собою
Его не взять.
Я думать сяду
И вдруг прозрею,
Что не вода к нам,
Искрясь, бежит,
Что доблесть деда,
Его упорство
И добрый разум
Текут ко мне.
Канал, встречал ты
Немало горя,
Немало счастья —
Так жизнь текла.
С каким восторгом,
Благоговеньем
Живую влагу
Я жадно пью.
Я пью, и вот уж
По жилам — знаю —
Течет не влага,
А доброта,
Не влага — гордость,
Не влага — счастье —
От мудрых предков —
В грядущий день.
Вечерним часом
Я видел звезды.
Они, как искры,
Вспорхнув с канала,
Кружась, взметнулись

И опустились
На теплый, новый
Большой канал.
И стали плавать
По юным водам.
Бетонный берег
Вослед смотрел им.
Сады вставали,
Сады шумели
И вдаль бежали,
Как облака.
И отступала пустыня,
Гибла.
Озера в небе
Искали птиц.
Я слышал —
Тихо вдали бульдозер
Рычал беззлобно
На суховей.
А тот в испуге,
Прочь улетая,
Поля пшеницы
Задев крылом,
Хотел дорогу
Развеять вихрем,
Но по асфальту
Колени стер.
И, заливаясь,
Смеются волны,
Качают солнце,
Играют с ним.
И луч горячий
Несут на берег,
Несут на берег
К моим ногам.
Я думать сяду.
И вдруг прозрею,
Что не вода к нам,
Искрясь, бежит,
Что доблесть деда,
Его упорство
И добрый разум
Текут ко мне.

Перевел с уйгурского Е. ВОЖИН

Валентин
ПИКУЛЬ

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ

Плакать хочется, если почести выпадают человеку лишь после его смерти, когда издают книги, которые автор не мог увидеть при жизни. Зачастую публика с восторгом принимает произведение, вырвавшееся на свет божий из-под тяжкого гнета цензуры. Но иногда случается, что читатели, ознакомясь с такой книгой, испытывают горькое разочарование.

— А что тут хорошего? — рассуждают они. — Лежала книжка и пусть бы себе лежала дальше. Ни тепло от нее, ни холодно. Вот уж не пойму, ради чего ее запрещали, и совсем не пойму, ради чего ее теперь продают. Чепуха какая-то!

Так бывает, когда время ушло вперед, ярко выделив перед обществом новые конфликты, а книга, написанная задолго до этого, уже «состарилась», неспособная взволновать новое поколение, как она волновала когда-то современников автора. Нечто подобное произошло и с романом «Село Михайловское»; критики даже выступили с попреками — зачем, мол, поднимать из могилы это «старье», если от автора один прах остался.

Н. И. Греч, автор предисловия к роману, оправдывается:

— Дамы и господа! Как можно было не печатать роман, если при жизни сочинительницы его до небес превознесли корифеи нашей литературы — поэты Жуковский и Пушкин, а написан роман по личному настоянию незабвенного Грибоедова...

Издательницей романа была вдова сенатора Прасковья Петровна Жандр. Однажды — было это на исходе прошлого столетия — она появилась в гомеопатической лечебнице на Садовой улице Петербурга.

Доктору она сказала:

— Не откажите в любезности принять в дар от меня остатки тиража романа «Село Михайловское». Если публика не раскупает, так, может, болящие от скуки читать станут. Все равно тираж гниет в подвалах, где его крысы сгрызут...

— А кто автор этого романа? — спросил врач.

— Варвара Семеновна Миклашевич, урожденная Смагина.

— Не знаю такой... извините, — поежился гомеопат.— Может, вы напомните мне, кто она такая?

. . . .

На далеком отшибе империи, в губернии Пензенской (боже, какая это была глушь!), жил да был помещик Семен Смагин, владелец шестисот душ. Когда Емельян Пугачев появился в его усадьбе, Смагина сразу повесили, а жена его и детки малые в стог сена забились, и там они сидели тихо-тихо, пока «царь-батюшка» не убрался в края другие...

Но вот выросла дочка Варенька и расцвела, сделавшись богатой невестой в губернии. Появились и женихи. Однако она искала умника, а глупым сразу отказывала. Наконец один такой олух, выслушав отказ, долго не думал и застрелился.

— Ну, прямо под моими окнами, — ахала Варенька.— Охти мне, страсти-то какие... прости его, господи!

Тут притащился к ее порогу старый прохиндей Антон Осипович Миклашевич, служивший в Пензе при губернаторе, и тоже стал в ногах у нее валяться. Клялся, что на руках ее носить станет, чтобы там выпить или в картишки сыграть — ни-ни, о том и речи быть не могло. Варенька дала согласие на брак, а много позже признавалась друзьям, что любви не было:

— Один страх господень! Потому как молодой невежа под моим окошком застрелился; а вдруг, думала я, и этот хрыч старый возьмет да на воротах моего дома повесится?..

Муж занимал в Пензе место прокурора — гроза губернии. Поэт князь Иван Долгорукий в «Капище моего сердца» так обрисовал молодую прокуроршу: «Она была барыня молодая, умная и достойная, но увлекалась часто романическими восторгами и оттого много дурачеств в свой век наделала...» Я не знаю, какие там фокусы вытворяла молодая жена прокурора, но зато сам прокурор в одну ночь спустил за картами все ее состояние.

Варвара Семеновна оскорбилась, даже поплакала:

— После этого, сударь, вы еще детей от меня желаете? Да вы противны мне с фарисейской рожей своей... Знала б я раньше, что вы такой, я бы вам и мизинца своего не дала!

Антон Осипович в роли супруга не блистал моралью. Но зато как прокурор он украшал себя разными злодейскими доблестями, отчего и был привлечен императором Павлом I, который из Пензы вытребовал его в Петербург. Как раз в это время Варвара Семеновна ощутила свою беременность.

— И на том спасибо, — заявила она мужу. — Но более ничего от вас не желаю и вам желать не советую...

Приехали они в столицу — честь честью, даже новой мебелью обзавелись. Но тут прокурор что-то не так сказал, не так повернулся, почему и был посажен императором в Петропавловскую крепость. Комендантом русской Бастилии был тогда очень веселый и добрый человек — князь С. Н. Долгорукий, носивший в свете прозвище Каламбур Николаевич.

— Мадам, — сказал он рыдающей Варваре Семеновне, — что вы слезки-то льете? Да приходите к нам обедать... Чин у меня флигель-адъютантский, а паек у нас арестантский!

Пока муж сидел, она каждый день ходила в тюрьму, чтобы разделить с ним казенную пищу узника. Но както явилась в крепость, комендант и спрашивает:

— Вы зачем, мадам, изволили снова пожаловать?

— Как зачем? Обедать-то мне надо.

— Так здесь же не ресторация, — захохотал Каламбур Николаевич, — паче того, вашего мужа из крепости уже вывезли.

— Неужто в Сибирь? — ужаснулась Варенька.

— Хуже того — в кабинет государя императора...

Император расцеловал дряблые щеки узника и, не дав ему переодеться, велел срочно ехать в Михайловскую

станицу на Дону, где и быть прокурором, а с женою разрешил повидаться не более трех минут. Миклашевич успел жене наказать:

— Продавай все и скачи за мною на Тихий Дон...

Варвара Семеновна, уже будучи на сносях, поехала вдогонку за своим мужем. Но в пути начались схватки, в какой-то землянке, среди чужих людей, без врача и повитухи, она родила сына — Николеньку. Когда же Павла I прикончили гвардейцы, супруги Миклашевич возвратились в Петербург.

Несчастная в браке, презирающая мужа женщина всю душу вложила в сына — был он для нее единственной отрадой. Прокурор, быстро дряхлевший, вскоре отошел в лучший мир, — Варвара Семеновна слезинки не пролила, все ее чувства были отданы сыну, на которого не могла надышаться; даже делая визиты знакомым, она появлялась с ребенком на руках, не желая ни на минуту с ним расставаться. Николеньке исполнилось восемь лет, когда он вдруг умер, и это был такой удар для Варвары Семеновны, что она вернулась с кладбища поседевшей. Каждый день навещала могилу сына, и, когда ей говорили, что надо бы поставить памятник, Варвара Семеновна отвечала:

— Зачем ему памятник, сделанный из камня, если я каждый день стою над могилою — как живой памятник...

Что может спасти женщину? Только любовь.

. . . .

Муж оставил Варвару Семеновну кругом в долгах, она распродала все, что имела, а жила тем, что бог даст, как птица небесная. Когда-то завидная невеста, из-за которой стрелялись, — стала нищей вдовой, никому не нужной. В это время, совсем одинокая, встретила она молодого Андрея Андреевича Жандра, который одарил женщину возвышенной страстью. В душе поэт, был он мелким чиновником при морском министерстве, а жалованья имел — кот наплакал.

— Варвара Семеновна, — предложил Жандр, — двое бедных всегда богато живут, так пусть станет един наш кров, под сенью которого вечерами разделим мы общую трапезу...

Историк Д. А. Кропотов писал: «Петербургское общество уважило эту необыкновенную связь, ездило на

вечера к Жандру и радушно принимало посещения его и Варвары Семеновны». Такую пару можно было уважать, ибо они уважали друг друга, и, когда с Жандром случилась беда, Варвара Семеновна рьяно отстаивала его перед жандармами в таких выражениях: «Десятый год он составляет мое единственное утешение. Не имея никакой собственности, почти все мне отдает, совершенно живет для меня; назад четыре года была я больна, неподвижна шесть месяцев, так он ходил за мной, как самый нежный сын за своей матерью...» Сильная была любовь, но — платоническая!

Не так-то уж прост был Андрей Жандр, и не только хороший человек, как писала о нем Варвара Семеновна. Писатели считали Жандра собратом по перу, актеры своим драматургом, а декабристы не таили от него своих замыслов. Вестимо, что друзья Жандра стали близкими для Варвары Семеновны, которая из своих рук потчевала ежевечерних гостей — Рылеева, Бестужева, Катенина, она нежно любила поэта Сашу Одоевского. Наконец в их доме Грибоедов был своим человеком, не только дружившим с Жандром, но совместно с ним писалась для театра комедия «Притворная неверность».

В начале лета 1824 года, появясь в Петербурге, Грибоедов обрел множество приятелей, будущих декабристов. В эту пору жизни он изучал восточные языки, волочился за актрисами. В доме Жандров он искал успокоения для души, невольно теряя ту «холодность», которая была присуща ему и даже необходима, как маска актеру... Варвара Семеновна много рассказывала Грибоедову о прошлом захолустной провинции, и в рассказах ее зримо представали яркие типы отжившей эпохи — с их вольтерьянством и дикостью, со слезливой лирикой эпигонов Руссо и явным палачеством самодуров. Александр Сергеевич говорил:

— Вам, голубушка, не рассказывать, а самой писать надобно, чтобы золотой век матушки-Катерины не сохранился для истории лишь со стороны Эрмитажа, но дабы ведали потомки и самые темные задворки русской провинции с ее ужасами.

— Не знаю, как писать. Не учена.

— Господи! Да пишите, как все мы пишем...

Нет сомнения, что Грибоедов даже любил Варвару Семеновну, видя от нее столько материнской заботы, какой не видел от родной матери, и в минуты хандры Жандра

он внушал ему: «Оглянись, с тобой умнейшая, исполненная чувства и верная сопутница в этой жизни, и как разнообразна и весела, когда не сердится...» В канун восстания декабристов Миклашевич справляла свои именины, еще не догадываясь, что одним гостям уготована петля, другие пойдут на каторгу. Странно, что, угощая князя Одоевского, она вдруг испуганно вскрикнула:

— Ай, Саша! Почудилось, будто вижу тебя в халате.

— В каком халате, хозяюшка?

— В арестантском... вот наваждение!

Когда начались аресты декабристов, Варвара Семеновна укрыла князя Одоевского в своем доме, а сыщикам устроила от ворот поворот. Но потом взмолилась перед Жандром:

— Ради нашей любви, друг мой, достань для Саши статское платье, чтобы мог он, бедный, уйти от насилия...

Жандр помог Одоевскому бежать. Пешком декабрист покинул столицу, надеясь сыскать убежище на даче своего дяди Мордвинова; но родной дядя и выдал его, велев лакеям скрутить племянника, чтобы доставить его в суд. Вслед за этим был арестован и Жандр, что повергло женщину в отчаяние. «Простите моему отчаянию, — так писала она судьям. — Есть ли б вы знали, как я страдаю — вы бы сжалились...» Жандр твердо держался на допросах, никого не выдавая при следствии; его пожелал видеть сам император Николай I:

— Ты почему сразу не выдал преступника князя Одоевского?

На это Жандр отвечал царю слишком дерзко:

— А вы, будь на моем месте, способны выдать друзей?..

Плачущая, еще больше поседевшая, Варвара Семеновна обняла выпущенного из крепости Жандра, который для историков так и остался лишь «причастным к декабрю 1825 года»:

— Любимый мой... един ты у меня остался!

Грибоедов тоже был арестован, но содержался в помещении штаба. «Горе от ума» было тогда слишком известно, а сам автор комедии обладал таким обаянием, что часто уходил из-под ареста, появляясь в доме Жандров со штыком в руках.

— Откуда штык у тебя? — спрашивала Варвара Семеновна.

— Да у часового отобрал. Ему-то он давно надоел, а пойду от вас ночью, так лучше со штыком... безопасней!

Отныне жизнь Миклашевич протекала под секретным надзором полиции, имя ее сопрягали с именем вдовы Рылеева, а сыщики доносили о ней царю в скверных словах: «Старая карга Миклашевич, вовлекшая в несчастие Жандра, язык у нее змеиный...» Правда, что декабристы остались для женщины дороги на всю жизнь, и в своем романе она воскрешала их светлые образы. А. А. Жандр, уже глубоким стариком, рассказывал молодежи:

— Под именем Заринского она вывела Сашу Одоевского, под Ильменевым — повешенного Рылеева, а в молодом Рузине можно узнать Грибоедова. Характеры их, склад речи, даже наружность этих образов совершенно сходны с оригиналами. О, как они далеки от нынешних молодых людей! Варвара Семеновна лишь перенесла своих героев в былое время собственной младости, но в святости сохранила их гражданские и моральные идеалы.

Весною 1828 года Грибоедов успел прочесть первые страницы романа, а вскоре получил назначение посланником в Персию; он был печален и, прощаясь, трагически напророчил:

— Нас там всех перережут... Вспоминайте обо мне!

Грибоедов подарил Жандру свой список комедии «Горе от ума», которую ему не суждено было увидеть — ни на сцене, ни в печати. Варваре Семеновне тогда же сказал:

— А вы пишите... не боги горшки обжигают! И нельзя втуне хранить бесценные сокровища своей памяти о минувшем.

Издалека приходили от него письма. Грибоедов сообщал Варваре Семеновне из Эчмиадзина: «Жена моя по обыкновению смотрит мне в глаза, мешает писать, знает, что пишу к женщине, и ревнует... немного надобно слов, чтобы согреть в вас опять те же чувства, ту же любовь, которую от вас, милых, нежных друзей, я испытывал в течение нескольких лет...»

В январе 1829 года Грибоедова не стало.

— Теперь-то уж я закончу роман, — решила Миклашевич, — дабы исполнить предсмертную волю моего друга...

Роман назывался «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия», и он явился как бы преддверием будущих «Записок охотника» Тургенева, проникнутый гневным протестом против условий крепостного права, — в этом Варвара Семеновна осталась верна себе и заветам своих друзей. В один из дней 1836 года, утомленная, но благостная, она широко раздернула оконные шторы в спальне Жандра, разбудив его словами:

— Пора на службу, мой милый, но прежде поздравь меня... Я отслужила свое, поставив в конце романа жирную точку.

— Печально, ежели он останется в рукописи.

— Он дорог мне даже таким... Вставай!

Не стало Грибоедова, зато в жизни Миклашевич появился Пушкин, который тогда же напомнил читателям в «Современнике»: «Недавно одна рукопись под заглавием: «Село Михайловское» — ходила в обществе по рукам и произвела большое впечатление. Это роман, сочиненный дамою. Говорят, в нем много оригинальности, много чувства, много живых и сильных изображений. С нетерпением ожидаем его появления».

Пушкину оставалось жить всего лишь один год.

. . . .

В конце жизни он навещал Жандра и Миклашевич.

— Поэт приезжал к нам просить эту книгу, — рассказывал Жандр. — Тогда книготорговцы, возбужденные слухами о романе, предлагали нам тридцать тысяч рублей, уверенные в прибыли. Я не помню, что говорил Пушкин авторше, но мне он сказывал, что не выпускал романа из рук, пока не прочел...

Неизвестно, как бы сложилась судьба «Села Михайловского», если бы не гибель поэта. В канун роковой дуэли Пушкин взял у Миклашевич лишь первую часть книги и, увлеченный ее содержанием, обещал предпослать к отдельным главам свои же стихотворные эпиграфы. Василию Андреевичу Жуковскому выпала скорбная честь разбирать бумаги покойного поэта, среди них он обнаружил и начало рукописи романа. Вскоре он появился в доме Жандра, где познакомился с Варварой Семеновной.

— Вам бы мемуары писать, — сказал он. — Ах, сколько мелочей старого быта мелькает в вашем романе, уже забытых... Поди-ка догадайся теперь, что дворяне в царствование Екатерины ездили в гости со своими умывальниками и ночными горшками... А что вам говорил Александр Сергеич?

— Пушкин желал, чтобы роман скорее увидел свет.

— Чего и я от души желаю, — отвечал Жуковский, тогда же попросил у Миклашевич остальные части романа.

«Он в три дня прочитал все четыре части, и так хорошо знал весь ход романа, что содержание каждой части разбирал подробно, — вспоминал потом Жандр. — Он заметил некоторые длинноты и неясности, и В. С. все это тогда же исправила».

Жуковский даже сочувствовал писательнице:

— Чаю, настрадаетесь вы со своей книгой...

И — немудрено, ибо роман, блуждая в рукописи среди читающей публики, сразу же сделался гоним. Был уже 1842 год, когда в доме графа Михаила Виельгорского гости его музыкального салона однажды обступили цензора Никитенко, спрашивая:

— Александр Василич, когда же будет предан тиснению несчастный роман стареющей госпожи Миклашевич?

— Увы, — понуро отвечал Никитенко, втайне сочувствуя авторше, — никак нельзя пропустить. У нее там все начальники — мерзавцы, губернаторы — жулики, а помещики — сплошь разбойники с большой дороги, что никак не дозволит цензура светская. Но в романе немало и героев из духовного звания, есть даже архиерей, порядочный негодяй, и все столь дурно отражены, что сего не пропустит цензура духовная...

Но интерес к роману не угасал, и Николай Иванович Греч во время публичных чтений о литературе напоминал:

— Россия имеет хороший роман, к сожалению, известный более понаслышке. Смею думать, что при появлении его в свете он займет достойное место в Пантеоне нашей словесности — верностью изображения нравов, оригинальностью своих героев. Сочинен он д а м о ю, женщиной проницательного ума и твердого характера, которая была очевидицей описанных ею событий.

— А кто эта дама? — спрашивали Греча.

— Стоит ли всуе тревожить ее имя, — осторожничал Греч, памятуя о крамольных связях Миклашевич с декабристами. — Могу заверить вас в одном: испытавшая в жизни тяжкие удары судьбы и неотвратимые потери, авторша запечатлела для нас нравственно-печальное состояние своей отчизны в те далекие времена, когда ей было около тридцати лет...

Вскоре же Степан Бурачек, корабельный инженер, он же издатель журнала «Маяк», большой поклонник старины (и даже ее недостатков), решил потихоньку от цензуры тиснуть «Село Михайловское» ради спекулятивных целей, дабы повысить интерес к своему журналу. Но издатель был сразу же уличен в плутовстве, получив хорошую головомойку от начальства.

— Стыдно! — сказали ему мрачные Церберы. — Где бы вам самому бороться с растлением современной литературы, вы, пуще того, приглашаете читателя в сущий вертеп разбойников, каковым и является роман неугомонной госпожи Миклашевич...

Варвара Семеновна болела. Двадцать лет длилась ее любовь, и эта любовь была обоюдно-платонической, на какую не все способны. Предчувствуя близкую кончину, она сама вложила в руки любимого Жандра девичью руку Параши Порецкой, своей давней воспитанницы (по слухам, солдатской дочери):

— Меня скоро не станет, Андрюша, так вот тебе жена будет верная и молодая... Не дури! Осчастливь Парашку, и да будь сам счастлив с нею...

Ей же она вручила полную рукопись своего романа:

— Мне уже не видеть его в печати, — плакала Миклашевич. — Но жизнь не может считаться завершенной, пока с высот горних не увижу свой роман в публике, и ты, милая, живи долго-долго... чтобы издать его в иных временах... лучших!

В декабре 1846 года Варвара Семеновна скончалась, и Жандр похоронил романистку подле могилы сына Николеньки, которого она так любила. Но, кажется, Жандр умышленно отодвинул гроб от места погребения мужа-прокурора, сказав при этом:

— Она и при жизни-то терпеть его не могла...

В конце 1853 года, претерпев многие служебные невзгоды, Жандр был сделан сенатором, причислен к Департаменту герольдии. Ему предстояла еще долгая жизнь,

и хотя Андрей Андреевич не оставил следов в герольдии, зато для поколения новых историков он сделался источником достоверных преданий былого времени; четко и разумно поминал он своих друзей, ставших уже великими. «Очень высокий, сухой, как скелет, старик в узеньком пальто, которое выказывало еще больше всю его худобу... лицо все в морщинах, маленькие, серые глаза смотрят умно и серьезно» — таким описывали его в 1858 году, когда Россия переживала «период либерализации», и тогда же появились надежды на публикацию романа «Село Михайловское».

— Конечно, — рассуждал Жандр, — любая книга, как и овощ, годится к своему времени. Боюсь, что роман незабвенной для меня Варвары Семеновны уже перезрел на литературном огороде и вряд ли ныне доставит публике то удовольствие, какое таил он в своей первозданной свежести... в прошлом.

Пройдя двойную цензуру, светскую и духовную, роман В. С. Миклашевич увидел свет в шестидесятых годах, изданный в двух томах, — через тридцать лет после его написания. Время для публикации было неудачное: русское общество стремилось к новым идеалам, молодежь попросту не желала оборачиваться назад, в потемки былого, чтобы знать, как жили их деды и бабки, а злодейства тиранов прошлого многим людям казались теперь наивными сказками. В газете «Голос» появилась рецензия: «Нет сомнения, — писалось в ней, — что, если бы «Село Михайловское» явилось в печати тридцать лет назад, оно при всех своих недостатках заняло бы видное место в ряду романов того времени и, может быть, не осталось бы без влияния и на развитие всей нашей беллетристики, а теперь...»

. . . .

А теперь доктор гомеопатической лечебницы равнодушно выслушал рассказ Прасковьи Петровны Жандр, убогой вдовы покойного сенатора. Желая остаться любезным, спросил:

— Сколько же вам лет, мадам?

— На девятый десяток пошла, — прошамкала старуха, и ее лицо даже засветилось в беззубой улыбке.

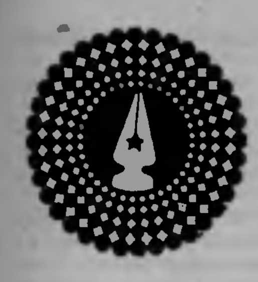
— Не знаю, что и посоветовать, — призадумался врач. — Так и быть, скажите швейцару, чтобы перетас-

кал книги... Может, кто-либо из наших больных и почитает на досуге.

Прасковья Петровна свалила остатки нераспроданного тиража в вестибюле больницы и, сгорбленная, вышла на Садовую улицу, где ее ожидала пролетка. Все умерло в прошлом.

Время было иное, пугающее старуху своей новизной. Кто-то из россиян уже попал под колеса первого трамвая, названный газетчиками «мучеником прогресса», первые автомобили уже изрыгнули клубы бензинового перегара, а в квартирах петербуржцев названивали телефоны. Что делать в этом мире ей, не забывшей, как она, еще девочкой, подавала чай живому Пушкину? Осталось одно — уйти...

И она бесследно исчезла, как и остатки того тиража многострадальной книги, который не раскупили читатели.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

К 70-ЛЕТИЮ ВЛКСМ

Юрий АБАТУРОВ

ОПЕРАЦИЯ «КОММУНАРЫ»

ПАМЯТЬ

— Тише, товарищи, тише! — председательствующий постучал карандашом по пустому графину. Окинул воспаленным взглядом собравшихся. Подождал, пока шум утихнет.

— Белые заняли станцию Кузино, — наконец сообщил он.

В комнате повисла гнетущая тишина.

— Ваши предложения? — нетерпеливо спросил председательствующий.

— Стоять насмерть! — выкрикнул кто-то с места. — Назад ни шагу!

— А я считаю, город необходимо оставить, — сказал высокий мужчина в картузе, перепоясанный пулеметными лентами.

В комнате поднялся неимоверный шум.

— Ишь чего захотел, — злой голос перекрыл общий гам. — Давно ли мы решили на Третьем съезде Советов, что Екатеринбург — центр Урала? А сейчас сдать его без боя?!

— Да! — настаивал мужчина в картузе. — Город надо сдать без боя. Мы не имеем права подвергать риску население. У белых много орудий. Уже сегодня вечером они обстреляли окраины. Я пере-

даю мнение рабочих заводов ВИЗа и Ятеса. Это их единодушное мнение.

— Такого же мнения и члены Совета, — подтвердил председательствующий. — Иного выхода нет.

— Надо обратиться за помощью в Нижний Тагил, — голос говорившего звучал не совсем уверенно. — Там стоит целый полк. До Екатеринбурга четыре часа по железной дороге. А нам надо держаться.

— Дорога из Нижнего Тагила перерезана. В Невьянске восстал автоотряд. Там вовсю зверствует контрреволюция. А сил у нас на ее подавление нет, — председательствующий нервно дернул плечом. Поежился, словно от озноба. Добавил: — Эвакуацию советских учреждений мы начали еще вчера. Совет предлагает всем боеспособным частям двигаться к вокзалу. Эшелоны пока есть. Будем отступать в сторону Перми. Я понимаю ваши чувства, но сегодня обстоятельства сильнее нас. И мы не можем не подчиниться.

Всю ночь в здании Совета горел свет. По лестницам торопливо пробегали люди. Выносили и грузили на подводы ящики с документами и оружием. Трещал перегретым двигателем автомобиль.

Постепенно все стихло, и только на станции еще слышался лязг буферов, нервные гудки паровозов и грохот уходящих составов.

А утром, 25 июля 1918 года, чуть свет, белые приступили к методическому обстрелу Екатеринбурга из орудий.

Анфиса Николаевна Боровских, тяжело ступая — плохо слушались ноги, — поднималась по крутой мраморной лестнице. Мимо пробежали мальчишки и девчонки, сжимавшие в руках новенькие комсомольские билеты. Анфиса Николаевна, переводя дыхание и придерживаясь рукой за перила, медленно поднималась вверх. Казалось, подъему не будет конца.

Поднявшись наконец на лестничную площадку, она отыскала взглядом табличку: «Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. Свердловский городской комитет». Потянула тяжелую дверь и робко переступила порог. В душу закрадывались сомнения, перерастая в нерешительность, которая всегда наступает после первого отчаянного порыва. Зачем она пришла сюда? Поймут ли ее? Кому она нужна здесь — старый, больной человек? Она прожила жизнь и знает цену людям. Пережила все, что пережили, испытали люди ее поколения. Поколения тех, кто вынес на своих плечах революцию, гражданскую войну, разруху, голод, смерть близких людей. Или, может быть, это было не с ней? А с кем-то другим? Пусть так! Но разве жизнь принадлежит лишь одному человеку, разве не передается она от поколения к поколению? И пусть сейчас что-то не так. Пусть что-то сломалось в отношениях между людьми, но ведь есть главное — память. И лишь она, не успокоенная, мятущаяся, привела ее сюда, к молодым, к тем, в кого она верила, на которых надеялась.

Андрей Коркин — второй секретарь горкома комсомола — встретил Анфису Николаевну настороженно. Предложил стул, сел напротив и приготовился слушать.

Андрей работал в горкоме недавно и, все еще находясь под впечатлением городской комсомольской конференции, избравшей его на этот пост, старался по мере сил и возможностей вникнуть

в круговерть свалившихся на него обязанностей. И мысли его были заняты совершенно иными проблемами. А Анфиса Николаевна говорила между тем о чем-то непонятном и, как казалось Андрею, не имевшем никакого отношения к его комсомольским обязанностям. И, не пытаясь вникнуть в смысл ее слов, он украдкой поглядывал на часы, думая о том, что буксует план приема в члены ВЛКСМ, что плохо обстоят дела с политучебой и полезно было бы поставить эти вопросы на бюро райкома. Анфиса Николаевна сидела у него уже более часа.

В кабинет никто не входил, телефон все так же сурово молчал, и волей-неволей Андрей стал более внимательно прислушиваться к тому, о чем горячо и взволнованно говорила Анфиса Николаевна...

Пройдет некоторое время, и Андрей в беседе со мной признается:

— Нам, комсомольским работникам, вплоть до последнего времени было во многом присуще поверхностное отношение к любой из сложных проблем. Так было еще и тогда, в тот памятный день, когда Анфиса Николаевна Боровских впервые появилась в горкоме. Одно дело — пришла бы она с жалобой на кого-либо, упрекала бы нас в бездеятельности — все было бы ясно и просто. Но Анфиса Николаевна говорила о памятниках, о захоронениях известных людей — и было совершенно неясно, какое мы, комсомольские работники, имеем ко всему этому отношение...

А тогда он, молча слушая Анфису Николаевну, совершенно неожиданно поймал себя на мысли, что чисто условно уже прикидывает возможные варианты того, о чем так увлеченно говорила сидящая перед ним женщина.

— А вы знаете, Андрей, я ведь уже приходила в горком два года назад. И даже приносила списки коммунаров, захороненных на Ивановском кладбище.

— Да, да, — машинально кивнул Андрей. — Я понимаю.

Анфиса Николаевна, склонив голову, посмотрела на него. Улыбнулась.

— Может быть, я не вовремя пришла? — просто спросила она.

— Нет, нет, я слушаю вас, — возразил Андрей. Ему показалось, что Анфиса Николаевна заметила его невнимание к ней и сейчас встанет и уйдет.

— Вы понимаете, Андрей, — продолжала она, — какое это важное и большое дело. Годы, к сожалению, уходят. А нас, ветеранов-комсомольцев, остается все меньше и меньше. Наступит такой день, когда уже никого не останется в живых. Кто сохранит память о них, сражавшихся за дело революции? Вы же видели, в каком состоянии находятся сегодня наши кладбища. Могилы разрушаются...

Андрей молчал. Он никогда еще не сталкивался с подобной проблемой. Это не входило в круг его комсомольских обязанностей. Он давно усвоил: в Свердловске уже есть памятник коммунарам. Там много лет горит Вечный огонь. Сменяются на посту комсомольцы и пионеры. Чего же еще? Разве есть где-то другие захоронения? О каких коммунарах говорит эта женщина?

Он был в полной растерянности.

— Вы поймите правильно, — словно угадав его мысли, произнесла Анфиса Николаевна. — Меня волнует, что многие участники революции и гражданской войны до сих пор остаются неизвестны-

ми. А их сотни. Не все погибли на фронте. Многие умерли от тифа, от ран, другие просто от старости и болезней. А некоторые... некоторые в страшном тридцать седьмом. Разве можно забыть о них?..

«Почему поздно? Разве бывает когда-либо поздно то, о чем говорит Анфиса Николаевна?» — думал Андрей, пытаясь вникнуть в смысл ее слов.

— ...Пусть комсомольцы возьмут шефство над захоронениями. Я могу назвать вам с десяток могил на Ивановском кладбище. Они бесхозны. За ними давно никто не ухаживает. Все родственники умерли.

«Сколько же ей лет? — размышлял Андрей, вглядываясь в лицо Анфисы Николаевны. — Лет, пожалуй, за семьдесят...»

Он все больше и больше понимал, что в этой старушке живет такая сила, такая уверенность в том, о чем она говорила, что Андрей постоянно ловил себя на мысли: ее идеи как-то исподволь входят в его сознание, укрепляются в нем и становятся осязаемыми, завладевают им.

Утро в тот день выдалось чудесное. Высокое небо разлилось бирюзовой синевой над городом. Легкая роса прибила пыль на мостовых. В соборе Александра Невского ударили колокола. Ровный чистый гул поплыл над Екатеринбургом. В стороне у вокзала заработал пулемет, раскатилась сухая винтовочная пальба. Колокола уже били неистово, нагнетали тревогу.

Взмыленные кони вынеслись на Вознесенскую горку. Всхрапнули, остановленные сильной рукой. Всадники, привстав на стременах, вглядывались в распростертый внизу город, подернутый легкой предутренней дымкой.

— Слава богу! — сняв запыленную фуражку, истово перекрестился поручик. — Наш... вновь наш Екатеринбург!

Поручик, привстав на стременах, выхватил шашку из ножен.

— Р-р-рысью!.. А-аарш!.. — голос его звенел на самой высокой, нервной ноте.

Рванулись кони, лавиной ринулись вниз к центру города.

Повседневная текучка затягивает словно болото. И от нее не открутишься, не отмахнешься. Командный стиль руководства тех лет отразился и на комсомоле. Сотни ненужных обязанностей тяготили, отнимали массу времени, мешали увидеть за нагромождением дел самые главные и важные. Горком сочинял десятки бумаг, разрабатывал инициативы, будучи не всегда уверенным, что каждую из них выполнят в низовых звеньях, организациях до конца так, как это виделось здесь в горкоме комсомола.

Трудное то было время. Еще больше года оставалось до апрельского (1985 г.) Пленума ЦК партии, наметившего в стране крупные перемены. Но люди жили предчувствием чего-то важного, хотя застойный период еще твердо держал свои позиции, отражаясь на делах, на поступках и мыслях тех, кто пытался разорвать паутину косности, бюрократизма и равнодушия.

Предложение Анфисы Николаевны Боровских совершенно не вписывалось в круг четко отработанных обязанностей горкома.

Но и за суетой повседневности Андрей крепко держался за когда-то подхваченную им идею, в надежде, что все же удастся выбраться из привычного круга дел и обязанностей и он возьмется за осуществление родившейся мечты. Но время неумолимо бежало, а суеты не убавлялось.

Однажды, проходя по коридору, Андрей столкнулся с Владимиром Быкодоровым.

— Послушай, Володя, — взял его за локоть Андрей. — Ты, кажется, закончил истфак?

Тот удивленно посмотрел на второго секретаря.

— Да... А какое это имеет значение?

— Самое прямое, — ответил Андрей. — Зайдем ко мне. Все объясню.

В кабинете он обо всем рассказал Быкодорову. И, увидя реакцию удивленного инструктора, загорячился.

— Да пойми ты, какое это большое и важное дело! Только представь себе — построить памятник!

— Дело, конечно, хорошее. Но не потяну, — упрямо твердил Быкодоров. — Я историк, а не строитель.

— Освоишь по ходу дела, — наседал Андрей.

— Нет, не уговаривай.

— Ладно, Быкодоров, — отступил наконец Андрей. — Ты иди и подумай. Это дело политическое. А ты... Сходи хотя бы в архитектурный институт.

— Схожу, если надо, — равнодушно сказал Быкодоров. — Но от дела уволь. Я бы всем сердцем, но не потяну. Сразу говорю, чтобы обид потом не было.

— Эх, Быкодоров, Быкодоров, — вздохнул Коркин. — Тяжелый ты на подъем человек! Тут, понимаешь, такое дело... Память...

— Я понимаю, — кивнул Володя. — Память — дело святое. Но... я, пожалуй, пойду. Своих дел невпроворот.

Оставшись один, Андрей дал волю чувствам. Ему вдруг со всей очевидностью стало ясно, что вся эта затея с обелиском лишь призрачная мечта, которой никогда не суждено сбыться. Прикидывая в памяти разговоры и встречи с людьми, он все более и более убеждался в бесполезности своей затеи. Его равнодушно выслушивали, соглашались, и... на этом все кончалось. Круг обязанностей, какими занимались, был привычен и не требовал лишней инициативы, за которую редко поощряли, но «били» часто. Настолько часто, что отбили всякое желание выходить с ней на открытое обсуждение.

Андрей понимал, что одному ему осуществить задуманное не под силу, необходимы люди, на которых можно будет опереться, которым можно довериться, как самому себе. Важно, чтобы люди эти, как и он сам, поверили в реальность осуществления мечты. И люди такие были рядом. Их надо было просто расшевелить, вдохновить идеей, какой теперь повседневно жил он сам.

...Облавы, обыски и расстрелы начались в Екатеринбурге в тот же день. Эскадроны карателей из «бессмертного батальона имени Гайды» рыскали по рабочим кварталам, вламывались в дома. Особенно зверствовали они в поселке Верх-Исетского завода и в Мельковской слободе, где жили рабочие завода Ятеса. Город затих, отгородился от внешнего мира ставнями, наглухо закрытыми воротами словно вымерших домов, настороженно вслушиваясь в

конский топот, в стрельбу, доносившуюся со стороны городской свалки, в стон колоколов, бухавших на кафедральном соборе.

До поздней ночи войска Сибирской армии и полки белочехов входили в город. А несколькими днями позже в Екатеринбург вошел еще и английский отряд численностью в 400 человек.

Наступили черные дни.

В штабе армии под руководством командующего Сибирской армией генерала Рудольфа Гайды срочно формировалось Уральское белогвардейское правительство. Делились посты и портфели. И 13 августа 1918 года такое правительство было создано.

Екатеринбургский епископ Григорий отслужил в кафедральном соборе молебен в честь главнокомандующего белой армией Колчака и новоиспеченного правительства.

Едва дождавшись окончания службы, генерал Гайда вышел из собора. Спустившись с паперти, сел в ожидающий его автомобиль.

— В контрразведку, — бросил он адъютанту.

БЫКОДОРОВ

В одиннадцатом кабинете Свердловского горкома комсомола было очень шумно. Собравшиеся спорили. Сегодня здесь собрался почти весь оргкомитет.

— Тише, ребята! Тише! — Володя Быкодоров постучал ладонью по столу. — Давайте приходить к какому-то единому мнению. Я понимаю, дело это необычное, но нельзя же говорить всем сразу.

— Давайте назовем эту акцию «Солидарность с народами Южной Африки, борющимися против апартеида», — предложил кто-то.

— А конкретно? — Быкодоров обвел взглядом собравшихся. — Как будет выглядеть на деле то, что мы предложили в Москве?

— Объявим сбор марли, стирального порошка, книг, игрушек, — не совсем уверенно сказала Света Волкова — методист Дома пионеров Железнодорожного района. — Упакуем в посылку и... Оргкомитет фестиваля обещал нам помочь с отправкой. Главное — успеть вовремя.

— И какого размера будет эта самая посылка? — не унимался Быкодоров.

— Килограммов сто... может, чуть больше, — пожала плечами Света. Но в голосе ее не чувствовалось уверенности. Она, как и многие из присутствовавших, ни разу не сталкивалась с подобными делами и очень смутно представляла себе, какую придется проделать работу, прежде чем груз уйдет в Москву.

И начались «веселые» денечки. Хотелось сделать все в самом лучшем виде. И самое важное — включить в дело все комсомольские организации города. Акция виделась как единый добровольный порыв, полностью исключающий давление сверху.

По своему, пусть даже не совсем большому опыту комсомольской работы Володя знал, как медленно раскачиваются низовые комсомольские организации, если дело, затеянное и спускаемое сверху, им не по душе. А времени было в обрез. Выручала общительность, умение с первого раза находить нужный тон в разговоре с людьми. И он с радостью ощущал, как тянется к нему молодежь, видя в нем товарища, единомышленника, а не бездушного чинушу, лишь по обязанности выполняющего взваленную на него работу.

Однажды, в самый разгар сбора посылки, в проеме открытой двери появилась старушка и представилась:

— Боровских Анфиса Николаевна...

Быкодоров, оторвавшись от бумаг, удивленно глянул на нее. В каком-то предчувствии тревожно забилось сердце.

— Вам... очевидно... к Андрею Коркину? — наконец спросил он.

— Нет, — покачала головой Анфиса Николаевна. — Мне к Быкодорову...

— Вы проходите... Садитесь...

Анфиса Николаевна прошла в кабинет, удобно устроилась на стуле.

— Я сейчас вернусь, — сказал Быкодоров. — Вы тут пока посидите...

Выскочив в коридор, он вихрем помчался в кабинет Коркина.

— Это ты ко мне ее прислал? — голос Быкодорова дрожал от негодования. — У меня дел...

— Каюсь, я! — Андрей шутливо поднял вверх руки.

— Ну и что прикажешь мне с ней делать? — нетерпеливо спросил Быкодоров. — Ты же прекрасно знаешь, что не могу я вот так запросто ее выпроводить.

— Ты пойми, Володя, — миролюбиво убеждал Андрей. — Ну кто, кроме тебя, справится с этим делом? И потом, все равно надо когда-то начинать. Не сегодня, так завтра. А если Анфиса Николаевна... ну... сам понимаешь. Преклонный возраст.

— Все я прекрасно понимаю, — Быкодоров поправил очки, искоса глянул на Коркина. — Но и ты должен войти в мое положение. До фестиваля остались считанные месяцы. Нас завалили километрами марли, тоннами стирального порошка, сотнями книг. Как ты мыслишь отправлять эту прорву? А тут еще и...

— Придумаем что-нибудь, — голос Андрея потерял уверенность.

— Да этот оргкомитет, как только узнает о нашей посылке, — перебил его Быкодоров, — открестится от нас обеими руками!

— Наше дело собрать и поставить его в известность, а дальше...

Чем дольше Володя слушал второго секретаря, тем отчетливее сознавал, что акция «Солидарность», по представлению Коркина, не более чем проба сил его, Быкодорова.

Спорить больше не имело смысла и, махнув в сердцах рукой, он вернулся в кабинет, где ждала его Боровских.

Поступив после окончания школы на исторический факультет Уральского государственного университета, Владимир Быкодоров мечтал стать историком. А стал... воспитателем в общежитии.

Писать о комсомольских делах непросто, в них не всегда за словом видно дело. Кипучая деятельность в уютных кабинетах не всегда претворяется во что-то конкретное. В этом-то и состоит парадокс: самая молодежная, самая инициативная организация, какой положено быть комсомолу, заметно утратила эти качества, она теряла авторитет среди тех, кого обязана была увлекать делом.

Вот в такое время и пришел Владимир Быкодоров на работу в Свердловский городской комитет комсомола.

Акция «Солидарность» приближалась к завершению. Кабинет Быкодорова напоминал склад. Ребята бочком протискивались к

столам, обходя нагромождения книг, тюков марли, коробок стирального порошка. Оставалось только отправить все это в Москву.

Гром грянул неожиданно. И день этот крепко запомнился Быкодорову — он понял, сколько стоит слово, данное без должной ответственности.

Утром в хорошем настроении Володя пришел в горком. Сыскал в записной книжке телефон подготовительного комитета фестиваля, снял трубку и набрал номер.

— Говорят из Свердловска...

— Слушаю, слушаю... — поторопил абонент. — Говорите.

— Инструктор горкома комсомола Владимир Быкодоров. Я насчет посылки в Танзанию. Помните, мы договаривались.

— Ну как же, помню. Не удалось? Не беда, время еще есть. Что? Удалось? Сколько, сколько?!

— Двадцать тонн...

— Двадцать тонн?! — голос на том конце провода осекся. Молчание длилось несколько секунд.

— Алло, вы меня слышите? Вы поможете нам? — спросил Быкодоров.

— Ты знаешь, — собеседник был явно растерян. — Если бы килограмм тридцать, сорок. А тут... Двадцать тонн! Да вы что там?..

— Мы и сами не рассчитывали на такое, — признался Быкодоров, невольно начиная оправдываться.

— Вечно вы, свердловчане, так — отколете номер, а нам расхлебывай. У нас своих дел... фестиваль на носу. Вы уж как-нибудь сами управляйтесь.

— Но... вы обещали, — неуверенно напомнил Быкодоров. — Как же так?

— Владимир, ты нас пойми. Дел сейчас невпроворот. Ничем не могу помочь...

В трубке послышались короткие гудки.

Володя был совершенно растерян. Бессмысленным взглядом обвел кабинет, посмотрел иа ребят, тревожно ожидающих у стола.

— Что случилось? — спросила Таня Мальцева, ученица школы № 30, помогавшая в сборе посылки. — Отказали?

— Отказали, — кивнул Володя. — От-ка-за-ли...

— Да что же это они?! — зашумели ребята. — Ведь обещали!

— Ладно, не будем падать духом, — попытался успокоить ребят Быкодоров, хотя у самого настроение было хуже некуда.

Выждав некоторое время и успокоившись, Володя пошел к Николаю Хальзову.

— Да-а, обстановочка! — вздохнул первый секретарь.

— Звонить в оргкомитет бесполезно, — предупредил Быкодоров. — Будут ссылаться на занятость... От одного веса посылки им дурно становится.

— Позвоню в обком, — Хальзов снял трубку, набрал номер второго секретаря Михаила Матвеева. Объяснил ситуацию.

— Хорошо, мы свяжемся с ЦК, — заверил Михаил. — Ждите.

На следующий день Матвеев сам позвонил в горком.

— С ЦК мы договорились. Посылку они нам помогут отправить. Но подготовка контейнера и оформление документов возлагается на нас.

Оставалась самая «малость» — обзвонить все организации, занимающиеся транспортировкой подобных грузов за рубеж.

И Быкодоров заводит блокноты. На каждом из них старательно

выводит: «Министерство иностранных дел», «Министерство морского флота», «Союзвнештранс», «Главное таможенное управление»...

И начинаются длинные, изматывающие телефонные переговоры.

— В Танзанию? У нас такие перевозки осуществляет Балтийское морское пароходство. Звоните в Ленинград, — наконец-то посоветовали в Министерстве морского флота.

В Ленинграде к просьбе свердловчан отнеслись с большим вниманием.

— Посылку, говорите, доставить? Хорошее дело! В Танзанию? Если есть грузы, мы туда обязательно заходим. Двадцать тонн? Какой пустяк! Готовьтесь, в августе — сентябре обязательно захватим. Раньше? Надо подумать. Но особо не обольщайтесь...

Положив трубку, Володя облегченно вздохнул. Дело наконец сдвинулось с мертвой точки. А то совсем отчаялся. Времени до отправки посылки в «Колледж Свободы имени Соломона Махлангу», находящийся в маленьком танзанийском поселке Мазибу, оставалось пять-шесть месяцев — можно спокойно собрать контейнер и ждать звонка из Ленинграда.

Но жизнь часто вносит свои коррективы. Она не стоит на месте. Постоянно испытывает нас на прочность.

Звонок из Ленинграда перевернул спокойное и размеренное течение жизни.

— Корабль отправляется через двенадцать дней, — сообщили из пароходства. — Везите контейнер, оформляйте документы.

«Что можно сделать за такой короткий срок? — спрашивал себя Быкодоров. — Во-первых, найти, загрузить и отправить в Ленинград контейнер. Второе — документы. Здесь все намного труднее. Бюрократическая машина может забуксовать...»

Володя рывком поднялся со стула.

— Да на тебе лица нет, — усмехнулся Николай Хальзов, когда Быкодоров буквально ввалился в его кабинет.

— Выручай... — только и смог выговорить Володя.

За несколько тревожных часов удалось раскрутить маховик бюрократической машины.

— Собирайся, Быкодоров, в Москву, — сказали в обкоме комсомола. — Будешь толкать шестеренки. Для того чтобы получить эти самые документы, тебе необходимо одолеть всего лишь десять министерств. Сущий пустяк — по одному министерству в день!

— Хорошо, — Быкодоров был готов на все. Лишь бы не стояло дело.

В тот же день, купив билет, Володя вылетел в Москву...

— Самое трудное, не поверишь, — Володя, глядя на меня, заразительно смеется, — было преодолеть не косность работников министерств, а бдительность вахтеров! Иногда в министерстве все улаживалось за полтора-два часа, а на вахте простоишь часа три...

На десятый день мытарств заветный коносамент, то есть бумага с указанием груза и разрешением отправки его за рубеж беспошлинно, был наконец получен!

И снова рейс самолетом Москва — Свердловск.

Но и ребята не дремали. Сами отправили контейнер в Ленинград.

Абонент из Ленинграда сообщил:

— Контейнер пришел. Но отправлять не будем. Нет бумаги. А корабль уходит утром.

— А если мы привезем бумагу? — голос Быкодорова дрогнул. — Успеете загрузить?

— Корабль уходит утром, — повторили из пароходства.
— Разве ничего нельзя сделать? — с отчаянием в голосе спросил Володя.
— Надо подумать. Везите бумагу.
— Все, я полетел в Ленинград. — Быкодоров бросил трубку на рычаг. — Надо торопиться. Ленинградцы решают непредсказуемо быстро.
...Мягко коснувшись колесами бетона, самолет покатил по взлетно-посадочной полосе.
Дождавшись разрешения на выход из самолета, Володя кинулся ловить такси.
— В порт, — бросил он водителю.
— Из Свердловска? — спросили в порту.
— Да.
— Ваш контейнер загрузили еще вчера. Корабль стоит на рейде. Вас туда доставят.
В Свердловск Володя вернулся победителем. И сразу же в коридоре столкнулся с Андреем Коркиным.
— Ну, поздравляю, Быкодоров, — Андрей пожал ему руку. Загадочно улыбнулся. — Молодец! Кроме тебя, с этим делом никто бы не управился так быстро. Такие возможности пропадают, можно сказать, зря. Такие возможности...
— А можно без намеков? — попросил секретаря Быкодоров.
— Можно, — кивнул Андрей. — Бери-ка, брат, операцию «Коммунары» в свои надежные руки!
Вот так, нечего сказать, поздравил.

Генерал Гайда быстро поднялся на второй этаж, прошел по длинному узкому коридору. Адъютант, забежав вперед, толкнул тяжелую высокую дверь.
— Докладывайте, полковник. — Гайда опустился в кресло.
Уполномоченный по охране государственного порядка полковник Домантович нервно вышагивал по кабинету. Он выглядел крайне уставшим и издерганным.
— За две недели, — полковник остановился у окна, — нами произведены аресты более двух тысяч человек.
— Вы действуете слишком медленно, — генерал слегка притопнул высоким лакированным сапогом. — Слишком...
— Но... ваше превосходительство, — полковник развел руками, — не хватает тюрем. Городской централ уже не вмещает всех... желающих. И кроме того...
— Используйте подвалы полицейского управления, острог на Верхисетском заводе... — Гайда со злостью посмотрел на полковника. — Расстреливайте, в конце концов! Делайте же что-нибудь, черт возьми!
— Мы задействовали под временную тюрьму товарные вагоны. Загнали их в тупик и... — раздраженно говорил полковник.
— Хорошо, хорошо, полковник. — Гайда слегка наклонил голову. Улыбнулся, растягивая тонкие губы. — Не будем ссориться. Я дам указания городскому голове Лебединскому, он подыщет подходящие помещения.
— Это было бы весьма кстати. — Домантович уже овладел собой. — Благодарю...

ОПЕРАЦИЯ «КОММУНАРЫ»

Осень 1985 года была, пожалуй, самым трудным периодом подготовки операции «Коммунары».
Еще год назад, выезжая с Анфисой Николаевной Боровских на Ивановское кладбище и разыскивая бывших участников гражданской войны на Урале, Быкодоров все чаще задавался вопросом: какую форму должна принять и в каком направлении будет развиваться его деятельность по осуществлению операции «Коммунары»?
Намечалось несколько направлений. Во-первых, поиски всех захороненных на кладбищах города Свердловска: Ивановском, Михайловском, Никольском.
Во-вторых, необходимо было точное документальное подтверждение всех событий и фактов, связанных с теми людьми, чьи захоронения им удастся отыскать. Тут ошибки быть не должно. Как историк Володя прекрасно понимал: операция «Коммунары» не просто перезахоронение — это серьезнейший политический акт, который, безусловно, вызовет большой общественный резонанс. В-третьих, нужны деньги. Сколько их потребуется, Володя пока не знал. Все будет зависеть от проекта и масштабов работ по сооружению мемориала.
И главное — люди. В поиски придется включать многих. Сюда должны входить историки, старые большевики, работники партийных и государственных архивов. Поддержат ли? Поймут ли?..
Быкодоров метался среди этих, казалось бы, неразрешимых вопросов — советовался, спорил, настаивал. И по мере углубления в суть проблемы очередные вопросы нарастали, словно снежный ком.
И тут ему пришла мысль: взять за организационную основу то, что уже было проделано и осуществлено в операции «Солидарность». Ведь, по сути, под рукой все еще находился коллектив энтузиастов. И терять его было бы непростительной ошибкой.
Осенью того же года вновь созданный штаб операции «Коммунары» приступил к конкретной поисковой работе.
Но для Быкодорова созданием штаба дело не ограничивалось. По-прежнему не было выработано четкой и ясной задачи операции, ее коренной сути. А без нее, Володя знал, заручиться поддержкой городских организаций не удастся. Возникнет масса вопросов. И на каждый придется дать ясный, вразумительный ответ. И если дело провалится, то это в первую очередь будет вина его — Быкодорова.
Нетерпеливый Коркин поторапливал:
— У вас уже есть списки коммунаров. Надо только найти место на кладбище.
— Нет, дело сложнее, чем кажется, — отвечал Володя. — Тут нужна политическая концепция.
— Концепция, концепция, — раздражался Коркин. — Ну и упрям же ты! Как хоть она выглядит, твоя концепция?
— Мне кажется, ограничиваться лишь рамками первоначального поиска не стоит. Очень важно не только спасти захоронения коммунаров, но и показать один из возможных путей тактичного, бережного и комплексного решения проблемы старых кладбищ, — пояснил Быкодоров.
— Каким образом? — Андрей заинтересованно подсел к столу.

— Очень просто. Надо начать с благоустройства части кладбища, скажем Ивановского, как самого старого и исторически наиболее ценного, а затем путем архитектурного решения разработать перспективу превращения кладбища в парк Памяти.

— Но... эта работа займет не один год, — задумался Андрей. — А как же с обелиском?

— Обелиск ставить не будем. Он проблемы не решит. Необходимо строить мемориал, который станет отправной точкой для всей последующей работы.

— Мемориал?..

— Да! Как мне кажется, мы обязаны увековечить память не только известных всем людей, но и тех, кто был незаслуженно забыт в последующие десятилетия. То есть — рядовых революции. Мы должны спасти все, что возможно. Спасти захоронения всех коммунаров. Властями уже принято решение о сносе Михайловского кладбища. Промедлим — потеряем память о сотнях достойных людей.

— О сотнях?.. — удивился Андрей.

— По моим предположениям, уже в первой очереди мемориала мы сможем увековечить память по меньшей мере двухсот человек.

— И сколько, по-твоему, будет стоить это сооружение?

— Это будет зависеть от проекта.

Однажды к комсомольцам зашел первый секретарь Свердловского горкома партии Владимир Дмитриевич Кадочников. Поговорили о проблемах, о задачах, какие стоят перед комсомолом в период перестройки, о личных делах и заботах каждого. В конце разговора Владимир Дмитриевич спросил:

— Ну, как продвигается ваша операция «Коммунары»?

Ребята переглянулись.

— Ладно, чего уж там, — усмехнулся первый секретарь. — Выкладывайте.

Пришлось показывать уже имеющиеся документы, наброски и черновики. И сразу возникли вопросы, уточнения. Первый секретарь вникал во все тонкости. Ребята здорово переволновались. Ждали, сейчас Кадочников махнет рукой на их затею и начнет упрекать в фантазерстве.

— Что ж... — Кадочников посмотрел на притихших ребят. Поймал на себе их настороженные взгляды. — Дело хорошее. Мы вас обязательно поддержим. Я посоветуюсь с председателем горисполкома и главным архитектором города. Пора ставить вашу инициативу на твердую почву.

Первый секретарь сдержал обещание. Вскоре ребят пригласил к себе председатель горисполкома Павел Шаманов. Тут же, в кабинете, находился главный архитектор города Геннадий Белянкин.

— Хотелось бы знать подробнее, молодые люди, что же вы замыслили конкретно? — спросил Шаманов.

— Мы замыслили мемориал, — ответил первый секретарь горкома ВЛКСМ Николай Хальзов.

— Мемориал? — Павел Михайлович улыбнулся. Посмотрел на главного архитектора. — Вам, Геннадий Иванович, приходилось проектировать мемориалы?

— Приходилось... Вполне можем осилить эту задачу.

— А может, обойдемся простым обелиском? — спросил Шаманов у ребят. — Вы хоть понимаете, сколько потребуется на это сил? И кроме того, деньги у вас есть?

— Денег нет, — признался Хальзов. — Но мы их заработаем. Подключим всю комсомольскую организацию города.

— Хорошо, — согласился Шаманов. — Если мы увидим в вас серьезных деловых партнеров, поддержим. Даю слово.

За короткий срок горкому комсомола удалось включить в операцию «Коммунары» всю комсомольскую организацию города. Далось это непросто. Ездили по предприятиям, объясняли суть задуманного, советовались, просили помощи, убеждали.

С самого начала было решено: никаких указаний и директив сверху не спускать. Считать главным — прямое живое общение с низовыми комсомольскими организациями. Именно такой метод работы должен был, по их мнению, принести желаемые результаты.

И надежды полностью оправдались. Комсомольцы начали сбор средств в фонд операции. Деньги отчислялись за счет проведения трудовых вахт, субботников.

Сдержал свое слово и исполнительный комитет. 3 сентября 1986 года он закрепил решением ранее данное обещание: «В связи с подготовкой к 70-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в городской комсомольской организации планируется проведение операции «Коммунары». Центральным делом операции является постановка на Ивановском кладбище памятного знака героям революции и гражданской войны, захороненным на кладбищах города Свердловска.

Принимая во внимание, что Свердловским горкомом ВЛКСМ предусматривается в рамках проведения операции «Коммунары» организация широкого фронта поисковых работ по выявлению коммунаров, захороненных на свердловских кладбищах, а также проведение комсомольцами города субботников, трудовых вахт и других мероприятий, исполком городского Совета народных депутатов решил:

поддержать инициативу городской комсомольской организации, посвященную 70-й годовщине Великого Октября, о постановке на Ивановском кладбище памятного знака героям революции и гражданской войны...»

С этого дня операция «Коммунары» стала делом всей комсомольской организации города.

Но в горкоме ВЛКСМ прекрасно понимали: решение исполкома — это лишь полдела. Ведь до сих пор не было самого главного — проекта. В решении исполкома поручалось Свердловской организации Союза архитекторов РСФСР совместно с Союзом художников провести открытый конкурс на проект памятного знака. И это радовало. Но для разработки проекта требовалось время. Попытались все же определить срок — до середины ноября. Потом, если удастся, выбрать сразу подходящее архитектурное решение.

А сегодня еще необходимо было «уговорить» тех, кого исполком определил в помощники. А их ни много ни мало — четырнадцать человек.

Это дело взял на себя Быкодоров. Заручившись решением исполкома, пошел по предприятиям и организациям города. Решение решением, а личные встречи играли тоже немаловажную роль. На это ушло еще две недели.

Самым сложным, как казалось Володе, было уговорить начальника СМУ-3 Александра Стамбульчика. В решении исполкома СМУ-3 отводились лишь общестроительные работы. А так хотелось, чтобы эта организация стала генподрядчиком. Уж очень много доброй славы ходило о ней.

Александр Львович выслушал внимательно и сразу проявил искреннюю заинтересованность.

— Значит, есть мысль определить нас в генподрядчики? — спросил он.

— Да, — кивнул Быкодоров. — Очень хотелось бы...

— Договорились! Иначе и быть не может. Нам рабочая совесть не позволяет ходить во втором эшелоне.

Если перед строителями и архитекторами стояла задача чисто профессиональная, то для комсомольцев все усложнилось хотя бы тем, что никто из них никогда не занимался поисками такого масштаба. Энтузиастов было много. Сейчас трудно перечислить всех, кто включился в благородную и трудную поисковую работу. Но назвать все же надо. Особенно тех, кто остался верен операции «Коммунары» от первого до последнего дня. И очевидно, в будущем продолжит эту работу.

Ирина Командовская — концертмейстер Свердловской консерватории. По собственной инициативе пришла в горком и предложила:

— Буду работать с родственниками коммунаров.

Таня Мальцева — ученица свердловской школы № 30, секретарь комсомольской организации и активная участница операции «Солидарность». Она просто не мыслила себя вне нового интересного дела. После занятий в школе спешила в горком. Готовила документы, беседовала с родственниками коммунаров, посылала запросы в различные архивы страны. Домой возвращалась лишь поздно вечером.

Аня Соколова все лето 1987 года отдавала работе. Впереди ждал десятый, выпускной класс. Но и осенью, на самом сложном этапе, она каждый день работала в горкоме.

Вадим Винер — работник Государственного архива Свердловской облвсти, ставший впоследствии консультантом всей операции.

Сергей Кривоспицкий — бывший офицер Военно-Морского Флота, Максим Федоров, Таня Сидорова — медсестра, Эвелина Бабихина — работник облисполкома. Эти и многие другие ребята были просто незаменимыми в проведении операции «Коммунары».

Приобщившись к истории, они многое усвоили и для себя. С пожелтевших архивных документов, с красноармейских книжек, из писем коммунаров, с их фотогрвфий пристально глядело на ребят прошлое. Прошлое, овеянное легендарной славой и мощью Великого Октября, грандиозностью дел и свершений. Перед ними проходили судьбы сотен незаслуженно забытых людей, бойцов революции и гражданской войны на Урале. И через эти судьбы ребята глубже познавали историю своего края, они вдыхали воздух революции, они вновь, с каждым найденным документом, переживали то далекое незабывамое время.

С каждым новым днем операция «Коммунары» набирала темпы. В ходе конкурса был выбран и утвержден проект молодых архитекторов, комсомольцев Андрея Молокова и Андрея Кармацкого.

Их проект привлекал нестандартностью решения и очень бережным отношением к кладбищу.

Еще несколько месяцев назад Молоков и Кармацкий, заинтересовавшись работой горкома, предложили Быкодорову:

— Послушай, Володя, а не превратить ли нам Ивановское кладбище в мемориальный парк Памяти?

Идея была очень заманчива. Он решил узнать, во что обойдется предложение молодых архитекторов.

— В двадцать — двадцать пять миллионов рублей, — был ответ.

Но квк бы ни была сложна на первый взгляд эта идея, вырабатывая концепцию мемориала, Быкодоров все же заложил в нее предложение молодых архитекторов, еще тогда, в самом начале, опередив дальнейшую перспективу развития операции «Коммунары».

Осенью 1986 года, когда проект утвердили, Молоков и Кармацкий приступили к изготовлению макета в пластилине. А в декабре выяснилось, что у ребят не хватает пока умения в подготовке документации.

Помог главный архитектор города Геннадий Белянкин. Он убедил молодого архитектора Николая Феофилактова помочь ребятам. Несмотря на молодость, Николай был довольно опытный специалист. Включившись в разработку проекта мемориала, Феофилактов помог довести работу «до ума».

В феврале 1987 года макет был готов. А несколькими днями позже сессия депутатов городского Совета на очередном заседании утвердила макет и решение исполкома горсовета от 3 сентября 1986 года. Предстоял новый, пожалуй, самый ответственный этап — привязка проекта к местности. Эту задачу взяли на себя комсомольцы и молодые архитекторы Свердловского филиала института Гипротюменьнефтегаз.

Дальше начались непредсказуемые события. Первая же прикидка проекта на кладбище показала, что в зону строительства попадает не сорок-пятьдесят могил, как мыслилось в самом начале, а двести пятьдесят.

Стояла зима. Январские метели намели огромные сугробы. Но время не ждало. Требовалось немедленно сверить существующий старый план кладбища с реальным. Теперь это становилось задачей номер один. Утопая по пояс в снегу, ребята обследовали кладбище. Раскидывали лопатами снег, чертили схемы.

Володя Быкодоров не находил себе места. Плохо спал ночами. «Что делать?» — этот вопрос мучил его днем и ночью.

Дело принимало плохой оборот. Неужели это конец всем усилиям, всей проделанной работе?

В тот вечер Быкодоров с архитектором засиделись допоздна. Удручен был и Николай Феофилактов.

— Что делать будем? — в который уже раз спрашивал Быкодоров. — Что?..

— Надо думать. — Николай облокотился о стол, подпер голову руками — Ду-мать...

— А если сделать отдельный мемориал для тех, кто попадет в зону строительства? — Быкодоров с надеждой посмотрел на Николая Феофилактова.

— Может, в этом и есть смысл, — Николай пожал плечами. — Не знаю... Все, Володя, будет зависеть от родственников. Ведь придется вскрывать каждую могилу. Каждую! А их двести пятьдесят,

Как ты их мыслишь перезахоронить? Всех вместе или каждого в отдельности?
— Пока не знаю. Но... и так ясно, что не в братскую могилу.
— Вот видишь. А во сколько обойдется одно перезахоронение?
— Рублей триста-четыреста...
— А теперь помножь все это на двести пятьдесят плюс непредвиденные расходы. И выльется это примерно в двести тысяч рублей. То есть те деньги, которые планирует заработать вся комсомольская организация города на строительство мемориала.
— Значит, выхода нет?
— Выход есть. Захоронения не трогать вообще. — Николай взял лист бумаги и стал быстро рисовать. — Смотри. Мы делаем так: осторожно снимаем оградки и памятники, и, даже не срывая холмиков, засыпаем все это грунтом. Сверху монтируем «плавающую» плиту. А фамилии захороненных на этом месте переносим на периметр мемориала. Каждую фамилию на отдельную мраморную плиту. Все двести пятьдесят. — Николай взял Быкодорова за локоть. — Пойми, надо на что-то решаться. Кладбищу грозит гибель. Мемориал — спасение! Если родственники не согласятся, значит, тем самым они подпишут приговор не только могилам своих родных и близких, но и самому существованию Ивановского кладбища. А ведь ему более ста пятидесяти лет!
— Хорошо. — Володя оторвался от чертежа. — Хорошо. Я поговорю с родственниками...
Примерно через месяц встреча эта состоялась. Но стоило только Быкодорову рассказать о первом варианте, связанном с перезахоронением, в зале поднялась буря возмущения.
— Вам никто не позволит глумиться над могилами! — резко поднявшись со стула, сказала пожилая женщина. — Я не согласна. Тревожить прах не разрешу.
Володя стоял у стола, растерянно глядя в зал. Наконец шум утих.
— Есть второй вариант, — голос у Быкодоровв сорвался. — Это так называемая «плавающая» плита...
Володя, вглядываясь в лица собравшихся, говорил долго и, как ему казалось, путанно и длинно. Но чем больше он сомневался в успехе, тем заметнее теплели взгляды людей, сгонялись упрямые морщины с лиц.
— Вот это другой разговор! — выкрикнул пожилой мужчина. — Так сразу бы и говорил. Лично я согласен. — Он поднял вверх руку, обернулся к залу: — Кто еще?
Идею Николая Феофилактова поддержали все собравшиеся. Это была удача. Значит, она получила право на существование. Теперь дело оставалось за тем, чтобы побеседовать с каждым, кого не было на сегодняшнем собрании.
4 мая 1987 года в публикации «Доверим память молодым» газета «Вечерний Свердловск» обратилась ко всем тем, кто еще не знал о судьбе захоронений родственников.
Стали поступать письма из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Челябинска, Перми. Из десятков других городов страны. Кроме благодарностей, в письмах были и разрешения о переносе фамилий на плиты мемориала.
Говорят, беда не приходит одна. Однажды вечером, возвратившись домой, Быкодоров обнаружил в дверях записку с такими

словами: «Володя, дело плохо, завтра мы должны быть в обкоме КПСС со всеми документами и макетом мемориала. Андрей».
Утром, встревоженный, он пришел в горком. В кабинете первого секретаря Николая Хальзова увидел Андрея Коркина. Спросил:
— Что стряслось?
— Понятия не имею, — Андрей пожал плечами. — Но есть предположение, что будут «снимать стружку».
В кабинете первого секретаря обкома партии Юрия Владимировича Петрова, кроме секретарей, находились главный архитектор города Геннадий Белянкин и первый секретарь обкома ВЛКСМ Михаил Матвеев.
— Я пригласил вас по поводу вот этого материала,— Петров положил перед собравшимися ксерокопию какого-то текста. — Это письмо поступило в обком неделю назад. Обвинения, предъявляемые в ваш адрес, достаточно серьезны. Поэтому нам следует отнестись с полной ответственностью ко всем вопросам, которые возникнут в ходе обсуждения сложившейся вокруг строительства нездоровой обстановки. Мы должны устранить их именно сейчас. В самом начале строительства, когда сделаны лишь первые шаги по подготовке площадки. Потом будет поздно. Ознакомьтесь с текстом письма.
Наступила тишина, нарушаемая лишь шелестом переворачиваемых страниц.
Володя вчитывался в каждую строчку, чувствуя, как боль и обида щемят сердце. В письме были и правда, и ложь, простое неведение и передергивание фактов. Было и страстное желание человека убедить, воззвать к совести, к патриотизму. Многие фразы убеждали, брали за живое, но тут же разрушались другими — крикливыми, бездоказательными, рассчитанными лишь на внешний эффект.
Задуматься было о чем. Многое из того, о чем писал автор письма, Владимир передумал и пережил еще много месяцев назад.
Но вот выступил Хальзов. Он коротко проинформировал о ходе операции.
— Попытайтесь мне ответить на ряд вопросов, — предложил Юрий Владимирович. — Неужели нельзя было перенести строительство мемориала в какое-нибудь другое место? Почему выбрали именно южную сторону Ивановского кладбища?
— Кладбище расположено в центре города. Это место обусловлено исторически и географически. Здесь захоронено большинство участников революции и гражданской войны, — ответил Хальзов. И кроме того, как стало известно от старожилов, возле кладбищенской стены, где планируется сооружение мемориала, белогвардейцы расстреливали большевиков.
— Понятно. А почему бы не разместить мемориал на уже существующей площади Коммунаров в комплексе с Вечным огнем?
— Мы и об этом думали, Юрий Владимирович, — ответил Хальзов. — Но там находится братская могила. В ней покоится прах уральцев, отдавших жизни в борьбе за Советскую власть. Эта братская могила неприкосновенна. Она дань героизму и памяти своего времени. В новом же мемориале будут захоронены люди — не только уральцы, которые жили и трудились после революции и гражданской войны, оставили заметный след в истории нашей Родины. Так что соединять разновременные захоронения нельзя.
— А много ли у вас жалоб?

— Это письмо первое, — Хальзов кивнул на стол. — Больше не было.

— Давайте съездим на кладбище, — предложил Петров. — Там на месте и разберемся. Как говорится, лучше один раз увидеть...

Лето 1987 года было напряженным. В мае началась расчистка площадки под строительство мемориала. А в июне приступили к строительству и бетонным работам.

Но и поисковая работа не останавливалась. Ее тоже прибавилось. В штаб операции постоянно обращались родственники бывших участников революции и гражданской войны. Каждое заявление, просьбу требовалось проверять тщательнейшим образом.

В августе была создана специальная комиссия горкома КПСС, горисполкома, горкома ВЛКСМ по утверждению списка коммунаров для занесения их имен на пилоны мемориала. Комиссию возглавил заведующий партийным архивом Свердловского обкома КПСС Станислав Алексеев.

Ответственным секретарем был назначен Володя Быкодоров. В состав комиссии вошли коммунисты города, члены культурно-бытовой комиссии старых большевиков И. Лопатин и Н. Ошивалов, ученые-историки доктора исторических наук А. Бакунин, И. Плотников, Н. Попов, второй секретарь горкома ВЛКСМ А. Коркин, директор Государственного архива Свердловской области С. Кулагина, директор Государственного мемориального музея имени Я. М. Свердлова — Г. П. Лобанова, директор историко-революционного музея Н. Узикова, работники горкома партии.

В короткий срок комиссии предстояло тщательно проанализировать и утвердить список имен 250 коммунаров.

Полным ходом шло и само строительство. К началу осени были полностью завершены бетонные работы. Началась реконструкция старой стены кладбища. Проблем с рабочей силой не возникало. Каждый день на стройплощадку выходили 30—35 добровольцев-комсомольцев от свердловских предприятий.

С первого и до последнего дня самое активное участие в строительстве принимали работники Свердловского горкома ВЛКСМ Николай Подоляк и Сергей Елисеев. И если на Николая легла тяжесть всех строительных работ, то Сергей, выполняя обязанности снабженца, мотался по предприятиям и организациям, выбивая опоры, латунь, бетон...

А когда на заключительном этапе строительства выяснилось, что из пятидесяти двух плит с фамилиями коммунаров успели отлить только десять, первый секретарь горкома комсомола Николай Хальзов поехал на Высокогорский завод, где уже несколько дней находился инструктор горкома Саша Никитин. Вдвоем они сумели поставить дело так, что за трое суток были отлиты недостающие сорок две плиты.

Комсомол еще и еще раз доказал, каким значительным потенциалом располагает, если к нему относятся с пониманием, когда ему помогают, не надоедают мелочной опекой.

Конец весны 1919 года стал решающим в ходе боев на Восточном фронте. Возглавляемая Михаилом Васильевичем Фрунзе Южная группа войск нанесла колчаковской армии, рвавшейся к Волге, сокрушительный фланговый удар. В ходе боев, измотав противника,

Красная Армия перешла в общее наступление и в начале июня вышла к Уфе.

Активизировала свои наступательные действия и 5-я армия под командованием М. Н. Тухачевского.

Чувствуя, что Екатеринбург не удержать, белые с остервенением обреченных расправлялись с мирным населением.

В городских тюрьмах не прекращалась «работа». Арестованных выводили по ночам к стене Ивановского кладбища и расстреливали...

И в лесах вокруг Екатеринбурга устраивались массовые казни ни в чем не повинных людей. Менее чем за год только в Екатеринбурге белые казнили свыше 11 тысяч человек. А в целом по Екатеринбургской губернии белый террор унес 25 тысяч человеческих жизней.

14 июля 1919 года к Екатеринбургу подошла дивизия под командованием В. Азина. Атака началась в ночь на 15 июля. И была столь стремительной, что белые даже не смогли организовать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Грозной лавиной красная кавалерия ворвалась в город со стороны Верхисетского завода и по Сибирскому тракту. К шести утра с последним очагом сопротивления белых на станции Екатеринбург-1 было покончено. Город вновь стал советским.

А 20 июля рабочий Екатеринбург хоронил погибших борцов.

Звучали траурные марши. Склонив голову в скорбном молчании, стояли около свежевырытых могил те, кто освободил столицу Урала от белых армий и кому предстояло, завершив гражданскую войну, восстанавливать разрушенное войной хозяйство, бороться с голодом, тифом, бандитизмом и детской беспризорностью, возводить корпуса новых заводов и кварталы городов, ковать победу в Великой Отечественной. И чьи имена впоследствии будут занесены благодарными потомками на пилоны мемориала Памяти.

Однажды осенью в горком позвонила Анфиса Николаевна Боровских.

— Володя, — попросила она, — может быть, свозишь меня на стройку? Не могу сама. Уже ноги не держат. Вдруг не доживу до того дня...

— Доживете, Анфиса Николаевна, — оптимистически заверил ее Быкодоров. — А на мемориал мы обязательно съездим.

Но теплая осенняя погода установилась только во второй половине октября.

...Они вышли из машины у самого мемориала. Медленно, отдыхая на каждой ступеньке, поднялись на верхнюю площадку. Внизу в легкой осенней дымке раскинулся новыми кварталами огромный Свердловск.

— Спасибо вам, — тихо сказала Анфиса Николаевна. — Спасибо, что сберегли память. Низкий вам поклон...

●

Рахим ЭСЕНОВ

БУМЕРАНГ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА КАРА-БОГАЗ-ГОЛА

Наш многоместный автобус, тяжело подпрыгивая на ухабах, приближался к Бекдашу, в этот затерянный в прикаспийских далях поселок. Дорога, хрустевшая под шинами белым ракушечником, то приближалась к морю, то отбегала в пустыню, вновь возвращаясь к синеватой глади. Слева, побпескивая в лучах неяркого весеннего солнца, простирался Каспий. Справа сплошными валами застыли пески, а в зыбком мареве плыли верблюды.

Море и пустыня — они вечны, как жизнь. В древние времена наши пращуры жили по берегам пра-Амударьи и пра-Узбоя, полноводных рек, которые впадали в древний Хазар — Каспий и орошали пустыню. Это был благодатный край. Здесь зеленели тучные нивы, процветали богатые города, соперничавшие с Индией, древним Ираном и Европой.

С веками плодоносные реки высохли или изменили свои русла, вместе с водой ушла отсюда и жизнь, исчезли цветущие оазисы, пески заполонили жилища, посевы. И море обмелело, отступило от своих берегов. Туркмены откочевали на Мургаб, Теджен, к горам Копетдага. Лишь немногие оставались верны своей колыбели — синему морю...

Вот какие мысли вызвали у меня родные места моих предков — Кара-Богаз-Гол, успевший обрести мрачную славу «устрашающего горнила Азии». Помню, как в начале семидесятых годов газеты и журналы страны запестрели заметками с интригующими заголовками: «Кара-Богаз будет озером», «Замóк для Кара-Богаза» — «Черной пасти», «Плотина через пролив»... Ныне жителя Средней Азии рукотворными озерами не удивишь: их много родилось по воле человека в некогда безжизненных Каракумах и Кызылкумах. И все они, пресноводные, дали жизнь новым оазисам и городам. Но в практике гидростроительства озеро с морской водой создавалось впервые. И впрямь сенсация!..

В один из мартовских дней 1987 года мы — писатели, журналисты, ученые Москвы, Туркменистана, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Калмыкии — спешили к погибающему на глазах Кара-Богазу, отсеченному от Каспия глухой плотиной. «Каспий для нас и для внуков» — эта тема выездного заседания совета по очерку и публицистике Союза писателей СССР собрала в поселке Бекдаш на берегу Каспия всех, кто был обеспокоен судьбой Кара-Богаза, кого волновали проблемы экономики и экологии Прикаспия.

Мы сделали остановку на широкой дамбе. Здесь в марте 1980 года стена из железа и бетона преградила путь неистовой, бурливой Аджидарье. «Горькой рекой» туркмены называли пролив, извечно несший каспийские воды в Кара-Богазский залив. Сейчас это жалкий проток, получивший жизнь от одиннадцати труб, проложенных под дамбой. Это сооружение построено осенью 1984 года, лишь после того, как от Кара-Богаза осталась мелкая зловонная лужа.

Вот так же ноябрьским днем 1979 года я стоял перед широкой, бурливой Аджидарьей. У пролива деловито сновали тракторы, вездеходы, бульдозеры, рокотали земснаряды, извивавшиеся подобно гигантским океанским спрутам. С двух берегов, навстречу друг другу, они намывали дамбу. Кара-Богаз-Гол ниже уровня моря на три с лишним метра, поэтому бег морской реки стремителен.

Чтобы переправиться на правый берег, нужен паром, а он только что отчалил от правобережья, и мы с Валерием Павловичем Фединым, в ту пору старшим геологом Кара-Богазской партии Туркменской геологической экспедиции, не теряя времени на ожидание, едем вниз по течению Аджидарьи, туда, где она вливалась в залив.

Под колесами «уазика» ветер разметывал белесые морские пены и гнал их к суше, к видневшимся вдали останкам проржавевших судов, некогда севших на мель, а теперь плененных зыбучими песками. Нарастал гул воды, он стал настолько шумен, что перекрывал рокот мотора. И вот нашему взору открылась неповторимая картина, словно сошедшая с полотен знаменитых маринистов. Вода, срываясь с горбатых уступов, пенилась и бурлила необузданной горной рекой. Ее ширина превышала двести метров. Дальше пролив разветвлялся на два широких русла, образуя посередине огромный остров с птичьим базаром. Тут лысухи и серые утки, белоснежные лебеди и величавые пеликаны, шустрые нырки и отъевшиеся до неуклюжести бакланы... А вдали розовым

облаком в лучах солнца заалел и скрылся из глаз косяк афганок, прилетевших на зимовье.

У водопада, у порожистых камней, заметалось гибкое тело крупного осетра, тщетно пытавшегося выбраться из каменного мешка. Тюлень, гревшийся на камнях, завидев нас, неохотно плюхнулся в воду и, недовольно пофыркивая, поплыл к противоположному берегу.

Вскоре подошел паром, и мы переправились на правый берег, где у самых истоков пролива, на берегу Каспия, некогда стоял город с десятитысячным населением.

Из песчаного моря, словно мираж, всплыл мертвый город Кара-Богаз-Гол, отмеченный на иных картах кружочком. Двухэтажные дома, полузанесенные песками, обдуваемые «моряной», зияли пустыми глазницами окон и дверей. С душевным трепетом ходим по улицам уже давно, еще с сорок первого года, переставшего существовать города.

В памяти встает рассказ Меланьи Петровны Слепчук, старожилки исчезнувшего города, приехавшей сюда еще в далеком тридцать пятом году молодым специалистом.

— Кара-Богаз-Гол мы в шутку называли маленькой столицей. Город в прикаспийской глуши собрал творческих людей из Москвы, Ленинграда. Это была пора исканий, пора революционной романтики...

Да, все здесь в прошлом. Вот тут была школа, там — клуб. Дальше — детский сад, больница, банк, тут работала электростанция, у которой теперь забил из земли горячий целебный радоновый источник.

И все же где люди? Они ушли отсюда, покинули город вместе с заливом, отступившим на многие десятки километров. Седой Каспий и его детище Кара-Богаз-Гол катастрофически мелели и так отходили от своих берегов, что людям трудно было угнаться за ними: глубокие бухты, где грузили на суда сульфат, стали сушей, а там, где зимой волны залива выбрасывали на берег мирабилит, из которого получали сульфат, теперь властвовала пустыня. А где нет воды, там нет жизни. И город исчез, чтобы возродиться на новом месте, вдохнуть жизнь в другой, молодой город на берегу Каспия — Бекдаш, один из центров химической промышленности Туркменистана.

...Залив, некогда простиравшийся на восемнадцати тысячах квадратных километров, глубоко вторгавшийся в пустыню, по своей величине превосходил самое крупное в Европе Ладожское озеро. С севера и востока к нему подступают неоглядные пустынные плато Мангышлака и Устюрта, а с юго-востока его окружают Каракумы — «Черные пески». Сами названия: Кара-Ада — «Черный остров», Кулан Гырлан — «Погибель куланов», Гыз Олен — «Место гибели девушки» — подчеркивают безотрадность и трагичность здешних мест. Климат здесь суровый: летом веет, словно из гигантской раскаленной духовки, зимой трескучие морозы сковывают ледяным панцирем даже морскую воду. Берега его унылы, по ним можно идти сутками и не встретить человеческого жилья. Ни одна река не приносит в залив своих вод, и ни одна не берет от него начала.

Кара-Богаз-Гол, пугавший своих первых исследователей, все же открылся человеку. И когда человек проник в его тайну, то ахнул... В заливе, воды которого считались мертвыми, «черными»,

были сокрыты несметные сокровища. Исследователи доказали, что воды залива — это «живая таблица Менделеева», из нее можно получать бор и бром, редкоземельные элементы, золото и серебро, хлористый магний и сульфат магния, окись магния и сульфат калия, астраханит и рубидий... В его «безжизненной» рапе, порою издающей «весьма приятный фиалковый запах», оказывается, есть микроскопические водоросли, богатые каротином, содержащие в себе ценный витамин.

...Помнится, час с лишним мы летали с геологом Фединым на самолете Ан-2 над заливом. Приземлившись, я разыскал в вагончиках приехавшего на стройку управляющего трестом Западкаракумгидрострой Хоммата Бабаева, моего давнего знакомого, который начинал свою трудовую биографию прорабом с первых километров рукотворной Каракум-реки. Он все такой же — рослый, с сильными крутыми плечами, с ясным взглядом и тяжелой хозяйской походкой. Так ходят люди, уверенные в себе, удовлетворенные тем, что делают на этой земле. И тогда, возглавляя гидростроителей, перекрывающих Кара-Богаз, он был уверен: совершает правое дело.

Вечерело. Мы с Хомматом Бабаевым доехали к Аджидарье, остановились вблизи строящейся дамбы на правобережье. На левом берегу, где работал еще один земснаряд, виднелась такая же земляная насыпь.

— Когда они соединятся, — Хоммат Бабаев вытянул вперед руку, — общая длина дамбы составит пятьсот пятьдесят метров, а по урезу воды — двести десять, высота плотины превысит шесть метров... Это будет внушительное сооружение из песка, камня и железобетона, шириною по верху тридцать метров, а по дну почти двести. Земснаряды уложат в тело дамбы около четверти миллиона кубометров земли...

Хоммат Бабаев — опытный инженер, за свою жизнь возвел не одно гидротехническое сооружение, а вот плотину в морском проливе он строил впервые. Даже мировая практика гидростроительства не знала подобных примеров. Пришлось разрабатывать свои методы возведения плотины, отсыпки грунта, обуздания бурливого потока пролива. Тогда среди инженерно-технических работников, гидростроителей, проектировщиков разгорелось своего рода соревнование, конкурс на оригинальный вариант перекрытия. Вносились предложения одно мудренее другого, каждому хотелось внести свою лепту в дело обуздания беспокойной Аджидарьи. Правда, не всех опьянял ажиотаж вокруг Кара-Богаз-Гола, находились и люди, увидевшие в том покушение на природу. Но их благоразумные доводы тонули в шуме голосов временщиков, считавших доблестью «покорить» природу, заставить ее служить человеку любой ценой.

Остановились на старом, испытанном методе намыва плотины, но с некоторыми творческими дополнениями, с учетом особенностей Каспия, его гидрогеологического режима. Вдохновителями и руководителями всех новшеств были руководители Главкаракумстроя, которые этим немало гордились.

И вот к безлюдным берегам Кара-Богаз-Гола двинулись бульдозеры, земснаряды, экскаваторы, вездеходы-амфибии — гидростроители стали готовить грунт, камень, монтировать бетонный узел... И штурм пролива начался.

Проект, разработанный институтом Союзгипроводхоз, предусмат-

ривал прохождение по проливу до ста девяноста кубометров воды в секунду. Но уже тогда было известно, что уровень Каспия поднялся более чем на сорок сантиметров: по проливу проходило в секунду до трехсот кубометров. И гидростроители с нетерпением ждали, когда им поможет сама природа — ударят морозы, замерзнет Волга и спадет уровень Каспия. Так, во всяком случае, считали, надеялись. К тому времени дамбы, тесня водный поток с двух берегов, ближе подойдут друг к другу, оставив между собой проран шириною в пятьдесят метров. Вот тогда начнется решающий штурм морской реки, поток которой станет еще бурливее. Обычно скорость течения воды в проливе один метр в секунду, а в проран она устремится в три раза быстрее.

— Вот смотри, что мы тогда будем делать! — Хоммат Бабаев выхватил из моих рук блокнот и для наглядности схематично нарисовал Аджидарью, технику, сконцентрированную на ее берегах. — Все три земснаряда — это наша тяжелая артиллерия — сосредоточим на правом берегу. Отсюда они поведут намыв плотины. А технология намыва отработана у нас отменно... Затем к прорану подойдет трубчатая плотина, своеобразное сооружение из железа и бетона, там ее затопим, чтобы скорость течения погасить. Одновременно с понтона и с обеих дамб в проливе полетят бетонные кубы, каждый весом в две с поповиной тонны, и специальные сборные железобетонные конструкции... Затем в бой ринутся бульдозеры, на чьи «плечи» падут основные земляные работы. Три земснаряда же завершат перекрытие — будут намывать грунт, пока плотина не встанет над водой глухой стеною и не перекроет пролив.

— Значит, дамба будет глухой? — переспросил я.

— Да, такой, что ни одна капля воды не просочится в Кара-Богаз-Гол. Таков проект... Вначале поговаривали, что плотина будет со шлюзом. Бакинские проектировщики даже предложили свой проект с водорегулирующим сооружением. Его отвергли, дорого стоит, мол... Говорят, к кара-богазским делам само высокое начальство руку приложило. Тут уж мы бессильны. Мы всего-навсего исполнители... Но в перспективе, говорят, намечается сооружение шлюза-регулятора, — поспешил успокоить Хоммат Бабаев. — Тогда можно будет пропускать оптимальное количество воды, чтобы вовсе не потерять залив. А пока у нас нет ни проекта, ни команды для строительства такого сооружения. Построим плотину — снимемся. А ведь чего проще нашей строительной базе, созданной с таким трудом, приступить к возведению устройства для подачи в залив небольшого количества воды.

Армада техники, людей, сделав свое дело, отгородив залив от моря глухой стеной, ушла с берегов Кара-Богаза, ушла, так и не построив шлюза-регулятора.

Вскоре, весной 1980 года, газеты запестрели сообщениями: «Соленое чудо на замке»; «Кара-Богаз стал озером»... Еще одна победа над природой! Эта «победа» влетела в кругленькую сумму — в один миллион двести сорок три тысячи рублей! Это не все, были еще, не считая победных фанфар и рапортов, награды и премии. Одна из них — премия Совета Министров СССР, врученная руководителям управления Главкаракумстрой. И его начальник Ата Чарыевич Чарыев, лауреат этой высокой премии, пытался переубедить меня, что эта премия получена вовсе не за «победу» над Кара-Богазом, а, мол, «за разработку технологии намыва зем-

снарядами на Амударье, Волге... и на Кара-Богазе, где работал-то всего один земснаряд... Согласитесь, — продолжал мой собеседник, — где Волга, а где Кара-Богаз-Гол?» В последнем он прав, но я-то прекрасно помню, что на Кара-Богазе работало три земснаряда, и мне не очень понятно, почему те, кто вольно или невольно сыграл не последнюю роль в трагедии Кара-Богаза, сегодня открещиваются от него, не могут набраться мужества признаться: «Да, это была ошибка, роковая ошибка!» Одни делают вид, что ничего страшного не произошло, другим просто хотелось бы забыть о происшедшем, дескать, тут мы лишь всего-навсего исполнители.

Все это вспомнилось мне на дамбе, под которой глухо урчала каспийская вода, рвавшаяся в высохший залив по своему извечному пути, проложенному тысячелетиями. Не увидел я тут, как прежде, птичьих базаров, хотя на дворе стояла весна и над Каспием с гомоном носились стаи пернатых. Вокруг — ни клочка зелени. В небе безрадостно висел тусклый шар солнца.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

...Мысль отсечь Кара-Богаз-Гол от Каспия, избавиться на «веки вечные» от ненасытной «черной пасти» зародилась не сегодня.

О Кара-Богазе ходили всякие небылицы, одна страшнее другой. Суеверных людей пугало все: таинственность залива, окруженного дикой пустыней, и бездонная «пучина», будто поглощавшая все живое, появлявшееся на водной глади.

Восточный берег Каспия вызывал живой интерес. Сюда снаряжались экспедиции, пытавшиеся разгадать тайну Кара-Богаза. Редко кому удавалось обследовать весь залив. В 1715 году к диким берегам залива причалил военный корвет во главе с поручиком Преображенского полка Александром Бековичем-Черкасским, прибывшим сюда по заданию Петра I, чтобы отыскать старое русло Амударьи, некогда несшей воды в Каспийское море.

В 1847 году лейтенант Игнатий Александрович Жеребцов на пароходе «Волга» вошел в залив и обошел его вдоль берега. С именем Жеребцова связаны первые научные представления о заливе. В своих дневниковых записях русский путешественник писал, что вода в заливе «очень густая, вкусом едко-соленая, попадавшая сюда рыба через четыре-пять дней слепнет, и ее выбрасывает на берег мертвой». Из этого Жеребцов сделал вывод: вода залива очень вредна и отравляет несметные косяки каспийской рыбы. Кстати, он первым рекомендовал отгородиться от моря дамбой со шлюзом, считая, что таким путем можно поддержать уровень моря.

Русские исследователи, изучая повадки Каспия, постепенно приоткрывали и завесу тайн Кара-Богаз-Гола. О нем уже стало известно многое: о постоянном стоке в него вод Каспия, о необычной их засоленности, гибельной для рыб, об огромных залежах на дне солей, которые долго принимались за поваренную.

В Санкт-Петербурге и Москве, в Министерстве земледелия и Российской Академии, в научных и деловых сферах вокруг таинственного и экзотичного Кара-Бугаза, как называли его тогда, вспыхивали жаркие споры. Одни считали, что залив надо отделить от Каспия и превратить в бассейн для добычи соли, другие до-

казывали, что Кара-Богаз, являясь естественным и единственным испарителем, оказывает на Каспий благотворное воздействие.

Против подобных проектантов решительно выступил выдающийся русский ученый и путешественник Григорий Силыч Карелин. Он всегда мечтал о том, чтобы открытия русских ученых служили добру и прогрессу народов окраин старой России.

— Закупорка залива, — говорил он, — вызовет перемену свойств воды и прекратит образование глауберовой соли...

Невеждам и делягам была не по нутру гражданская отвага русского исследователя и патриота, отстаивавшего Кара-Богаз. В конце прошлого века в Комитете каспийских рыбных промыслов существовало твердое мнение: перекрыть пролив, дабы положить этим конец массовой гибели рыбы.

Кара-Богазская экспедиция, возглавляемая гидрологом полковником Б. Шпиндлером (в нее вошли геолог Н. Н. Андрусов, химик А. А. Лебединцев, зоолог А. А. Остроумов и другие видные русские ученые), получила задание изучить «рыбную» проблему, а также надобность возведения заграждения на пути каспийской воды в залив и как это препятствие повлияет на уровень Каспия, который, как известно, то мелел, то поднимался. Кстати, еще в 1720 году по приказу Петра I за Каспием было организовано наблюдение. В XVI—XVII веках его уровень был на 25—27 метров ниже уровня Мирового океана, а в XIX веке он поднимался к отметке минус 23 метра. В двадцатых-тридцатых годах нашего столетия уровень Каспийского моря удерживался примерно на 26 метрах ниже уровня океана, принятого за абсолютный ноль отметок, а к концу тридцатых годов резко понизился — почти на один метр. Тогда и остров Челекен стал полуостровом — так обмелел Каспий.

На колесном военном пароходе «Красноводск», снабженном опреснительной установкой, экспедиция пробыла в заливе сорок дней и провела исследования в ста семи пунктах, наблюдения не прекращались и в пути, во время плавания по Кара-Богаз-Голу. Ученые впервые в истории изучения залива собрали богатейший материал, представивший Кара-Богаз кладезем несметных богатств. Велик был вклад в науку о загадочном заливе. Ученые представили двенадцать подробнейших карт Кара-Богаза, составивших основу современных, которыми мы пользуемся и поныне.

Особую ценность, конечно, имели физико-химические исследования А. А. Лебединцева, обнаружившего в водах Аджидарьи и залива наличие хлора, свободного кислорода, сероводорода, аммиака, многих органических веществ... Он впервые установил, что на дне Кара-Богаза не поваренная соль, как считалось, а глауберова соль и гипс. «Этот поистине замечательный водоем, носящий название Кара-Богаз, как по размерам садки, так и по оригинальным гидрографическим, физико-химическим и метеорологическим условиям не имеет себе подобного на свете», — восторженно отозвался он о заливе.

Ученые отметили, что расход воды в заливе не отражается на уровне моря. Если представить залив отсеченным глухой плотиной, то за счет стока рек и осадков Каспий может подняться немногим более чем на два дюйма. Но это лишь теоретически. На деле же эти дюймы нисколько не скажутся на Каспии, так как эта вода растечется по его низким песчаным берегам, уйдет на испарение. Уровень моря связан со многими другими факторами, к примеру атмосферными осадками в других регионах земного шара.

С годами интерес к Кара-Богазу не ослабевал. В конце XIX века на Всемирном геологическом конгрессе о соленом чуде Каспия узнали геологи всего мира.

С начала XX века на Кара-Богазе зародилась береговая добыча глауберовой соли, организованная частными предпринимателями. Они соперничали между собой, враждовали: каждому хотелось овладеть таким берегом, куда прибой выбрасывал больше всего мирабилита.

Во время первой мировой войны было не до Кара-Богаза. Но не забыла о нем КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил России, созданная в 1915 году при Российской Академии наук. Ныне КЕПС, действующая при Президиуме Академии наук СССР, называется несколько иначе — Комиссия по изучению производительных сил и природных ресурсов.

Так вот КЕПС, объединившая уже в те годы российские научные силы, занятые и исследованием залива, в 1916 году подготовила и издала специальный сборник статей и отчетов, посвященный проблемам Кара-Богаз-Гола.

Настоящее рождение Кара-Богаза все же связано с Великой Октябрьской социалистической революцией. У истоков освоения богатства залива стоял В. И. Ленин. Несмотря на огромную занятость делами молодой Российской республики, Владимир Ильич живо интересовался заливом, затерянным в Закаспийской пустыне.

Ленин в апреле 1918 года в своей работе «Очередные задачи Советской власти», обратив внимание на колоссальные природные ресурсы России и ее окраин, указал, как велики запасы химического сырья на Кара-Богазе. «Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники, — писал он, — даст основу невиданного прогресса производительных сил...»

За словом последовало дело. В том же году при научно-техническом отделе ВСНХ был создан специальный Кара-Богазский комитет, который возглавил ученый с мировым именем, академик Николай Семенович Курнаков. Он объединил вокруг себя крупные научные силы России и 26 ноября 1918 года решил созвать первое заседание комитета. Нелегко было в голодной Москве разыскать людей, участвовавших ранее в обследовании Кара-Богаза. Но они во главе с академиком Курнаковым занялись формированием первой советской научно-технической экспедиции на Кара-Богаз-Гол.

Об уникальной базе химического сырья Ленин составлял представление не по справкам, докладным помощников, а по живым свидетельствам, письмам трудящихся, по прессе, отражавшей саму жизнь. И Ленин не отгораживался от нее различными подкомиссиями и комиссиями, а держал руку на чутком пульсе времени. Он, можно сказать, синхронно реагировал на выступления печати, реагировал конкретно, темпераментно, воспринимая все «чрезвычайно страстно». Это и был тот самый ленинский стиль работы, ленинской деловитости, о чем мы много говорим, пишем сейчас, в пору перестройки, но которых, к сожалению, не хватает пока в деле решения проблем Кара-Богаза.

13 августа 1921 года «Правда» опубликовала статью Гольдебаева «Наши богатства». В ней автор приводил выдержки из письма

Ельфимова, участника специальной экспедиции на Кара-Богаз-Гол, сетовавшего, что ценные соли залива, так необходимые молодой республике, не используются.

Ленин тут же откликается на выступление газеты: «В редакции «Известий» и «Правды» и т. Ипатьеву. В газетах «Известия» и «Правда» была на днях заметка относительно неиспользованных богатств Кара-Бугаза... Если можно, я бы просил передать автору или сообщить ему через газету, что мне очень важно иметь подробные сведения как о том, насколько технически подготовлен к этому вопросу автор, так и то, как долго он изучал вопрос на месте».

20 августа того же года начальник отдела химической промышленности ВСНХ академик В. Н. Ипатьев сообщил Ильичу, что, несмотря на громадные сырьевые запасы залива, практическое использование их затрудняется из-за отсутствия в этом районе воды, нехватки топлива и транспорта.

И все же заботами Ленина был поставлен вопрос об ускорении снаряжения экспедиции на Кара-Богаз: Ильич знал, как нужны соли для химической промышленности, без развития которой все планы восстановления разрушенного хозяйства, строительство социализма в стране одна лишь маниловщина.

Пока шла подготовка к экспедиции, 29 сентября 1921 года «Правда» напечатала и статью М. И. Лациса, председателя Главсоли, который поднимал вопрос о значении Кара-Богаза, называя его «золотым дном». Залив, образующий на своих берегах глауберову соль, завозимую в то время за валюту из Германии, мог бы дать эту дефицитную химическую продукцию — важнейшую статью нашего экспорта.

В тот же день, в день выхода статьи, В. И. Ленин пишет Н. П. Горбунову, тогда уже управляющему делами Совнаркома: «Надо выяснить дело насчет Кара-Богаза. Если очень заняты, можно отложить на несколько дней, но не больше.

Лацис в «Правде» от 29.IX опять повторяет «Золотое дно». Возьмите в секретариате СНК свою недавнюю переписку с профессором Ипатьевым (членом коллегии ВСНХ), специалистом и главой нашей химической промышленности.

Он мне отвечал: нельзя пустить в ход теперь.

Главсоль ошибается или кто?

Взять данные Главсоли и посмотреть на их солидность или поступить как-либо иначе?

Осведомитесь и скажите мне...»

И снова Ильич являет нам образец непримиримости ко всякой косности, бюрократизму и равнодушию; прозорливо заглядывая в век грядущий, думал, заботился о завтрашнем дне страны, ее народов.

В конце 1921 года Совнарком по предложению Ленина отпустил сорок тысяч рублей золотом на снаряжение экспедиции, которая сразу же отправилась в Кара-Богаз-Гол. Это было в тот тяжкий год, когда все Поволжье, Приуралье, начиная от Астрахани и кончая Пермью, объял голод, засуха выжгла хлеба и пастбища.

Благодаря прозорливости Ленина Кара-Богаз был включен в дерзкий план освоения пустынь...

БУМАЖНАЯ КАРУСЕЛЬ

Вода Каспия стала заметно убывать с пятидесятых годов, сначала опустилась до отметки минус двадцать восемь метров, а к 1977 году — еще на один метр ниже уровня океана. В то же время соленость Азова возросла более чем на треть. Процессы эти в обоих морях сопровождались одновременным падением, причем заметным, улова осетровых.

Было с чего забить тревогу: отступление Каспия сказывалось на судоходстве, корабли не могли пристать к обмелевшим причалам: ухудшились условия рыбного промысла, упали уловы рыбы.

Проекты спасения Каспийского моря, один мудренее другого, появлялись как грибы после дождя. Так родилась идея переброски стока северных рек в Волгу. Реальной ее считали те, кто предсказывал одновременное снижение уровня Каспия и повышение солености Азовского моря. Чем обосновывали это? Сухость климата, говорили проектанты, в Прикаспийском регионе катастрофически повышается, а поэтому и Волга из года в год будет все меньше приносить в море воды, к тому же она еще разбирается на орошение и другие хозяйственные нужды. К 1990 году, предупреждали они, уровень моря достигнет низких, критических для рыбного хозяйства отметок. Не исключалось и дальнейшее отступление Каспия. Как в это не поверишь, когда море мелело буквально на глазах при жизни одного поколения. Поэтому, какие только проекты не рассматривались: и отсечение слишком мелких лагун и заливов, и ограничение площади акватории Кара-Богаза... Ссылались на высказывания гидротехников, еще в предвоенные годы предлагавших «ликвидировать расположенный у восточного берега моря единственный его крупный залив Кара-Богаз-Гол».

Авторы переброски стока северных рек вкупе со своими прогнозистами, отстаивая пресловутый проект века, пренебрегли накопленными за два с половиной века фактическими данными наблюдения за Каспием и происходящее время от времени понижение уровня моря возвели в некий абсолют. В угоду узковедомственным интересам они отвергли уже имевшиеся прогнозы динамики уровня Каспия, которые, по утверждению компетентных специалистов, были основаны на представлении о циклическом ходе климатических процессов. Увлеченные своей идеей, авторы проекта закрыли глаза на реальное положение вещей: вот уже почти десять лет в этих двух морях-озерах протекали процессы, прямо противоположные тому, что предсказывалось в разработках: с 1978 года вода Каспия стала прибывать, а к 1982 году соленость Азова заметно уменьшилась. Вольно или невольно предали забвению прогнозы крупнейшего советского географа, академика Л. С. Берга, за полвека вперед предсказавшего повышение уровня Каспия. Его прогноз был конкретен: в последней четверти XX века спад моря сменится подъемом. Куда еще яснее!..

Можно понять горестные строки доктора геолого-минералогических наук, профессора С. Н. Чернышева: «Увы, прогнозы Л. С. Берга и его последователей, основанные на гелиогеофизических связях, не были приняты во внимание Минводхозом СССР. Это министерство считало необходимым спасать Каспийское море путем переброски...»

Академик Берг не единственный ученый, задолго предвидевший

поведение моря. Ученые Б. А. Шлямин, С. В. Антонов, К. И. Смирнов и другие еще в начале шестидесятых годов прогнозировали обмеление и наступление моря. В 1962 году Б. А. Шлямин научно обосновал свой прогноз: до тридцатых годов будущего столетия уровень Каспия будет повышаться на два метра выше минимального и почти на метр выше современного. Словом, по утверждению ученого, приблизительно через полстолетия уровень моря будет таким, каким он был в начале XX века.

«Абсолютный минимум моря, — говорит профессор Чернышев, — Б. А. Шлямин прогнозировал за шестнадцать лет до его наступления с высокой точностью по времени и абсолютной величине. Ошибка его прогноза укладывается в десять сантиметров. Это ли не пример точного научного прогнозирования?..»

Прогнозы остаются прогнозами, а Каспий тем временем продолжал мелеть. Минус двадцать восемь с половиной — критическая отметка уровня моря, ниже — еще хуже для рыбного хозяйства.

И Минрыбхоз СССР забил тревогу. Рыбников понять можно: обмеление Каспия резко сказалось на промысле ценных рыб, на их запасах. В 1977 году, когда уровень моря упал до минус двадцати девяти, уловы сазана и леща сократились в два раза, воблы — в четыре, судака — в девять раз. На глазах мелели нерестовые банки, осетровые, скапливающиеся стадами в морской акватории, прилегающей к заливу, вместе с потоком воды попадали туда и погибали. Конечно, чем меньше будет поступать воды в Кара-Богаз, тем лучше для рыбного хозяйства. Идеальный вариант, опять же, разумеется, с ведомственной точки зрения, — воду в залив вовсе не пускать.

Минрыбхоз СССР предложил преградить доступ морской воде в Кара-Богаз. С прогнозами ученых, предсказывавшими наступление Каспия, они познакомиться не удосужились... К тому же рыбников дезинформировал Институт водных проблем Академии наук СССР, предсказавший дальнейшее интенсивное обмеление. Жизнь показала научную несостоятельность этих гаданий. Теперь уже доказано, что эти прогнозы были выполнены математически ошибочно. Сошлюсь на совместное постановление бюро отделения математики и бюро отделения химии АН СССР с участием ведущих математиков страны, которые подтвердили научную несостоятельность методики прогнозирования уровня Каспия и солености Азова, принятую институтом Союзгипроводхоз Минводхоза СССР при обосновании проекта переброски части стока северных рек в бассейн Волги. «Признать, что упомянутая методика, разработанная Институтом водных проблем, содержит существенные недостатки и не может быть положена в основу народнохозяйственных мероприятий».

Передо мной фотокопии документов: вся переписка, завязавшаяся по поводу Кара-Богаза между республикой, министерствами, ведомствами, проектными организациями, Госпланом и Советом Министров СССР.

Бумажная круговерть родила 16 ноября 1977 года постановление Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по охране Каспийского моря от загрязнения». В нем сказано: «Министерству мелиорации и водного хозяйства СССР совместно с Министерством химической промышленности и Министерством энергетики и электрификации СССР в трехмесячный срок внести в Совет Министров СССР предложения по строительству в 1978—1980 годах плотины в проливе Кара-Богаз-Гол».

Правда, в этом документе не было оговорено, какой должна быть плотина. Известно, что подобные гидротехнические сооружения бывают различных типов. Словарь русского языка толкует слово «плотина» следующим образом: «Сооружение, которым преграждают течение, движение воды для подъема ее уровня. Бетонная плотина. Плотина со шлюзами...» Коротко и ясно. Энциклопедические, технические словари поясняют более детально: «Плотина может быть глухой, лишь перегораживающей течение воды, и водосборной, предназначенной для сброса избыточных расходов воды, и со шлюзом-регулятором, предназначенным для пропуска заданного количества воды...»

Московский институт Союзгипроводхоз избрал верный путь в выборе типа плотины, разработал наиболее оптимальный вариант шлюза-регулятора и представил материалы технико-экономического обоснования (ТЭО). Минводхоз СССР одобрил их. И 10 мая 1978 года министр Е. Е. Алексеевский направил в Совет Министров СССР документ: «О строительстве гидроузла в проливе Кара-Богаз-Гол». Ссылаясь на разработанное ТЭО нового гидротехнического сооружения, согласованное с Минхимпромом, Минэнерго, Минрыбхозом СССР и Советом Министров Туркменской ССР, Минводхоз СССР считал целесообразным приступить к строительству первой очереди шлюза-регулятора общей стоимостью 15,3 миллиона рублей. Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР изъявляло готовность взять на себя функции заказчика по строительству гидроузла и приступить к его сооружению в 1981 году.

Что ж, из документов ясно, что Минводхоз взял под свою защиту залив и во всей неприглядной истории с Кара-Богазом выдвинул одно-единственное верное предложение, от которого вскоре беспринципно отступится.

В то же самое время активно работала экспертная подкомиссия Государственной экспертной комиссии (ГЭК) Госплана СССР, возглавляемая академиком Е. К. Федоровым. Подкомиссия, состоявшая из тринадцати ученых, инженеров, рассмотрев все представленные по Кара-Богазу материалы, признает их необоснованными, отвергнет идею строительства гидроузла и предложит строить глухую земляную плотину!

Чем же оправдывали столь волевое решение? Отвергая предложение о строительстве плотины со шлюзом-регулятором, рассчитанным на подачу в залив пяти кубических километров воды в год, а это почти одна десятая часть стока Волги, подкомиссия считала это расточительством, дескать, девяносто девять процентов воды и без того уходит на испарение. Зачем выбрасывать на ветер миллиарды кубометров драгоценной влаги? Неразумно, мол, тратить на Кара-Богаз дефицитную воду, когда «принципиально возможно использование сухих солей для получения той же продукции, что из рапы залива. Поэтому представляется необходимым рассмотреть вариант полного перекрытия пролива Кара-Богаз-Гола с использованием вековых запасов солей в сухом состоянии».

Эта идея — насколько она вредна, покажет жизнь — принадлежала академику Федорову. Отстаивая ее, он писал: «Разработка донных отложений, которая станет возможной после осушения

залива, даст комбинату новую жизнь...» Вот, оказывается, до чего можно договориться!

Написал эти строки и подумал: а стоит ли ворошить старое? И все же решил, что стоит! Чем полнее мы узнаем горькую правду, тем надежнее и вернее будем судить о настоящем, строить реальные планы на будущее. Все познается в сравнении. Но не извлечь уроков из прошлого — значит ничему не научиться, значит быть равнодушным и снова впасть в те же ошибки.

Побывав на Кара-Богазе не раз, встретившись там и в Ашхабаде со многими учеными, специалистами, я убедился, как воля одного человека или группы людей, объединенных ведомственными или престижными интересами, навязывалась большинству и от этого страдало дело. Отметая мысль о преднамеренности их действий, я все же убежден, что были тому веские субъективные причины.

Весной 1978 года в республику наезжал академик Федоров. Он вместе с генеральным директором производственного объединения Карабогазсульфат Терещенко побывал на шестом озере, в Кургузульской бухте, где некогда плескались воды залива. Прохаживаясь по бывшему дну, Федоров опустился на корточки, зачерпнул пригоршню песка с солью, заметил:

— Вот вам полуфабрикат, мешайте его с морской водой или погребенными рассолами — и продукция готова... Он у вас растворится, как сахар в горячем чае...

Терещенко был настолько обескуражен этой нелепицей, что не сразу нашелся с ответом:

— У вас в руках песок с примесью обычной поваренной соли, — подумав, сказал генеральный директор, — нам же нужен сульфат натрия. Если залив будет отсечен от Каспия, то Кара-Богаз из уникальнейшей базы ценного химического сырья превратится в месторождение обычной поваренной соли.

— Не беда, — с олимпийским спокойствием рассуждал Федоров, — не так уж мы бедны, можем сульфат натрия и другую продукцию за границей покупать...

В ту же поездку академик Федоров встретился с учеными, водниками республики. Еще не пришла к определенному выводу экспертная подкомиссия, а Федоров уже ратовал за сооружение в проливе глухой земляной дамбы. Ученые холодно встретили его предложение. Однако мало кто и возразил доводам воинствующего академика. Химики, призванные постоять за Кара-Богаз, не были готовы к разговору.

— Кому нужен Кара-Богаз? — вопрошал Федоров. — Нуждается в нем химическая промышленность? Нет. Сами химики утверждают, что комбинат работает только на погребенных рассолах. Выходит, поверхностные бесполезны, только испаряются. Это непозволительная роскошь. Перекрытие не нанесет никакого ущерба, так как комбинат рапу залива не использует, в морской воде потребности не испытывает.

И еще один «убедительный» довод с не менее эффектными цифрами. Сокращение потерь на испарение, дескать, надо рассматривать как экономию водных ресурсов, а она, мол, будет эквивалентна доле стока северных рек в Волгу. Чтобы построить первую очередь сооружений по переброске в Волгу семи кубокилометров в год, придется затратить двести миллионов рублей. Но эти народные деньги можно сберечь, да еще и приумножить, если перекрыть Кара-Богаз, а сэкономленную воду в засушливые районы Прикаспия подать и оросить ею свыше миллиона гектаров... Далее оратор приводил еще более крикливые цифры, выкладки, бьющие на эффект и подтверждающие его тезисы. Надо же выполнять Продовольственную программу! А глухую плотину построить дело легкое, да и затраты на нее пустяковые — всего один миллион рублей. Не пятнадцать же!

Забегая вперед, скажу: спустя девять лет, в марте 1987 года, на заседании «круглого стола», созванном в Москве КЕПСом, члену-корреспонденту, директору Института водных проблем Академии наук СССР Г. А. Воропаеву, одному из вдохновителей идеи переброски стока северных рек, участники совещания задали вопрос:

— Насколько благоприятно сказалось перекрытие на режиме Каспийского моря и на орошении территории Прикаспия? И сколько от этого получено прибыли в деньгах?

— Перекрытие, по нашим подсчетам, — отвечал Воропаев, — сэкономило шестьдесят кубокилометров, а десятью-двенадцатью кубокилометрами можно орошать до двух с половиной миллионов гектаров...

Участникам совещания — крупнейшим ученым, специалистам страны — хотелось услышать конкретный ответ. Однако Воропаев вразумительного пояснения все же не дал и не набрался мужества признать, что перекрытие принесло огромный вред — экономический, экологический и социальный.

Экспертная подкомиссия легкомысленно и слишком поспешно поставила точку: перекрыть пролив Кара-Богаз глухой земляной плотиной! Обоснование? Плотина сократит потери воды на испарение и замедлит падение уровня Каспийского моря, «как этого требует постановление Совета Министров СССР от 16 ноября 1977 года».

Во-первых, все, кто подписывал заключение подкомиссии, кривили душой или были в полном неведении: к августу 1978 года, дате рождения этого документа, вода в море прибывала, а не убывала. Во-вторых, ученые мужи, с легкостью подписавшие заключение, не утруждали себя осмыслением истинного значения слова «плотина». Из тринадцати членов подкомиссии лишь профессор И. Н. Лепешков в своем «особом мнении» письменно отвергал идею возведения глухой перемычки, настаивал «утвердить имеющийся проект строительства плотины со шлюзом-регулятором», иначе, предупреждал ученый, морской залив станет «сухим озером», а его соли, потеряв редкие элементы, из уникальнейшей базы минерального сырья превратятся в обычное месторождение поваренной соли, как Джаксы-Клыч, Куули, которые тоже некогда были заливами Каспия.

Итак, судьба Кара-Богаза решилась в тиши кабинета, одним росчерком пера. А дальше пошло без сучка и задоринки. Бумага подкомиссии в ГЭК Госплана СССР не задержалась. В сентябре того же года эта инстанция, возглавляемая Г. В. Красниковским, проштамповала заключение подкомиссии, обогатив канцелярию Госплана постановлением, утверждавшим вредную суть Кара-Богаза...

В Госплане постановление ГЭК, как заведено, рождает новую бумагу, подписанную заместителем Председателя Госплана СССР В. Я. Исаевым. А документы идут все выше. Их рассматривают на

В Госплане СССР наконец признали, что залив действительно усыхает и рапа его теряет ценные химические элементы. И это солидное государственное ведомство, только недавно способствовавшее возведению глухой дамбы, теперь считает необходимым строить... водорегулирующее сооружение.

Против этого возражает Минрыбхоз СССР, то самое министерство, из-за чьих ведомственных интересов и разгорелся весь сыр-бор с Кара-Богазом. Воспротивился этому и Минводхоз СССР, привыкший к практической деятельности, исчисляющейся десятками и сотнями миллионов рублей.

12 октября 1982 года заместитель Председателя Совета Министров СССР И. Бодюл соглашается с предложением Госплана СССР о строительстве водорегулирующего сооружения. Но от визы до дела, как говорится, дистанция огромного размера.

А залив тем временем продолжал гибнуть.

В Москве, за мартовским «круглым столом» КЕПСа, кто-то из выступающих привел реплику, некогда брошенную академиком Федоровым: «Чтобы разбудить химиков, надо построить глухую плотину».

И разбудили. Люди, видимо, вдруг поняли, что можно безвозвратно потерять уникальную сокровищницу химического сырья. Первым тревогу забили туркменские ученые во главе с Президентом Академии наук республики, членом-корреспондентом АН СССР Агаджаном Гельдыевичем Бабаевым, возглавившим теперь, после смерти Федорова, Временную научно-техническую комиссию по Кара-Богазу. Нашли они поддержку и у академика Марчука, у московских и ленинградских химиков...

Теперь нашлись и обоснования, и убедительные доводы. Но разве химики раньше не знали, что Кара-Богаз — неповторимое творение природы? На всей планете есть лишь еще два таких чуда — Большое Соленое озеро на западе США и Мертвое озеро в Западной Азии. Оба бессточные, соленые озера.

Кара-Богаз же в отличие от них — единое целое с Каспием. Каспийские воды — это сырье, а Кара-Богаз — природный цех по подготовке сырья, словом, природная химическая фабрика.

Как же вел себя Каспий, ради которого, по замыслу технократов, перекрыли залив? Теперь от него приходилось спасаться. И не перекрытие было тому виною. Нет, просто у моря свои природные процессы, которые за последние семь-восемь лет подняли его уровень более чем на один метр двадцать сантиметров. Четверть века назад нефтяники, газовики, строители, энергетики Западного Туркменистана избрали зоной отдыха лазурные берега мыса Хелес, что в трех десятках километров южнее Челекена. Тихий залив, теплое море, уютный пляж с золотистым песком... Люди быстро освоили это побережье, открыли здесь пионерские лагеря, куда летом вывозили детей. Ныне каспийская вода подмыла, а во многих местах и затопила портовые сооружения, прибрежные поселки, пристани, жилые дома, производственные помещения... Гибнут на Хелесе туранговые рощи... На моей памяти время, когда Челекен был островом, а теперь, гляди, море «отсечет» от «большой земли» город, раскинувшийся на полуострове.

Кто думал, что приключится такая беда? Не ведали, не гадали о том... Теперь понятно, почему жители рыбацкого поселка Гасан-Кули испокон веков живут в домах на «курьих ножках» — в давние времена Каспий не единожды выходил из берегов, и жилища с тех пор возводятся здесь на сваях.

— Каспий затопляет берега, наносит большой ущерб, — с болью рассказывал на «Бекдашском форуме» публицистов главный редактор калмыцкого журнала «Свет в степи» Владимир Нуров. — В соседнем Дагестане под водой скрылся целый совхоз площадью сорок тысяч гектаров. Отсутствие четких научных рекомендаций привело к тому, что у нас, в Калмыкии, разрушены пастбища, истощены запасы рыбы.

Чуть забегая вперед, скажу, что за «круглым столом» КЕПСа, мягко говоря, более чем странно прозвучали слова Воропаева о том, будто подъем уровня Каспия никому никакого вреда не наносит. Так ли это? На полуострове Бузвчи возводится сооружение для защиты республиканской нефтебазы стоимостью в один миллион рублей. Дагестан на строительство береговых оградительных дамб запросил двести миллионов рублей. Сейчас по всему побережью Каспия каждая организация начинает строить свои защитные сооружения. А это миллионы государственных, народных денег!

Читатель вправе спросить: «А как повлияли на уровень Каспия пять-шесть сэкономленных кубокилометров?» Да, они тоже повысили уровень моря... на один-полтора сантиметра. Стоило ли из-за этой капли в море идти на такую авантюру, как переброска стока северных рек? Для интересов государства — нет, но для престижа и собственных целей вдохновителей преславутого проекта эти шесть кубокилометров помогали сохранить проект на плаву, являлись каким-то обоснованием на финансирование, а самое главное — этот проект породил большое число соискателей на диссертации, высокие должности и оклады.

Что же происходило с Кара-Богазом? Его поверхностные рассолы, в отличие от погребенных, всегда содержали больше калия, бора, брома, как говорит профессор И. Н. Лепешков, более половины всех элементов менделеевской таблицы. В них полностью отсутствует сероводород и содержание редких элементов в два раза выше. Словом, они гораздо ценнее. А прекращение подачи воды в залив заметно сказалось на химическом составе этих рассолов, в них увеличились магниевые соли, хлористая (поваренная) соль, но зато уменьшились ценные — соли бора, брома, лития... Производству же нужна не поваренная соль, а сульфат натрия. Обеднение поверхностной рапы, разумеется, повлияло на питающуюся от нее подземную или погребенную. Так было нарушено природное равновесие, складывавшееся веками, тысячелетиями.

Как отразились эти процессы на предприятиях производственного объединения «Карабогазсульфат»? Известно, что оно удовлетворяет сорок процентов потребностей страны в сульфате натрия. Продукция поставляется и всем странам — членам СЭВ. Весь эпсомит, бишофит, вся глауберова соль, идущие на нужды страны, поступают только из Кара-Богаза. А что такое эпсомит? Это все нынешние моющие средства, это химия современной микробиологии. Представьте себе, если комбинат «Карабогазсульфат» прекратит выпуск своей продукции, залихорадит все народное хозяйство страны.

Но лихорадит пока комбинат, здесь перестали справляться с планами, повысилась себестоимость продукции, стало меньше

производиться сульфата натрия... Только на одном сульфатном заводе убыток за один год превысил семьсот тысяч рублей. В чем дело? До перекрытия в одном кубометре рапы содержалось до ста пятидесяти килограммов мирабилита, а теперь лишь сто пять килограммов. Подземные рассолы, теперь уже не подпитываемые поверхностными, обеднели. Приходилось больше качать из скважин рассола, а это вызывало большие расходы, удорожало продукцию. Раньше выкачиваемые рассолы восполнялись за счет поверхностных, а теперь, когда последних не стало, то под скважинами образовывались пустоты, и они стали проваливаться. Их приходилось тампонировать, спасать — это тоже дополнительные расходы. Вон сколько только видимых глазу бед принесло отделение залива от моря. А сколько невидимых! Под землей, в атмосфере, окружающей среде, в самих водах Каспия, лишившегося своего опреснителя.

Крупнейшие ученые, специалисты страны в один голос заявляют, что надо немедленно подавать в залив каспийскую воду. «Без стока каспийской воды и рапы не будет и запасов ее, — говорит академик А. Г. Аганбегян. — Надо пускать в залив воду, строить шлюз». Вот мнение профессора И. Н. Лепешкова: «При подаче пяти-семи кубокилометров воды соли растворятся, восстановятся до прежней кондиции».

Из поверхностной рапы можно получать не только сульфат натрия, но и хлорные, калийные и калийно-магниевые удобрения, хлористый магний и другие дефицитные продукты. Получение их выгодно и целесообразно лишь при комплексной переработке сырья. Ведь из кладовых Кара-Богаз-Гола извлекается лишь толика богатств. А между тем страна испытывает дефицит во многих видах химической продукции.

По расчетам геологов, к 2000 году Кара-Богаз может удовлетворить потребности в химической продукции всей страны и стран — членов СЭВ.

А пока Кара-Богаз — этот уникальный солеродный бассейн, природная модель редчайшего на земле месторождения, на формирование которого ушли тысячелетия, — погибал на глазах. Понадобилось лишь три года, чтобы от этого соленого чуда осталось на Земле лишь пятно...

И вот 25 ноября 1982 года у председателя Государственного комитета СССР по науке и технике Г. И. Марчука созывается совещание. В нем участвуют председатель Совета Министров Туркменской ССР, президент Академии наук Туркмении, представители Минхимпрома, Минводхоза СССР и других союзных и республиканских организаций. И снова на повестке дня вопрос о Кара-Богазе: как спасти его, как создать в районе залива благоприятные экологические условия?..

Не перечисляя всех пунктов этого делового собрания, скажу, что Минводхозу и Минхимпрому СССР было дано конкретное задание: до 1 июля 1984 года разработать проектную документацию на строительство капитального водорегулирующего сооружения, а еще раньше, до 30 марта 1983 года, выполнить рабочий проект временного сооружения для подачи воды в залив.

А время шло... Истек год восемьдесят второй, начался 1983-й... Снова работает экспертная подкомиссия ГЭК Госплана СССР. Теперь ее возглавляет академик Н. С. Ениколопов, в состав комиссии вошли двадцать два крупнейших ученых, специалистов страны.

17 октября 1983 года экспертная подкомиссия представляет свое заключение, признающее идею развития химического производства на базе сухих солей бесперспективной. Подкомиссия предложила построить временное сооружение для пропуска в залив около двух кубокилометров воды в год.

Единодушной ли была подкомиссия? Член экспертной подкомиссии, представитель Минрыбхоза СССР инженер М. Л. Кашинцев письменно изложил свое особое мнение, считая решение подкомиссии о пропуске в залив двух кубокилометров воды волевым.

Против решения подкомиссии высказался еще один ее член — кандидат технических наук А. С. Березнер, главный инженер проекта переброски части стока северных рек. Он считал, что «подача воды в залив никакого положительного влияния на современное химическое производство не окажет». Тревогу сего оппонента хотелось бы понять. Но увы... Кубокилометры каспийской воды, поданные в Кара-Богаз, могли потопить, в крайнем случае «подмочить» и проект переброски, и, главное, докторскую диссертацию самого Березнера, которую он пытался защитить, ни одной научной работы по географии за душой не имея.

Немало удивили меня подписи еще двух членов экспертной подкомиссии — кандидатов Ф. С. Терзиева и Н. П. Голтарева. Тех самых ученых-географов, которые так рьяно выступали против Кара-Богаза, играющего, как они утверждали, «скорее отрицательную, чем положительную роль».

Оглянувшись назад и всматриваясь в день сегодняшний, мне хочется понять людей, по-разному относившихся к Кара-Богазу. Суеверный страх невежественных людей перед «Черной пастью» объясним. Понятен интерес и частного предпринимательства, когда, не заботясь о природе, думали лишь о сиюминутных выгодах. Но как понять нынешних академиков, докторов и кандидатов наук, целый сонм ученых, специалистов, ратовавших за перекрытие, по сути, гибель Кара-Богаза? Что руководило ими? Зачем понадобилось создавать эту проблему?

Разве не восприняли в федоровской подкомиссии особое мнение профессора И. Н. Лепешкова как инакомыслие? За «круглым столом» КЕПСа говорилось, что принципиальность ученого, его гражданская позиция не по душе пришлась академику Федорову: «Может быть, стоит Ивана Никифоровича отстранить от работы в подкомиссии?» — предлагал он.

И все же чем объяснить такой «заговор» против Кара-Богаза? Еще в первые годы Советской власти Ленин, опасаясь бюрократизма, предупреждал: «Мы переняли от царской России самое плохое, бюрократизм и обломовщину, от чего мы буквально задыхаемся».

Для творческой души, чувствительной и живой, бюрократизм противопоказан в любой его форме. Ошибаются те, кто думает, что бюрократизм — лишь детище капитализма, порожденное обществом, построенным на социальном неравенстве. В. И. Ленин, огорчаясь, говорил, что «нас заедает бюрократизм, который преодолеть очень трудно».

Бюрократ настолько изворотлив и изощрен, что, маскируясь под радетеля общего блага, выдает свои тщеславные интересы за государственные, общественные. Разве в искусственно созданной проблеме вокруг Кара-Богаза мы не встречали завуалированных действий бюрократии? Для достижения своей цели современная

бюрократия использует силу власти и, пренебрегая нормами социалистической морали, обходит законы, не учитывая при этом существующих отношений в народнохозяйственном комплексе, и поэтому принимает ошибочное, вредное решение.

Чем же кончилась бумажная круговерть? ГЭК Госплана СССР, как и в прошлый раз, конечно же, утвердила заключение своей годкомиссии, но в постановлении от 26 октября 1983 года оговорила, что перекрытие пролива глухой дамбой все же «было своевременным и правильным...». Как же понять тогда решение экспертной подкомиссии, посчитавшей заключение подкомиссии, возглавленной академиком Федоровым, ошибочным? Впрочем, удивляться не приходится: ГЭК Госплана СССР просто очень хотелось спасти честь мундира.

Знакомый нам по перекрытию залива заместитель Председателя Госплана СССР В. Я. Исаев теперь уже предлагает Совету Министров СССР рассмотреть вопрос о проектировании и строительстве на Кара-Богазе временного сооружения. Совет Министров СССР, как известно, одобрил это предложение. И водохозяйственные организации, взявшись за сооружение объекта, 12 сентября 1984 года завершили строительство водопропускного устройства. Оно подает в залив до 1,6 кубического километра каспийской воды, но в документах называется другая цифра — два кубокилометра.

Таков пока финал баталии за Кара-Богаз-Гол. Хотя вода туда и пошла, хотя и началось медленное восстановление химических свойств поверхностной рапы, ио до решения проблемы залива еще далеко. Меры-то приняты половинчатые, а к половинчатости зачастую прибегают, когда хотят отмахнуться от настойчивого просителя. В этом тоже проглядывает почерк бюрократии.

Вопрос об отсечении залива изучался, решался в недрах Госплана СССР. Здесь же, думая и верно рассуждая о плановости нашего хозяйства, на деле же забыли о планировании, об объективности, оказываясь порою на поводу субъективистских воззрений. Дело ли, что судьбу Кара-Богаза, от которого зависит экономика, природа, социология — будущее целого края, — решала кучка людей. И это в нашем государстве, где все должно развиваться по плану, гласно, демократически.

О какой заботе, планомерности можно говорить, если в Госплане СССР, да и в самой республике... забыли о Кара-Богазе, его перспективах? Посудите сами. В марте прошлого года за «круглым столом» КЕПСа ответственный работник Госплана СССР Ю. М. Арский говорил:

— В настоящее время разрабатывается целевая комплексная программа по рациональному использованию минерально-сырьевых ресурсов в народном хозяйстве на период до 2000 года. В этой программе есть подпрограмма «Рациональное комплексное использование гидроминерального сырья». Головной организацией по этой подпрограмме является Министерство геологии СССР. К сожалению, по этой подпрограмме заданий по комплексному освоению, по комплексной подготовке Кара-Богаз-Гола на сегодняшний день нет. У нас еще есть месяц срока внести коррективы в эту программу...

И товарищ Арский милостиво предлагает республиканским организациям внести за этот срок свои предложения.

Все это хорошо, но неужто КЕПСу надо было созывать такое представительное совещание, чтобы в Госплане СССР вспомнили

о Кара-Богазе. А если бы «круглый стол» не собрался или созвали бы его на месяц-другой позже? Выходит, о Кара-Богазе в Госплане СССР не вспомнили бы до 2000 года? Программа-то уже была бы сверстана. Где были Госплан и Совет Министров республики? Где был секретарь ЦК Компартии Туркменистана Вячеслав Федорович Жуленев, курирующий промышленность республики? Ведь за последние десять лет, годы секретарства товарища Жуленева, на его глазах разворачивалась неприглядная баталия за Кара-Богаз, в которой поверженной стороной оказались природа, экономические ресурсы республики. Что это — беспечность или равнодушие к краю, где живешь, к дому, к людям? Случай-то не рядовой, это — ЧП. Кто возместит убытки, моральные, материальные?

...По запросу прокурора Туркменской ССР первый заместитель начальника Главкаракумстроя Г. Э. Грибач, чьи подразделения перекрывали, а затем открывали залив, представил справку, освещающую злополучную историю с Кара-Богазом. Суть справки сводится к одному: в этом деле мы лишь простые исполнители, есть, мол, постановление союзного правительства, даже телетайпограмма Минводхоза СССР — и все! А то, что сам товарищ Грибач и некоторые другие руководители главка за перекрытие Кара-Богаза получили премии Совета Министров и звание лауреатов! — ни гугу...

Звоню в прокуратуру республики. У телефона — начальник отдела общего надзора Вячеслав Александрович Балакирев.

— Вы занимались вопросами Кара-Богаза?

— Мы лишь запросили еще справку и от Академии наук республики. Но это не считается, что мы разбирались. Вопрос этот, при всем нашем желании, в законодательном порядке решить невозможно. Это дело специалистов. Может, наука решит? Поэтому мы дальше запросов справок не пошли.

Комментарии, как говорится, излишни.

Удивительно, но факт, что судьбу Кара-Богаза всегда решала выгода, будь то экономия воды или дешевизна возведения глухой дамбы и временного сооружения. Невольно создается впечатление, что мало кого волновала природная среда, мало кто задавался вопросом: а что будет с экологией всего этого региона?

К сожалению, экология, то есть методический общенаучный подход к природе, подобно бедной девушке Акламык — туркменской Золушке, долгие годы бедствовала на задворках науки, а технократы считали ее помехой для осуществления своих глобальных проектов, тщеславных идей. Бурное развитие научно-технической революции, новые методы хозяйствования, вся наша современная жизнь, формируя новые, доселе невиданные отношения человека и природы, влияют на современную экологию, вносят новое — экологическую точку зрения в наше понимание идеалов добра и зла. Словом, ныне проблемы экологии, вторгаясь в нашу жизнь, шагая с ней в ногу, становятся и проблемами морали, нравственности.

Чтобы стоять на страже природы, заботиться о ней, возвышать ее как матерь всего живого во Вселенной, нам пристало иметь трезвый ум, доброе сердце. Охрана природы, умножение ее богатств — дело всех и каждого. И если мы призываем формировать у наших людей новое логическое мышление, я это воспри-

нимаю и как воспитание в каждом из нас и нового экологического мышления.

Слишком горьки уроки Кара-Богаза. Они взывают к нашей совести, предупреждают, что волевое решение любых, особенно экономических, экологических и социальных проблем любого региона, келейность, небрежение мнением «хозяев дома» приводит к серьезным ошибкам, надругательству над природой, как это случилось с заливом Кара-Богаз-Гол.

Еще в шестидесятые годы известный американский биолог Б. Коммонер сформулировал четыре основных «закона» экологии, ставшие афоризмами: все связано со всем; все должно куда-то деваться; ничто не дается даром; природа знает лучше.

Природа знает лучше! Быть заливу отсеченным? Или прозябать в состоянии, на какое обрек его человек: довольствоваться 1,6 кубокилометра воды? А почему не одним или четырьмя? Может, все же будет разумнее дать Кара-Богазу столько, сколько отпустила ему сама природа?..

Трое суток над восточным побережьем Каспия носилась пыльная буря. Серая мгла плотно завесила город, даже море, а ветер, налетавший невесть откуда, разметывал по степи стога верблюжьей колючки, срывал с построек шифер, катил по земле гальку, будто это были легонькие, воздушные пузыри.

Такая погода застала меня летом прошлого года в Красноводске, куда я приехал, чтобы еще раз побывать на Кара-Богазе, облететь его на вертолете, воочию убедиться в том, что мне рассказывали ученые.

Когда на «Бекдашском форуме» я услышал цифру 72 миллиарда рублей — столько ущерба стране нанесло перекрытие залива, — я не поверил. После, беседуя с директором Института химии Академии наук республики Агамамедом Ходжамамедовым, уточнил:

— Мы даже цифру явно занизили, — говорил ученый. — Таков далеко не полный урон, нанесенный заливу... Это — миллионы тонн безвозвратно потерянных ценнейших солей. Как говорится, что с возу упало... А потери мы продолжаем нести. Посудите сами, в залив поступает неполных два кубокилометра воды. Она, конечно, повлияла благотворно на качество погребенных рассолов, увлажнила соляные пласты, но ее очень мало, почти вся испаряется. Если будем подавать столько воды, то до 2000 года источником эксплуатации останутся только погребенные рассолы. Так мы сами отдаляем себя от времени, когда восстановятся полноценные поверхностные рассолы, пригодные для получения ценнейшей химической продукции. Чтобы вернуть Кара-Богазу его прежнее, естественное состояние, требуется подавать не менее пяти-шести кубокилометров, то есть столько, сколько поступало ее до отсечения дамбой. Иначе потерь не оберемся. Никто же еще не подсчитывал, сколько убытков понесла от перекрытия окружающая среда.

Действительно, как это сказалось на экологической обстановке? С таким вопросом я обратился в Институт пустынь Академии наук Туркменской ССР.

В просторном кабинете его директора, члена-корреспондента Академии наук СССР Агаджана Гельдыевича Бабаева я обратил

внимание на большое количество диаграмм, карт, снимков залива, сделанных с искусственного спутника Земли «Метеор». Научными отчетами, книгами, журнальными статьями и газетными вырезками, посвященными проблеме Кара-Богаз-Гола, были заставлены книжные полки, столы. Такое же обилие материалов в отделах, лабораториях Института пустынь. Это не случайно, единственный в Советском Союзе и один из немногих в мире Институт пустынь заинтересованно занимается проблемами Кара-Богаз-Гола, возвращения его к жизни. К тому же эта заинтересованность понятна, Агаджан Гельдыевич Бабаев является председателем временной научно-технической комиссии по Кара-Богазу, он — один из немногих ученых в республике, который болеет душой за соленое чудо Каспия, боролся за него, выступал против его отсечения. Но увы...

Агаджан Гельдыевич протянул мне большой черно-белый снимок, сделанный в марте 1987 года с искусственного спутника Земли «Метеор». И после комментария ученого становится ясным многое. Вот четко обозначились контуры Каспия, вот — Кара-Богаза.

Почти весь снимок покрыт облаками, они кудрявятся над Волгой, Уралом, Сарыкамышем, а над заливом и морем — чисто, никакой облачности. Так на многих снимках, и это, по всей вероятности, не случайно.

— Восточное побережье Каспия и прилегающие к нему районы, — поясняет Бабаев, — всегда отличаются засушливостью климата. Тут еще Кара-Богаз долгое время пребывал сухой впадиной. Сейчас заполнена лишь его седьмая часть, а надо бы из восемнадцати тысяч квадратных километров, на которых он некогда простирался, заполнить хотя бы десять тысяч квадратных километров, то есть вернуть ему состояние до перекрытия. Если поспешить с подачей пяти-шести кубокилометров воды, заполнится быстро высохшая часть залива, видная со спутника.

Заглянув в лежавшую перед ним диаграмму, он продолжил:

— До перекрытия поверхностная рапа, а нам важно ее восстановить, содержала восемь миллиардов тонн различных солей, в том числе натрия, магния, кальция, брома и других элементов. Погребенные же рассолы позволяют производить до одного миллиона тонн сульфата натрия в год, а запасов хватит на два с половиной века. Это не считая твердых солевых отложений, запасы которых практически неограниченны.

— А каково мнение по этому поводу московских ученых?

— Кара-Богаз сейчас волнует умы ученых всей страны. Его проблемами занимаются не только в Ашхабаде и Москве, но и в Ленинграде, Харькове. К примеру, анализы туркменских химиков, ученых Института общей неорганической химии имени Курнакова Академии наук СССР и Института океанологии говорят о том, что рассолы, которые были в поверхностной рапе, восстанавливаются. Однако двух неполных кубокилометров явно недостаточно. При пяти-семи кубокилометрах растворятся все оставшиеся в почве ценные компоненты.

Расчеты пустыноведов, их прогнозы построены не на песке, а научно обоснованы, подтверждаются жизнью. Последние два-три года Красноводский район, куда входит и территория Кара-Богаза, охвачен засухой, бескормицей. В прошлом году в районе

залива и далеко окрест редко выпадали дожди, на пастбищах — ни травинки. Не сказалось ли тут перекрытие Кара-Богаза?

— Особенно сухие два последних года, — рассказывал старший научный сотрудник, кандидат географических наук В. Я. Дарымов, — которые наглядно проявились на песчаных массивах Октумкумов, что под Бекдашем. Там были неглубокие колодцы, где пресная вода покоилась на соленой линзе. После перекрытия пролива уровень грунтовых вод понизился, и эти линзы нарушились, перемешались, вода стала непригодной для питья. И скотоводы ушли отсюда.

Северо-западные ветры, — продолжает Валерий Яковлевич Дарымов, — выносят соли с высушенной части залива на Красноводское плато. Заносятся они, конечно, и в стратосферу. Но я не думаю, что это происходит в больших масштабах. Если и разносятся, то на отдельные, ограниченные участки.

Иная точка зрения у заместителя директора Института пустынь, доктора географических наук Н. С. Орловского:

— На высохшей части залива есть площади, занимаемые сыпучими солями — бишофитом, или, как называют его, пушенкой. Это большая беда. Ветры поднимают эту, как пух, соль высоко в небо, и никто не знает пока, куда ее заносит. А в том, что ее гонит в культурную зону, сомнения никакого. Нам известно, что с северо-восточного побережья Арала выносится около пятидесяти миллионов тонн вещества. Соли с Арала обнаружены нами и на туркменской части плато Устюрт, ими покрыты многие участки наших отгонных пастбищ. Так почему же пушенку с Кара-Богаза ветер не может отнести на земли, скажем, Астрахани или Азербайджана? Сейчас соляной коркой покрыта часть высохшей площади залива, но придет время, и она разрушится, превратится в пушенку. Пока не поздно, надо увеличить в залив подачу каспийской воды...

Перекрытие пролива негативно сказалось на общей экологической обстановке региона. «Круглый стол» КЕПСа, точнее, межотраслевое совещание по проблемам комплексного использования сырья Кара-Богаза, созванное в марте прошлого года в Москве, разделило тревогу туркменских ученых по поводу складывающегося экологического неравновесия, а также подтвердило и их наблюдения: из района Кара-Богаза «происходит активный золовый вынос солей на окружающую территорию, изменяется микроклимат и радиационный баланс, началось опустынивание земель. Изменился также пьезометрический уровень погребенных рассолов, ухудшилось их качество».

Буря не унималась и на второй день. О вылете на Кара-Богаз и думать не приходилось. В тот день мне довелось встретиться с Гургеном Нобатовым, старшим чабаном совхоза «Комсомол» Красноводского района.

— Почти тридцать лет чабанствую в этих краях, — жаловался Гурген-ага, — но таких засушливых лет не видывал. Пастбища голы, как плешь, даже перекати-поле не увидишь. Раньше трав, пустынных кустарников было вдоволь, а нынче все это будто корова языком слизала. В районе от бескормицы в прошлом году погибло тридцать с лишним тысяч голов овец, а десятки тысяч овец, чтобы спасти от голодной смерти, распродали в соседние районы... Нынешней весной, — голос старого чабана задрожал, — окотившиеся овцы настолько ослабли, что у них не было молока

выкормить ягнят... Мы ездили в город за сухим молоком, чтобы им поддержать молодняк.

Вот сколько проблем порождает неразумное вмешательство в природу. А ведь за этим стоят и социальные проблемы. В совхозе «Комсомол» из пятидесяти шести тысяч голов овец осталось лишь тринадцать тысяч. Из трех ферм одну пришлось закрыть, чабанов сократить. А в районе сто пятьдесят чабанов остались без работы. Дело они себе, конечно, найдут, но многие уедут из села, подадутся в город.

А ведь это и все, о чем мы уже говорили, — невосполнимые потери. Как за них оправдаться перед потомками? По соседству с нами мы преступно проглядели судьбу Арала. Ему поставлен удручающий диагноз: к 2010 году он исчезнет. Не исключено, что Аральское море регулирует климатический режим и наших районов, граничащих с Каракалпакией.

А Кара-Богаз? Почему залив из общенационального достояния превратился в общенациональную проблему? Ныне проблема Кара-Богаз-Гола, как и проблема Арала, не только социальная, политическая, экономическая, но еще и нравственная проблема.

И в связи с этим мне приходят на память слова Валентина Овечкина: «Почему литераторам слишком уж часто и усиленно приходится заниматься такими проблемами, которыми положено заниматься (и решать их) в первую голову не литераторам — экономистам, политикам, философам, государственным деятелям, министрам и прочим?..» Действительно, почему?..

На третий день, когда небо очистилось от пыльных шлейфов, наш вертолет Ми-8 получил «добро» на вылет. На аэродроме перед самым вылетом командир корабля Виктор Васильевич Жижин, молодой, подтянутый человек с открытым лицом, пятый год работающий с учеными на Кара-Богазе, предупредил:

— Синоптики дают погоду лишь на первую половину дня. После обеда может снова закрутить... Погода тут не балует, особенно после перекрытия залива.

В Бекдаше короткая остановка, берем на борт Байрама Гурбанова, начальника Кара-Богазской геолого-поисковой партии, Аннаберды Аязова, старшего научного сотрудника Института химии Академии наук республики, и еще четырех молодых геологов.

Вертолет долго идет над бывшим дном Кара-Богаз-Гола. Кажется, нет ни конца ,ни края седым солончакам с темноватыми выветрившимися залысинами да воронками с мутноватой жидкостью — жалкими остатками редких весенних дождей да выступившей грунтовкой.

Вдали узкой зеленой полоской завиднелось новорожденное русло пролива. Вода Каспия, подаваемая в залив по одиннадцати трубам, проложенным в теле дамбы, устремилась по ложу пролива. И вот мы над заливом. Здравствуй, Кара-Богаз!

В вертолете шумно, вволю не поговоришь, сорвешь голос, но мы все же ухитряемся переброситься короткими фразами.

— А в середине лета, в самую жаркую пору, — радостно говорит мне на ухо Байрам Гурбанов, — рапа в заливе становится, как прежде, розоватой... Это значит, в Кара-Богаз вернулась жизнь, — и, чуть помолчав, мрачно добавил: — Бывал я тут и после перекрытия, когда залив почти высох. Одни лужи остались, воробью по колено... Рапа в них была цвета ядовито-зеленого.

А запах — зловонный, удушающий. Все вокруг было мертвым-мертво...

Я невольно подумал: кому мешал залив, зачем понадобилось человеческой рукой убивать живое? Ведь на нашей планете все взаимосвязано, поэтому нельзя отсекать заливы от морей, поворачивать реки вспять, перебрасывать их за тысячи километров...

— За перекрытие Кара-Богаза кое-кто получил почетные звания лауреатов, — Байрам Гурбанов, словно читая мои мысли, снова наклонился ко мне. — Кощунство какое — премию Совета Министров СССР за разрушение природы! Будете писать, напомните, чтобы вернули в народную кассу незаслуженно взятые деньги. Пусть знают, что люди помнят. Они могут и простить, но земля — никогда...

Внизу воды не видно, и мы приземлились. Под ногами — спрессованные веками наслоения соли, или, как называют специалисты, кристаллические пласты, временами смачиваемые рапой. Потому эти соли чуть влажноватые.

Виктор Жижин вспомнил свой недавний полет с Владимиром Петровичем Лучковым, научным сотрудником, приезжавшим для исследования Кара-Богаза.

— Летим мы над заливом, — рассказывал командир корабля, — видим, как впереди нас, над его высохшей частью, закрутил смерч и поднял облако соляной пыли, пушенки. Огромное, с километр диаметром, и понес его на запад...

Он же мне и рассказал, что на виноградниках под Баку, на азербайджанских полях обнаружена кара-богазская пушенка. Куда ее еще выносит ветер, никто не ведает...

В Красноводск мы вернулись после полудня. Над головой висело схваченное пыльным нимбом раскаленное светило. С северо-востока повеяло суховеем — предвестником здешнего «дождя» — пыльной бури. Замело поземкой.

Жижин протянул мне лист ватмана, на который была нанесена карта Кара-Богаз-Гола и схематически обозначен путь, проделанный нами на вертолете... Я обратил внимание, что залив по форме напоминает бумеранг.

— Сейчас водная часть Кара-Богаза вытянулась с запада на восток приблизительно на шестьдесят километров, а с севера на юг — на пятьдесят, — пояснил командир корабля. — Общая площадь акватории воды где-то около трех тысяч квадратных километров.

— Но это сейчас, — уточнил Байрам Гурбанов, — летом вода интенсивно испаряется и залив станет наполовину меньше. Его акватория в пять-шесть раз меньше, чем до перекрытия. Да и процесс восстановления солей пока идет медленно. Воды, подаваемой сейчас из Каспия, явно мало, лишь пятая часть ее идет на возобновление поверхностного рассола, остальная испаряется. Высохшая часть залива все еще представляет угрозу для окружающей среды.

Словом, бывшее дно Кара-Богаз-Гола с блуждающими по нему сухими солями всегда может обернуться бумерангом. Его губительные удары для всего живого мы будем ощущать до тех пор, пока Каспий и Кара-Богаз не станут, как прежде, единым целым.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Николай ЗАЙЦЕВ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ПРАВДОЙ

ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА И „ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ"

Будущие историки, оценивая жизнь нашего общества с рубежа XXVII съезда партии и январского Пленума ЦК КПСС 1987 года, наверняка обратят внимание на характер общественно-политической и художественной литературы времени. Найдя в ней много общего с выступлениями в печати конца 50-х — начала 60-х годов, они, вероятно, отметят и некоторые новые черты в работах нынешнего дня. Порадуются скорее всего усилению аналитического подхода в исследованиях актуальных проблем духовной жизни, учтут возросшее число критических статей... Но как знать, не удивит ли их чрезмерная «легкость и раскованность» отдельных авторов, сопровождаемая внешним пафосом отрицания «следствий и последствий» известного в истории нашей страны периода?.. Думается, здесь нет надобности приводить обширные аналогии. История — судья строгий и нелицеприятный, дающий лишь ту отраду ищущему, что всегда указует перстом в одном направлении: идти вперед, а не назад!

Думается, что и в оценке периода 30-х годов не мешало бы придерживаться спокойного, объективного тона, многое об

этом времени написано и сказано в науке вполне справедливо, что ни в коем случае не означает «закрытости» темы.

«Необходимо оценить прошлое с чувством исторической ответственности и на основе исторической правды, — подчеркивается в докладе М. С. Горбачева о 70-летии Великого Октября. — Это надо сделать, во-первых, в силу огромной важности тех лет для судеб нашего государства, судеб социализма. Во-вторых, потому что эти годы находятся в центре многолетних дискуссий как у нас в стране, так и за рубежом, где наряду с поисками истины нередко предпринимаются попытки дискредитировать социализм как новый общественный строй, как реальную альтернативу капитализму. Наконец, нам нужны правдивые оценки этого и всех других периодов нашей истории особенно сейчас, когда развернулась перестройка, — нужны не для того, чтобы сводить политические счеты или, как говорится, надрывать душу, а для того, чтобы воздать должное всему героическому, что было в прошлом, извлечь уроки из ошибок и просчетов».

Особенность же состоит в том, что обсуждение их наиболее активно идет сегодня в ряде литературных произведений, а литература, в силу присущих ей законов творчества, обладает специфическими способностями познавать предмет изнутри, использовать художественный вымысел, который не всегда, к сожалению, может совпадать с исторической правдой. Поэтому есть прямая необходимость рассмотреть художественный историзм наиболее заметных произведений, появившихся совсем недавно.

В последнее время некоторые деятели культуры вновь поднимают проблему культа личности, делая вид, будто не существовало XX съезда партии и постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» (от 30 июня 1956 г.). Иногда считают, что недостаточно ссылаться «на оценки тридцатилетней давности... — нужен современный взгляд на события тех лет» *, давая тем самым понять, что оценка деятельности Сталина должна быть сегодня углублена... Но каким образом? Каждый сознательный человек в нашем обществе хорошо понимает и видит, что «углублять» можно по-разному: в одном случае — вообще отказавшись от известных решений по культу личности ради утверждения негативной оценки деятельности Сталина — в духе выступлений некоторых публицистов «Московских новостей»! В другом случае предлагается увязывать содержание партийных документов, касающихся роли Сталина, со всей историей социалистического строительства — как с достижениями во всех областях жизни, так и с негативными процессами в социально-нравственной сфере последних десятилетий.

Первый взгляд заведомо неверный: в значительной мере он содержит эмоционально построенные высказывания сторонников отождествления культа личности с тем реальным социализмом, который был построен в СССР к концу 30-х годов. Такой взгляд почти не имеет почвы в нашей стране, однако он широко и активно распространяется буржуазной наукой и пропагандой — и потому приобретает определенный резонанс в разных странах.

* Минц И. И. Историческая наука и перестройка. — «Аргументы и факты», 1987, № 17, с. 5.

Иной подход представляется — в отличие от первого — правомерным и актуальным в силу того, что общественные и гуманитарные науки должны пересмотреть с объективных позиций многое из накопившегося в последние десятилетия, ликвидировать «белые пятна» незнания, правильно оценить деятельность реальных исторических личностей. Для такой работы создаются ныне благоприятные условия, хотя и раньше у нас не запрещалось ученым говорить правду, а писателям — создавать правдивые произведения. Все дело в нравственности и партийной этике ученого и писателя, в их профессиональной компетентности, в соединении в одном лице гражданской смелости и ответственности перед народом с умением глубоко и всесторонне вести анализ общественных отношений, явлений.

Камнем преткновения является здесь вопрос о культе личности Сталина. На него перекладывают всю вину за просчеты и ошибки прошлого, не замечая в увлечении критицизмом негативной односторонности оценок. Для примера сошлемся на высказывание автора романа «Белые одежды» В. Дудинцева, которое он сделал в интервью корреспонденту одной газеты:

«Известно, что Сталин занимался всеми науками, на которые падал его взор, и, как считалось, во всем был прав. Я знаю случай, когда внеочередная премия была вручена за «величайшее открытие», ошибочность которого сегодня мог бы определить всякий школьник, в распоряжении которого есть микроскоп». Желает В. Дудинцев того или не желает, но он своим выступлением впадает в такую крайность, ошибочность которой видна и без микроскопа. Достаточно напомнить слова из постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 года:

«Находясь длительный период на посту Генерального секретаря ЦК партии, И. В. Сталин вместе с другими руководящими деятелями активно боролся за претворение в жизнь ленинских заветов. Он был предан марксизму-ленинизму, как теоретик и крупный организатор, возглавил борьбу партии против троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов, против происков капиталистического окружения. В этой политической и идейной борьбе Сталин приобрел большой авторитет и популярность. Однако с его именем стали неправильно связывать все наши великие победы. Успехи, достигнутые Коммунистической партией и Советской страной, восхваления по адресу Сталина вскружили ему голову. В этой обстановке стал постепенно складываться культ личности Сталина». Но как бы ни был тяжел урон, нанесенный советскому обществу культом личности, общество выдержало, не сломалось под грузом всех других тяжелейших испытаний, одержало победу над германским фашизмом и милитаризмом, проложило дорогу народу к справедливой и счастливой жизни. Весь дальнейший путь нашей страны, упорный труд советского народа вывели социалистическую экономику, науку и культуру на новые исторические рубежи, открывшие этап развитого социализма.

«Проявляя большевистскую принципиальность и самокритичность, опираясь на поддержку масс, — говорится в новой редакции Программы КПСС, — партия проделала большую работу по устранению последствий культа личности, отступлений от ленинских норм партийного и государственного руководства, по вы-

правлению ошибок субъективистского, волюнтаристского характера. Получила дальнейшее развитие советская демократия, укреплена социалистическая законность». В свете положений партийной Программы хорошо видно, на каком участке исторического пути находится сейчас наша страна, какие большие социально-нравственные накопления имеет советский народ, привыкший трезво смотреть на общественные процессы и воспитавший тот «солидный человеческий материал», говоря словами Ленина, те «элементы, действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести», не побоятся признаться «ни в какой трудности» и не испугаются «никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели». Исходя из этого: нельзя не оценить получившие распространение односторонние негативные высказывания о деятельности Сталина как серьезный шаг назад по сравнению с тем, что было достигнуто за послевоенные десятилетия.

Поэтому вызывают, по крайней мере недоумение те оценки, которые вынес Сталину один из авторов многотомной «Истории Великой Отечественной войны», А. М. Самсонов, заявивший в статье «Знать и помнить...»: «...Великим полководцем я его отнюдь не считаю. Много крупных военачальников выдвинулось во время войны, и среди них, конечно, маршал Жуков. Но не военачальники, не полководцы выиграли войну, а наш народ». Однако зачем так противопоставлять народных полководцев народу? «Это неправильно, — писал Г. К. Жуков в своих воспоминаниях о деятельности Сталина в начале войны, в частности о его просчетах. — Как очевидец и участник событий того времени, должен сказать, что со Сталиным делят ответственность и другие люди, в том числе и его ближайшее окружение — Молотов, Маленков, Каганович. Не говорю о Берии. Он был готов выполнить все, что угодно, когда угодно и как угодно... Часть ответственности лежит и на Ворошилове... и на нас — военных... Говоря о предвоенном периоде и о том, что определило наши неудачи в начале войны, нельзя сводить все только к персональным ошибкам Сталина или в какой-то мере к персональным ошибкам Тимошенко и Жукова... Надо помнить и некоторые объективные данные... Мы вступили в войну, еще продолжая быть отсталой в промышленном отношении страной по сравнению с Германией...» Столь же объективно, с точки зрения истории, высказался по данному вопросу М. А. Шолохов. Отвечая на вопросы журналистов о том, как идет работа над вторым томом романа «Они сражались за Родину», писатель заметил:

«Мне, безусловно, придется хотя бы вскользь касаться работы Ставки. Я полностью придерживаюсь точки зрения на этот вопрос маршала Жукова. Нельзя оглуплять и принижать деятельность Сталина в тот период. Во-первых, это нечестно, а во-вторых, вредно для страны, для советских людей. И не потому, что победителей не судят, а прежде всего потому, что «ниспровержение» не отвечает истине». Извечная тема художника, — продолжал развивать свою мысль М. Шолохов, — это «противоборство света и тьмы. В наше время эта борьба имеет определенный, классовый смысл... Точка зрения, на которой стою я, несмотря на многочисленность моих выступлений на эту тему, никогда не менялась». Тут действительно, как говорится, ни убавить, ни прибавить...

Особенность же момента состоит в том, что приходится детально вникать в выступления тех авторов, кто хотел бы обязательно «убавить» в оценках деятельности Сталина, причем не только в его организаторской и политической работе, но и в теоретических трудах, далеко не безошибочных, и в обрисовке человеческого характера, особенно интересного для художников слова.

В пьесе М. Шатрова «Брестский мир» Сталин завистлив («жить не может, если у него чего-нибудь нет, что есть у другого», — говорит Бухарин), малокультурен — и гордится этим, изворотлив до «гибкости в пояснице». Свердлов говорит Ленину о Сталине: «Я думаю, Владимир Ильич, что Коба не понимает нашу позицию. Он разделяет ее, голосует с нами, но не понимает». Можно было бы привести много действительных исторических фактов и примеров, прямо противоположных приведенным оценкам, например, известные высказывания о Сталине, принадлежащие М. Горькому, Р. Роллану, чтобы убедиться в том, что попытки нарисовать Сталина лишь одними теневыми красками не соответствуют действительному, реально существовавшему историческому лицу. Однако в данном случае важно другое: методологическая нечеткость в определении граней между художественным вымыслом и достоверностью реальных фактов, в нежелании отдельных авторов считаться с тем, что художественный вымысел в воссоздании образов реальных исторических деятелей должен соответствовать исторической правде. Иначе писатель искажает историю. Однажды столкнувшись с такой опасной тенденцией, К. Маркс и Ф. Энгельс писали в 1850 году: «Было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе партии движения — будь то перед революцией, в тайных обществах или в печати, будь то в период революции, в качестве официальных лиц, — были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде. Во всех существующих описаниях эти лица никогда не изображаются в их реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих восторженно преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 280).

Было время, когда образ Сталина действительно изображался «с ореолом вокруг головы». Затем наша литература своевременно перешла к изображению крупных исторических деятелей в стиле сурового реализма, во всей их жизненной правде, отбросив словесные котурны и ореолы ради раскрытия жизненной правды «в точных и мужественных оценках явлений». В нынешней общественно-литературной ситуации наметился, как видим, нежелательный крен в противоположную сторону, когда накладывание на образ Сталина негативной авторской схемы приобрело вид последовательно разрабатываемой концепции, причем с попытками объяснить ее даже на страницах романов. Так, в «Новом назначении» А. Бека авторская позиция, выраженная в том, что Сталин везде предстает в непритязательной одежде «грубоватого солдата» и называется чаще всего «Хозяином», разъясняется следующим образом:

«Проникая по праву писателя во внутренний мир Онисимова (главного героя романа. — Н. З.)... автор, думается, не изменяет

исследовательскому строю этой книги. Воображение, догадка опираются и тут на верные источники, порою на документы, что носят название человеческих» (Бек А. Новое назначение. — Роман. — «Знамя», 1986, № 10). Однако хорошо известно, что разные люди воспринимают события и других людей по-разному, правда, при этом об истинности оценок приходится говорить далеко не всегда, особенно если понятие правды жизни незаметно подменяется словами об «исследовательском строе» создаваемого произведения, — а ведь это не одно и то же! Когда, скажем, Сталин говорил или писал, что он — ученик Ленина, то он подчеркивал тем самым значительность революционного дела, которому посвятил жизнь. Двойная игра, коварные расчеты расправиться с личными противниками в борьбе за власть — такие отрицательные черты характера вкладываются в облик Сталина на страницах романа А. Бека «Новое назначение». Вот одна из характерных сцен — выступление инженера Челышева, будущего академика, на совещании металлургов в Кремле, где Челышеву довелось приветствовать Сталина, трактуется как участие этого героя в какой-то очень напряженной, заранее спланированной Сталиным встрече. Челышев переживает неудобство оттого, что превозносит Сталина «в лицо», хотя у инженера, как пишет автор, «было немало оснований благодарить Сталина».

И хотя далее Сталин говорит Челышеву, что инженер ошибается, приписывая все успехи в индустриализации Сталину — «скромному ученику Ленина», автор тем не менее заключает: «Челышев в тот миг ощутил смутную неловкость. Показалось, что он втянут в какую-то ненужную ему игру...» Да и все остальное, что связано в романе со Сталиным, несет негативный отсвет этой «игры». Так, планы дальнейшего развития страны, которые зреют в голове Сталина, тоже оказываются в одном ряду с его неблаговидными замыслами. А. Бек пишет о том, как Сталин готовил «еще одно великое дело своей жизни... план индустриального наступления в Восточной Сибири. Новое небывалое строительство, сооружение беспримерных по мощи гидростанций станет точкой приложения бурлящих, бунтующих сил молодежи, подвигом поколения. Вместе с тем неисчислимые трудовые колонии заключенных тоже найдут там свое применение». Так вырисовываются в романе контуры поистине трагического, казарменного социализма, захватывающего и сферу духовной жизни. По поводу трагедии писателя Пыжова (в этом образе без труда угадывается А. Фадеев) А. Бек говорит: «...Грозный Хозяин не отличался, как известно, тонким художественным вкусом и, признавая порой истинно сильные творения, тем не менее поощрял и мещанскую помпезность, и грубо-льстивую услужливость. А совесть-то у писателя была жива...»

Отдельные моменты здесь переданы верно, но непонятно только, зачем понадобилось автору «Нового назначения» объяснять трагедию Пыжова, потерпевшего творческую неудачу в написании романа о черной металлургии, такой сомнительной причиной, как якобы присущее Сталину непонимание специфики искусства... Если А. Бек не вдавался в бытовые и психологические подробности, раскрывающие истоки формирования характера Сталина, то в другом произведении, появившемся почти сразу же после публикации «Нового назначения», — в романе А. Рыбакова «Дети

Арбата» — предпринята попытка объяснить специфическими средствами нравственную непривлекательность Сталина его духовной и физической неполноценностью. В этом романе Сталин выглядит вообще ограниченным деятелем, коварным и жестоким по отношению к партийным соратникам. Корни такого поведения А. Рыбаков видит в тех особенностях характера Сталина, которые еще в детские и молодые годы сделали его неуживчивым, подозрительным и мстительным... Вот одно из высказываний автора на страницах романа, относящееся ко времени сибирской ссылки Сталина:

«Со своими капризами, обидами, тягостными недоразумениями он был несносен. Другие ходили на охоту, на рыбалку, только он никуда не ходил, сидел вечерами у окна и занимался при свете керосиновой лампы. Этот одинокий непримиримый грузин в глухой сибирской тайге, в крестьянской избе на краю деревни, среди местных жителей, с которыми трудно уживался, вызывал сочувствие. И товарищи многое прощали ему». Накладывание на образ Сталина негативной авторской схемы здесь более чем очевидно. Но что плохого, спрашивается, в том, что Сталин не отдыхал в ссылке, как другие, а работал «при свете керосиновой лампы»?.. Зачем принижать в чисто человеческом плане Сталина, приводя примеры и факты, достоверность которых никак не подтверждается историческими данными? Ведь нельзя же пренебрегать тем, что перед нами не вымышленный герой произведения, а реальное историческое лицо — причем исключительно, может быть, даже беспримерно, сложное и противоречивое! В этом случае не приносят пользы поверхностные и торопливые замечания, разбросанные по страницам романа, в адрес тех или иных исторических персонажей либо в качестве авторских комментариев к событиям в жизни партии и страны.

Возьмем важную для всего строя романа трактовку ленинского «Письма к съезду», написанного в декабре 1922-го — январе 1923 года и предназначавшегося для делегатов XIII съезда РКП(б). Главный герой романа — студент Александр Панкратов и его дядя — крупный работник промышленности Марк Александрович Рязанов горячо обсуждают текст этого письма, которое, заметим, действительно было опубликовано к тому времени (в 1927 году, в материалах XV съезда партии). События же в романе происходят в начале 30-х годов. Несмотря на знакомство с ленинским письмом, оба героя романа — и племянник и дядя — сильно отходят в своих интерпретациях от той оценки, какая давалась в письме Сталину. Напомним только, что Ленин в своем письме относил Сталина к числу «выдающихся вождей современного ЦК» и подчеркивал при этом, как недостаток в характере Сталина, «мелочь... которая может получить решающее значение», а именно: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.». Странно, что герои романа «Дети Арбата» не говорят об этих строках в ленинском «Письме к съезду» — хотя

и ссылаются на него! — а везде твердят о том, будто Ленин упрекал Сталина в нескромности... Рязанов, узнав об аресте своего племянника, размышляет: «Причины скорее в том, что говорил ему Саша тогда ночью: нескромность Сталина, письмо Ленина... Он читал письмо Ленина? Где, когда, у кого? Нескромность Сталина...»

Авторские домыслы А. Рыбакова идут еще дальше, когда он показывает на страницах своего романа, как Сталин «тасует» членов Политбюро: «Более других надежны Молотов, Каганович и Ворошилов: не претендуют на самостоятельность, хорошие исполнители. Доказали свою способность на нужные акции... Калинин и Андреев... Будут с большинством. И, наконец, ненадежные. Это Киров, Орджоникидзе, Косиор, Куйбышев и Рудзутак».

«Рудзутаком Ленин негласно (?) рекомендовал тогда, во время того письма, так называемого завещания, заменить его на должности Генерального секретаря...» (Рыбаков А. Дети Арбата. — «Дружба народов», 1987, № 4).

Нетрудно представить, какое воздействие могут оказать эти строки на тех читателей, кто не знаком с историей партии, кто не изучал по архивным и другим источникам период 20-х и 30-х годов... Высказанное в романе предположение о замене Сталина Рудзутаком по рекомендации Ленина является обыкновенным домыслом автора произведения. Ни в «Письме к съезду», ни в «Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина», ни в воспоминаниях соратников и близких Ленину людей нет ни слова, ни намека на такое предположение! Да и как можно представить, будто Ленин рекомендовал произвести перемещение «негласно»? Что это означает, как понять?.. Ленин не мог никогда пойти на что-либо тайное от партии!.. Учитывая законы художественного творчества, можно допустить, что подобные мысли возникали в сознании Сталина как искаженное представление о письме Ленина, но тогда автор должен был бы соответственно и убедительно это показать, не прибегая к передержкам с «Письмом к съезду». А. Рыбаков этого, однако, не делает. Более того, выступая на страницах «Литературной газеты» с рассказом о том, как создавался роман, писатель утверждает: «Могу заверить читателей, что ни одно действие Сталина в романе не вымышлено, все они обоснованы» («Литературная газета», 1987, 19 августа). В действительности в это трудно поверить. Напрасно считает А. Рыбаков, будто все молодые читатели его романа, ищущие «нравственный идеал», нашли «отраду» в том «глотке духовности, в глотке правды», который представляется писателю бесспорным. Например, читатель из города Оренбурга А. Саруев прямо спрашивает редакцию одной из центральных газет: «Правда ли, что Ленин рекомендовал на пост Генерального секретаря ЦК РКП(б) в 1922 году Я. Э. Рудзутака? Не могли бы вы прокомментировать этот факт?» И редакция газеты «Аргументы и факты», публикуя в ответ статью о Я. Э. Рудзутаке «Партиец ленинской школы», не может привести ни одного аргумента и факта в подтверждение версии, выдвинутой в романе «Дети Арбата»... И это несмотря на то, что автор статьи О. И. Горелов делает, казалось бы, все возможное, чтобы спасти такую версию. «Никаких документальных свидетельств, проливающих свет на этот факт, — пишет О. Горелов, — пока не обнаружено».

Но что значит это «пока»? Только то, что еще остается надежда найти со временем желаемый документ, а заодно и заставить мало информированного читателя поверить в такое «чудо»! Но ведь ни в «Биографической хронике В. И. Ленина», ни в различных приложениях к томам Полного собрания его сочинений не содержится даже косвенного свидетельства, не говоря уже о прямом высказывании, в пользу того взгляда, будто В. И. Ленин рекомендовал, хотя бы и «негласно», Я. Э. Рудзутака на пост Генсека партии вместо И. В. Сталина. Помимо этого, О. Горелов допускает в своей статье несколько принципиальных неточностей. Прежде всего не следовало бы историку по специальности оправдывать искажения действительных фактов в романе «Дети Арбата» тем, что писатель «имеет право на художественный вымысел». Такое право не означает авторского своеволия по отношению к реальным историческим личностям. Необходимый домысел не должен противоречить известным историческим фактам, касающимся жизни и деятельности В. И. Ленина и других крупных деятелей революции и социалистического строительства. Вызывает по крайней мере недоумение и то, что О. Горелов, комментируя ленинское «Письмо к съезду», уравнивает фигуры Сталина и Троцкого, своей фразой о «наибольшей опасности» с их стороны для партии, дает как бы понять, что пребывание Сталина на должности Генерального секретаря ЦК партии было случайным и нежелательным. Стоит ли говорить, что все здесь было гораздо сложнее и что Ленин прекрасно понимал разницу между Сталиным и Троцким, не раз подчеркивал «небольшевизм» последнего.

Важно, что в докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» М. С. Горбачев счел необходимым специально остановиться на этом вопросе. Сказав о «мелкобуржуазной натуре» Троцкого и его фракционной борьбе против ленинской партии, о том, что троцкизм вел атаку на ленинизм «по всему фронту», как известно, и в области эстетики и литературной критики, Генеральный секретарь ЦК КПСС отметил: «Таким образом, руководящее ядро партии, которое возглавлял И. В. Сталин, отстояло ленинизм в идейной борьбе, сформулировало стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства, получило одобрение политического курса со стороны большинства членов партии и трудящихся. Важную роль в идейном разгроме троцкизма сыграли Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутак и другие». Глядя на историю трезвыми глазами, учитывая всю совокупность внутренних и международных реальностей, продолжал М. С. Горбачев, нельзя не задаваться вопросом: «...можно ли было в тех условиях избрать иной курс, чем тот, который был предложен партией? Если мы хотим остаться на позициях историзма, правды жизни, ответ может быть один: нет, нельзя. В тех условиях, когда зримо нарастало убеждение в необходимости не пройти, а в кратчайшие исторические сроки буквально пробежать расстояние от кувалды и крестьянской сохи к развитой индустрии, без которой была бы неминуема гибель всего дела революции». Между тем странный перекос получается в изображении на страницах романа «Дети Арбата» характера и действий Сталина, который, похоже, только тем и занят, что обдумывает коварные планы расправы со своими соратниками, виднейшими деятелями больше-

визма, а не ведет борьбу протвв троцкизма, как это было в действительности! Вот какие мысли вкладывает А. Рыбаков в монолог Сталина о Кирове:

«Честолюбив, как всякий недоучка, демагог, как всякий посредственный провинциальный газетчик, и, как всякий бойкий говорун, имеет поклонников, почитающих его первым оратором партии, чуть ли не «трибуном революции». После этого авторская логика ведет уже прямо к соучастию Сталина в подготовке устранения Кирова. Следует подробная сцена беседы Сталина с наркомом внутренних дел Ягодой: «Со сторонниками Зиновьева и Каменева надо покончить раз и навсегда, — говорит Сталин Ягоде. — Товарищ Киров окружил себя зиновьевцами, они же и отблагодарят его за все его благодеяния... А в критической ситуации борьбы за власть Киров им будет не нужен, и они уберут его, чтобы вызвать кризисную ситуацию в стране. Киров держит за пазухой троцкистскую змею против Сталина, а не укусит ли она самого товарища Кирова?» Сталин дает директиву Ягоде, чтобы начальник ленинградского управления НКВД Запорожец начинал решительно действовать — «партии нужны дела»!.. Ягода, как подчеркивает автор романа, хорошо понимал «истинный смысл того, что ему говорили».

Нельзя не увидеть определенной последовательности в логических конструкциях автора романа «Дети Арбата». Однако вопрос в том, куда и во имя чего направлена эта последовательность. Роман А. Рыбакова подводит к тому, что сложившаяся в исторической науке и в общественном сознании оценка роли Сталина в развитии нашей страны должна быть пересмотрена под исключительно негативным углом зрения. В этом выводе А. Рыбаков не одинок. Тем важнее представляется необходимость подчеркнуть, что признать за истину слова автора «Детей Арбата», будто «...вместо социалистической демократии, которой добивался Ленин, Сталин создал совсем другой режим», значило бы полностью отказаться от партийных решений XX и последующих съездов. Партия ни в коей мере не оправдывает культ личности и его последствия, видит в ошибках Сталина и его непосредственную «трагедию», но вместе с тем и отмечает: «Нельзя... забывать, что советские люди знали Сталина как человека, который выступает всегда в защиту СССР от происков врагов, борется за дело социализма» («Правда», 1979, 21 декабря). Сейчас важно ответственно разобраться во всех причинах сложных и неоднозначных явлений, поставить заслон попыткам опорочить путь строительства социализма в Советской стране, «представить его как цепь сплошных ошибок, заслонить фактами необоснованных репрессий подвиг народа, создавшего могучую социалистическую державу. Однако историческая правда состоит в том, — говорил в своем выступлении секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев, — что партия на своем XX съезде и на основе принятых им решений проделала работу особой важности, осудила культ личности, сняла клеймо врага со многих тысяч честных советских людей, восстановила социалистическую законность. Что касается 30-х годов, то в эти годы страна вышла на второе место в мире по объему промышленности, провела коллективизацию сельского хозяйства, достигла небывалых высот в развитии культуры, образования, литературы и искусства. Это бесспорный факт. И еще об одном. Подавляющее большинство подвергшихся репрессиям коммунистов остались до конца своей жизни верны заветам Ленина, делу социализма» («Правда», 1987, 27 августа).

Сегодня, оказывается мало просто знать эти положения, надо, чтобы писатель, ученый и публицист еще и разделяли их, с тем чтобы правильно идти дальше по пути развития социалистической демократии, не пускаться в дебри безответственной «свободы критики», а глубоко и всесторонне оценивать пройденные этапы истории нашей страны, видеть ее перспективы, стремления и надежды народа на счастливую и мирную жизнь на земле. «Надо уметь подниматься выше своих эмоций, уметь слушать и слышать критику, не приписывать только себе право на истину, — пишет газета «Правда» в статье «Культура дискуссий», имея в виду литературные споры вокруг проблем, рассматриваемых и в нашей статье. — За каждой такой дискуссией должны стоять интересы дела, интересы народа, общества, а не личные симпатии и антипатии». Все это имеет отношение к тому, как текущая литературная критика оценивает определенные тенденции в литературном процессе, насколько она выполняет свою роль в развитии эстетического сознания общества, в поднятии на уровень времени его социальной нравственности и духовной культуры.

Вполне закономерно, что методологическая ситуация, сложившаяся в общественных науках, требует наряду с созданием научно объективной концепции истории развития советского общества и решения таких важных проблем литературоведения, как установление периодизации истории советской литературы, разработка вопросов культуры и этики национальных отношений, находящих место в процессах развития многонациональных литератур народов СССР, как утверждение справедливых оценок творчества писателей, внесших вклад в отечественную литературу. Все это может быть успешно решено с помощью настоящей литературной критики.

Сегодня в отдельных публикациях весьма часто звучат призывы к «эмоциональной раскованности» критических суждений, к освобождению их от методологической четкости анализа. Иногда сводят критику к узко понимаемой задаче «переводить образы писателя на язык общественной мысли и тем превращать их в акт национального самосознания», — как пишет Ю. Буртин в № 6 журнала «Новый мир» за 1987 год, — не замечая при этом, что художественные образы могут стать «актом национального сознания» и без перевода их на язык социологии. По мнению некоторых исследователей литературы, критика вообще бессильна в осознании творческого процесса. «Можно лишь пытаться разобраться в достоинствах тематики, злободневности проблем, актуальности идейных оценок, в оригинальности новаторских приемов построения, — говорится в одной работе о современном романе и уточняется: — На долю критика остается пристальное, честное изучение и возможно более точная констатация». Но если допустить, что это действительно так, то тогда и картина литературного процесса может быть представлена в такой однолинейности, какую последовательно проводят отдельные писатели на страницах «Московских новостей», «Огонька» и некоторых других общественно-литературных изданий. Здесь идейное и эстетическое осознание реальных исторических процессов, связанных с

построением социализма в нашей стране, полностью совпадает с теми односторонними и негативными оценками периода, какие обнаруживаются в статьях историков, публицистов и в художественных произведениях, рассмотренных нами выше. Но в критике это объясняется личным вкусом, который в данном случае правильно назвать «вкусовыми пристрастиями», как и было оценено это явление в известном постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» от 21 января 1972 года.

Чем, как не вкусовыми пристрастиями, подменяется исторический взгляд на литературу в статье Б. Окуджавы «Я вновь повстречался с надеждой»? Б. Окуджава почему-то забывает тех писателей, с творчеством которых народ связывает крупнейшие завоевания в культурной революции, и выдвигает на первый план, в качестве якобы безусловных авторитетов, имена художников талантливых, но далеко, на наш взгляд, не во всем бесспорных. «Даже в тяжелые времена, — пишет Б. Окуджава, — литература, духовная жизнь не прекращаются и, пусть за семью замками, за семью печатями, продолжают существовать. Творили Булгаков, Платонов, Ахматова, Пастернак — значит, потенция была. И при удобном случае все это вдруг всколыхнулось. Произошел взрыв. Открылись шлюзы, и накопления в искусстве получили возможность выразиться». Противоречивой судьбой отдельных — сказать, что забытых, было бы неправильно даже в прежние годы — писателей заслоняется, по сути дела, классика социалистического искусства, связанная с художественными открытиями общечеловеческого значения в творчестве М. Горького, В. Маяковского, А. Толстого, М. Шолохова, Л. Леонова, А. Фадеева, Д. Фурманова, С. Есенина и многих других выдающихся поэтов и прозаиков. Но дело, думается, не в формальном или случайном пропуске каких-либо имен... Можно, оказывается, и упомянуть Есенина в поэтической антологии «Русская муза XX века», которую дает журнал «Огонек», но сделать это так, что Есенин будет выглядеть перед читателями («...и таксистами, и монтажницами, и учеными, и просто русскими бабушками») не одной из вершин русской национальной поэзии, а только лишь талантливым крестьянским поэтом, ловившим цилиндром, «святым с золотой головы после ночной пирушки... невидимых кузнечиков с полей своего крестьянского детства» и давшим «пример высочайшего личного мужества в «Черном человеке» и многих других стихах, когда он шлепнул на стол истории свое дымящее сердце, содрогающееся в конвульсиях...» — как писал Е. Евтушенко.

Что ж, он способен увидеть «дымящееся сердце» на столе истории, погнавшись за эмоционально раскованными образами есенинской поэзии, но об объективной исторической оценке творчества Есенина здесь фактически и речи не ведется. Скорее уж подстраивается в один ряд составитель антологии с теми, кто видит сегодня «традиции и пути литературной критики» (В. Лакшин) в том, чтобы обратить внимание общества лишь на такие произведения, как «Собачье сердце» М. Булгакова, «Котлован» А. Платонова, «Зубр» Д. Гранина, «Дети Арбата» А. Рыбакова... Как бы говорится тем самым: «А ничего ведь другого, более или менее стоящего, в нашей литературе нет и не было! Мы и раньше «отстаивали очень энергично» эти взгляды, соединившись вокруг «Нового мира» А. Твардовского во имя «верности заветов правды». Как ни субъективен этот вывод, но он явно претендует

сегодня на одностороннее обобщение пути развития советской литературы, которое содержится в выступлении на страницах «Московских новостей» писателя В. Кондратьева, представившего читателям только что завершенный роман «Красные ворота» о событиях послевоенных 40-х годов.

«Для современных читателей, — говорится в редакционном комментарии к выступлению В. Кондратьева, — эти годы ассоциируются главным образом с энтузиазмом послевоенной реконструкции. Советская литература чаще рисовала нам жизнь радостную и бодрую, избегая сложных и трагических страниц этого периода истории...» Словно развивая эту оценку в историческом плане, В. Кондратьев следующим образом говорит обо всем пути развития советской литературы: «Трагична судьба старших писателей, которым так и не удалось сказать о своем времени всего, что они могли и должны были сказать. Я говорю не только о погибших в 30-е годы и в войну, но и о вышедших живыми из тех разломных лет». Больше всего, оказывается, заботит В. Кондратьева «невозможность высказать и отстоять» нравственную позицию из-за того, что «наши писатели, да и вообще наша интеллигенция многое претерпели в минувшие годы и в какой-то степени утратили присущие им прежде революционные и духовные качества, с которыми вошли в историю общественных отношений прошлого и начала нынешнего века... Сейчас идет, как мне кажется, возрождение в интеллигенции присущих ей в прошлом качеств. Она должна «болеть» за все больше других, возвышать свой голос против того дурного и несправедливого, что есть в обществе, и смело выражать свое мнение, не опасаясь, что оно порой отличается от официального. Но для этого ей нужно глубже осознать свое назначение и выйти из состояния гражданской апатии».

Вполне допустимо, что для В. Кондратьева неприемлема «гражданская апатия» какого-либо конкретного писателя, но неисторично переносить ее на всю интеллигенцию, позиция которой в социалистическом строительстве определялась единством с трудовыми массами, не позволявшим терять лучшие духовные качества, прежде всего уверенность в победе социализма. Такой уверенности не просматривалось в повести А. Платонова «Котлован», написанной в 1929—1930 годах и опубликованной лишь недавно. Никто не требовал от автора повести приветствовать коллективизацию, но и изображать ее в виде «кладбища гробов», как это показано в «Котловане», тоже было неправильно. В том, что повесть не была напечатана в 30-е годы, виноват скорее всего не культ личности, а принципиальная установка автора, которая шла вразрез с общественными условиями того времени. Но в данном случае вопрос не в том, чтобы разбираться в ошибках А. Платонова, этого талантливейшего и честнейшего советского писателя, а в том, чтобы не согласиться с попытками задним числом «подправить» творческий путь художника, объявить идеи его повести вневременными, перед которыми «мы то и дело пасуем» и понять которые всем нам необходимо — «пусть даже вопреки своим привычкам и устоявшимся представлениям». Автор предисловия к публикации повести в «Новом мире» С. Залыгин поясняет, что здесь имеется в виду: А. Платонов в своем «Котловане» «...и в том, и в другом, и в третьем явлении жизни — повсюду — способен увидеть «котлованность», то есть нелепость, дисгармо-

ничность, драму человеческого существования. Но это потому именно, что душа его больше всего нуждается в разумении и гармонии». С последним — о потребностях души — нельзя не согласиться, так же как нельзя ставить такую потребность в прямую зависимость от «котлованяости»! Ибо кто же в таком случае будет переделывать действительность?

Отход от историзма в оценках творчества отдельных писателей выглядит совсем не безобидно, когда их роль в литературе и в истории общества определяется одним, к тому же не всегда объективным, критерием: уровнем художественного мастерства. Последнее отнюдь не является только «делом наживным», но оно и не автономно от идейной содержательности творчества и от общественной позиции писателя. Тщетно полагать, что творческие установки, к примеру, В. Набокова и Н. Гумилева способны дать нам сегодня основополагающую нить в перестройке общественной психологии на принципах социалистической демократии. Авторы предисловий и комментариев к произведениям названных писателей, опубликованных в наших журналах в самое последнее время, почему-то забывают о том, что эстетика В. Набокова и Н. Гумилева, прежде всего в их теоретических работах, игнорировала социалистическую народность искусства... Не приходится ходить далеко за примерами. В «Новом мире» (№ 4 за 1987 г.) опубликовано критическое эссе В. Набокова «Николай Гоголь», в котором автор высокомерно третирует народное поэтическое творчество как «дешевую лавочку готового платья», а о литературной критике революционеров-демократов и марксистов говорит с таким неуважением и даже презрением, что вообще отказывает ей в праве на какое-либо внимание потомков. Тут уж «тонкий» стилист и «аристократический» писатель В. Набоков, который привел в очередное умиление автора предисловия к его работе, прибегает к таким словам в адрес «гражданской литературной критики», что их и произносить неприлично в культурной аудитории!.. Так следует ли безудержно восхищаться стилистическими «совершенствами» элитарного писателя В. Набокова? Не явилось ли такое одностороннее преклонение основанием для утверждений некоторых критиков современной литературы о том, что уважение к исторической памяти, чувство милосердия и национального достоинства «...было свойственно дворянству, образованной части общества»?.. Так не отсюда ли происходит тот, в сущности, антинародный эпатаж, когда популярный эстрадный певец В. Леонтьев, объездивший многие страны мира, на вопрос: «Существует ли для него идеал на сцене?» — отвечает: «...Мне хотелось, чтобы у меня был такой же роскошный голос, как у Тома Джонса, чтобы я был таким же обаятельным, как Карел Готт, импульсивным, как французские шансонье. Моим кумиром была и есть Эдит Пиаф» («Комсомольская правда», 1985, 16 мая).

Как правило, такие высказывания сопровождаются эмоциональными признаниями о былом, утраченном чувстве, о «памяти сердца» и т. п... Между прочим, книга воспоминаний крестьянской матери Анны Тимофеевны Гагариной о своем сыне — первом космонавте Земли — тоже называется «Память сердца». В ней содержится искренняя, глубокая и правдивая память человека, превыше всего ценившего народное достоинство и трудовое первородство и сказавшего слова, исполненные очень большого и важного смысла: «Обычаи, жизнь предков не только у дворян и

князей почитались. У нас, простых людей, не менее того...» Так что не следовало бы критику Н. Кондаковой, ведя разговор о народности на страницах «Литературной газеты», цитировать в подтверждение своих мыслей Н. Гумилева: «Руководство... в перерождении человека в высший тип» принадлежит поэзии, потому что она «всегда обращается к личности. Даже там, где поэт говорит с толпой, — он говорит отдельно с каждым из толпы...» Проявления неуважительного отношения к народу и его истории не могут оправдываться ни ссылками на возможную утрату в нашем обществе «культуры чтения», ни получившим распространение в последнее время суждением о том, что будто религия обогащает культуру, а научный атеизм отступает перед этим явлением, поскольку «...человечество до сих пор еще не выработало стройной материалистической философии духа», как утверждает на страницах «Нового мира» А. Нуйкин.

Не следовало бы торопиться с упреками человечеству в том, что оно еще чего-то «не выработало». Важнее подумать над тем, что оно все-таки дало для жизни, в том числе и в разработке марксизма-ленинизма как передовой революционной теории и в области национальных отношений, в частности, в том реально существующем единстве социалистических наций, которое нашло выражение в братском союзе народов нашей страны. Как отмечалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, центральное место в исследованиях и в освещении национальных отношений должно занять правдивое и полное раскрытие участия советских наций и народностей в строительстве социалистического общества на всех его исторических этапах, показ того, какие возникали трудности на этом пути, как они преодолевались, какие уроки извлекались для будущего. Как показывает опыт последнего времени, отражение процессов в сфере межнациональных отношений далеко не всегда получает объективную оценку в художественном творчестве и в литературной критике. Сказывается еще неумение в подходах к диалектическому разрешению социально-нравственных конфликтов, недостаточное внимание к развитию духовной культуры в ее взаимосвязях с народным, национальным и общечеловеческим содержанием современной жизни и литературы. Вызывает беспокойство, что в критике по-прежнему проявляются факты неправильного толкования замыслов писателей, прямое, непозволительное для марксистско-ленинской эстетики отождествление автора с персонажами его произведений, путаница в вопросах народности и художественности, весьма своеобразная опора на теорию строительства нового общества как на канонический свод проверенных положений и фактов, «которые в силу их очевидности давно не оспариваются».

Если не замечать всего этого, то бывает легко впасть в методологическую ошибку литературной критики: подменить предмет анализа другим, иногда сходным или созвучным по названию, — так что, например, бездуховность отдельных людей, о которой пишет В. Астафьев в рассказе «Ловля пескарей в Грузии», вдруг оборачивается «богохульством», направленным против атеизма, в статье И. Крывелева «Кокетничая с боженькой». А отсюда уже следуют малоосновательные упреки писателю в «заигрывании с религией»... Гораздо хуже обстоит дело, когда в критической полемике перечеркиваются позитивные высказывания оппонентов, — и тогда тот же И. Крывелев выглядит под пером иных критиков

едва ли не единственным порицателем романа Ч. Айтматова «Плаха». Но ведь никто не опроверг, да и невозможно это сделать, основного тезиса в статье И. Крывелева о принципиальной несовместимости научного атеизма с любыми формами богоискательства... Не смог сделать этого и сам автор «Плахи», который в объяснениях сути и замысла своего романа еще более усугубил расплывчатость и нечеткость собственных взглядов на историю культуры и развития советского общества. Считая Авдия Каллистратова, безусловно, положительным героем и радуясь тому, что он якобы «все больше завоевывает место в жизни», Ч. Айтматов объясняет это явление тем, что религия дала человечеству такие нравственные ценности, как честность и благородство...

Иногда приходится вспоминать старую истину о повторении как матери учения, чтобы сказать в связи с этим, что религиозный фанатизм, средневековое и более позднее мракобесие инквизиции и другие реакционные проявления религии как раз попирали и уничтожали гуманистические ценности, что религия корыстно и не по праву присвоила себе монополию на духовную жизнь и творчество человека...

Было бы ошибкой не видеть того, что искусство действительно участвует и в таком процессе, как формирование высших этажей человеческого интеллекта, наиболее сложных структур духовного мира личности... Но разве оно «не работает» ради обыкновенных и многомиллионных тружеников земли, ради воспитания того самого «человека мыслящего»? Разве современный мир состоит из одних «мудрецов», обитающих, как нетрудно догадаться, в башнях из слоновой кости?.. Не поспешно ли поступают отдельные наши писатели, когда начинают связывать с буржуазной цивилизацией даже саму постановку вопроса о гуманистических судьбах современного человечества? Критик А. Турсунов едва ли не с восхищением пишет о «нелинейном мышлении» американского драматурга А. Миллера, который в своем выступлении на «Иссык-Кульском форуме» перенес ответственность за нарушения экологического равновесия в мире на «научно-технический прогресс», который «был (и остается поныне) вне всякого социально-нравственного контроля». Но такой вывод вряд ли отвечает той реальной ситуации в жизни человечества, когда, с одной стороны, давно уже обнаружилась неспособность капитализма решать масштабные вопросы справедливого жизнеустройства людей»; а с другой стороны, неправомерно переносить ответственность за эту ситуацию на социалистический мир, который как раз и противостоит варварскому, потребительскому отношению к природе и к ее ресурсам. Важна здесь гуманистическая общественная роль писателя, перерастающая по мере обострения противоречий в сфере техники и природы в позицию компетентного судьи, выносящего свой нравственный приговор бездуховному образу жизни, тем «хищникам капитализма», которые, по словам В. И. Ленина, «ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, дерево, уголь...». Писатель может, конечно, и не принимать непосредственного участия в выработке политических или экономических решений, касающихся судеб мира, однако невозможно уйти от вопроса, сформулированного еще М. Горьким: «С кем вы, мастера культуры?»!

●

В. ОГРЫЗКО

ВНИМАНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ВОРОНИНА

Есть у Сергея Воронина повесть «Последний заход». Сын главного героя — молодой литератор — с укором говорит отцу, старейшему изыскателю:

«— Ты где-то остался в том времени.

— А оно что, плохое? То время?

— Оно в прошлом. Поэтому тебе кажутся некоторые мои поступки, вполне естественные в настоящее время, непонятными».

Прав ли этот молодой писатель? Разве устарели понятия героизма и подвига, которые утверждало отцовское поколение? И неужели теперь не нужен молодежи энтузиазм? Какие бы ошибки ни совершались в тридцатые годы, они не могут перечеркнуть нравственного подвига наших отцов и дедов. Не случайно друг молодости отца — Игорь Куягуров — мечтал оставить потомкам книгу о своем времени. Кунгуров как бы подводил итоги своего поколения, оставившего современникам не только магистрали, но и влюбленность в дело.

С высоты прожитых лет герой Воронина действительно не в силах был понять, как творчество может ставиться в угоду

конъюнктурным интересам, а редакторская помощь выдаваться за соавторство. Ему странно слышать разговоры о том, что секретарство в творческом союзе важнее таланта. Старику неприятен чрезмерный практицизм сына. Он удивлен лицемерием и в отношениях между родными людьми. Но кто виноват в этом? Время? Или само поколение?

Годы, на которые пришлось становление таких, как Кунгуров, безусловно, были не из легких. Они вобрали в себя и процесс созидания, строительства новых городов, гигантов промышленности, магистралей, и процесс разрушения, массовых репрессий. О сложности тех лет Сергей Воронин рассказал в романе «Две жизни», созданном еще во время «оттепели» шестидесятых годов. Герои этой книги в тридцать седьмом году вели на Дальнем Востоке изыскания будущей железной дороги.

Весь роман построен в форме дневниковых записей Алексея Коренкова. В тридцать седьмом ему шел двадцать первый год. У него еще не было профессии. Коренкова манила суровая природа Дальнего Востока, приключения. Ему недоставало трудностей, хотелось романтики. Отправляясь с экспедицией изыскателей, он искренне верил: «Жизнь бы обеднела, если б не было трудностей...», Коренков утверждал: «Человек, идя к заветному, должен страдать, мучиться, терпеть».

В экспедиции его взгляды изменились. Здесь он впервые встретился с заключенными. То, что ему еще совсем недавно представлялось в романтическом ореоле — таежные скитания, сложные изыскательские маршруты, — для таких отъявленных жуликов и бандитов, как Бацилла и Нинка, давно забывших свои настоящие имена, было тяжкой повинностью, которую они и не собирались тянуть в полную силу.

Как противостоять воровской среде, не сломаться? Коренкову помогло увлечение литературой и страсть к истории. Ему были интересны судьбы потомственных сибиряков, обычаи эвенков. Записывая в свой дневник рассказы старожилов, он постигал богатейшую событиями историю Дальнего Востока, в которой находил и героику, и драму, и комедию. И уже по-новому ему открывалась современность.

Романтику теперь герой Воронина увидел в героике прошлого. А изыскания он уже воспринимал как необходимые будни. Коренков признавался: «Уже ничего романтического не вижу. И все чаще думаю о тех, кто завоевывал Советскую власть. О тех, кому на долю выпало мучиться от ран, страдать от голода и холода, умирать в тифу. Вряд ли они видели во всем этом романтику. Но проходило время, оставались позади страдания, и выкристаллизовывалось то благородное, имя чему — подвиг, и дети отцов принимали его в наследство и скорбели, что не жили сами в то романтическое время и не были участниками этого подвига. И не замечали, что сами живут под флагом романтики, не думали о том, что пройдут годы и их дети будут сожалеть, что не жили во времена своих отцов. И так всегда было и будет: романтика для человека, живущего сегодня, — это времена прошедшие».

Таежные испытания сформировали характер Коренкова, закалили его волю.

В экспедиции Коренков столкнулся с самыми разными людьми: убеленными сединой учеными, бывалыми изыскателями, вольнонаемными рабочими. Естественно, их характеры были не похо-

жи. Различно они относились и к изыскательским работам. Начальник участка Градов, например, был убежден в том, что железная дорога должна пройти только по правому берегу Элгуни. Все другие варианты он отметал. Иного мнения придерживался начальник партии Костомаров.

Между Костомаровым и Градовым возник острый конфликт. Непросто Коренкову было понять его суть. Но чем больше он вникал в детали конфликта, тем очевидней было, что произошло столкновение не профессиональных интересов, а характеров. За Костомаровым стоял смелый инженерный поиск, талант, дерзание. Градов же пекся прежде всего о личной выгоде и собственной карьере.

Амбиции Градова победили. Скальный вариант Костомарова отклонили. Проведенные его партией изыскательские работы посчитали бросовым ходом.

Не остался с Градовым Коренков. Не захотел он приспосабливаться к конъюнктуре дня. Вера в дело для него была самым главным.

Год в экспедиции не стал для Коренкова бросовым. Он приобщился к суровым будням, на всю жизнь получив нравственную закалку. А из эпилога мы узнаем, что спустя годы строители вернулись к замороженным во время войны проектам и остановили выбор на скальном варианте. И чисто изыскательский термин «бросовый ход» приобретает в романе символическое значение. Бросовой жизнь оказалась у таких, как Градов.

Но это очевидно теперь. А в ту пору градовы еще имели силу, с которой расставаться никак не хотели. Изменялось время, другими становились условия, но не исчезали градовы. Они только иную тактику выбирали. Сначала ставка делалась на голос, на приказы, обсуждение которых в низах не поощрялось, на интриги. Затем мода пошла, как это прекрасно Воронин отразил в повести «Ненужная слава», на искусственное «выращивание» из рядов тружеников руководителей передовых хозяйств, героев труда.

Повесть эта о том, как чистая любовь, родившаяся в суровое военное время, была принесена в жертву почестям и наградам. В фокусе писательского внимания оказались два характера: вчерашнего фронтовика Василия Малахова и доярки Екатерины Лукониной. Каждый из них по-своему незауряден.

Малахов войну начинал солдатом, а закончил командиром роты. Звездочки на погонах его ничуть не изменили. «Он командовал, преследуя две задачи: как можно больше уничтожить противника и меньше потерять своих. Простой хозяйский расчет. Никакой романтики в войне Малахов не видел. Это была грубая, тяжелая, опасная работа. Он старался выполнять ее добросовестно...»

Не искал Малахов легкой судьбы и после войны. Вернувшись к любимой девушке — Кате Лукониной, он, истосковавшийся на фронте по крестьянской работе, готов был выполнять любое дело. Чины его не интересовали. Ослабший за войну колхоз надо было поднимать.

Жадность на работу отличала и Луконину. За короткий срок ей удалось поставить на ноги запущенную ферму. Усилия ее заметили. Лукониной присвоили звание Героя, выдвинули в председатели колхоза и в депутаты Верховного Совета. Но к новым

обязанностям она оказалась не готова. Не хватало знаний. Признаться в этом ей было трудно. Куда проще оказалось собирать дань с наград и извлекать выгоды из своего положения депутата. Ее вполне устраивало, что в области решили колхоз сделать передовым. Какой ценой — над этим Луконина не задумывалась.

Столкновение двух взглядов на жизнь, на почести, на награды было неминуемо. Малахов вступил в непростую борьбу. Он отстаивал достоинство не человека вообще. Он спасал самого близкого ему человека — жену. Но потерпел поражение. В сложной ситуации Малахов оказался практически один. Его не поддержал даже обком партии. Обкому, а точнее, его секретарю Шершневу, нужен был показушный колхоз с передовым председателем. Понятия о нравственности отступили на задний план. Цена этому отступлению — перерождение Лукониной и гибель некогда чистой любви.

Повесть «Ненужная слава» была написана в 1955 году. Писатель уже тогда предупреждал, к чему могут привести показуха, очковтирательство, чиновнический подход к человеку. Показуха продолжала расцветать. И теперь мы расплачиваемся за нее.

Возвращаясь к спору сына с отцом в повести «Последний заход», так и хочется сказать, что не время, видимо, виновато в той деформации, что происходила долгие годы в общественном сознании. Не время формировало условия, из которых вырастали подлость, лицемерие, социальная апатия. Условия эти были созданы, как показывает в своих книгах Воронин, конкретными людьми: теми же градовыми, тем же секретарем обкома Шершневым. На словах они провозглашали правильные лозунги, но в жизни утверждали совсем иное. Поколение Олега Михайловича — героя повести «Последний заход», — на счету которого немало героических достижений, которое стояло у истоков БАМа, выдержало схватку с фашизмом, но не смогло до конца победить чванство, трусость, чинопочитание. Семена, посеянные градовыми, остались в почве. Из этих семян и взошли такие, как молодой литератор Валерий — персонаж повести «Последний заход», человек, погрязший во лжи и ханжестве.

Особняком в творчестве Воронина стоит документальная повесть «Жизнеописание Ивана Петровича Павлова». Впрочем, особняком — сказано не совсем точно. Повесть эта нова для Воронина своим героем и формой изложения материала. Сам писатель признается: «Литература о великом русском физиологе Иване Петровиче Павлове огромна... Я постарался соединить все разрозненные сведения о нем в единое целое, развив отдельные факты в литературные эпизоды и выстроив все это так, чтобы от страницы к странице вырисовывался образ великого ученого, создателя русской физиологической школы, и своеобразнейшей, цельной личности». Но по своей направленности, по мысли повесть о Павлове продолжает все предыдущие книги Воронина. И здесь писатель ведет главным образом разговор о чести и достоинстве человека, разговор всегда современный и актуальный.

Годы, в которые жил Павлов, тоже не назовешь простыми. Они вместили в себя войны, три революции, индустриализацию, коллективизацию, первые пятилетки. Время было переломным. Решался вопрос о существовании социалистического государства. Боль века, боль страны проходили и через сердце Павлова. Ученый работал над величайшей загадкой жизни, стремился понять, что такое сознание, откуда оно, как все происходит в головном мозге? В меру своих сил пытался быть полезным Родине, ее народу.

Не часто Павлов имел отличные условия для исследований, но он никогда не поступался своей честью. Ему, как убедительно показывает Воронин, «всегда было присуще чувство справедливости».

Заслуга писателя не только в том, что он на основе документальных источников воссоздал образ замечательного ученого и патриота своей Родины. Воронин показал, откуда черпал его герой духовные силы в переломное время и где ученый находил поддержку своим идеям и убеждениям. Павлов прежде всего опирался на любовь к родной земле. Он верил в талант своего народа.

А еще у Павлова была большая цель. К ней ученый шел через трудные поиски, шел неизведанными дорогами. Его ждали сомнения, ошибки, трудности. Он не боялся этого. Не пугался рушить устоявшиеся каноны. Главным было для него — идти к цели с чистой совестью. Как важно все это знать современникам, творящим сегодняшнюю перестройку. Жизнь Павлова — великий образец мужества.

Один из героев романа Воронина «Две жизни», Костомаров, в трудном изыскательском маршруте признавался Коренкову: «...я хочу и от литературы. Тепла моему сердцу. К сожалению, многие книги я закрываю на середине. В них нет ни глубокой мысли, ни большого чувства. Нет той музыки, которая делает область литературы недосягаемой для каждого любителя портить бумагу...»

Книги С. Воронина звучат современно оттого, что в них раздумья о судьбе страны сочетаются с пристальным вниманием к человеку.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

О ГЛАСНОСТИ, ДЕМОКРАТИИ, РАБОТЕ

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Никто не возразит против того, что в эпоху живительной перестройки необходимо посмотреть на историю советской литературы с новых позиций и внести в нее коррективы, дать более верную, более объективную оценку целому ряду художественных произведений, которые были то ли неоправданно вознесены, то ли незаслуженно забыты. Решением этой сложнейшей задачи озабочен критик А. Бочаров в своей статье «Покушение на миражи» («Вопросы литературы», 1988, № 1). Однако она столь богата субъективными заявлениями, что требует специального отклика.

Сначала мне хочется попытаться приоткрыть общественно-литературные пристрастия некоторых критиков и частично обнаружить картину литературных нравов, господствующих в ряде журналов и газет. А. Бочаров «согласен с тем, как распотрошил педвузовский учебник В. Соколов и на страницах «Юности», и в девятом номере «Вопросов литературы». Хочется заметить, что В. Соколову надо было не «потрошить» этот труд, а объективно, со знанием дела проанализировать

его — такой подход был бы более плодотворным, предохранил бы автора от излишней запальчивости и необъективных выводов. Но не странно ли и другое: «Вопросы литературы» и мне, и другим литераторам заявляли, что журнал не рецензирует учебных пособий, а вот учебник под редакцией П. Выходцева, нужный студентам, вышедший четвертым изданием, стали всячески «изничтожать». Чем же объяснить это отступление от принятой журналом позиции? И чем объяснить то, что этот журнал в 1983 году опубликовал хвалебный отзыв Ю. Минералова на учебное пособие В. Баранова, А. Бочарова, Ю. Суровцева «Литературно-художественная критика» (М., 1982), которое лежит, по существу, мертвым грузом в библиотеках, оно не отвечает вузовским требованиям и не используется студентами при изучении курса литературно-художественной критики? Рецензент же нашел в этом труде самобытную концепцию. Что ж, пусть читатель сравнит два отрывка — один из пособия, а другой из книги Л. Якименко «За быстро текущим днем» (М., 1980) — и сам убедится в этой поразительной самобытности. На стр. 94 пособия читаем: «Попытки свести произведения к сумме социологических проблем мстят тем, что и сами эти проблемы вне эстетического и нравственного пафоса художественного произведения остаются не познаными в своей глубинной сути». А вот что писал Л. Якименко двумя годами ранее на стр. 241: «Сведение произведения к сумме социологических проблем отмщается тем, что и сами эти проблемы вне эстетического и нравственного пафоса художественного произведения остаются не познанными глубоко». Никто, наверное, не возразит, если скажем, что здесь имеет место обыкновенный плагиат...

В статье «Покушение на миражи» А. Бочаров пишет, что он не видит «ни возможности, ни надобности в некой единственно правильной истории литературы». Если он говорит это искренне, то почему же тогда он и его единомышленники с такой непозволительной непримиримостью «потрошат» «Историю русской советской литературы» под редакцией П. Выходцева? Почему они не хотят смириться с иной, не своей концепцией развития литературы, с иными оценками творчества любимых ими писателей? Но дело, видимо, в том, что заявление о ненадобности единственно правильной истории литературы является прикрытием для решения далеко идущих задач — убрать из нее «миражи», «чужих» писателей и возвести в ранг классиков «своих». То есть речь идет о групповом подходе к истории литературы. А. Бочарову надо как-то обосновать свой откровенный субъективизм в оценках, чтобы заявить о такой своей позиции, которую, как он хорошо понимает, многие отвергнут, читателей надо постепенно переубедить, так или иначе заставить их признать его концепцию в конце концов господствующей. А если не касаться этих целей, то слова о ненадобности правильной истории литературы, конечно же, отражают релятивистский подход к изучению литературы — от этого вывода никуда не денешься. Можно использовать разные подходы и разные критерии в изучении истории литературы, но настоящий ученый, настоящий исследователь не должен уходить от поисков объективной истины, от стремления познать действительные закономерности литературного развития, выявления подлинных художественных ценностей, что отнюдь не исключает борьбу мнений. Не следует связывать поиски истины —

«правильной истории литературы» — с «винтиковой» любовью «к единожды установленному, обязательно утвержденному наверху и неукоснительно соблюдаемому канону», как это делает А. Бочаров. Следует согласиться с ним: «Ни научность, ни партийность, ни идейность не предполагают в общественных науках обязательность одного мнения по всем конкретным вопросам». На словах он допускает, что, «как бы ни были многообразны «Истории», они должны иметь некоторые общие позиции». Здесь добавим, что, кроме этого, авторы должны ставить перед собой задачу не поддаваться субъективистским пристрастиям, создавать объективную картину литературного процесса.

Затрагивая проблему выделения этапов литературы, А. Бочаров высказал не новую мысль, что «может вообще не быть единственной-разъединственной периодизации». Как известно, в специальных исследованиях, посвященных, например, развитию метода, жанра, стилевых тенденций, может быть намечена своя особая периодизация. Но при этом необходимо осознавать ограниченную сферу ее действия, не допускать того, чтобы она начала заменять собой периодизацию всей литературы. Выделение того или иного самостоятельного этапа в литературе предполагает наличие в нем таких новых качественных особенностей, которые становятся определяющими в ее развитии. Вызывает решительное несогласие сам подход А. Бочарова к проблеме периодизации — выделение того или иного этапа в литературном развитии зависит у него от степени административного давления на искусство слова. Он пишет: «...не обязательно выделять в отдельную главу период Великой Отечественной войны, сейчас уже такой крохотный в общем объеме литературы и свидетельствующий больше о патриотическом подъеме писателей, чем о развитии возможностей литературы. Да, тогда было создано несколько значительных произведений во главе с «Василием Теркиным», были свои примечательные особенности — и все-таки это вполне может стать частью общего периода 1934—1954 годов, поскольку предвоенные и первые послевоенные годы были густо окрашены беспримерным административным нажимом на литературу». Странная основа взята для периодизации! Административный нажим! Не лучше ли все-таки не отказываться от социально-исторического принципа периодизации? Ведь периодизация литературы должна отражать существенные закономерности ее развития; отношения между жизнью и литературой представляют тот центральный фокус, который включает в себя и признаки метода, и концепцию мира и человека, воздействуют и на жанровую систему, и на стилевое разнообразие, то есть определяют основные особенности развития литературы на том или ином этапе.

В годы Великой Отечественной войны развитие литературы определялось отнюдь не беспримерным административным нажимом (воля людей, партии и правительства, их интересы и чаяния представляли собой тогда единое целое), а «диктатом» самой жизни, заставляющим писателей немедленно отзываться на ее стремительный ход. Эта особо тесная, особо интенсивная связь наших писателей с жизнью, с ее животрепещущими проблемами придала советской литературе свой особый настрой, особый пафос, неразрывно связанный с открыто выраженной страстной любовью к отчей земле и испепеляющей ненавистью к захватчикам. Тогда наполнились новыми красками понятия «патриотизм», «родина», углубились партийность и народность литературы, приобрели большое значение героические традиции русской классической литературы.

В таких утверждениях А. Бочарова, как «тогда было создано несколько значительных произведений», проявилось его желание принизить блистательную роль советских писателей в годы Отечественной войны. Если взять только поэзию, то сколько великолепных стихотворений, песен было написано в то время! Именно тогда многие поэты — А. Твардовский, М. Исаковский, А. Сурков, К. Симонов, Н. Тихонов, О. Берггольц — создали свои лучшие произведения, многие из них стали нашей классикой. «Священную войну» В. Лебедева-Кумача, «Землянку» А. Суркова, «Жди меня» К. Симонова, «Василия Теркина» А. Твардовского знали стар и млад. Много ли в наше время написано песен, которые бы приобрели такое мощное общенародное звучание? А. Метченко верно писал, что «четыре года Великой Отечественной войны справедливо приравниваются к столетию», тогда «советская литература показала пример служения народу, не имеющий аналогии в истории мировой литературы» (История русской советской литературы, т. 2. М., 1980).

А. Бочаров хочет убрать из истории советской литературы «лишних людей». Среди них оказываются Д. Фурманов, Д. Бедный, Ф. Гладков, М. Исаковский. Чем же они не удовлетворяют взыскательный вкус критика? Как будто он понимает, что есть резон «максимально сохранить имена и произведения, значительные для своего времени». С другой стороны, рассуждает он, «сейчас уже все большую силу набирает эстетический критерий». Трудно понять исходные позиции А. Бочарова, еще труднее примириться, например, с тем, как он принижает М. Исаковского, подлинно народного поэта. Песни и стихотворения М. Исаковского — это наша нестареющая классика, они живут и будут долго жить в народе, а вот в сознании А. Бочарова они «сжимаются», «усыхают», «морально устаревают». Впрочем, когда он по-доброму относился к Исаковскому? Может быть, в 1953 году, когда в «Лекциях по истории русской советской литературы» он анекдотически истолковывал стихотворение М. Исаковского «Оттуда», находил, что в нем «сдвигаются правильные перспективы всенародного характера сопротивления захватчикам»? До сих пор живет, обжигает душу ставшее песней великолепное стихотворение М. Исаковского «Враги сожгли родную хату». В своей передовой статье журнал «Коммунист» (1988, № 3) специально остановился на этом стихотворении и на тех резко отрицательных оценках, которые были даны ему в нашей критике. К ним можно присоединить и высказывания А. Бочарова: «Несбывшиеся надежды воина-победителя искажают образ советского человека, замыкают его в мирок личных утрат и переживаний». Подобные оценки дали полное право «Коммунисту» сделать верный вывод: «Так патриотизм пытались лишить его человеческого естества. Десятки и десятки миллионов личных трагедий никак не вписывались в мажорное «чувство». Торжествовал «казенный» оптимизм: пусть радость победы станет всеобщей, а кровоточащие душевные раны — делом сугубо индивидуальным, личным, семейным».

Как видим, к поэзии М. Исаковского у А. Бочарова давно сложилось более чем прохладное отношение. Чем это объяснить? И почему у него такая трогательная забота о тех перебежчиках,

которые сейчас без зазрения совести поносят наш народ и советский общественный строй? Откуда у него странное стремление завысить значение их произведений для развития русской литературы? Сомневаюсь, что такого отношения заслуживает повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». И тем более, стóит ли вести серьезный разговор о «Звездном билете» и «Большой руде» — никакой «пустоты» в истории нашей литературы их отсутствие не создало.

Можно вспомнить, как в шестидесятые годы некоторые журналы слишком охотно привечали авторов «молодой прозы», критики безосновательно поднимали их на щит, расхваливая за несуществующие достоинства. Общеизвестно, что большинство этих расхваленных авторов оказалось по ту сторону баррикад. В то же самое время в газетах и журналах сурово критиковали деревенскую прозу за проповедь «патриархальности», за «идеализацию» традиций русского крестьянства, за пристрастие к изображению стариков и старух. Время расставило все по своим местам. Многие произведения деревенской прозы осознаются нами сейчас как классические, а что стало с «молодой прозой» из журнала «Юность»? Можно сказать, она канула в Лету. А вот А. Бочаров, принижая творчество многих видных советских писателей, очень занят поиском «реального места» в истории советской литературы для романа В. Аксенова «Звездный билет» — иначе в ней образуется-де настоящая брешь.

А. Бочаров полагает, что Д. Гранин, В. Панова и В. Тендряков «более многих иных заслуживают почетного места в «Истории», но почему-то он ни разу не вспоминает о В. Астафьеве, В. Белове и Ю. Бондареве. Неужели они не заслуживают такого места? Больше всего А. Бочаров озабочен тем, чтобы представить О. Мандельштама в качестве очень крупного писателя. По его мысли, даже ссылка О. Мандельштама должна учитываться при выявлении этапов литературного развития. И получается, что смерть С. Есенина, В. Маяковского — это явление меньшего масштаба. А. Бочаров пишет, что сейчас «возникла естественная потребность увидеть монографические портреты А. Платонова, М. Булгакова, а может быть, и Е. Замятина, О. Мандельштама...» Далее подчеркивается, что нам якобы необходим «медальон» О. Мандельштама, эта же мысль варьируется и на последующих страницах. Какая настойчивость! Похоже, что одна из конкретных задач, поставленная А. Бочаровым в своей статье, — убедить читателей в том, что О. Мандельштам является поэтом первой величины, что он должен потеснить М. Исаковского и Д. Бедного в истории советской литературы. Но пусть скажут, когда творчество О. Мандельштама играло значительную роль в литературном процессе? Когда оно доходило до широкой массы народа, отражало его глубинные интересы, чаяния и ожидания? Чтобы лучше понять достоинства и недостатки поэзии Мандельштама, следовало бы прибегнуть к такому основополагающему критерию оценки, как народность произведения. Но получается, что для ряда критиков этого понятия вроде бы и не существует.

С завидной настойчивостью А. Бочаров стремится всячески развенчать Д. Бедного — он и его считает несправедливо вознесенным. В действительности же сколько несправедливостей обрушилось на долю этого замечательного пролетарского поэта! В 1937 году его оклеветали, исключили из партии, а восстанови-

ли в ней только после смерти — в 1962 году. Поэтическая деятельность Д. Бедного — пример того, как надо писательским пером служить своему народу. Тираж стихов Д. Бедного «в годы гражданской войны превышал тираж книг и изданий всех советских писателей, взятых вместе» (К. Зелинский). Свои стихи он писал для самой массовой аудитории, для него был важен суд лишь родного народа. «Ты мне один судья прямой, нелицемерный», — заявлял Д. Бедный. Критик А. Макаров верно отметил, что «ни один поэт никогда не завоевывал такой массовой популярности», как Д. Бедный в двадцатые-тридцатые годы» (М а к а р о в А. Демьян Бедный. М., 1964, с. 91). П. Васильев в стихотворении «Демьяну Бедному» (1936) писал о том времени, «когда под саблей падал Перекоп, когда в бою Демьяна песни пели!». И признавался в глубоко сокровенном:

Как никому, завидую тебе,
Овеявшему песней миллионы,
Несущему в победах и борьбе,
Поэзии багровые знамена!

Трудно сказать, почему сейчас ряд критиков пошел сомкнутым строем в атаку на Д. Бедного. Чтобы подкрепить свою мысль о неблагодарном отношении к этому поэту, кровно связанному с родным народом, приведу цитату из упомянутой выше рецензии В. Соколова. «И получается: «Д. Бедный полушутя назвал Блока как автора поэмы «Двенадцать» своим учеником, а затем вполне серьезно (!) добавил: «Блок написал по-моему». Много справедливого и несправедливого писалось о творческой эволюции Александра Блока, но то, что он кончал свой путь в учениках Демьяна Бедного, утверждается, кажется, впервые — «вполне серьезно». Такие легкомысленные шутки литературной «Истории...» лучше не воспринимать». И после этого авторов учебного пособия В. Соколов обвиняет в эстетической глухоте и вульгарном социологизме. Ни больше ни меньше! Но В. Соколов предусмотрительно не привел таких процитированных в пособии слов: «Когда это стихотворение (то есть глава поэмы. — *Ред.*) частями проскочило через кордон, то меня месяц или полтора крыли там за слова «мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» и только через полтора месяца узнали, что это Блок написал. Он своим тонким чутьем угадал этот (революционный. — *Ред.*) стиль». Что же получается? Слова Д. Бедного даются в усеченном виде, извращаются и приписываются авторам пособия. При такой методе можно что угодно приписать любому автору. Д. Бедный почувствовал в «Двенадцати» — при всей несхожести своего таланта с гениальным дарованием А. Блока — нечто свое, очень близкое — открытый политический пафос, публицистичность, песенные частушечные ритмы. Именно это, а не свое мнимое «превосходство» над А. Блоком, хотел подчеркнуть своим полушутливым и «вполне серьезным» утверждением Д. Бедный.

Как хочется, чтобы мы проявляли больше благородства к тем писателям, которые писали кровью своего сердца, всеми силами стремились быть глашатаем своего народа! Покушаясь на «миражи», пытаясь восстановить те или иные художественные ценности, необходимо исходить из точных методологических предпосылок, строго руководствоваться поисками истины, не отбрасы-

вать понятий партийности и народности как важнейших критериев идейно-художественной оценки, не забывать о самом главном: ради чего писатели создают свои произведения, доходят ли они до народа или остаются духовной пищей только для эстетствующих литераторов. Без этого охота на миражи приведет лишь к откровенному субъективизму.

А. ОГНЕВ,
доктор филологических наук

* * *

В наш неспокойный XX век человечество, спасаясь от скоростей и стрессов, занялось играми. Играют все, от мала до велика, — сражаются с компьютерами, разгадывают кроссворды, забивают голы и шайбы, бегают и плавают наперегонки.

Наиболее выносливые увлекаются литературными играми, особенно критики. В сложных литературных играх из-за многочисленности партнеров участвуют группы. Известен и широко используется прием, условно названный «я против вас», в котором автор игры старательно прячется за спиной единомышленников, а сам якобы в одиночку нападает на группу противников, беззастенчиво используя при этом и передержки, подтасовки фактов, а если этого мало — то прямую ложь и клевету.

Для подтверждения сказанного разберем литературную игру под названием «Здравствуй, племя младое, незнакомое...» — автор Наталья Ильина (журнал «Огонек» № 2 за 1988 год).

Игра начинается с невинного описания чаепития и беседы, но для того, чтобы читатель не смог разобраться, кто пьет чай, а кто говорит, применяется отвлекающий маневр с жонглированием анонимными цитатами, время от времени усложненный цифрами, наиболее часто приводимыми в литературных играх — «ныне «писателями» поименовано 10 000 человек», «средний возраст этих тысяч — около 60 лет» и т. д. Это всего лишь разминка, правда, есть в ней одна простая на первый взгляд фраза: «вот стоит самовар», которая является ключом к статье. В ней прозрачно намекается на фольклор, присущий данной литературной игре, а именно на русский фольклор. Самовар будет встречаться и дальше, как некая метафора или даже предупреждение.

После разминки приступаем к излюбленной игре и, высказываясь от имени знаменитого классика русской литературы, не обременяем текст кавычками, презрительно отказавшись от этой устарелой формы записи цитат. «Однако именно Достоевский утверждал: как бы ни были превосходны побуждения автора, но если ему не удалось их выразить художественно, то произведение его цели не достигнет». После такого полного слияния с классиком автор игры восклицает вместе с читателем: «Не заподозрить ли Достоевского в равнодушии к народной боли и в симпатии к крепостному праву?» В данном случае игра с классиком понадобилась для прицельной стрельбы по писателю В. Белову.

Затем игра мимоходом касается фильмов «Легко ли быть молодым?» и «Борис Годунов». Этот шаг в сторону от литературы нужен, оказывается, для блицкрига по периоду от 30-х до 60-х годов. В это время вновь появляется тень пресловутого самовара. Интригуя читателя параллельным цитированием анонимов «у самовара» (имеется в виду беседа первого секретаря СП СССР В. В. Карпова с молодыми писателями) и «на трибуне» (имеются в виду выступления молодых писателей, журналистов, деятелей искусства в «Дискуссионной трибуне» — журнал «Молодая гвардия» № 9 за 1987 год), автор продолжает анализ истории в период «той оттепели», подводя черту драматической фразой: «К февралю 1970 года цель была достигнута: журнал был вырван из рук Твардовского и, не защищенный его именем, его авторитетом, поставлен на колени...» В дальнейшем, по ходу игры, мы узнаем о журнале «Новый мир» новые, доселе неизвестные факты: «Новый мир» свое существование прекратил...»

Что же дальше? Дальше уже знакомый стук цитат, упоминание знаменитостей и анонимов неожиданно переходит в перечень имен русских советских писателей. «В том, что звучало с трибуны и говорилось у самовара, обнаруживается немало общего. Перед нами представители одной группы?» И хотя за этим вопросом мгновенно следует ответ «Ни в коем случае!», мы не так просты и, вполне разобравшись в перипетиях игры, не соглашаемся, прекрасно понимая, что это и есть та самая группа, против которой мы так азартно играем. Вот они, противники-соперники: «Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин, Сергей Воронин, Юрий Бондарев, Петр Проскурин, Михаил Алексеев, Иван Тарба... и другие». Теперь хоть злополучный самовар больше не пугает, теперь-то понятно, что он означает.

Затем «случайно» вылавливают прозаика Сергея Лыкошина. Называют книгу рассказов «За белой стеной», указывают тираж, а затем наугад выбирают рассказ, опускают название и начинают вольный пересказ истории о дипломате Олеге и его друге Стасе. Непонятно, кто куда уезжает и приезжает и на каком вокзале испытывает ностальгию? И совсем уже непонятно, что ж такого плохого в ностальгии по родине? Мы окончательно разыгрались и вместе с пересказчиком восклицаем: «Не прав Стефан Цвейг», «Не вызывают доверия эти персонажи?», а затем: «Но был ли Олег? И Стас был ли? Произведение, здесь цитированное, явно не имеет отношения к художественной прозе. Оно скорее напоминает инструкцию, адресованную бюрократом гражданам, выезжающим за границу. Им предписывается: ходить с грустью в глазах, на витрины не пялиться, на шею чужеземцам не кидаться. А вот как вести себя на вокзале в день отъезда на родину — четких указаний нет».

Да, прозаика, что называется, словили и слопали. И хоть это и игра, а все же немного грустно, и почему-то вспоминаются слова Юрия Трифонова о Константине Паустовском: «Мы не были никакими писателями, но ощущали уважение Константина Георгиевича даже к себе — не конкретно к себе, к начинающим бумагомарателям имярек, авторам таких-то опусов, а как к людям, волею судьбы причисленным к некоему тайному братству. В этом братстве все равны».

Следующей жертвой становится поэт — «тоже сидел у самовара». Борис Маслов, «Письменный подоконник», тираж указывается в обязательном порядке. С поэтом начинают своеобразную перепевку. «Запевает» Борис Маслов:

Взгляд ветерана строг и светел,
Он на войне героем был.

Но нам сказал, что не заметил,
Как немца первого убил.

Подхватывает автор игры:

Служил Гаврила хлебопеком,
Гаврила булку выпекал...

Автор игры изумленно спрашивает: «Почему стихи молодого поэта упорно вызывают к жизни Гаврилу?», «Поэт ли?», «Скажите откровенно, можно ли, имея за душой такие тексты — выше цитированные, — чего-то требовать?». Лучше промолчать, неясно ведь, о каких текстах идет речь, может, о Гавриле? Неожиданно и зловеще, как тройка, семерка, туз в «Пиковой даме», вновь появляется цифра 10 000 членов Союза писателей. Но мы про них уже слышали и не пугаемся, а вот про этих «недавно возникших и уже издающих свои книги поэтов — чуть не две сотни!» — узнаем с ужасом. Особенно жутко звучит «возник поэт», так и хочется продолжить: «возник, возродился». Из пепла, что ли?

Затем вступаем в следующий этап игры — «Как слухами полнится земля», или «Испорченный телефон». Чего только не услышишь, оказывается, в очереди к врачу, в которой находилась Н. Ильина! Что-то она «слышала своими ушами», кое-что представила, ожидая приема, «и все же с трудом верила слухам, ходившим о тех, кто занимает посты». Начинается игра: «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой?» Нас, естественно, интересуют те, кто на троне, так что сапожника и портного можно сразу вывести из игры. Посудачим о «миллионщиках»? Нет, это не миллионеры с Запада так своеобразно названы в игре, речь идет об «очень именитых», из-за «многомиллионных тиражей». Информация явно рассчитана на незнающего человека, мгновенно представившего себе лавину денег в результате сбора по рублику с этих самых «миллионных тиражей». А тут еще и семья примазалась. Беда с этими семьями. Один у писателей выход — жениться на неграмотных и детей тоже неграмотными воспитывать, а ну, как вырастут и, не дай бог, «чего-то» писать начнут. Нет уж, пусть лучше крестики вместо подписей ставят, так безопаснее, а главное — незаметнее.

И вообще надо поставить и однозначно решить вопрос о наличии писательских жен, а то легко ли слышать, как «одна писательская жена хвастается другой писательской жене», и ведь где — в поликлинике. Разговоры этих писательских жен Н. Ильина тоже подслушала. И вот таким-то образом раскрываются тайны о том, как кто-то из мужей-писателей «четырехтомник себе в Гослите выбил». Может, лучше вообще без жен обойтись или в крайнем случае на эту должность брать и неграмотных и немых? «А вот что говорили еще об одном», который «ринулся в художественную литературу», — с ужасом вещает Н. Ильина. «Да каким же образом?» — «Я долго не верила. Но наша печать постоянно приучала меня верить в эту поразительную пробивную силу «очень именитых». В конце концов — тут Н. Ильина трет рвущиеся от боли виски — «голова шла кругом от этого хоровода родственников и свойственников».

Но приготовьтесь, в хоровод вступает новая жертва автора игры Н. Ильиной из «очень именитых». Это писатель Юрий Бондарев, хотя обсуждается не проза писателя, а статья, посвященная его творчеству (Федь Н. Необычная книга, или Рождение нового жанра. — «Наш современник», 1987, № 5). Начиная, как обычно, вольный пересказ вышеупомянутой статьи, автор игры сообщает нам: «много интересного узнаем мы об этом писателе...», далее выдает следующий перл: «В статье упомянут Флобер, советовавший пристальнее вглядеться в его произведения». Подумать только, Флобер еще в XIX веке советовал пристальнее вглядеться... в творчество Юрия Бондарева? Даже Н. Федь при всей своей пристрастности не смог совершить подобного открытия. Надо признаться, открытие произошло невольно, просто автор игры, желая как можно лучше «обыграть» Ю. Бондарева, неожиданно проскочила и... Между тем пересказ-импровизация заканчивается так: «Рецензируемый автор — «великий мастер», а короче говоря — гений», но ведь вопрос о том, кто гений, а кто не гений, решает время. Так было принято у нас в России и в других странах мира». Это что же, значит, о любимом писателе нельзя уже и слово доброе сказать, особенно если он из «именитых»? А если кто-то хочет любить не после смерти, а при жизни? И, значит, поэт Игорь Северянин, так неосторожно заметивший при жизни «Я — гений Игорь Северянин!», своим высказыванием грубо нарушил этикет выборности в гении и у нас и там?

Далее игра стремительно делает рывок в сторону: «Кому из философов, писателей, композиторов, столь расточительно тут упоминаемым, доводилось при жизни читать о себе что-либо подобное? Кому? Данте? Горацию? Флоберу? Канту? Моцарту? Гоголю? Сервантесу? Достоевскому? Кому? Кому, я спрашиваю, кому?» — истерически вопрошает Н. Ильина (и «Огонек» вместе с нею).

Но прошу максимально сосредоточиться! Мы подходим к очень ответственному этапу — игре в полуправду. Правила игры довольно избиты: о чем-либо говорится полуправда, а нам нужно обнаружить вторую половину правды, чтобы получилась неискаженная истина о том или другом человеке.

И тут как раз, рассчитала Н. Ильина, упомянуть об одном музее. «Музей литературный, и там на широком деревянном столе хранятся книги писателя с его бесценными автографами». Догадываемся, о ком идет речь, и, исправляя некоторые неточности, дополняем: музей не литературный, а краеведческий, и в нем хранятся книги Георгия Маркова, уроженца этого села, вместе с книгами еще трех писателей, тоже родившихся в этом селе. «Сохранена обстановка, «старенькая деревянная кровать» отца писателя — потомственного охотника». Дополняем, Мокей Марков, чья кровать хранится в музее, был не только потомственным охотником и отцом известного писателя, но и организатором и первым председателем коммуны села.

Далее Н. Ильина уравнивает одноэтажное деревянное строеньице в глухой сибирской деревушке с его нехитрым крестьянским скарбом с... «домом Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне с той лишь разницей, что там и дом побольше, и мебель побогаче». «Кто заслужил такую любовь земляков?» — нарочито удивляется автор игры Н. Ильина (и «Огонек» вместе с нею). И нам приходится отвечать, что писатель Георгий Марков заслужил такую любовь земляков преданностью родной земле и односельча-

нам, книгами и своей всегдашней причастностью их заботам. Надо ли удивляться тому, что соотечественники повсюду и всегда «бережно реставрируют» и хранят память о славных сынах своей земли? И разве может кто-нибудь извне решать за них, кого им чтить и помнить? Но Н. Ильина не сдается: «...а соседствующей с музеем библиотеке преподнес свою картину «Подпасок» один художник из тех краев. Она о детстве и отрочестве писателя», то есть Георгия Маркова. И мы, стараясь не запутаться в многочисленных кавычках, уточняем: соседствующая с краеведческим музеем села Ново-Кускова библиотека построена на Ленинскую премию новокусковца Георгия Маркова, и, кроме того, писатель передал в дар односельчанам более полутора тысяч книг из своей личной библиотеки, большая часть которых с автографами писателей. Не об этих ли «бесценных автографах» упоминала автор статьи?

Н. Ильина входит в настоящий азарт, но ведь это не должно мешать соблюдению обычных нравственных законов. Что же пишет дальше автор? «И не в этом суть! Суть в том, что писатель, чей отчий дом стал музеем, жив по сей день». Еще раз перечитайте эту фразу и на короткий миг представьте себе, что она обращена к вашему отцу или деду, обыкновенному пожилому человеку, который, мол, до сих пор еще, к сожалению, жив.

После этого невеселого отступления продолжим цитирование. «Не знаю, как у них там, на Западе, но у нас в России от Хемницера и Державина до наших дней еще не было музеев, посвященных здравствующим работникам пера». Ну что ж, и на это можно ответить: «у них там, на Западе», еще в ноябре 1922 года в Нью-Йорке открылся музей имени Николая Рериха — нашего великого соотечественника, — художника, философа, поэта и писателя, которому в то время было всего лишь 48 лет. Вот ведь какое обстоятельство... Невольно вспомнишь строку известного стихотворения Ф. Тютчева: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»

P. S. Чуть не забыла, для тех, кому понравилось играть, привожу популярное объяснение значение слова «игра» из Советского энциклопедического словаря («Советская энциклопедия», 1984, тираж 1 000 000 экз.). «Игра — вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в ее результатах, а в самом процессе. Имеет важное значение в воспитании, обучении и развитии детей как средство психологической подготовки к будущим жизненным ситуациям...»

Наталья КАВЕЛАШВИЛИ

ПОСЛЕ ЧЕРНОБЫЛЯ

Вряд ли есть такой человек, который, побывав на Средне-Русской возвышенности, не пришел бы в восторг от красот здешней природы, от здешних сел и городов, где все говорит об истории и величии России — и курганы, и холмы, и болота, и реки, и дороги, и, конечно, богатейший растительный и животный мир, и люди — охранители его. Но с каждым годом появляется все больше и больше разрушителей этого мира.

С корреспондентским удостоверением я изъездил и исходил этот волшебный край вдоль и поперек. Написал множество очерков, рассказов и статей в защиту Природы, часто находил поддержку у властей, но еще чаще получал укоры, мол, нельзя идти против мелиорации, против технического прогресса. Оговорюсь сразу, я не против мелиорации там, где она нужна. Я против бездумного осушения болот: это же важнейшие целебные органы природы. Они должны быть заповедны, наши средперусские болота. «Мелиорация» в переводе с латинского — «улучшение». А постановления об осушении среднерусских болот — это не мелиорация, не улучшение природы, а ухудшение жизни. Приглядитесь, что кругом

творится: и клюквы уже не стало там, где десять-пятнадцать лет назад обору не было ей, и коростель уже не приходит, лягушки — и те поутихли. В каждой нечерноземной области сотни тысяч гектаров запущенной пашни, и без болот земли много — паши и сей. Теперь не только специалистам, а всем яснее ясного, что «мелиоративные ошибки» государственного масштаба граничат или с невежеством, или со злым умыслом.

Я не против технического прогресса, если он не превращается в регресс. Давайте, например, посерьезнее коснемся вопросов атомной энергетики. На мой взгляд, атомная энергетика порой бывает и в невежественных руках. Складывается также мнение, что институты Академии наук, причастные к атомной энергетике, Госплан и Госстрой как-то вышли из-под критики и контроля. Кое с кого из руководителей этих организаций, не обладающих «технической нравственностью», надо спрашивать по самому высокому счету. Некоторые из них, озабоченные весьма узкими отраслевыми проблемами, дезориентируют народ и, видимо, даже правительство.

Вспомним хотя бы, что академик А. Н. Колмогоров за одну из работ по математике, впоследствии опровергнутую учеными, получил Ленинскую премию. Вспомним хотя бы первую пресс-конференцию для советских и иностранных корреспондентов (1986 г., май) по поводу чернобыльской катастрофы. Один ученый муж, ведающий атомной энергетикой, выступая на столь высокой международной трибуне, заявил: «Техника требует жертв». Он уже, выходит, запрограммировал, узаконил жертвоприношение. Да еще какое! Чернобыльское! Которое стало горем всего Отечества.

Это же идет вразрез с ленинской стратегической линией партии, вразрез с XXVII съездом КПСС. Неужели этот руководитель (со званием ученого) убежден, что не техника служит народу, а народ технике? И это в такую тяжелую пору, когда каждое честное сердце обожжено чернобыльским коварным огнем, когда народ впервые ощутил такую страшную, никогда не бывалую еще беду. Черная быль... Да, по-украински «чернобыль» — это полынь, горькая трава. Это в самом деле символическое наваждение судьбы. Катастрофа, которой еще не бывало в атомной энергетике. Горе с печальными для Отечества последствиями на многие столетия.

Что собой представляют радиационные выбросы? У радиоактивного йода период полураспада мал. Во всяком случае, так считается. А период полураспада плутония? Как известно науке, это же $2{,}44 \times 10^4$, то есть 24 400 лет. Токсичность же плутония, как сильнейшего яда, общеизвестна. Поневоле кое-кому вспоминаются древние легенды и книги, в которых рассказывается, как в небе появилась звезда Полынь; и воды сделались полынными, потому что они стали горьки. Здесь есть о чем поговорить и пропагандистам-атеистам, и философам, и писателям. Молчание в таких случаях всегда вызывает недоумение, однобокие толкования, уход от истины. Меня сейчас волнует одно — не чересчур ли много жертв случилось по вине Академии, Госплана и Госстроя? Полезно вспомнить и то, что 27 марта 1986 года, за месяц до чернобыльской катастрофы, газета «Литературная Украина» (№ 13) в статье Любови Ковалевской «Не частное дело» вскрыла чудовищные технические недостатки, заострила «внимание на недопустимости брака при сооружении АЭС», но сигнал газеты о «гарантии

надежности, а следовательно, и безопасности» оказался гласом вопиющего в пустыне. И это после XXVII съезда партии!

И у нас в тверском краю, на строящейся Калининской АЭС в поселке Удомля, аварии уже были. К счастью, без жертв и утечки вредных веществ: еще строится станция. Проект рассчитан на несколько реакторов-миллионников. Уму непостижимо! Но убытки она уже принесла. Угроза над страной от этой станции по-прежнему чрезвычайно велика. Давайте трезво посмотрим и подумаем, где находится сей атомный гигант (пущено на полную мощность пока два реактора). В верховьях главной водной артерии страны, на верхней Волге, в окружении многочисленных курортных валдайских озер, связанных между собой протоками — и наземными и подземными. Голубое заповедное ожерелье в центре республики! Здесь самый главный русский водораздел, где поблизости один от другого истоки Волги, Днепра, Мсты и Западной Двины, знаменитых рек, текущих в разные концы Европейской России, на юг и север, на запад и восток. Отсюда рукой подать и до Москвы, которая, как известно, снабжается водой, и в значительной мере из Волжского бассейна. И вот именно эта животворно-судьбоносная сердцевина Природы России на плотно населенной территории избрана кем-то и утверждена для атомного гиганта. Взгляните на карту. Другой такой настолько уязвимой точки в Природе Отечества нет. Трудно поверить, что это не было известно проектировщикам. Когда нет безошибочной, со стопроцентной надежностью гарантии в безопасности атомной станции, разве можно быть уверенными, что если не в скором времени, то через десятилетия или через столетия не может случиться и здесь чернобыльская трагедия с последствиями во всей Природе, во всех городах и селах, что в бассейнах Волги, Днепра, Мсты и Западной Двины?! Да и не только там. Ведь какая кругом Природа, какие древние города! Какие памятники культуры! Воистину мирового значения памятники! Зеркало истории России! Случись здесь катастрофа, подобная чернобыльской, это станет чудовищной трагедией для всей России — и не только России! — во сто крат смертоноснее всех трагедий, включая все войны, которые знала планета Земля. Такие же донельзя опасные гигантские сооружения у самой околицы Ленинграда в Сосновом бору, под Смоленском и под Курском, под Свердловском и под Куйбышевом, под Минском и в других местах, где делать это противопоказано и наукой, и практикой, и нравственностью. Посудите сами, территория Советской страны — больше двадцати двух миллионов квадратных километров. И пустыни есть, и тундры, и острова безлюдные, и Арктика. Хотя и там с умом полагается действовать. Без кодекса технической нравственности в наш век жить нельзя. Я не раз писал об этом, но у нас или вовсе не печатают подобное, или пересылают куда-нибудь. Да, наказы XXVII съезда партии сделать явью — не так просто. Великодушие к невеждам незамедлительно превращается во зло. Советские ученые не имеют морального права повторять в науках безнравственные ошибки капиталистического мира. Нам есть чему поучиться и у Запада. Разве не поучительно, что Швеция, где сорок две атомные станции, еще до чернобыльской трагедии наметила закрыть их к 2000 году, а теперь, после Чернобыля, намечено это ускорить к 1990 году. Мы должны во всех науках, во всех хозяйственных практических делах, во всем показывать вы-

сокоправственные примеры жизни, наши коммунистические примеры с лучшими идеалами во имя блага не только сущих поколений, но и тех, которым суждено жить после нас. Мы должны, обязаны искать и находить новые виды энергии, в дополнение к тем, что имеем. Она есть, такая энергия, в природе — вековечно полезная, без вредоносной радиации. И ветер не у дел, и вода, и солнце. И многое другое. Как неразумно запрягать в телегу черта или всякую другую нечистую силу, когда у человека есть такой надежный и послушный многие века друг — конь, так неразумно забывать про безотказные, весьма похвально зарекомендовавшие себя двигатели самых разных систем без губительных радиаций, со сказочными возможностями на все случаи жизни в будущем. В небольших лабораториях, вероятно, позволительно и необходимо исследовать и атом. Но беспардонный риск в общегосударственном масштабе — не что иное, как самоубийственное безумие не во благо, а во вред народам. Человечество уже не раз обжигалось на экспериментах глобального масштаба.

Атомные гиганты... — это ж мы сами себе подкладываем в каждую область Хиросимы. Да еще какие! Долговременные! Хиросимская бомба — только один килограмм урана, а каждый реактор АЭС — тонны урана. Да еще какие тонны! Язык не поворачивается называть цифры. Но и это еще не все. Весьма опасны — разве можно забывать об этом? — не только сами атомные реакторы, но и смертоносные отходы их «деятельности», которые и захороненные, как показала практика, остаются угрозой для будущих поколений, угрозой, все еще таинственной, до конца неразгаданной, коварной. Ее Величество Природа упрятала свое исчадие ада — радиацию — в недра планеты ради жизни ее обитателей, и жизнь с той поры стала нормальной, расцвела. А мы, не считаясь с законами Природы, вытащили радиацию наружу и так невежественно обращаемся с ней! Ликвидация ядерного оружия — это, безусловно, необходимо, но даже если все ядерное оружие будет уничтожено на всей планете, человечество не избавит себя от ядерной опасности при существовании атомных станций. В немирном ракетном, лазерном, террористическом мире особенно, да и в мирных условиях каждая атомная станция еще более уязвима и опасна, чем незащищенный сосуд с отравляющими газами или с заразой чумы и холеры. Лозунг «Да здравствует мирный атом!» — это глубочайшее заблуждение: мирного атома в прямом смысле этих слов не существует. Федора Тютчева восхищало, что: «так связан, съединен от века союзом кровного родства разумный гений человека с творящей силой естества». А мы это кровное родство разрушаем. Одуматься надо, пока не поздно. Человечеству суждено жить вековечно, и от того, насколько у ныне здравствующих людей развито верное чувство будущего, нравственность этого судьбоносного чувства, зависит судьба будущих поколений.

Писатель не имеет права умалчивать и о той деятельности, от которой зависит наша с вами Жизнь.

Давайте же говорить правду обо всех насущных проблемах и прежде всего о главных — ГОВОРИТЬ ИСКРЕННЕ, ДЕЛОВИТО.

Петр ДУДОЧКИН,
писатель,
г. Калинин

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ТЕПЛОТА ЛЮБВИ

Название этой поэтической книги — «Второе зренье» — само по себе образ, объемность которого раскрывается в контексте всего творчества Александра Руденко. От сборника к сборнику взгляд поэта становится внимательней и добрее, приходит «второе — сердечное — зрение», как пишет автор.

Его лучшие вещи отличает неподдельная заинтересованность очевидца. Отталкиваясь от наблюдаемого лично — в природе, в душе, в жизни современника, поэт выходит на серьезные проблемы и обобщения. С первых страниц книги в поле зрения автора конфликт между творческим и сугубо потребительским отношением к окружающему миру — между «красотой» и «жесткой силой», по определению самого поэта. Нравственная оценка обозначенного конфликта недвусмысленна. Примечательны в этом отношении стихи «На перелетах». В них дана умиротворенная картина предутреннего озера. Но в лодке — ружье. И чувство покоя, которое охватывает человека, любующегося природой, оказывается недолговечным, его побеждает инстинкт охотника:

Медленно шест поднимаешь
из тины...
Но нарастающий посвист
утиный
Будит внезапную страсть.
Посвист крылатый,
пронзительный, долгий...
Месяц
садится на мушку
двустволки —
Чтоб от дуплета пропасть!

Выразительный и страшный образ. За внешним эффектом — осознание того, что оптическая иллюзия способна стать реальностью. Современное оружие — позволит.

Однозначно решается тема трагической разобщенности природы и человека в стихотворении «Подводный охотник». Его герой противопоставлен «стихии чудной и чужой», которая «и разум твой не примет, и страсть — отри-

---

А. Руденко. Второе зренье. Стихотворения и поэмы. М., «Молодая гвардия», 1986.

нет... И когда ты вверх идешь тяжелой глыбой, вздымая ластами бурун, тебя соединяет с рыбой лишь смертоносный твой гарпун...». Человека-потребителя соединяет с природой лишь такая — гибельная — связь. Гибельная не только для природы, но и для ее «покорителя», недаром и всплывает герой — «тяжелой глыбой», будто на самом деле идет на дно. Стихи заставляют вспомнить центральную главу астафьевской «Царь-рыбы»: похожа ситуация, так же разрешается нравственный конфликт. В том, что для автора природа — «стихия чудная», но не чуждая, убеждают и такие строки: «Как тайна — в осеннем саду каштан обитает... Но стоит коснуться рукой ствола позолоты — и чудится мне: под корой пульсирует что-то... Как сердце невнятное, но почти человечье...» Поэт чувствует «короткое счастье под кровом сплетенных еловых ветвей», для него малое и великое в природе — смыкаются: «...в небе клики гусей — словно звезд голоса...» Да и заглавное стихотворение книги — о красоте и незащищенности окружающего мира: «Это — все мое богатство, хрупкий золотой запас».

Общение с родной природой — немаловажный источник нравственной силы человека. И постижение Родины для поэта — прежде всего постижение отчей земли в ее природной неповторимости:

В чистом серебре снегов
России,
В золотых распадках
сентябрей
Вдумчивые будни нас
растили —
Сложных, недоверчивых детей.

«Золотой запас», «ствола позолота», «серебро снегов», «золотые распадки сентябрей» — характерен сам подбор эпитетов с устоявшимся в народной поэтике оценочным значением.

Многие стихотворения А. Руденко, и в том числе пейзажная лирика, подкупают конкретностью описаний. У него редко встретишь абстрактные «цветы» и «травы», безымянных «зверей» и «птиц»: как правило, и растения, и твари бессловесные — н а з в а н ы. Вот только некоторые из крылатых обитателей наших лесов и болот, упомянутые в книге: дрозды, чирки, кряква, гуси, тетерева, сыч, аист, соловьи... Об иных мы и знаем — понаслышке.

Впрочем, упоминать пернатых становится небезопасным. Так, разносный «анализ» одного из поэтических сборников критик-любитель начал с того, что подсчитал, насколько часто встречаются в стихах молодых поэтов... соловьи, журавли, жаворонки. А равно — такие понятия, как Родина, Отчизна, страна. И сделал далеко идущий вывод: «Настал такой момент, когда поэзии (она грешит этим больше, чем проза) необходимо наложить внутреннее вето на некоторые свои атрибуты. Хватит злоупотреблять соловьями, Россией, милым краем и отчим домом» («Юность», 1987, № 8). Тенденции, которые отразило «мнение молодого поэта» — а именно так обозначен «жанр» процитированной статьи Юрия Беликова, — не новы. Откуда это высокомерие, это попахивающее нафталином «запретительство»? Думается, от элементарного недомыслия, инфантилизма духа. Человек духовно зрелый, носитель подлинно высокой культуры, не станет нигилистически «ниспровергать» то, что в силу каких-либо обстоятельств не понимает или воспринимает как нечто для себя чуждое. Между тем внимание к природе, к окружающему миру, который как раз и начинается с о т ч е г о д о м а и м и л о г о к р а я, — не свидетельство ограниченности дарования, как это хотели бы представить современные «горе-модернисты», но непременное условие первичности художественного творчества. Альтернатива ей — книжность, схематизм конструктивистских решений. Отечественная поэзия дала высокие образцы одухотворенной лирики природы. Следовать им — значит брать уроки нравственности и мастерства. И надо сказать, лучшие пейзажные зарисовки А. Руденко отличает подлинная пластика, точность деталей: «За ночь крепко стянуло оконца болот. Кряква, сбитая выстрелом, бьется об лед. И пучки камышовых обветренных стрел серебрятся по кочкам...» А стихотворение «Октябрь. Сумерки» стоит привести полностью:

Сухой листвой шуршит закат
в овраге,
Где родничок забился
под коряги,
Показывая тонкий язычок.
Латунной флягой зачерпну
водицы,
И в горлышке ее начнет
светиться
Вечерницы неверный
светлячок...

И слышит, видит, замечает это — горожанин, коренной москвич. Не утратил интереса к живой природе, не отгородился убого-подражательными урбанистическими конструкциями от многообразия нашей действительности. Напротив — следуя традициям отечественной лирики, пытается разобраться в непростых отношениях человека с жизнью.

В юности так хотелось отыскать панацею от всех бед людских — сказочные «целебные травы — от жестокости, страха, тоски». С годами пришло трезвое понимание своих возможностей: «...трудно мастерство мое рождалось, но теперь я с ним не пропаду! Ни гроша, как прежде, не имею... Только непонятный пыл окреп — тот, с которым боль свою умею в радость превращать, как будто — в хлеб...» Неплохо сказано об очищающей силе искусства, вот только определение «непонятный» представляется не вполне точным.

Нравственное кредо автора выражено в стихотворении «Совесть». В углубленном значении трактуется здесь понятие-образ в т о р о е з р е н ь е. Это свой взгляд на вещи, чувство собственного достоинства, осознание своего права на выбор. Но главное — совесть как внутренняя потребность в строгой самооценке, в чувстве стыда.

Быть «предельно честным перед людьми и пред собой» нелегко. Да и где п р е д е л откровенности? Все ли, что «миру, как врачу, исповедать хочется», нужно выносить на суд читателей? Не копание «в иле памяти», в «обидах» и «злых страхах» представляет интерес для поэта, но судьбы окружающих его людей. Автор подмечает в их облике характерное, запоминающееся. «Ясноглазая девочка в мальчиковых сандалиях» трижды в день провожает и встречает пассажиров районного автобуса и среди них — пожилых крестьянок, с «землистыми мужскими руками». Хозяин

старого дома бережно хранит семейные реликвии и ждет не дождется приезда сына. Вчерашняя девчонка, «девушка с кожей молочной» навсегда уходит от сельского дома навстречу городским огням. Есть в книге и вечный тип нашего мечтателя-прожектера — «небритый мужик», в мыслях которого «все то же — молочные реки, кисельные берега...». А рядом — тоже узнаваемый персонаж — «знакомый чинуша», чья гнилая суть обнажается с презрительной иронией.

Личные неурядицы отступают на второй план, когда задумываешься о других людях, особенно о тех, чья жизнь действительно трудна. И поэт, вслушиваясь в «жизни ярмарочный гул», видя все ее несовершенство, не хочет мириться с ним. И прежде всего — с ложью, будь то прекраснодушная мечтательность мужиков, которые грезят о молочных реках, но не могут расчистить от снежного киселя проселок, будь то заведомая неправедность бюрократа, у которого «под пиджаком трепещет плоть — перед решением, поступком», будь то, наконец, собственная успокоенность или боязнь «быть судимым и судить». Вывод автора краток, афористичен: «Если ложь далеко заходит, то до правды — подать рукой...» Иными словами, пришло время, когда единственный выход из создавшегося ложного положения — путь правды.

Совестливость, наше «второе — сердечное — зрение», помогает видеть мир взглядом ясным, но не хладнокровным. И конфликт «жесткой силы» и «красоты», голого потребительства и творческого начала в человеке разрешается не в пользу первых. Не стоять над жизнью, а быть в гуще повседневности — вот заветное желание поэта: «Но ведь ничего, пожалуй, больше и не нужно мне: только быть все глубже в шалой человеческой волне... Прикасаясь к жизни зыбкой, ускользающей, родной — с чуть растерянной улыбкой, с чуть печальной добротой...»

Теплота человеческих отношений — ключевое понятие в лирике А. Руденко. В стихотворении, посвященном друзьям, звучит тот же мотив — подлинная дружба сдержанна в своих внешних проявлениях, не терпит саморекламы, ибо «слишком часто понятие «друг» унижалось до шумных застолий с предложеньем взаимных услуг...», друзей, утверждает поэт, объединяет «бескорыстная тайна: теплота нашей жесткой любви». «Жесткой» — конечно же, в значении «твердой», «суровой», «строгой» (вспомним «Строгую любовь» Ярослава Смелякова). В отношениях любящих, в чувстве товарищества поэт ценит чистоту, несуетную верность:

Все дороже старые товарищи...
Видно, время и в любви
пришло
Оценить
не жар испепеляющий,
А животворящее тепло...

Несомненна ирония, с которой произнесены слова «жар испепеляющий»: сказанные всерьез, они прозвучали бы слишком высокопарно. И тут уместно отметить, насколько в стихах А. Руденко широк спектр авторской интонации: от глубокого сострадания — до едкого сарказма. Богата и ритмика стихов, что помогает автору, правда, не всегда, избежать монотонности. Убедительны, в частности, обращения к свободному стиху (видимо, результат немалого переводческого опыта, прежде всего, переводов с болгарского языка). Отмечу стихотворение «Орех». В нем человеческая любовь показана как естественное продолжение созидательной силы природы, а заключительные строки, обращенные к возлюбленной, подводят итог мучительным раздумьям о противостоянии мира и человека, о разобщенности самих людей. Любящие получают больше, нежели отдают, ибо любовью продолжается жизнь: «Чувствую я по себе: ты сегодня способна жизнь продлевать, как земля, как природа...»

Мысль о бессмертии рода человеческого, о месте человека в череде поколений заставляет обратиться к опыту прошлого. Среди исторических произведений выделяется отточенностью формы стихотворение «Панно». Речь в нем идет о событиях многовековой давности. Позволив завлечь себя в западню, царь Болгарии Самуил терпит поражение от Византии. «Милостивый» василевс Василий отпускает пленных болгар... выколов им глаза. Пятнадцать тысяч ослепленных ратников — и вечный вопрос, обращенный не только к самонадеянным властителям древности, но и к тем, кто стремится встать над людьми сегодня: «Кто земным владыкам право вверил — судьбами играть?!»

Истории Болгарии, истокам нашего братства посвящена поэма «Пленники крепости». Двое наших современников, отец и сын, волей обстоятельств проводят ночь в стенах древней Видинской крепости. А повидали камни Баба Виды немало — и запечатленное в их двухтысячелетней памяти воскресает перед мысленным взором поэта. Дважды в истории были здесь русские солдаты-освободители, пролили свою кровь. И сын великого народа, пришедший сюда не как «турист заезжий», но как «гость не случайный», понимает, что породнен с этой землей — породнен общностью судеб России и Болгарии. Но осознает он и родство глубоко личное. В его собственном сыне «слиты воедино две памяти... И двух народов кровь», а значит, он, отец, связан с этой землей вдвойне кровно. Потому и проникнуты строки о Болгарии подлинной теплотой любви.

Историзм поэтического мышления дает поэту право говорить от имени сверстников. Завершающая книгу поэма, близкая по форме к традиционному венку сонетов, так и названа — «Поколение». Основное содержание поэмы — преемственность духовного опыта отцов, солдат-победителей, их сыновьями, рожденными после войны. В центре внимания поэта — по-прежнему нравственные проблемы: «И надо мир понять — такой, как есть. Но отстоять в нем доброту и честь». Отстоять — и передать своим детям. В произведении много места отведено задачам воспитания — и самовоспитания, в том числе. А. Руденко, по существу, обратился к полузабытому жанру дидактической поэмы, поучения. Но тон автора вовсе не менторский, поэт как бы размышляет вслух, делится с читателем своими опасениями и надеждами. В «Поколении» сформулирована мысль об ответственности каждого за целостность и мо-

ральную стойкость народа: «Себя находит в одиночку каждый. Но в поисках задумайся однажды, что путь наш общий — это путь страны».

Дорогой мужания идет лирический герой, с образом которого так часто сливается образ автора. Понимая, что «сделали еще досадно мало», что мир порою «несправедлив и низмен», герой книги не теряет веры в конечную победу сил добра и созидания, «поскольку вечно суждено являться всему — живому — в муках родовых». Знаменательно, что в этих строках снова возникает образ матери-природы.

Говорят, из песни слова не выкинешь... Есть во «Втором зренье» стихи, на мой взгляд, малосодержательные, необязательные для объемистой семичастной книги. К счастью, их немного: «Мотив», «Наступит ночь...», «В небе звездное волненье...» Что ж, книга — живой организм, только неживое может быть лишено изъянов. И тут уместно привести слова поэта из уже цитировавшегося стихотворения о друзьях: «...Пусть еще не один недостаток кто-то в них — беспристрастно — найдет... Не в других — только в их я нуждался! И не раз — среди острых углов — с удивлением убеждался в неподдельности дружеских слов...» Наверное, не каждый читатель включит эту книгу в круг своих друзей. Но в неподдельности ее может убедиться каждый.

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ

НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ

Значение исторических событий в полной мере осознается тогда, когда уже стали историей их отдаленные последствия. Тогда и возникает потребность понять их причины, обратиться к истокам. Книга Е. Горбунова посвящена именно такому событию — разгрому войск японских милитаристов на Халхин-Голе в августе 1939 года, охладившему воинственный пыл захватчиков и повлиявшему на всю последующую политику Японии на Дальнем Востоке. Однако взяться за перо автора побудило не только величие подвига воинов Красной Армии, но и попытки современной буржуазной пропаганды обелить агрессивную политику японских милитаристов, разжечь реваншистские настроения, возродить дух самурайской воинственности. Поэтому, рассматривая события на Халхин-Голе как пробу сил японской военщины, готовившейся к большой войне против СССР, автор отводит значительную часть книги обстоятельному рассказу о том, как по мере подготовки к войне нарастала агрессивность Японии на Дальнем Востоке, создавались условия для захвата советского Приморья, что, по мнению автора, необходимо как для уяснения самих событий лета 1939 года, так и для понимания причин вступления Советского Союза в войну против Японии в августе 1945 года. Последнее обстоятельство тем более важно, что книга рассчитана прежде всего на молодого читателя, еще не искушенного в анализе специальной исторической литературы, но в то же время являющегося главным объектом идеологических диверсий со стороны буржуазной пропаганды.

Е. Горбунов 20 августа 1939. М., «Молодая гвардия», 1986.

Надо сказать, что автор поставил перед собой довольно сложную задачу — в сравнительно небольшой по объему книге в популярной форме изложить события двадцатилетнего периода истории, и не просто изложить, а показать их сущность. Но уже после прочтения первых глав книги становится ясным, что автор успешно с ней справился. По своей форме книга является своеобразным историко-публицистическим обвинением японского империализма в подготовке войны против первого социалистического государства. Ее характер определен материалом, положенным в основу, — это главным образом протоколы и документы Международного военного трибунала в Токио, раскрывающие подлинные намерения японских милитаристов на Дальнем Востоке.

Как известно, особенностью политического развития Японии в начале XX века была теснейшая связь монополий с военщиной, сумевшей не только сохранить феодальные традиции со времен становления императорской власти, но и получить место доверенного представителя самых реакционных кругов монополистической буржуазии. Достаточно хотя бы перечислить те события из истории Японии первой четверти XX века, когда длинные самурайские мечи вынимались из ножен, такие, как война с Россией в 1904—1905 годах, аннексия Кореи в 1910 году, захват Шаньдуна, Маршалловых, Каролинских и Марианских островов в 1914 году, участие в интервенции против Советской России в 1918—1922 годах, чтобы увидеть, что японский империализм буквально вырос на прибылях, приносимых агрессивными войнами. Отсюда становится ясным, почему подлинные хозяева Страны восходящего солнца с удовольствием поручили военным внешнюю политику государства.

Занимая по традиции важнейшие посты в государственном аппарате и чувствуя поддержку монополий, выходцы из старинных самурайских кланов строили планы создания континентальной империи, в которых война против Советского государства рассматривалась как необходимость на пути «национального развития». К концу 20-х годов в бронированных сейфах японского генерального штаба лежал секретный план под кодовым названием «ОЦУ», ставший основой всех военных приготовлений на Дальнем Востоке. Цели, ставившиеся в нем, постоянно уточнялись в зависимости от политической и военной обстановки — от захвата Приморья в первом варианте до оккупации советской территории вплоть до Байкала — в одном из последних. В книге много внимания уделено разоблачению замыслов японских генералов и политиков. Помимо упомянутого плана «ОЦУ», читатель найдет рассказ о меморандуме премьер-министра Танаки об основах «позитив-

ной политики в Маньчжурии и Монголии», в котором с предельной откровенностью высказывались претензии на мировое господство, о докладе Масатанэ, представлявшем собой подробную программу диверсионной работы против Советского Союза, и о многих других зловещих документах, родившихся в штабах и офисах корпораций милитаристской Японии. Привлекая различные материалы, автор показывает поразительное единство японских политиков, дипломатов и военных в их взглядах на перспективы будущей войны против СССР. Не случайно дипломатическая служба в Москве в Японии рассматривалась как своего рода передовая в борьбе против социалистического государства. Многие военные преступники начинали именно здесь свою карьеру, такие, например, как бывший военный атташе, а затем начальник штаба Квантунской армии Юкио Касахара или один из главных подсудимых Токийского трибунала, а ранее посол в Москве, министр иностранных дел и премьер-министр Японии Хирота.

Для нападения на своего северного соседа империалистической Японии нужен был плацдарм у его границ. Таким плацдармом стала Маньчжурия. С захватом северо-восточных провинций Китая завершился первый этап подготовки планировавшейся японской агрессии против Советского Союза. Подлинные намерения Японии не были секретом для капиталистических держав, имевших свои интересы в Азии. Так, американский посланник в Китае Джонсон в своем донесении в Вашингтон прямо писал о том, что «военные власти Японии пришли к заключению, что для них имеется возможность действовать в Маньчжурии и продвинуть японскую границу дальше на запад в подготовке к столкновению с Советской Россией, которое они считают неизбежным». Однако в Токио были уверены, что, пока Япония ведет широкую подготовку к войне против СССР, крупные капиталистические державы, и прежде всего США, не будут препятствовать ее агрессивным действиям на континенте. Китай с его слабо вооруженной армией был фактически беззащитным перед агрессором, и лишь помощь Советского Союза, поставлявшего вооружение и боевую технику, направившего своих летчиков-добровольцев сражаться в китайском небе, спасла гоминьдановское правительство от полного поражения.

Японская военщина преждевременно радовалась перспективе будущих захватов, однако в столице империи понимали, что для большой войны ресурсов недостаточно, нужен союзник. Специальная глава в книге посвящена возникновению союза милитаристской Японии и фашистской Германии, в ней раскрывается действительное содержание так называемого «антикоминтерновского пакта», секретное соглашение которого «создавало военный и политический союз против первого в мире социалистического государства».

Обязательства, предусмотренные секретным соглашением, принимались якобы на случай неспровоцированного нападения со стороны СССР. Однако у Японского правительства не было никаких оснований сомневаться в искреннем миролюбии Советского Союза. Еще в 1931 и в 1933 годах советское руководство предложило Японии заключить пакт о ненападении, но оба раза Япония отклонила эти предложения. Агрессия в Китае, выход войск Квантунской армии к дальневосточным границам нашей страны, угроза нападения на Монгольскую Народную Республику, территория которой рассматривалась японским генеральным штабом как удобный плацдарм для вторжения в советское Забайкалье, — все это заставляло укреплять обороноспособность дальневосточных рубежей страны. В книге приводятся многочисленные факты, показывающие огромные усилия, прилагаемые Советским государством для обеспечения защиты не только своей территории, но и дружественной Монголии. Так, к январю 1934 года общая численность войск Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) и Тихоокеанского флота увеличилась по сравнению с 1931 годом в пять раз. В МНР к концу 1937 года находился хорошо вооруженный тридцатитысячный корпус, равного которому не было в Квантунской армии, — именно ему пришлось сыграть важнейшую роль в событиях на Халхин-Голе.

Непосредственно разгрому японских войск у маленькой болотистой реки, затерявшейся в монгольских степях, посвящена третья глава книги. Здесь читатель найдет рассказ о героизме советских солдат и офицеров, из которых семьдесят человек стали Героями Советского Союза, о кропотливой работе штабов по организации этой первой крупной операции, проводившейся в реальных боевых условиях, а не в маневрах, о дипломатической борьбе вокруг агрессии Японии. Впоследствии маршал Г. К. Жуков скажет: «Я до сих пор люблю эту операцию». Многое было сделано впервые — впервые применялись крупные танковые и мотоброневые соединения, впервые при окружении создавались внешний и внутренний фронты, позволявшие сразу же приступить к ликвидации окруженных войск, не позволяя подоспевшим резервам противника их деблокировать. Но не в росте военного искусства советских полководцев заключалось значение событий на Халхин-Голе. Здесь были похоронены планы японских милитаристов создать континентальную империю. Это была стратегическая победа, сдерживавшая Японию от нападения на СССР на протяжении всей мировой войны. После поражения в Монголии японский империализм вынужден был повернуть острие агрессии на юг, где после разгрома фашистской Германией Франции и Голландии, а также ослабления Англии фактически без защиты оставались многочисленные колонии этих крупнейших колониальных империй. Овладение столь лакомым куском для японских монополий было невозможным без хотя бы формального урегулирования отношений с Советским Союзом, поэтому Япония пошла на заключение предложенного СССР пакта о нейтралитете, который был подписан 13 апреля 1940 года. Однако в действительности отношение милитаристской Японии к Советскому государству не изменилось, поэтому даже в разгар битвы под Москвой со-

ветскому командованию приходилось держать на дальневосточных рубежах 39 дивизий.

Конечно, книгу Е. Горбунова отличает не только широта охвата исторических событий. В ней читатель найдет много портретов политических деятелей и военных, узнает о малоизвестных деталях описываемых событий. Так, например, несомненный интерес вызовут те страницы книги, в которых рассказывается о деятельности советских разведчиков, приложивших немало усилий для того, чтобы раскрыть замыслы японских милитаристов. Как известно, благодаря попустительству американского командовании японцам удалось избежать ошибки гитлеровцев, не успевших уничтожить компрометирующие документы. Большинство документов, свидетельствовавших о бесчисленных преступлениях японской военщины, были уничтожены в печах министерств и штабов. Поэтому документы, полученные советской разведкой, оказались в числе важнейших доказательств того, что агрессивная война против СССР была одним из основных элементов национальной политики Японии на протяжении длительного периода. Советским разведчикам удалось заполучить меморандум Танаки, который был впоследствии опубликован Советским правительством в американской прессе. В Токио тогда так и не смогли определить источник утечки информации. Советским обвинением в Токийском процессе использовалась фотокопия секретного доклада военного атташе Японии в Турции Засимото «Положение на Кавказе и его стратегическое использование для диверсионной деятельности против СССР». В книге читатель найдет рассказ о малоизвестной операции, проведенной органами ГПУ под названием «Мечтатели», в ходе которой чекистам удалось выйти на японскую разведку в Маньчжурии и на ее каналы проникновения в советское Забайкалье и в течение нескольких лет дезинформировать японский генштаб о состоянии советской обороны на Дальнем Востоке.

Книга хорошо иллюстрирована многочисленными фотографиями, некоторые из них публикуются впервые. В целом читатели, интересующиеся героическими страницами истории своей страны, получили интересную, публицистически острую книгу.

В. КУДРЯВЦЕВ

НЕРВУЩАЯСЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Новая книга известного литературоведа и критика Петра Палиевского отвечает на коренной вопрос развития национальной литературы: что́ нового внесла эта литература в нравственные искания человечества? В сжатой форме автор книги показывает своеобразие классической русской литературы XIX века, раскрывает ее уникальное значение для литературы всемирной. Перед нами предстает путь русской литературы, в начале которого был Пушкин, поднявший ее на вершину не достигнутого и поныне идеала, а в конце — Горький, по-своему преломивший традицию и своим творчеством подготовивший восприятие достижений литературы XIX века классической литературой советской эпохи.

Палиевский еще раз обращает наше внимание на «тот хорошо известный факт, что русская классическая литература, по стечению разных обстоятельств, взяла на себя роль, которую в других европейских странах выполняли философия, социология, политика и иные формы общественного сознания. Роль эта лишь отчасти была вынужденной: художественный образ позволял говорить обо всех проблемах вместе, не расчленяя их, был наиболее близок жизни в ее непредвидимых оттенках (каждый из которых по обстоятельствам мог вдруг стать главным), наконец, был понятен большинству — то есть давал ряд преимуществ, к которым обращались сознательно». Русская литература в условиях самодержавного режима, когда политическая деятельность и возможность выражать свое мнение в прессе по актуальным проблемам были сильно ограничены, именно литература стала подлинной совестью народа, стремясь дать ответ на самые острые вопросы общественного бытия. В большинстве европейских стран, где в XIX веке существовали в той или иной мере буржуазно-демократические свободы, в литературе мы не найдем того сплава яркой публицистичности с высокой художественностью, ставшего характерной чертой литературы русской. Что же касается ее своеобразного пути развития с пушкинским идеалом в начале, то он может быть сопоставлен, к примеру, с эволюцией английской литературы, освещенной гением Шекспира. В то же время французская и немецкая литературы развивались иным образом, дав плеяды талантливых писателей, но без столь резко выдающейся над другими фигуры, как Пушкин или Шекспир.

Высшим уровнем развития литературы автор считает открытие писателями вечных общечеловеческих ценностей, отличительным признаком которых «служит высота, видимая с любой точки исторического развития. В свою очередь она тоже это развитие «видит». Такая ценность, оставаясь наименее подвижной относительно исторического прогресса, в то же время этот прогресс предполагает и отражает в себе с наибольшей полнотой». Литературовед предлагает оценивать уровень той или иной литературы, того или иного писателя прежде всего по вкладу в вечные ценности человечества, в его нравственный прогресс. Но, не обладая высшим художественным мастерством, такой вклад сделать попросту невозможно. Поэтому предлагаемый критерий действительно оказывается универсальным, приложимым к творчеству любого писателя, к любому периоду развития всякой национальной литературы. Безусловно, представляло бы огромный интерес сравнительное исследование главнейших мировых литератур с этой точки зрения, чтобы выявить сравни-

П. Палиевский. Русские классики. Опыт общей характеристики. Предисловие Л. Леонова. М., «Художественная литература», 1987.

тельные особенности их исторического пути. В русской же классической литературе, как и в любой другой, существует ряд имен тех, кто внес свой вклад в вечные ценности человечества. Это — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов, Горький. Эти писатели своим творчеством расширяли и продвигали вперед тот идеал, который постоянно присутствует в развитии русской литературы. Эстафету русской классической литературы приняла русская литература советского периода, в творчестве Михаила Шолохова и Михаила Булгакова достигла классических высот, раздвинув наши представления о человеке и его месте в мире, показав, как вечные нравственные коллизии преломились в условиях нового общества.

Часто идеи, высказанные русскими писателями, во многом предвосхищали проблемы, которые во всей остроте встали перед обществом лишь значительно позднее, в XX веке. Многие этические и эстетические аспекты этих проблем предвидел, например, еще Лев Толстой. Как подчеркивает Палиевский, образ товарища прокурора Бреве из «Воскресения» «предвосхитил некоторые приемы, носители которых, конечно, не пожелали бы признать с ним родства». «В речи товарища прокурора, — писал Толстой, — было все самое последнее, что было тогда в ходу... Тут была и наследственность, и прирожденная преступность, и Ломброзо, и Тард, и эволюция, и борьба за существование, и гипнотизм, и внушение, и Шарко, и декадентство». Это он «разгадал» присяжным личность Масловой, заявив, что «она обладает таинственным, в последнее время исследованным наукой, в особенности школой Шарко, свойством, известным под именем внушения», — и это объяснение восторжествовало. Поставьте сюда другую, более современную школу, дайте иную терминологию — психологическую, сексологическую, семиотическую, из теории игр, — картина станет еще богаче. Тем более, что все это касается и искусства, и самого Толстого, объясненного подобным образом не раз.

Одно предостережение Толстого особо замечательно. Наверное, наше время решилось бы выслушать это только от Толстого, тем приятнее его напомнить. Он говорил: «Утрачено чувство, я не могу определить это иначе, — чувство эстетического стыда», —

Можно подумать, что Толстой говорит здесь о том, что в его время наивно называли «рискованными описаниями». Но проблема значительно глубже. Распадение внутренних креплений и подчинение внешней силе... Причем это может проходить незаметно, вовсе не от политического давления, например, но в форме совершенно законного удовлетворения разных интересов и групп. Появляется социология, которая учит, как удовлетворять эти вкусы... И вот вкусы удовлетворены, успех обеспечен, но где то, что могло бы связывать все эти группы, где истина? «Художник, который должен был соединять людей, оказывается, содействовал их разобщению. Угроза замечательна тем именно, что невидима, что приносит облегчение... Не будем говорить вслед за Толстым, что эстетический стыд утрачен, но согласимся, что его не хватает».

Да простит мне читатель столь обширную цитату, но книга Палиевского — это образец критической прозы в лучшем значении этого слова. И сквозь строгий литературоведческий анализ проглядывает тревога критика за то, что часть литераторов утрачивает нравственные ориентиры, что форма для них становится самоцелью и полностью отрывается от идейных исканий. Палиевский показывает, что в классических произведениях очень часто содержится ответ на самые жгучие вопросы нашего времени. Так, толстовский «Хаджи-Мурат» «принадлежит к тем книгам, которые надо бы рецензировать, а не писать о них литературоведческие работы. То есть к ним нужно относиться так, как если бы они только что вышли. Только условная критическая инерция еще не позволяет так поступать, хотя каждое издание этих книг и каждая встреча с ними читателя есть несравненно более сильное вторжение в центральные вопросы жизни, чем — увы — иной раз бывает у догоняющих друг друга современников».

Метод исследования, предлагаемый автором книги, представляется чрезвычайно плодотворным. Он не только дает возможность дать обобщенный, но неповторимый рисунок существа любой национальной литературы, но и раскрывает нам, как литература выходит на важнейшие общественные проблемы. Ведь весь путь развития русской литературы — это непрерывный поиск ответа на вопрос: в чем назначение писателя, литературы? Только та литература, которая поднялась до создания общечеловеческих ценностей, сделала художественные открытия всемирного значения, может по праву называться мировой. К русской классической литературе эти слова применимы в первую очередь. Именно она «предъявляет к личности максимальные (порой максималистские) требования — ради фундаментальных ценностей жизни. Она измеряет личность масштабом целого, общечеловеческой правдой, и выдвигает необходимость разработать новый тип человека, отвечающего этой правде. Ее усилия сосредоточены на том, чтобы найти для личности иную основу, преодолеть зашедший в исторический тупик индивидуализм». Русская классика с самого своего начала связана с призывом к общечеловеческому братству, стремится создать идейную основу для такого братства. Эта связь становится еще более актуальной для литературы советской — преемницы и продолжательницы классической традиции.

Борис СОКОЛОВ

ПРОБЛЕМЫ РЕШАЮТСЯ... ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

В июньском номере журнала за 1987 год был опубликован очерк Н. Ткаченко «Кто решит проблемы Сахалина?». В публикации автор резко обозначил проблему экологического равновесия на Сахалине, рассказал о фактах бесхозяйственного использования природных богатств острова, нередко грубого, хищнического вторжения промышленных предприятий в окружающую среду.

После публикации очерка журнал получил ответ из прокуратуры Сахалинской области. Прокурор Сахалинской области старший советник юстиции В. С. Ленских сообщил в редакцию:

«Прокуратурой проведена проверка некоторых сведений, изложенных в очерке Н. Ткачанко «Кто решит проблемы Сахалина?». Проверкой установлены грубые нарушения Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик, Закона СССР «Об охране атмосферного воздуха» на некоторых предприятиях области.

Следует, во-первых, отметить, что за последнее время вопросам охраны окружающей среды на Сахалине стало уделяться значительно большее внимание, о чем свидетельствуют, например, факты создания

в области специальной межрайонной (природоохранительной) прокуратуры, проведения органами прокуратуры, народного контроля, специальными контролирующими организациями целого ряда проверок исполнения природоохранительного законодательства.

В декабре 1987 года вопросам экологии был посвящен семинар-совещание, проведенный по инициативе прокуратуры с руководящими работниками предприятий и ведомств, воздействующих на природу, а также с представителями всех контролирующих органов.

Вместе с тем приходится отмечать, что экологическая обстановка в области настолько серьезна, что в ряде случаев вредное воздействие промышленных предприятий на природу в настоящее время приняло уже необратимый характер.

В первую очередь — это воздействие предприятий лесной и бумажной промышленности, угольщиков, нефтяников, коммунального хозяйства.

На острове имеются семь целлюлозно-бумажных заводов (ЦБЗ), построенных в период 1911—1935 годов, и ни один из них не имеет сооружений для очистки сбрасываемых в море промышленных стоков. Это объясняется как давностью постройки, так и невыполнением Минлесбумпромом требований законов и планов природоохранных мероприятий.

Ежегодно предприятиями производственного лесопромышленного объединения Сахалинлеспром сбрасывается без очистки в реки и моря 105,3 миллиона кубометров сточных вод. Водоохранные сооружения Поронайского ЦБЗ, например, обеспечивают очистку сточных вод только на 50 процентов, нормы предельно допустимых сбросов по взвешенным веществам превышаются в 10 раз. Влияние сточных вод завода привело к увеличению в заливе Терпения специфических загрязнителей — сульфатов и сульфидов.

Проверкой исполнения водоохранного законодательства в Лермонтовском разрезоуправлении (РУЛ) установлено, что влияние сточных вод предприятий на ручей Угольный (в статье он назван р. Шахтинка) привело к превышению предельно допустимых норм по взвешенным веществам в 440 раз. РУЛ не имеет сооружений для очистки карьерных вод со дня основания (1964—1965 гг.). Обогатительная фабрика введена в строй в 1970 году без оборотного водоснабжения, водно-шламового хозяйства, шламохранилищ.

По этим причинам предприятию не дано разрешение на спецводопользование. В 1986 году в возмещение убытков государству с РУЛ взыскано 25,6 тысячи рублей, в 1987 году органами госконтроля предъявлена претензия на сумму 61,6 тысячи рублей.

Для устранения влияния на технический водозабор пресной воды из ручья Угольный силами РУЛ и Сахалинской ГРЭС построен обводный канал. Однако достижение норм предельно допустимых сбросов разрезоуправлением возможно лишь с вводом в строй очистных сооружений, строительство которых ведется недопустимо медленно.

В настоящее время часть построенных и законсервированных очистных сооружений используется для отстоя и очистки бытовых и хозяйственных стоков. Очистные закрытого участка надземных работ используются для строительства бассейна.

Прокуратурой проводится проверка сообщения Госарбитража РСФСР по факту загрязнения реки Найба неочищенными пром-

стоками шахты «Долинская», за что с объединения Сахалинуголь взыскано более 600 тысяч рублей штрафа.

В целом за 1987 год органами прокуратуры Сахалинской области проведено более 20 проверок соблюдения законодательства об охране окружающей среды, по результатам которых направлено 24 представления, 55 должностных лиц привлечено к дисциплинарной, административной и материальной ответственности, 20 руководителей предупреждены о недопустимости нарушений законов.

В настоящее время прокуратурой готовится информация в комиссию Президиума Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, о состоянии исполнения законодательства об охране окружающей среды в Сахалинской области».

Художественный редактор Г. Комаров

Техннческий редактор Н. Строева

Сдано в набор 14.08.88. Подп. в печ. 22.07.88. А13502
Формат 84×108[1/32]. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0.
Уч.-изд. л. 18,8. Тираж 710.000 экз. Цена 80 коп. Заказ 126
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.